

ПЛЕН

Жизнь и смерть в немецких лагерях

ВСЯ ПРАВДА О ВОЙНЕ

О.С. Смыслов

ПЛЕН

Жизнь и смерть
в немецких
лагерях

О.С. СМЫСЛОВ

ПЛЕН
Жизнь и смерть
в немецких лагерях

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622
С52

Смыслов, О.С.

С52 Плен. Жизнь и смерть в немецких лагерях / О.С. Смыслов. — М.: Вече, 2014. — 448 с. — (Вся правда о войне).

ISBN 978-5-4444-1599-3

Знак информационной продукции 16+

По подсчетам некоторых немецких историков, во Вторую мировую войну через немецкий плен прошло более пяти миллионов советских солдат, из них более половины погибли. Многие умерли от голода, холода и болезней или были расстреляны, немало погибло от непосильного труда на фабриках, строительстве дорог, заводах, каменоломнях, рудниках и шахтах. Тысячами умирали по прихоти озверевшего от повседневной скуки лагерного начальства или потому, что, в отличие от американских, британских и французских, советские солдаты считались военнопленными самой низшей категории, за гибель которых охрана практически не несла ответственности.

Какие условия были приготовлены германским командованием для советских пленных? Как попадали в плен, как погибали или выживали в плену? Кто был виновен в жестоком обращении с военнопленными? Что ожидало вернувшихся из плена солдат на родине? Об этом и многом другом читатели узнают из новой книги О.С. Смылова.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-4444-1599-3

© Смыслов О.С., 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

Светлой памяти красноармейца
Александра Васильевича Пылова,
без вести пропавшего в 1941
году, посвящается

ОТ АВТОРА

Великая Отечественная война стала не просто суровым испытанием для всего советского народа, она оставила нам на века страшные страницы небывалой в истории человечества трагедии.

Трагедия эта началась 22 июня 1941 года с катастрофы, невероятной по своему масштабу.

Стратегическая внезапность нападения Германии свалилась тогда на СССР как абсолютно новое явление в военном искусстве после захвата Европы. Вступление в войну Германии приобрело характер оглушительного подавляющего удара.

Полное господство германской авиации, а также атаки со всех направлений не просто ошеломили бойцов и командиров Красной армии, а повергли буквально в шоковое состояние.

Советский фронт был разорван, расстроен.

Благодаря «котлам» 41-го и 42-го годов немецкой армии удалось захватить в плен огромное количество советских бойцов и командиров.

Несколько миллионов их стали в те годы одними из самых страшных жертв той войны.

Словом, тема плена советских бойцов и командиров благодаря ужасам войны со временем обрела многоплановое и многомерное значение, не известное человечеству ранее в таком виде. Плен для советских людей обернулся голодом, холодом, болезнями, издевательствами и нечеловеческими муками. Страдания, которым они подвергались, уже давно названы беспрецедентными.

В плену было все: нарушение психики, смерть и еще раз смерть, предательство и героизм. А потом репатриация, фильтрация и возвращение на родину, где жертв плена реабилитируют спустя десятилетие, но только вслед за предателями...

С конца прошлого века мы узнаем все новые факты и еще более ужасающие подробности трагедии плена советских людей. Однако освещение этой темы происходит порой слишком одно-сторонне, с двух позиций: Востока или Запада, причем западная позиция превалирует.

«Советский Союз не подписал Женевскую конвенцию», — твердят западные исследователи и сегодня.

Но разве Женевская или Гагская конвенции смогли бы убедить советского бойца или командира от той участи, которая была уготована Гитлером для всех славян, подлежащих уничтожению?!

Исключительная безжалостность многих высоких офицерских чинов также сыграла немалую роль, поскольку развязала руки их подчиненным. Тысячи пленных были заперты за колючей проволокой на открытых равнинах. Продовольствия не хватало настолько, что военнопленные быстро превращались в живые скелеты; появились случаи людоедства.

После наступления холодов сыпной тиф стал уносить сотни тысяч человек.

Так как многие из лагерей были расположены на Украине, население скоро узнало об условиях содержания в них. Жители видели трупы военнопленных, расстрелянных (скорее всего, это были комиссары или коммунисты) и брошенных в деревнях незахороненными.

Об ужасах плена свидетельствуют и документы, и показания пленных, оставшихся в живых.

СОВЕТСКИЙ «ОПЫТ» ПЛЕНА ДО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Обычно военнопленными называют лиц, принадлежащих к вооруженным силам и оказавшихся во власти неприятельской стороны. При этом статус военнопленных никогда не распространялся на наемников.

В энциклопедии Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (1890—1907) под словом «военнопленный» предлагается понимать лицо, взятое во время войны противником с оружием в руках, и отмечается, что по военным законам военнопленный, сдавшийся добровольно, не заслуживает снисхождения. Далее говорится: «Согласно нашему воинскому уставу о наказаниях, начальник отряда, положивший перед неприятелем оружие или заключивший с ним капитуляцию, не исполнив своей обязанности по долгу службы и согласно с требованиями воинской чести, исключается из службы с лишением чинов; если же сдача совершается без боя, несмотря на возможность защищаться, то подвергается смертной казни. Той же казни подлежит комендант укрепленного места, сдавший его, не исполнив своей обязанности по долгу присяги и согласно требованиям воинской чести». В энциклопедии отмечается, что участь военнопленных в разные времена и в разных странах была не одинакова. Варварские народы древности и Средних веков часто умерщвляли всех пленных поголовно; греки и римляне хотя этого не делали, но обращали пленников в рабство и освобождали только за выкуп, соответствовавший званию пленника. С распространением христианства и православия стала облегчаться и участь военнопленных.

Офицеров иногда освобождали на честное слово, что они в течение войны или определенного времени не будут сражаться против

государства, у которого находились в плену. Нарушивший слово считался бесчестным и при вторичном пленении мог быть казнен. «По австрийским и прусским законам офицеры, бежавшие из плена вопреки данному ими честному слову, увольняются от службы. Пленные нижние чины употребляются иногда на государственные работы, которые, впрочем, не должны быть направлены против их отечества...» Согласно энциклопедии, плен — это «ограничение свободы лица, принимавшего участие в военных действиях, с целью недопущения его к дальнейшему участию в них. Право брать в плен, по учению современного международного права, принадлежит исключительно государству в лице его военных органов; частные лица никого на войне брать в плен не могут. Объектом военного плена могут быть только лица, фактически принимавшие участие в военных действиях. Поэтому военному плену не подлежат: мирные неприятельские подданные, корреспонденты, находящиеся при армии, согласно Женевской конвенции — личный состав госпиталей и военных лазаретов, а равно священнослужители. С другой стороны, только открытое и законное участие в военных действиях создает право на плен; шпионы, проводники-предатели и т.п. в случае захвата не пользуются покровительством законов войны. Юридическое положение военнопленных обуславливается тремя признаками: они не преступники — враги, сохраняющие свое подданство, — и военные. Они имеют поэтому право на обращение и содержание, соответствующие тому положению, которое они занимали в своей армии; принуждение их к участию в военных действиях против их отечества в какой бы то ни было форме недопустимо; в случае побега и последующей затем поимки они не могут быть подвергаемы наказанию; они подчиняются военной дисциплине и подсудны военному суду (по русским законам — до передачи в ведение гражданского начальства). Состояние военного плена устанавливается моментом захвата, прекращается — заключением мира или обменом пленными...»

* * *

В качестве советского «опыта» плена мы можем рассмотреть лишь два исторических примера. Во-первых, это Советско-польская война 1919—1920 годов в период Гражданской войны. Во-вторых, это Советско-финляндская война 1939—1940 годов.

И там и там, с обеих сторон использовались довольно крупные силы.

И там и там, в результате неудач Красной армии безвозвратные потери оказались огромными. Ответственным было и ко-

ПЛЕН. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В НЕМЕЦКИХ ЛАГЕРЯХ

личество солдат и командиров, попавших в плен к врагу. А дальше лагеря...

Судя по опубликованным данным, на польском фронте пропали без вести или попали в плен порядка 100—120 тысяч красноармейцев и командиров. Однако только при обмене пленными в марте — октябре 1921 года из Польши в Россию убыли 65 797 советских военнопленных. А согласно справке мобилизационного управления Штаба РККА на 21 ноября 1921 года, из Польши возвратились 75 699 военнопленных.

Более того, из Германии прибыла 41 тысяча красноармейцев, интернированных там после того, как при отступлении они перешли германо-польскую границу.

Тысячи вернулись в последующие годы. И тысячи красноармейцев остались в эмиграции.

В польских же списках умерших или погибших в плену красноармейцев значится не более 16—18 тысяч человек.

Если всего в польском плену находилось не более 100 тысяч красноармейцев, а большинство из них попало туда во второй половине 1920 года (период катастрофы Западного фронта), то их смертность в пересчете на год достигала 20 %. Но это только один из вариантов цифр.

Например, в фонде II отдела Польского Генштаба имеется полная хронология событий на польско-советском фронте с 1 января по 25 ноября 1920 года в форме ежедневных сообщений, адресованных военному атташе Польши в Вене.

Там результаты подсчетов дают цифру в 146 тысяч 813 человек. А дальше «много пленных», «значительное число», «два штаба дивизий». Отсюда делаются выводы о гибели в плену около 64 тысяч человек. Однако считаются достоверными данные о том, что в ноябре 1919 года в польских лагерях насчитывалось 40 тысяч военнопленных, число которых к февралю 1920 года сократилось до 20 667 человек за счет освобождения галичан перед наступлением поляков на Киев.

Варшавская (наступательная) операция 1920 года началась 23 июля 1920 года и закончилась 25 августа 1920 года поражением. Именно август 20-го стал основным месяцем массового пополнения польских лагерей русскими военнопленными.

К слову сказать, в ходе научно-исследовательской работы, проведенной Росархивом в период с 2000 по 2002 год, по документам, выявленным в архивах как России, так и Польши, было установлено: в период с февраля 1919 года по октябрь 1920 года в польском плену находилось не менее 157 тысяч красноармейцев.

Тогда же была установлена судьба около 148 тысяч человек, в т.ч. 20 тысяч умерших в плену.

Известно, что первые партии пленных, поступавшие в лагеря с февраля 1919 года, пережили немало. Так, один из прибывших (в марте 1920 г.) из польского плена (лагерь в Брест-Литовске) вспоминал, что комендант обратился к пленным с такой речью: «Вы, большевики, хотели отобрать наши земли у нас — хорошо, я вам дам землю. Убивать я вас не имею права, но я буду так кормить, что вы сами подохнете». «13 дней мы хлеба не получали, на 14-й день, это было в конце августа, мы получили около 4 фунтов хлеба, но очень гнилого, заплесневелого... Больных не лечили, и они умирали десятками...

В сентябре 1919 года умирало до 180 человек в день».

Варшавская газета «Свобода» 19 октября 1921 года сообщила, что в лагере Тухоли (лагерь смерти) умерли за один год около 22 тысяч красноармейцев, попавших в польский плен после советско-польской войны. «Русских, как скот, вместо лошадей впрягали, и они таскали телеги и бороны на лесозаготовках, пашне и дорожных работах», — писал Сергей Тюляков (Форум русского народа). В официальном польском документе говорилось, что с февраля по май 1921 года в Тухоли зафиксировано 23 878 случаев заболеваний, в том числе тифом, холерой, дизентерией, туберкулезом. А на 1 февраля 1922 года, по данным начальника II отдела генштаба польской армии, умерших в Тухоли было более 20 тысяч.

Всего в 12 польских лагерях от эпидемий, голода, лишений и издевательств умерли около 60 тысяч русских.

Представители РСФСР в Смешанной комиссии по обмену военнопленных в протоколе от 28 июля 1921 года указали: «Поляки обращались с россиянами не как с людьми равной расы, не как с обезоруженными солдатами противника, а как с бесправными рабами».

Офицеры и солдаты Белой армии (генерала Бредова) воспринимались поляками еще хуже — как «вековые угнетатели польского народа».

Кстати сказать, тогда в советской России к вернувшимся из плена отнеслись с сочувствием. 5 августа 1920 года было принято постановление Совета народных комиссаров о пособии возвратившимся из плена военнослужащим Красной армии и флота: «Всех находившихся в плену военнослужащих Красной армии и флота, за исключением добровольно сдавшихся в плен неприятелю или добровольно исполнявших у неприятеля работы, относя-

ПЛЕН. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В НЕМЕЦКИХ ЛАГЕРЯХ

щиеся к военным действиям, удовлетворить по возвращении из плена единовременным денежным пособием в размере трехкратной наименьшей тарифной сетки местности регистрации возвратившегося из плена...»

В Катynie только в 1937 году было захоронено около 10 тысяч граждан СССР, расстрелянных НКВД. По неофициальным данным, за весь период репрессий там тайно погребено почти 100 тысяч человек. И это не считая расстрелянных советских военнопленных. При этом поляки уже в 90-е годы знали своих соотечественников, покоящихся в Катynie, поименно. А мы до сих пор нет.

В 1995 году общественной организацией «Мемориал» там были обнаружены 600 массовых захоронений советских людей.

* * *

За 105 дней так называемой зимней войны советские войска понесли потери в количестве 333 084 человека. В том числе 19 610 — пропали без вести. Часть из них оказалась в плену.

Так сколько же советских военнослужащих было в финском плену?

Финский историк Р. Хански утверждает, что за период «зимней войны» было взято в плен 5615 человек. Соотечественник Хански — Тимо Малми — говорит о 5650 советских бойцах и командирах. По его же данным, из них умерло в лагерях и госпиталях — 111.

По данным статистического исследования ГШ ВС РФ (под редакцией генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева), после подписания мирного договора было возвращено из плена 5468 человек (из них 301 командир, 787 младших командиров, 4380 бойцов) и добровольно осталось в Финляндии 99 человек (из них 8 командиров, 1 младший командир и 90 бойцов). По финским данным — 78. Следовательно, в данном случае цифры и той и другой стороны практически совпадают.

По свидетельствам вернувшихся из финского плена бойцов и командиров, условия их содержания были ужасающими.

«...Долгое время помещались в сарае, где раньше находилась скотина. Постельной принадлежности никакой не было. Военнопленных били резиновыми палками, березовыми прутьями. Бани не было, у каждого вши. Кормили отвратительно плохо. Хлеба не давали, только сухих коржиков давали, и то мало. Варили баланду вместо супа.

Давали конины, что порченная. Больным помощи никакой не оказывали. У кого рана была большая, тот умирал».

К слову сказать, в период этой войны на территории Финляндии имелось 4 лагеря для военнопленных.

О репрессиях, применяемых к советским военнопленным, говорит свидетельство одного из выживших:

«Отдельно стоящий домик, метрах в ста от коровника, служил каким-то штабом. Рассказывали, что за этим домиком вешали и убивали. Когда подходили к домику, я косил глаза за него: не висят ли там наши?»

...Летчика Петра Назарова они вчера, значит, убили или повесили: так же вот так увели, а не привели... С нами Петя пробыл всего одну ночь. На лице его были темные подтеки и кровавые ссадины. Самолет его сгорел, а он опустился на парашюте и был схвачен».

Были и такие издевательства: «При обмене изношенной обуви давали нарочно не по размеру. Часто на одну ногу давали сапог, а на другую — дамский туфель».

Впервые после «зимней войны» начинается «фильтрация» военнопленных соотечественников. Так, 19 апреля 1940 года решением Политбюро за подписью секретаря ЦК И. Сталина предписывалось всех военнопленных, возвращенных финскими властями, направлять в Южский лагерь НКВД. Там предполагалось «в трехмесячный срок обеспечить тщательное проведение оперативно-чекистских мероприятий для выявления среди военнопленных лиц, обработанных иностранными разведками, сомнительных и чуждых элементов и добровольно сдавшихся финнам с последующим преданием их суду».

В Южском лагере, что расположился в Ивановской области, бойцов и командиров «разместили в двухэтажных деревянных казармах, «хорошо» огороженных колючей проволокой, за которой прогуливались солдаты с немецкими овчарками».

Именно этот лагерь готовили к приему финских военнопленных в ноябре 1939 года...

«Южский лагерь начал свою работу с момента наступления бывших военнопленных 25 апреля 1940 года, — докладывали начальнику политуправления МВО дивизионному комиссару Лобачеву. — Люди поступали эшелонами по 500—600 человек. На первое мая было 4815, на 10 — 4897. 29 человек отправлено в госпиталь в Вязники. В числе прибывших — 314 человек нечистой от младшего лейтенанта до майора включительно... Люди размещены в бараках по 200—400 человек».

Уже 23 мая 1940 года Берия докладывал Сталину: «В процессе работы оперативной группы из 1448 военнопленных выявлено

шпионов и подозрительных по шпионажу — 106 человек, участников антисоветского добровольческого отряда — 166 человек, провокаторов — 54, издававшихся в плену над нашими военнопленными — 13 человек, добровольно сдавшихся в плен — 72».

Бывший секретарь Политбюро ЦК ВКП (б), а затем перебежчик на Запад, Б. Бажанов в книге своих воспоминаний подтверждает факт формирования такого отряда. По этому поводу 15 января 1940 года его принял маршал Маннергейм. Бажанов же хотел образовать Русскую Народную армию из военнопленных красноармейцев, для того чтобы предлагать советским солдатам переходить на сторону противника.

После изложения своего плана Маннергейм предоставил Бажанову возможность разговаривать с пленными одного лагеря. При этом он сказал:

— Если они пойдут за вами, организуйте вашу армию. Но я старый военный и сильно сомневаюсь, чтобы эти люди, вырвавшиеся из ада и спасшиеся почти чудом, захотели бы снова по собственной воле в этот ад вернуться!

И вот Бажанов в лагере для советских военнопленных.

«Все они были врагами коммунизма. Я говорил с ними языком, им понятным. Результат — из 500 человек 450 пошли добровольцами драться против большевизма...»

И еще: «Но все это были солдаты, а мне нужны были еще офицеры. На советских пленных офицеров я не хотел тратить времени: при первом же контакте с ними я увидел, что бывшие среди них два-три получекиста-полусталинца уже успели организовать ячейку и держали офицеров в терроре...»

Однако в статье «Опыт формирования русских национальных частей в Финляндии», опубликованной в органе Русского национального союза участников войны «Военный журналист», в 7-м номере за 1940 год, приводятся совершенно другие цифры.

В частности, там написано следующее: «Для опытного формирования был представлен один из лагерей красных военнопленных, в котором находилось около 500 человек. Среди них были великороссы, украинцы и представители прочих российских народностей.

Красноармейцы были в возрасте от 20 до 40 лет. Среди них не было командного состава. Бажанов немедленно приступил к их обработке. Им было выяснено, что четверть состава красноармейцев боится не только опасностей войны, но и вообще всего. Вторая четверть представляла собою ненадежный молодежь, который тоже не сочувствовал советской власти или, вернее,

был ею недоволен, но не представлял себе, что ей можно себя противопоставить. Старшие красноармейцы им говорили, что до большевиков жилось лучше, и эта молодежь им верила, но была совершенно пассивна. Таким образом, половина красноармейцев была трудна для пропаганды, и потребовалось бы много времени, чтобы их привести в соответствующее состояние и создать соответствующее настроение. Третья четверть была согласна безоговорочно и немедленно драться против коммунистов. И, наконец, последняя четверть была готова идти против Советов при условии постоянного политического влияния.

После недели соответствующей обработки Бажанов начал осторожно опрашивать, кто пожелал бы поступить в “русский народный отряд” для действий в тылу Красной армии. Даже слегка колебавшегося он не брал в отряд. В результате из 500 человек военнопленных красноармейцев 200 человек выразили желание идти драться с комвластью. Пошли с энтузиазмом. Нужно отметить, что примерно одна четверть Красной армии верна режиму сов. власти. Сюда относятся танкисты, летчики и прочие техники. В них бывшие красноармейцы, ставшие “народными партизанами”, готовы были стрелять, в простых же красноармейцев они категорически отказались стрелять, утверждая, что “они такие же, как и мы”.

Они надеялись справиться с ними словами.

Когда красным военнопленным был задан вопрос: с какими начальниками они желают быть отправлены на фронт, с красными или белыми, — они все выразили желание, чтобы командиры были назначены белые офицеры-эмигранты. Они опасались, что бывшие красные командиры в какой-то момент могут их предать, а что белые офицеры наверняка будут расстреляны вместе с ними и их, безусловно, не предадут.

Из 6 офицеров-эмигрантов 5 (2 штабс-капитана и 3 подпоручика) оказались, по словам Бажанова, блестящими. Между белыми офицерами и партизанами сразу же установились хорошие и доверчивые отношения и полное взаимное понимание. С офицерами велись предварительные занятия отдельно от красноармейцев.

Общая обстановка этого “опыта” оказалась неблагоприятной из-за суровой зимы и уже намечавшейся неудачи финского оружия. Солдатам предстояло расстаться с теплыми помещениями и горячей пищей и снова пускаться в снежные просторы для ведения партизанских действий.

Один использованный “русский народный отряд” пробыл на фронте 10 дней. Он состоял из штабс-капитана К. и 30 бывших

ПЛЕН. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В НЕМЕЦКИХ ЛАГЕРЯХ

красноармейцев, которые называли себя “народноармейцами”. Они всюду искали и находили встречи с красными патрулями. В течение трех дней к отряду штабс-капитана К. присоединилось якобы свыше 200 вооруженных красноармейцев-противников».

Быстрое окончание войны предотвратило далеко идущие планы формирования русских национальных частей. Да и могли ли они осуществиться, если Бажанов приводит цифру 450, статья — 200, а реально «использовалось», как выходит, — всего 30...

Но вернемся в Южский лагерь. Там в период оперативной работы чекистов с бывшими военнопленными бойцами и командирами подробно выясняли: «Кто сдался добровольно? Кто как себя вел в плену? Кто поверил вражеской пропаганде? Кто выдавал своих однополчан-коммунистов и комсомольцев?»

28 июня Берия доложил Сталину:

«В Южском лагере содержится 5175 красноармейцев и 293 чел. начсостава, переданных финнами при обмене военнопленными. Оперативно-чекистской группой выявлено и арестовано 414 человек, изобличенных в активной предательской работе в плену и завербованных финской разведкой для вражеской работы в СССР. Из этого числа закончено и передано прокурором МВО в Военную коллегия Верховного суда СССР следственных дел на 344 чел. Приговорены к расстрелу 232 чел. Приговор приведен в исполнение в отношении 158 чел.

Бывших военнопленных в числе 4354 чел., на которых нет достаточного материала для предания суду, подозрительных по обстоятельствам пленения и поведения в плену, — решением Особого Совещания НКВД СССР осудить к заключению в исправительно-трудовые лагеря сроком от 5 до 8 лет.

Бывших военнопленных в количестве 450 человек, попавших в плен, будучи ранеными, больными или обмороженными, в отношении которых не имеется компрометирующих материалов, — освободить и передать в распоряжение Наркомата обороны».

И еще одна «новинка» того времени, применяемая к освобожденным из плена соотечественникам, на которых нет достаточного материала для предания суду, подозрительных по обстоятельствам пленения и поведения в плену, — «решением Особого Совещания НКВД СССР осудить к заключению в исправительно-трудовые лагеря сроком от 5 до 8 лет». То есть фактически невиновных, на всякий случай, посадить...

КОНВЕНЦИИ И ГЕРМАНСКАЯ ПОЛИТИКА

Однажды молодой женеvский предприниматель Анри Дюнан, проезжая через Италию, увидел поле сражения, где сошлись французы и итальянцы при Соверено. Это было 24 июня 1859 года. Испытав шоковое состояние от ужасающего зрелища огромного числа раненых, оказавшихся без элементарной помощи, вернувшись в Женеву, он написал книгу.

Считается, что именно она пробудила швейцарское общественное мнение. А в 1863 году в Женеве был создан Международный комитет Красного Креста с задачей: защищать военных и гражданских лиц, ставших жертвами военного конфликта, помогать раненым, военнопленным, политическим заключенным и жителям оккупированных территорий.

На следующий год правительство Швейцарии пригласило правительства двенадцати стран на встречу, где они договорились помогать раненым солдатам на поле боя.

Словом, для соблюдения условий первой Женевской конвенции и создали Международный комитет Красного Креста. Правительство Швейцарии оплачивало ровно половину расходов этой частной организации и разрешало пользоваться дипломатической почтой для важных и секретных сообщений.

В 1899 году была принята вторая Женевская конвенция о защите моряков, потерпевших бедствие, а в 1929 году — третья, о защите военнопленных.

Историческая справка

Женева — главный город швейцарского кантона, 408 м над уровнем моря, на юго-западном конце Женевского озера, при истоке Роны. Вместе с Базелем — самый богатый, многолюдный и красивый город Швейцарии.

Женевская конвенция — известное под этим именем международное соглашение для облегчения участи раненых и больных воинов во время войны заключено, по почину Швейцарии, 10 (22) августа 1864 года представителями 16 государств, участвовавшими в международной конференции, созванной с этой целью в Женеве. Несколько позднее к этому соглашению присоединились другие державы (32 государства — все европейские, США, Аргентина, Перу, Боливия, Чили, Сан-Сальвадор и Персия).

Главные положения конвенции: «1) приемные покои и военные госпитали признаются нейтральными и неприкосновенными и пользуются покровительством воюющих сторон, пока в них будут находиться больные или раненые; неприкосновенность амбулаторий и госпиталей прекращается, если они охраняются военной силой; 2) нейтралитет распространяется и на личный состав госпиталей и амбулаторий, включая сюда служащих по интендантской, врачебной, административной и перевязочной части для раненых, а также священнослужителей; 3) лица эти могут и после занятия местности неприятелем продолжать исполнение своих обязанностей или удалиться для присоединения к тому корпусу, к которому принадлежат; в последнем случае они должны быть передаваемы на неприятельские аванпосты; 4) движимое имущество военных госпиталей подлежит действию законов войны; состоящие при этих госпиталях лица, удаляясь из них, могут брать с собой только те вещи, которые составляют их личную собственность; приемные покои, напротив, при тех же обстоятельствах сохраняют свою движимость; 5) местные жители, подающие помощь раненым, пользуются неприкосновенностью и за ними сохраняется свобода; каждый раненый, принятый и пользующийся уходом в каком-либо доме, служит охраной этому дому; местный житель, принявший к себе раненых, освобождается от военного постоя и от некоторой части военных контрибуций; б) раненые и больные принимаются и пользуются помощью без различия национальности; главнокомандующим представляется право немедленно сдавать на неприятельские аванпосты раненых в сражении, когда дозволяют обстоятельства и с согласия обеих сторон; 7) те лица, которые, по выздоровлению, будут признаны способными к военной службе, подлежат отправлению обратно, в отечество; прочие могут быть также отправляемы в отечество, но с обязательством не братья за оружие во все продолжение войны; 8) для госпиталей, приемных покоев и при эвакуации принят для всех одинаковый отличительный флаг, который ставится рядом с национальным флагом.

Равным образом для лиц, состоящих под защитой нейтралитета, допускается употребление особого знака на рукаве; но выдача его представляется лишь военному начальству. Флаг и нарукавная повязка представляют красный крест на белом фоне».

Считается, что Советский Союз не признал Женевскую конвенцию о военнопленных, и это явилось, в сущности, главной причиной неисчислимых страданий советских бойцов и командиров в немецком плену.

Вот и немецкий военный историк Иоахим Гофман уверенной рукой написал: «Советское правительство уже в 1917 г. больше не считало себя связанным Гаагскими конвенциями о законах и обычаях войны, а в 1929 г. отказалось и от ратификации Женевской конвенции о защите военнопленных».

Однако эта правда имеет две стороны. Но прежде ознакомимся со следующим документом.

Декларация

Нижеподписавшийся народный комиссар по иностранным делам Союза Советских Социалистических Республик настоящим объявляет, что Союз Советских Социалистических Республик присоединяется к конвенции об улучшении участи военнопленных, раненых и больных в действующих армиях, заключенной в Женеве 27 июля 1929 года.

В удостоверение чего народный комиссар по иностранным делам Союза Советских Социалистических Республик, должным образом уполномоченный для этой цели, подписал настоящую декларацию о присоединении согласно постановлению Центрального исполнительного комитета Союза Советских Социалистических Республик от 12 мая 1930 года. Настоящее присоединение является окончательным и не нуждается в дальнейшей ратификации.

Учинено в Москве 25 августа 1931 года.

(подпись) Литвинов.

Следовательно, Советский Союз подписал Женевскую конвенцию, присоединившись к ней 12 мая 1930 года. Но при этом ратификацию присоединения не считал необходимой. Этим-то и воспользовались его противники и враги. Да и сейчас пользуются.

А по поводу того, что «советское правительство уже в 1917 году больше не считало себя связанным Гаагскими конвенциями (И. Гсфман)», снова все не совсем так.

Во-первых, Женевская конвенция 1929 года ничуть не перечкивала Гаагские конвенции 1889 и 1907 годов, подписанные Россией и Германией. Более того, достаточно было подписать хотя бы одну из конвенций касательно военнопленных, чтобы требовать от противника человеческого отношения к своим военнопленным.

Например, авторы Гаагской конвенции 1907 года, подписанной и Германией и Россией, учитывая, что все военные ситуации предусмотреть невозможно, сделали специальную оговорку: «Впредь до того времени, когда представится возможность издать более полный свод законов войны, Высокие Договаривающиеся Стороны считают уместным засвидетельствовать, что в случаях, не предусмотренных принятыми постановлениями, население и воюющие остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, законов человечности и требований общественного сознания».

В приложении к этой конвенции подчеркивалось: «Военнопленные находятся во власти неприятельского правительства, а не отдельных лиц или отрядов, взявших их в плен. С ними надлежит обращаться человеколюбиво».

В Гаагской конвенции 1899 года были записаны и такие слова: «Хотя военнопленные теряют свою свободу, они не теряют своих прав. Другими словами, военный плен не есть более акт милосердия со стороны победителя — это право безоружного».

Историческая справка

Гаага — резиденция короля Нидерландов и местопребывание центральных правительственных учреждений. Лежит в провинции Южная Голландия, в 5 км от берега Северного моря. Первоначально Гаага была охотничьим замком графов Голландских; но уже около 1250 года Вильгельм граф Голландский (и король германский) построил здесь дворец, вокруг которого возникли и другие поселения. В XVI столетии Гаага стала резиденцией Генеральных штатов, а в течение XVII и XVIII столетий была местом важнейших дипломатических переговоров. Здесь был заключен 4 января 1717 года тройной союз между Францией, Англией и Голландией, а 17 февраля того же года — мир между Испанией, Савойей и Австрией. Гаага в то время все еще считалась селом, самым большим на свете. Крайне неблагоприятное влияние на благосостояние Гааги имели события 1795 года и затем правление короля Людовика Бонапарте, который перевел

высшие правительственные учреждения в Утрехт в Амстердам...

Гагская мирная конференция 1899 года, или Гагская конференция разоружения, была созвана по инициативе императора Николая II. 12 августа 1898 года министр иностранных дел граф Муравьев обратился к представителям России за границей с циркулярной нотой, в которой говорил: «Охранение всеобщего мира и возможное сокращение тяготеющих над всеми народами чрезмерных вооружений являются, при настоящем положении вещей, целью, к которой должны бы стремиться усилия всех правительств. Все возрастающее бремя финансовых тягостей в корне расшатывает общественное благосостояние. Духовные и физические силы народов, труд и капитал отвлечены в большей своей части от естественного назначения и расточаются непроизводительно. Сотни миллионов расходуются на приобретение страшных средств истребления, которые, сегодня представляясь последним словом науки, завтра должны потерять всякую цену ввиду новых изобретений. Просвещение народа и развитие его благосостояния и богатства пресекаются или направляются на ложные пути... Если бы такое положение продолжалось, оно роковым образом привело бы к тому именно бедствию, которого стремятся избежать и перед ужасами которого заранее содрогается мысль человека. Положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастья — таков ныне высший долг для всех государств. Преисполненный этим чувством, Государь Император повелеть мне соизволил обратиться к правительствам государств, представители коих аккредитованы при Высочайшем Дворе, с предложением о созыве конференции в видах обсуждения этой важной задачи. С Божьей помощью, конференция эта могла бы стать добрым предзнаменованием для грядущего века».

В конце 1898 года происходила дипломатическая переписка между державами по вопросу о конференции... В результате ее Россия несколько изменила свой взгляд на задачи конференции. В ноте графа Муравьева от 30 декабря 1898 года — 11 января 1899 года, обращенной к иностранным дипломатическим представителям в Петербурге, было отмечено, что правительства и общественное мнение встретили сочувственно проект, долженствовавший «обеспечить всем народам благо действительного и прочного мира и прежде всего положить предел все увеличивающемуся развитию современных вооружений; в то же время, обстоятельства, казалось, вполне благоприятствовали осуществлению в более или

менее близком будущем означенной человеколюбивой задачи... Однако политическое положение значительно изменилось в последнее время. Многие государства приступили к новым вооружениям, стараясь в еще большей мере развить свои военные силы».

Подлежащими разрешению на конференции были признаны следующие вопросы:

«1) Соглашение, определяющее на известный срок сохранение настоящего состава сухопутных и морских вооруженных сил и бюджетов на военные надобности; предварительное изучение средств, при помощи коих могло бы в будущем осуществиться сокращение означенных вооруженных сил и бюджетов.

2) Запрещение вводить в употребление в армиях и во флоте какое бы то ни было новое огнестрельное оружие и новые взрывчатые вещества, а также порох, более сильно действующий принятого в настоящее время, как для ружейных, так и для орудийных снарядов.

3) Ограничение употребления в полевой войне разрушительных взрывчатых составов, уже существующих, а также запрещение пользоваться метательными снарядами с воздушных шаров или иным подобным способом.

4) Запрещение употреблять в морских войнах подводные миноносные лодки или иные орудия разрушения того же свойства; обязательство не строить в будущем военных судов с таранами.

5) Применение к морским войнам Женевской конвенции 1864 г. и дополнительных к ней постановлений 1868 г.

6) Признание на таких же основаниях нейтральности судов и шлюпок, коим будет поручаемо спасание утопающих во время или после морских сражений.

7) Пересмотр Декларации о законах и обычаях войны, выработанной в 1874 г. на конференции в Брюсселе и до сего времени не ратифицированной.

8) Принятие начала применения добрых услуг, посредничества и добровольного третейского разбирательства в подходящих случаях, с целью предотвращения вооруженных между государствами столкновений; соглашение о способе применения этих средств и установление однообразной практики в их употреблении».

Конференция открылась 18 мая и заседала до 29 июля.

Главная ее цель — сокращение вооружений и военных бюджетов — не была достигнута.

Однако конференция установила общие правила относительно третейского и мирного разбирательства столкновений между

державами и приняла некоторые постановления относительно войны. Все это выразилось в шести конвенциях и декларациях:

1) конвенция о мирном улаживании международных столкновений;

2) конвенция, определяющая обычаи сухопутной войны;

3) конвенция, распространяющая применение Женевской конвенции 1864 года на войну морскую, 4—6 деклараций, запрещающих бросание взрывчатых снарядов с аэростатов, употребление снарядов...

«23 июня 1941 года, на следующий день после нападения Германии на Советский Союз, глава Международного комитета Красного Креста Макс Хубер предложил Москве и Берлину свои посреднические услуги, чтобы Советский Союз и Германия могли бы обменяться списками военнопленных, — пишет Л. Млечин. — В те отчаянные дни в Москве ни от какой помощи не отказывались, и 27 июня 1941 года нарком иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов подписал ответную телеграмму председателю МККК Макс Хуберу:

“Советское правительство готово принять предложение Международного комитета Красного Креста относительно представления сведений о военнопленных, если такие же сведения будут представляться воюющими с Советским государством странами”.

По каким-то причинам, не известным сегодня, 17 июля 1941 года народный комиссар иностранных дел СССР официально напомнил шведскому посольству (Швеция в годы войны представляла интересы СССР в Германии), что Советский Союз поддерживает Гаагскую конвенцию и на основах взаимности готов ее выполнять.

«23 июля советский посол в Турции Сергей Александрович Виноградов отправил в Москву запись беседы с уполномоченным МККК Марселем Жюно, который рекомендовал Советскому Союзу ратифицировать Женевскую конвенцию 1929 года о защите военнопленных. Это позволит воспользоваться услугами Красного Креста, чьи представители смогут посещать в Германии лагеря советских военнопленных и требовать улучшения их положения. Разумеется, инспекции подвергнутся и советские лагеря для немецких военнопленных.

Марсель Жюно предложил послу организовать с Германией обмен информацией о пленных».

8 августа 1941 года послы и посланники стран, с которыми СССР имел тогда дипломатические отношения, получили ноту

советского правительства. В ней снова обращалось внимание на то, что Советский Союз признает Гаагскую конвенцию, и вновь выражалась надежда, что и другая сторона будет ее соблюдать.

На следующий день Германия вроде бы разрешила представителям Красного Креста посетить лагерь для советских военнопленных. Однако считается, что советское правительство отказалось пускать сотрудников Международной организации в свои лагеря.

6 сентября 1941 года посол в Турции Виноградов телеграфировал заведующему средневосточным отделом Наркомата иностранных дел С.И. Кавтарадзе: «Как Вам известно, немцы уже дали первый список наших красноармейцев, захваченных ими в плен. Дальнейшие списки будут даны лишь после того, как Красный Крест получит такие же данные от нас».

После получения первого списка на 290 советских военнопленных в Москве приготовили список на триста немецких пленных, но по каким-то причинам не отправили...

А причина более чем проста. Если с началом войны и в ее первый месяц советское правительство еще как-то шло на любые контакты, и прежде всего по вопросу военнопленных, то уже в августе все встало на свои места...

Во-первых, окончательно выяснилось, что для Гитлера международное право не значило равным счетом ничего.

Во-вторых, в августе 41-го сложилось такое катастрофическое положение на фронтах, что очень многие вопросы вполне закономерно становились второстепенными.

В-третьих, сотни тысяч советских бойцов и командиров, оказавшихся в окружении, не могли уже обрести равноценное отношение по сравнению с противной стороной и рассчитывать на какую-либо помощь и гуманное к себе отношение. И прежде всего — из-за особого генерального «плана Ост» и особого «плана Барбаросса», целью которых было истребление славян и других народов, населяющих СССР...

В первую очередь это касалось советских военнопленных.

26 ноября 1941 года «Известия» опубликовали ноту Народного комиссариата иностранных дел СССР, врученную накануне всем дипломатическим представительствам. В ней, в частности, говорилось: «Лагерный режим, установленный для советских военнопленных, является грубейшим и возмутительным нарушением самых элементарных требований, предъявленных в отношении содержания военнопленных международным правом и, в част-

ности Гаагской конвенцией 1907 г., признанной как Советским Союзом, так и Германией».

Но вернемся назад. В фашистскую Германию. Итак, 30 марта 1941 года Гитлер целых два с половиной часа объяснял своим высшим офицерам всех родов войск в Имперской канцелярии новый характер предстоящей войны с Россией.

— Наши задачи в отношении России: вооруженные силы разгромить, государство ликвидировать... — возбужденно кричал он, жестикулируя с трибуны. — Коммунизм — чудовищная опасность для будущего. Нам не следует придерживаться тут законов солдатского товарищества. Коммунист не был товарищем и не будет. Речь идет о борьбе на уничтожение.

Нужно бороться с ядом разложения. Это не вопрос военных судов. Войсковые начальники должны знать, о чем тут идет речь. Они обязаны руководить этой борьбой... Комиссары и люди из ГПУ — это преступники, так с ними и следует обращаться... Эта война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке же жестокость — это благо для будущего.

От командиров требуется жертва — отбросить все сомнения...

Словом, март 41-го — месяц не случайный... Например, в том же марте генерал-лейтенант фон Остеррайх Курт, начальник отдела по делам военнопленных Данцигского военного округа, а до этого командир 207-й пехотной дивизии, дислоцировавшейся во Франции, был вызван в Берлин, в ставку верховного главнокомандования на секретное совещание.

Руководил совещанием начальник управления по делам военнопленных при ставке генерал-лейтенант Райнеке. На совещании Райнеке выступил перед начальниками отделов по делам военнопленных из различных округов и офицерами ставки...

Генерал фон Остеррайх Курт, давая показания в декабре 45-го, вспоминал: «Генерал Райнеке сообщил нам под большим секретом о том, что ориентировочно в начале лета 1941 года Германия вторгнется на территорию Советского Союза и что в соответствии с этим верховным командованием разработаны необходимые мероприятия, в том числе подготовка лагерей для русских военнопленных, которые будут поступать после открытия военных действий на Восточном фронте. Все присутствующие на этом совещании начальники отделов по делам военнопленных получили конкретные задания о подготовке определенного количества лагерей для приема и размещения в них русских военнопленных.

Я лично получил от генерала Райнеке задание подготовить на территории Данцигского военного округа лагерь на 50 тысяч русских военнопленных.

В связи с ограниченным сроком генерал Райнеке приказал быстро провести все мероприятия по организации лагерей. При этом он указал, что если на местах не удастся в срок создать лагеря с крытыми бараками, то устраивать лагеря для содержания русских военнопленных под открытым небом, огороженные только колючей проволокой.

Далее Райнеке дал нам инструкцию об обращении с русскими военнопленными, предусматривающую расстрел без всякого предупреждения тех военнопленных, которые попытаются совершить побег...»

В циркуляре от 6 июня 1941 года «О принципах снабжения в восточном пространстве», который был доведен до сведения всех соединений и частей, говорилось: «На снабжение одеждой не рассчитывать. Поэтому особенно важно снимать с военнопленных годную обувь, и немедленно использовать всю пригодную одежду, белье, носки и т.д.».

В приказе № 202 штаба 88-го полка было записано и такое: «Конские трупы будут служить пищей для русских военнопленных. Подобные пункты (свалки конских трупов) отмечаются указателями».

Учитывая то обстоятельство, что «Гитлер все же не доверял своим связанным традиционными сословными нормами генералам», как пишет И. Фест, и «все его устремления были нацелены на то, чтобы ликвидировать водораздел между ведением войны в привычном смысле и действиями зондеркоманд и чтобы все элементы соединились в общую картину единой войны на уничтожение, делающей всех ее участников военными преступниками».

Так, «серией подготовительных директив из ведения вермахта было изъято административное управление тылами — оно передается специально назначаемым имперским комиссарам. Одновременно рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру было поручено организовать силами четырех эйнзатцгрупп, сформированных из личного состава полиции безопасности и СД общей численностью в 3000 человек, выполнение в районе боевых операций “специальных задач”, “вытекающих из ведущейся до полной победы двух противоположных политических систем”. На совещании в Прецше в мае 1941 года Гейдрих устно довел до командиров этих групп приказ об уничтожении всех евреев, всех “неполноценных азиатов”, всех коммунистических функционеров и цыган. Подпи-

санный в это же время “указ фюрера” фактически освобождал военнослужащих вермахта от преследования за уголовные деяния в отношении советских гражданских лиц...»

8 июня 1941 года был разослан приказ под названием «Распоряжение о комиссарах». С первых же строк там говорилось: «Войска должны помнить следующее:

1. Щадить в борьбе подобные элементы и обращаться с ними в соответствии с нормами международного права — неправильно. Эти элементы представляют угрозу для нашей собственной безопасности и для быстрого умиротворения завоеванных областей...»

А еще шесть дней до этой даты, то есть 1 июня 1941 года, в Берлине были подготовлены «12 заповедей поведения немцев на востоке и их обращения с русскими». К слову сказать, заповеди вышли под грифом «секретно».

В целях попытки хоть как-то понять врага остановимся на некоторых из них.

Шестая заповедь: «Ввиду того, что вновь присоединенные территории должны быть надолго закреплены за Германией и Европой, многое будет зависеть от того, как вы поставите себя там. Вы должны уяснить себе, что вы целые столетия являетесь представителями великой Германии и знаменосцами национал-социалистической революции и новой Европы. Поэтому вы должны с сознанием своего достоинства проводить самые жесткие и самые беспощадные мероприятия, которых потребует от вас государство. Отсутствие характера у отдельных лиц, безусловно, явится поводом к снятию их с работы. Тот, кто на этом основании будет отозван обратно, не сможет больше занимать ответственных постов и в пределах самой империи».

Восьмая заповедь: «Не разговаривайте, а действуйте. Русского вам никогда не переговорить и не убедить словами. Говорить он умеет лучше, чем вы, ибо он прирожденный диалектик и унаследовал “склонность к философствованию”. Меньше слов и дебатов. Главное — действовать. Русскому импонирует только действие, ибо он по своей натуре женственен и сентиментален. “Наша страна велика и прекрасна, а порядка в ней нет, приходите и владейте нами”. Это изречение появилось уже в самом начале образования Русского государства, когда русские звали норманнов приходиться и управлять ими. Эта установка красной нитью проходит через все периоды истории русского государства: господство монголов, господство поляков и литовцев, самодержавие царей и господство немцев, вплоть до Ленина и Сталина. Русские всегда

хотят быть массой, которой управляют. Так они воспримут и приход немцев, ибо этот приход отвечает их желанию: "...приходите и владейте нами".

Поэтому у русских не должно создаваться такое впечатление, будто вы колеблетесь. Вы должны быть людьми дела, которые без всяких дебатов, без долгих бесплодных разговоров и без фило-софствования устанавливают и проводят необходимые мероприятия. Тогда русский охотно подчинится вам. Не применяйте здесь никаких немецких масштабов и не вводите немецких обычаев, забудьте все немецкое, кроме самой Германии.

Особенно не будьте мягки и сентиментальны. Если вы вместе с русскими поплачете, он будет счастлив, ибо после этого он сможет презирать вас. Будучи по натуре женственными, русские хотят также и в мужественном отыскать порок, чтобы иметь возможность презирать мужественное, поэтому будьте всегда мужественны, сохраняйте вашу нордическую стойкость...

Исходя из своего многовекового опыта, русский видит в немце высшее существо, заботьтесь о том, чтобы сохранить этот авторитет немца. Поднимайте его своими спокойными, деловыми приказами, твердыми решениями, высмеиванием дебатирующих и невежд.

Остерегайтесь русской интеллигенции, как эмигрантской, так и новой, советской. Эта интеллигенция обманывает, она ни на что не способна, однако обладает особым обаянием и искусством влиять на характер немца. Этим свойством обладает и русский мужчина, и еще в большей степени женщина».

Девятая заповедь: «...Россия всегда была страной подкупов, доносов и византизма. Эта опасность может проникнуть к вам, особенно через эмигрантов, переводчиков и т.д. Русские, занимающие руководящие посты, а также руководители предприятий, старшие рабочие и надсмотрщики проявляют всегда склонность к подкупам и вымогательству взяток у своих подчиненных...»

И, наконец, одиннадцатая заповедь: «В течение столетий испытывает русский человек нищету, голод и лишения. Его желудок растяжим, поэтому никакого ложного сочувствия к нему. Не пытайтесь вносить изменения в образ жизни русских, приспособившая его к немецкому жизненному стандарту...»

Не только эти выдержки, но цитаты из других секретных и несекретных документов фашистов или убийц-профессионалов говорят нам о том, насколько тщательно готовилась война против Советского Союза и насколько циничны были составители

планов по его покорению, а также всевозможных директив и приказов.

Например, вот выдержка из приказа по 464-му пехотному полку 253-й немецкой пехотной дивизии от 20/X — 41 года, раздел «Особые замечания»: «Необходимо иметь в виду заминированную местность. Использование саперов не всегда возможно. Батальоны должны будут вести бой сами, не ожидая помощи. Я рекомендую для этого, как с успехом практиковалось в первом батальоне 464 ПП, использовать военнопленных (особенно русских саперов). Всякое средство оправдывается, если необходимо быстро преодолеть местность...»

Или вот цитата из приказа по 203-му немецкому пехотному полку от 2 ноября за № 109:

Верховный главнокомандующий армией генерал-фельдмаршал Рундшtedт приказал, чтобы в зоне боевых действий, «в целях сохранения германской крови, поиски мин и очистка минных полей производились русскими военнопленными. Это относится также и к германским минам».

«Большевизм является смертельным врагом национал-социалистической Германии, — говорилось в «Распоряжениях об обращении с советскими военнопленными во всех лагерях военнопленных» от 8.09.1941 г. № 3058/41 (I.ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ОБРАЩЕНИЯ С СОВЕТСКИМИ ВОЕННОПЛЕННЫМИ)». — Впервые перед германским солдатом стоит противник, обученный не только в военном, но и в политическом смысле, в духе разрушающего большевизма. Борьба с национал-социализмом привита ему в кровь и плоть. Он ведет ее всеми имеющимися в его распоряжении средствами: диверсиями, разлагающей пропагандой, поджогами, убийствами. Поэтому большевистский солдат потерял всякое право претендовать на обращение, как с честным солдатом, в соответствии с Женевским соглашением.

Поэтому вполне соответствует точке зрения и достоинству германских вооруженных сил, чтобы каждый немецкий солдат проводил бы резкую грань между собою и советскими военнопленными. Обращение должно быть холодным, хотя и корректным. Самым строгим образом следует избегать всякого сочувствия, а тем более поддержки. Чувство гордости и превосходства немецкого солдата, назначенного для окарауливания советских военнопленных, должно во всякое время быть заметным для окружающих. Поэтому предлагается безоговорочное и энергичное вмешательство при малейших признаках неповиновения, а

особенно в отношении большевистских подстрекателей. Неповиновение, активное или пассивное сопротивление должны быть немедленно и полностью устранены с помощью оружия (штык, приклад и огнестрельное оружие). Правила о применении вооруженными силами оружия применимы лишь с ограничениями, так как эти правила исходят из предпосылок общей мирной обстановки. В отношении советских военнопленных даже из дисциплинарных соображений следует весьма резко прибегать к оружию. Подлежит наказанию всякий, кто для понуждения к выполнению данного приказа не применяет или недостаточно энергично применяет оружие.

По совершающим побег военнопленным следует стрелять немедленно, без предупредительного оклика. Не следует производить предупредительных выстрелов...

Вместе с тем никогда не следует упускать из виду необходимости осторожности и недоверия к военнопленному. Применение оружия по отношению к советским военнопленным, как правило, считается правоммерным... Следует сделать невозможным всякое общение между командным и рядовым составом, даже при помощи знаков.

Командирам следует организовать из подходящих для этой цели советских военнопленных лагерную полицию как в лагерях военнопленных, так и в больших рабочих командах, с задачей поддержания порядка и дисциплины. Для успешного выполнения своих задач лагерная полиция внутри проволочной ограды должна быть вооружена палками, кнутами и т.п. Применять эти орудия избиения немецким солдатам безоговорочно запрещается. Следует создать в лагере исполнительный орган из самих военнопленных, члены которого снабжаются лучшим питанием, с которыми лучше обращаются...»

А теперь ознакомимся со II разделом этого документа «ОБРАЩЕНИЕ С ЛИЦАМИ ОТДЕЛЬНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ»: «В соответствии с ранее изданными приказами в тылу... точно так же, как в лагерях империи, уже произошло разделение военнопленных по признаку их национальной принадлежности. При этом имеются в виду следующие национальности: немцы (фольксдойче), украинцы, белорусы, поляки, литовцы, латыши, эстонцы, румыны, финны, грузины.

В тех случаях, когда это разделение из особых соображений еще не было произведено, нужно его при первой возможности произвести. Это особенно относится к новым военнопленным, попадающим в военные округа.

Лица следующих национальностей должны быть отпущены на родину: немцы (фольксдойче), украинцы, белорусы, латыши, эстонцы, литовцы, румыны, финны.

О порядке роспуска этих военнопленных последуют особые приказы...»

Согласно III разделу, германские вооруженные силы должны были при первой же возможности освободиться от всех элементов среди военнопленных, в которых можно было рассмотреть большевизм. Немцы не должны были церемониться: «Особые условия похода на Восток требуют и особых мероприятий, которые должны быть проведены с готовностью принять на себя полную ответственность без бюрократических и административных влияний». Пути к достижению цели были следующими: «А. Помимо разделения в лагерях военнопленных по национальному признаку... военнопленные (в том числе и националы), а также находящиеся в лагерях гражданские лица должны быть разделены следующим образом: а) политически нежелательные, б) политически безопасные, в) заслуживающие особого политического доверия (которых можно использовать для восстановления оккупированных областей).

Б. Разделение военнопленных по национальным признакам, отделение командного состава и т.д. производится силами лагерных органов. Для разделения военнопленных по их политическим убеждениям рейхсфюрер СС предоставляет оперативные команды полиции безопасности и СД. Они непосредственно подчинены начальнику полиции безопасности и СД, проходят специальную подготовку для выполнения своих особых задач и проводят свои мероприятия в рамках лагерного внутреннего распорядка в соответствии с инструкциями, получаемыми от начальника полиции безопасности и СД...»

IV раздел отвечал на вопросы, как использовать советских военнопленных на работе.

Например, советские военнопленные могли быть поставлены на работу только в составе закрытых колонн, строжайшим образом изолированно от гражданских лиц и от военнопленных других национальностей...

«Наивысшим основным условием для использования советских военнопленных на территории империи является обязательная гарантия безопасности жизни и имущества немцев, — говорилось в «Особых правилах для использования рабочей силы на территории империи». — За порядок использования на работе советских военнопленных здесь несут ответственность исключи-

тельно военные учреждения, ведающие предоставлением рабочей силы.

Поэтому в первую очередь военнопленные должны быть использованы на работах, подведомственных вооруженным силам. Местные органы по использованию рабочей силы могут входить с предложениями об использовании военнопленных в гражданском секторе, но решение о порядке использования излишствующих военнопленных принимают военные органы...»

И вот мы подошли к «ОХРАНЕ»: «Для охраны советских военнопленных должны назначаться по возможности хорошо обученные энергичные и предусмотрительные караульные команды, обучение которых должно систематически проводиться через штаб основного лагеря “М”.

На каждых 10 военнопленных должен назначаться, по меньшей мере, один караульный. Никогда не следует посылать одного караульного: если в рабочей команде состоит менее 10 человек, то для ее охраны должны назначаться двое караульных. Желательно, чтобы караульные команды были вооружены ручными гранатами. Охрана более значительных колонн должна быть вооружена пулеметами или автоматами.

Рабочие места должны часто проверяться соответствующими офицерами или опытными унтер-офицерами. Они должны следить за тем, чтобы точно соблюдались изданные приказы...»

Есть еще один весьма любопытный документ, вышедший несколько позже — 23 сентября 1941 года под названием: «Служебное указание рейхсминистра по делам оккупированных восточных областей А. Розенберга для инспекционной комиссии по делам военнопленных». Его вполне можно рассматривать как продолжение первого...

«Инспекционным комиссиям по делам военнопленных в лагерях для военнопленных следует выполнять следующие указания:

1. Установление национальности отдельных военнопленных согласно прилагаемой директиве “Народы и народные группы Советского Союза”.

2. Действовать по согласованию с комендантами лагерей, образуясь с размерами и техническими возможностями лагеря и части отделения и обособленного содержания главных национальных групп, имеющих в составе военнопленных.

3. Установление возможности к освобождению или, вернее говоря, к использованию на работе каждого выявленного политически благонадежного представителя следующих определенных

национальных групп: а) фольксдойче; б) белорусы; д) украинцы; е) румыны, болгары.

(Предложение по освобождению распространяется на казаков. Освобождение кавказских и туркестанских народностей предвидится позже.)

Для экономии времени о военнопленных, намеченных к освобождению, сообщать комендантам лагерей не в виде списков фамилий, а только путем указаний номеров пленных.

4. Выбор политически благонадежных и вообще пригодных, лучших 10 % из намеченных к освобождению определенных национальных групп (п. 3 а-е), с последующим использованием в полицейских целях безопасности, в немецких особых формированиях, в службе порядка и т.д.

Для использования в целях безопасности следует иметь в виду особенно надежных и проверенных, безусловно, русских военнопленных. Отобранных для этого лиц следует внести в краткий временный список.

5. Выбор и отделение политически благонадежных, пригодных вообще и способных интеллектуально, самых лучших 1—2 % военнопленных из числа намеченных к освобождению национальных групп (п. 3 а-е), а также представителей кавказских и туркестанских народностей.

Отбор лучших среди военнопленных нужен для предстоящего многонедельного содержания в особом лагере под Берлином. Здесь, а также по возможности во время ознакомительных поездок по Рейху, они должны будут настолько обучиться в политическом и пропагандистском отношении, чтобы впоследствии их можно было использовать в качестве пропагандистов германских идей, как доверенных лиц немецкой администрации в оккупированных восточных областях, а также для выполнения особых заданий.

Для использования в качестве пропагандистов и доверенных лиц должны отбираться отдельные надежные, проверенные и исключительно русские военнопленные.

Этот отбор, ровно как и указанный в пунктах 1—4, представляет собой важнейшую задачу комиссии.

Круг лиц, которых касается 5-й пункт, должен быть оформлен точным списком. О немедленном отзыве их в особый лагерь надлежит поставить в известность комендантов лагерей.

б. а) Всех шоферов, имеющих в числе военнопленных, нужно зарегистрировать в отдельный список, учитывая, что они имеют особую важность.

б) Следует выявлять всех горных рабочих и специалистов горного и металлургического дела. О них составлять краткий список с указанием фамилий и номеров пленных, который также направлять в министерство.

7. Выявление политически и уголовно подозрительных, в особенности убежденных советских служащих, комиссаров, политруков и т.д., долго служивших кадровых солдат советской армии, евреев, уголовных элементов.

8. Получение достойных изучения показаний в отношении общего политического положения в Советском Союзе и в особенности: а) отношение к русской нации; б) отношение к большевизму; в) отношение к земельному вопросу; г) личные и общие вопросы, которые военнопленные скорее всего могут разрешить».

Каким образом в инспекционной комиссии собирались определять национальную принадлежность и политическую позицию военнопленных?

Для этого служили следующие вопросы: «а) национальная принадлежность военнопленного и его родителей; б) место рождения и место фактического жительства; в) специальность и образование; г) принадлежность к коммунистической партии (член или кандидат), к комсомолу, к профсоюзам, к “Союзу безбожников”; д) политическая деятельность».

Кстати сказать, рейхсминистр требовал посылать краткие отчеты телеграммами два раза в неделю в адрес правительственного советника доктора Редера по адресу: Берлин, В35, Раухштрассе, 18, комната 18, телефон 21-95-15/88.

В III разделе документа говорилось: «На основании нового соглашения Верховного командования вооруженными силами с хозяйственным штабом “Восток” и Имперским министерством труда от 18 сентября 1941 г. установлены дальнейшие важные задачи по подготовке рабочих кадров из числа советских военнопленных.

Инспекционные комиссии по делам военнопленных должны придерживаться следующей точки зрения при профессиональном отборе.

1. Военнопленные должны быть здоровыми и сильными, иначе говоря, в короткое время они должны стать работоспособными.

2. Они должны принадлежать к следующим группам специальностей, в которых ощущается особая нехватка в империи: а) горнорабочие; б) металлисты всех отраслей; в) строительные и подсобные строительные рабочие; г) архитекторы, инженеры-строители, чертежники; д) транспортные рабочие, путевые рабо-

чие для строительства путей имперских железных дорог; ж) деревообделочники (столяры, бондари, бочары, токари по дереву, резчики по дереву); з) сапожники; и) лесные рабочие; к) сельскохозяйственные рабочие (в особенности по молочной отрасли); л) печатники, наборщики, прокладчики кабелей, кинотехники.

3. При отборе военнопленных для использования на работе не нужно обращать внимания на их национальность (например — русские, украинцы). непригодны для использования только ярко выраженные монгольские типы, политически неблагонадежные и евреи...»

Таким образом, никакие Гаагские или Женевские конвенции не могли изменить участи советских военнопленных. Все было решено Гитлером и его окружением задолго до нападения на Советский Союз. А после нападения документы фашизма лишь совершенствовались.

Еще в 1924 году германский вождь заявлял:

— Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены.

Выдав Россию в руки большевизма, судьба лишила русский народ той интеллигенции, на которой до сих пор держалось ее государственное существование и которая одна только служила залогом известной прочности государства.

Цели нацизма были вполне ясно сформулированы в двух направлениях. Первое — это создание в Европе и Азии немецкой империи, которая стала бы державой мирового масштаба и уничтожила бы традиционных врагов Германии.

Второе — это создание экономики и государственного аппарата, которые поддерживали бы эту империалистическую программу.

Конечные же цели нападения на СССР Гитлер сформулировал 16 июня 1941 года: создание державы западнее Урала не может стать на повестку дня, даже если бы для этого немцам пришлось воевать 100 лет... Вся Прибалтика должна была стать частью империи. Крым с прилегающими районами (область севернее Крыма) также предстояло включить в состав империи. Приволжские районы точно так же, как и район Баку, должны были войти в империю. Ввиду больших залежей никеля Кольский полуостров должен принадлежать Германии...

Начиная с 20-х годов и до самой своей смерти Гитлер ни на секунду не усомнился в том, что народы Советского Союза можно обратить в безгласных рабов, которыми будут управлять немцы-

ПЛЕН. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В НЕМЕЦКИХ ЛАГЕРЯХ

надсмотрщики. Он никогда не отказывался от главной своей задачи — завоевания «жизненного пространства» на Востоке, сокрушения большевизма и порабощения «мирового славянства».

С его же слов, Советский Союз изображался страной недочеловеков, управляемых евреями. Не зря же Геббельс в 1935 году назвал большевизм сатанинским заговором, который мог созреть лишь в мозгу кочевника. Германия, по Геббельсу, — это «скала, о которую бессильно разобьется азиатско-еврейский поток».

Директива № 21, или план «Барбаросса» от 18 декабря 1940 года, стала не просто планом войны Германии против СССР. Ведь разбить Советскую Россию было только началом для Гитлера. Так называемая «Зеленая папка», подготовленная к реализации в недрах Верховного командования вооруженных сил к 16 июня 1941 года, — не что иное, как свод директив по руководству экономикой в оккупированных восточных областях. Главной целью была немедленная тотальная эксплуатация оккупированных областей в интересах военной экономики Германии, в особенности в области продовольственного и нефтяного хозяйства, что, по мнению Гитлера, имело исключительное значение для дальнейшего ведения войны.

И, наконец, генеральный «план Ост», составленный к концу апреля 1942 года в министерстве по делам оккупированных восточных территорий. Он предписывал истребление десятков миллионов людей и переселение целых народов с учетом политики их сокращения, а самое главное, он должен был ослабить русский народ до такой степени, чтобы он не мог помешать немцам установить свое полное господство в Европе!

Так о какой морали, о каких конвенциях могла идти речь в той страшной войне?

Советские военнопленные стали жертвами прежде всего той политики фашистской Германии, которая была рождена в большой голове ее фюрера. И если в мае 1918 года советское правительство в обращении к Международному комитету Красного Креста и правительствам мира подчеркнуло, что конвенция о жертвах войны, как и «все другие международные конвенции и соглашения, касающиеся Красного Креста, признанные Россией до октября 1917 года, признаются и будут соблюдаться Российским Советским правительством», если новая Женевская конвенция 1929 года была также подписана СССР, то все это 22 июня 1941 года стало для Гитлера химерой...

КОЛИЧЕСТВО ОТВЕРЖЕННЫХ

Советские военнопленные не просто страшные жертвы войны. Они в неменьшей степени наша нравственная и политическая проблема.

Во-первых, из-за незнания обществом точной кровавой цены Победы, в которой они занимают значимое место.

Во-вторых, из-за стертой грани между обыкновенным предательством и трагедией человеческих судеб.

И, в-третьих, из-за официального взгляда государства на плен.

По данным Управления уполномоченного при СНК СССР по делам репатриации, наибольшее количество пленных пришлось на первые годы войны.

Так, в 1941 г. эта цифра составила почти 2 миллиона, или 49 %;

в 1942 году — 1 миллион 339 тысяч, или 33 %;

в 1943 году — 487 тысяч, или 12 %;

в 1944 году — 203 тысячи, или 5 %;

в 1945 году — 40,6 тысячи, или 1 %.

Кроме того, свыше 900 тысяч бойцов и командиров Красной армии в 1941—1942 годах оказалось в окружении.

По данным Генерального штаба, в 1945 году в концлагерях на оккупированной территории и в Германии было зарегистрировано 2 миллиона 16 тысяч советских военнослужащих. Вернулись же из плена 1 миллион 836 тысяч человек.

Следовательно, Генштаб определяет количество военнопленных и пропавших без вести по трем позициям:

1) попавшие в плен — 2 миллиона 16 тысяч человек,

2) пропавшие без вести — 1 миллион 380 тысяч 800 человек,

3) неучтенные потери первых месяцев войны — 1 миллион 162 тысячи 200 человек.

Всего же таковых насчитывалось 4 миллиона 559 тысяч.

Среди них 392 085 пропавших без вести и попавших в плен офицеров, из которых: командный состав — 284 571, политический — 42 126, технический — 21 803, административный — 22 914, медицинский — 15 431, ветеринарный — 3798, юридический — 1442.

«Отсутствие четкого разграничения этих потерь объясняется тем, — сообщается в книге «Гриф секретности снят», — что в условиях быстро меняющейся обстановки на фронте было крайне сложно установить факт сдачи в плен, а следовательно, и количество людей, захваченных противником. Поэтому многих, не оказавшихся в строю после боя, заносили в число пропавших без вести. Необходимо также учитывать существовавшее в то время в армии презрительное отношение к плену. Это зачастую заставляло командиров и начальников уменьшать число даже явно попавших в плен, показывать их в донесениях как пропавших без вести... Кроме того, в первые недели войны, когда в стране проводилась всеобщая мобилизация, большая часть граждан, призванных военкоматами Белоруссии, Украины, Прибалтийских республик, была захвачена противником в пути следования, то есть еще до того, как они стали солдатами. В учетные документы фронтов (армий) они не попали, но оказались в плену».

По справке Мобилизационного управления Генерального штаба, разработанной в июне 1942 года, количество военнообязанных, которые были захвачены противником, составило более 500 тысяч человек. А если учесть еще 5 % граждан, освобожденных по различным причинам от призыва в западных республиках и областях, которые также оказались на оккупированной врагом территории и частично пленены, то общее число военнообязанных и призывников, попавших в плен, составит около одного миллиона человек.

К числу плененных противником отнесены захваченные им раненые и больные, находившиеся на излечении в госпиталях и учтенные ранее в донесениях наших войск как санитарные потери.

В делах Управления уполномоченного Совнаркома СССР по делам репатриации имеются статистические данные на 3 октября 1945 года — на 1 368 849 советских военнослужащих, возвратившихся из плена.

По времени нахождения в плену:

с 1941 года — 52 025 офицеров, 76 359 сержантов, 544 321 солдат, всего 672 705;

с 1942 года — 48 796 офицеров, 52 046 сержантов, 348 110 солдат, всего 448 952;

с 1943 года — 13 083 офицеров, 18 350 сержантов, 128 082 солдата, всего 159 515;

с 1944 года — 5876 офицеров, 9449 сержантов, 54 705 солдат, всего 70 030;

с 1945 года — 1344 офицера, 1665 сержантов, 14 638 солдат, всего 17 647.

По национальности:

русские — 657 339, или 48,02 %;

украинцы — 386 568, или 28,24 %;

белорусы — 103 053, или 7,53 %;

узбеки — 28 228, или 2,06 %;

казахи — 23 143, или 1,69 %;

грузины — 23 816, или 1,74 %;

азербайджанцы — 20 850, или 1,52 %;

литовцы — 2749, или 0,20 %;

молдаване — 4739, или 0,35 %;

латыши — 3286, или 0,24 %;

киргизы — 4014, или 0,29 %;

таджики — 3948, или 0,29 %;

армяне — 20 067, или 1,47 %;

туркмены — 3511, или 0,26 %;

эстонцы — 2484, или 0,18 %;

башкиры — 4248, или 0,31 %;

калмыки — 3772, или 0,28 %;

карелы — 1998, или 0,14 %;

татары — 30 698, или 2,24 %;

евреи — 4457, или 0,32 %;

другие национальности — 35 890, или 2,63 %.

По оценкам Бориса Соколова, данным в работе «Красный колос», в немецком плену в общей сложности оказались 6,3 миллиона 16 тысяч человек. А погибло — 4 миллиона бойцов и командиров Красной армии.

Протоиерей Георгий Митрофанов в «Церковном вестнике» за 2005 год, № 8 говорит о 3,5 миллиона погибших советских военнопленных.

По данным американского исследователя Второй мировой войны А. Даллина, погибло больше — 3,7 миллиона человек, или 63 %, а 24 марта 1969 года Генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко обнаружил еще большую цифру советских военнопленных, замученных и истребленных на оккупированной

территории — 3 912 283 человека. Х. Штрайт приводит цифру в 3,9 миллиона человек, из них к февралю 1942 года осталось в живых чуть более 1 миллиона, около 280 тысяч были из плена освобождены на условиях сотрудничества с немцами, а остальные 2,6 миллиона погибли.

А. Штрайт приводит данные на 1 мая 1944 года: 5 163 381 — общее число советских военнопленных. Из них погибло и было казнено в плену 2 420 000. Всего же, как считает этот исследователь, в немецком плену погибло или было казнено минимум 2 545 000 советских военнопленных. Общая же цифра советских военнопленных, согласно данным историков Германии, за годы войны достигла 5,75 млн человек, из которых 3,3 млн человек погибли.

Германское командование указывало цифру в 5 270 000 советских военнопленных.

В феврале 1942 года в циркуляре Военно-экономического отдела ОКХ (Верховного командования армии) говорилось: «Нынешние трудности с рабочей силой не возникли бы, если бы своевременно были бы введены в действие советские военнопленные. В нашем распоряжении находилось 3,9 млн военнопленных, теперь их осталось всего 1,1 млн. Только от ноября 1941 г. до января 1942 г. погибло полмиллиона русских».

Весной 1942 года министр по делам оккупированных восточных территорий Розенберг в письме к фельдмаршалу Кейтелю упомянул о 3,6 млн «пленных большевиков».

В это же время Гитлер в одной из своих речей назвал цифру в 3 миллиона военнопленных.

Западные историки указывают цифру в 5 160 000 советских военнопленных за весь период войны (Гернс), а также 5 754 000 (Н. Толстой).

«По уточненным данным, на конец 1941 года число советских военнопленных составляло около 3 350 тысяч! — утверждает в книге «сквозь две войны, сквозь два Архипелага». — В середине июля 1942 года их насчитывалось 4 717 тысяч, в январе 1943 года — 5 004 тысячи, в феврале 1944 года — 5 637 тысяч и на 1 февраля 1945 года — 5 735 тысяч».

В базе данных «Современная Россия. Пресса» подчеркивается: «Несмотря на то что в различных изданиях итоговые цифры расходятся, мы можем определить порядковую величину советских потерь пленными в годы войны — около 5 млн человек, из которых примерно 3 млн человек приходится на начальный ее период».

Думается, что эти цифры, безусловно, завышены.

До сих пор в России не опубликованы точные данные о потерях и плененных. Необходим целый институт, который бы всесторонне занимался изучением этой трагедии наших соотечественников, используя всевозможные способы и методы подсчета, архивные документы многих государств мира.

«Советские военные историки, оспаривая эти цифры, утверждают, что в них зачтены многочисленные контингенты как мирного, так и армейского профиля (сотрудников партийных и советских органов, мобилизованных, беженцев, попавших в окружение вместе с войсками, а также ополченцев), отнесение которых к категории плененных неправомерно, — пишет Павел Полян. — Самая “свежая” из официально выдвигаемых в СССР цифр отличается от немецкой на 1—1,5 миллиона человек...»

К слову сказать, в «Распоряжении об обращении с советскими военнопленными во всех лагерях военнопленных» указывалось: «К военнослужащим следует относить и тех солдат, которые были взяты в плен в гражданском платье». Так что действительно не исключено, что в плен попадали и сугубо гражданские люди.

Так, бывший начальник отдела по делам военнопленных Данцигского военного округа Остеррайх Курт в своих показаниях писал, что в подчиненных ему лагерях на Украине одновременно с военнопленными в отдельных бараках содержались под арестом до 20 тысяч советских граждан, взятых в качестве заложников из ряда районов, охваченных партизанским движением. Еще больше заложников содержалось в лагерях военнопленных на территории Белоруссии и в Прибалтике.

И еще, 7 июля 1943 года в главной ставке Гитлера состоялось заседание по вопросу использования рабочей силы в горной промышленности. В директиве № 02358/43 от 8.7.1943 года за подписью Г. Гимmlера указывалось: «Фюрер приказал 7 июля для проведения расширенной программы производства железа и стали непременно увеличить добычу угля, а для этого покрывать потребность в рабочей силе из военнопленных...»

Пленные — мужчины в возрасте от 16 до 55 лет, взятые в борьбе с бандами в зоне военных действий, армейском тылу, восточных комиссариатах, генерал-губернаторстве и на Балканах, считаются военнопленными. Это же относится к мужчинам во вновь завоеванных областях Востока. Они должны быть пересланы в лагерь военнопленных, а оттуда на работы в Германию...»

«Количество военнопленных, одновременно находившихся в Рейхе, имело выразительную динамику: по состоянию на 20 октя-

бря 1941—350 тысяч человек, а на 5 ноября 1941 — уже 475 тысяч... — подчеркивает П. Полян. — Но их судьба, видимо, не так уж сильно отличалась от судьбы тех, кто был вдали от Германии: и те, и другие интенсивно гибли! Так, в январе 1942 года, по данным К. Штрайта, их насчитывалось всего 318 тысяч. Спустя год, в январе 1943 года, число пленных составило уже 641 тысячу, в январе 1944 года — 739 тысяч, в январе 1945 года — 857 тысяч. Максимум был зафиксирован в декабре 1944 года — 868 тысяч человек... К концу 1944 года это были практически все наличные, то есть оставшиеся в живых, советские военнопленные, поскольку в зоне Верховного командования сухопутных сил их уже не было, а в Польше и Чехии оставалось не более 60—70 тысяч. (...)

Из союзных Германии стран только Финляндия и Румыния держали на своей территории советских военнопленных и эксплуатировали их труд. Согласно официальным финским данным, в 1941—1944 годах финны взяли в плен свыше 64 тысяч советских солдат и офицеров. Из них погибло в плену 19 тысяч (или 29,6 %), бежало из плена 712 человек (1,1 %), осталось у немцев 2 тысячи (3,2 %), репатрировано — более 42 тысяч (66,1 %).

Аналогичными сведениями относительно Румынии мы не располагаем. Однако известно, что к 1 марта 1946 года из Румынии было репатрировано 133,5 тысячи человек, из них 28,8 тысячи военнопленных и 104,7 тысячи гражданских рабочих. При допущении в условиях Румынии того же уровня смертности, что и в Финляндии, общее число военнопленных в Румынии составляло бы не менее 40 тысяч.

В партизанских отрядах и подпольно-диверсионных группах в Польше, Чехословакии, Югославии, Италии и Франции сражалося, по неполным данным, более 40 тысяч советских граждан.

Таким образом, за границей СССР, но вне зоны компетенции Рейха находилось не менее 140—150 тысяч советских военнопленных. С учетом того, что на территории Рейхскомиссариатов «Украина» и «Остланд» весной 1944 года военнопленных практически не было, суммарное количество военнопленных, депортированных за довоенные границы СССР, можно оценить приблизительно в 3,25 миллиона человек. Выявить среди них число тех, кто находился непосредственно в Рейхе, практически невозможно. Но с учетом данных об умерших и о репатриированных военнопленных мы можем оценить их число приблизительно в 2,1—2,2 миллиона человек».

К слову, по подсчетам Генерального штаба, общая цифра демографических потерь советских военнослужащих (убиты, умер-

ли, не вернулись из плена) составляет 8 миллионов 668 тысяч 400 человек. Это безвозвратные потери минус вернувшиеся из плена 1 миллион 836 тысяч человек и вторично призванные на службу на освобожденной территории 939 тысяч 700 человек, ранее значившиеся пропавшими без вести.

Владимир Михайлович Сафир в книге «Первая мировая и Великая Отечественная» констатирует, что «определить точную цифру потерь теперь уже практически невозможно, поэтому необходимо сосредоточить усилия на оценке значений потерь, выходя на порядок цифр с возможно минимальным допуском ошибки».

К основным недостаткам персонального учета и других составляющих указанной методики оппоненты относят:

— запоздалое введение красноармейских книжек (7.10.41) и необоснованная отмена Сталиным личных спецмедальонов (17.11.42). Даже в их бытность многие бойцы из чувства ложного суеверия квиток медальона не заполняли;

— огромный недоучет безвозвратных потерь Красной армии в период всеобщего отступления в 1941 году, а также и в последующие годы; при выходах из многочисленных «котлов» приходилось оставлять не только боевую технику (как правило, из-за отсутствия боеприпасов и горючего), но и всю документацию, включая «Журнал боевых потерь», стараясь спасти в первую очередь знамя части. Поэтому множество донесений просто не доходило до вышестоящих штабов или составлялось крайне неточно, «на глазок»;

— представление донесений о потерях с указанием только их общего числа, а не поименно. В основе подобного послабления было заложено традиционное в то время пренебрежительное отношение к личности («винтики»), в данном случае — к личному составу Красной армии (главное — не люди, резерв их был почти безграничен, главное — реальные успехи: взять высоту, деревню и т.п.). Все это дало возможность многим командирам (от комбата и выше) в официальной отчетности, поступившей «наверх», занижать показатели потерь, получая в таком случае для личного состава дополнительное продовольствие (пайки), «вещевку», боеприпасы и т.п. Размеры указанных приписок находились в определенной зависимости от степени порядочности и честности командира, составляющего подобные донесения. И получилось, что в самих этих документах правда и ложь были просто неразличимы;

— введение в расчеты понятия «списочный состав», что, по мнению ряда историков, автоматически исключало из числа

ПЛЕН. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В НЕМЕЦКИХ ЛАГЕРЯХ

около 8,7 млн огромные потери ополченцев в 1941—1942 годах, призывников (погибших до включения в списки частей) и др. Частично этот изъян был устранен Генштабом при подготовке данных около 9,2 млн.

Но наиболее убедительным подтверждением всего вышесказанного и правомочности существования методики оценки потерь явились откровения заместителя наркома обороны СССР — начальника Главного управления формирования и укомплектованности войск генерала Е.А. Щаденко, изложенные в его приказе от 12 апреля 1942 года: «...Учет личного состава, в особенности учет потерь, ведется в действующей армии совершенно неудовлетворительно... В результате несвоевременного и неполного представления войсковыми частями списков о потерях получилось большое несоответствие между данными численного и персонального учета потерь...»

«...На персональном учете состоит в настоящее время не более одной трети действительного числа убитых... Данные персонального учета пропавших без вести и попавших в плен еще более далеки от истины...»

Так что с цифрами дело обстоит очень и очень сложно.

ТРАГЕДИЯ 1941 ГОДА

Как писал в книге «Сталин» известный историк Д.А. Волкогонов, «Сталин уже в первые месяцы войны несколько раз интересовался масштабами потерь. Генштаб, Главное управление кадров (ГУК) НКО докладывали, но, похоже, тогда никто ничего толком не знал. Передо мной несколько официальных сводок о потерях. Есть графы о том, сколько погибло, ранено, сколько больных, сколько пропало без вести. Сколько выбыло из строя лошадей, потеряно орудий, минометов, танков, самолетов...

Но графы о том, сколько попало в плен, — нет. В одной из сводок сообщается, что за июнь и июль 1941 года пропало без вести на всех фронтах 72 776 человек... Если приплюсовать к этому данные за август — сентябрь, то сумма удвоится. Но мы-то знаем, что только в районе Киева было окружено 452 720 человек. Большая их часть оказалась в плену».

Главной причиной огромного количества пленных сегодня называют малую боеспособность Красной армии летом 1941 года и совершенную ее неготовность к оборонительной войне.

Как сообщается в базе данных «Современная Россия. Пресса», «в минско-белостокском “котле” (июнь — июль 1941-го) было захвачено в плен 328 тыс. советских бойцов и командиров; в смоленском (июль — август 1941-го) — 310 тыс.; под Уманью (август 1941 г.) попало в плен 103 тыс. человек; под Киевом (сентябрь 1941 г.) — 665 тыс.; под Вязмой (октябрь 1941 г.) — 663 тыс., под Керчью (май 1942-го) — 150 тыс., под Харьковом (тогда же) — 240 тыс. человек. Всего же в результате крупных сражений советских войск в 1941—1942 гг. в немецком плену оказалось 2 285 000 человек».

Все это так. Но нельзя не учесть основные причины, которые оказываются скрытыми за общим фоном трагедии 41-го.

Во-первых, это внезапность нападения Германии, которая, несмотря на многие предостережения и даже ощущение войны, свалилась на Советский Союз.

В очередной раз вступление в войну Германии приобрело характер оглушительного подавляющего удара, явившись для Красной армии главной стратегической внезапностью.

Все это произошло без всяких «стратегических предисловий и предварительных действий». То есть «сразу в развернутом виде и полным ходом».

Во-вторых, полное господство германской авиации, а также атаки со всех направлений, отсутствие или просто неудовлетворительное управление войсками ошеломили бойцов и командиров Красной армии.

В первые месяцы «вращение маневренного вала» вермахта практически не удавалось остановить. А если удавалось, то ненадолго.

Советский «фронт, разорванный и расстроенный, дрогнул и стал отходить. Отход начался без всякого плана, без всяких установленных намерений, без всякой перспективы. Он принял поэтому самый неорганизованный характер...»

В-третьих, Красная армия впервые столкнулась с примером «самостоятельного применения бронетанковых войск, выброшенных сильным ядром далеко вперед...»

Острие бронированных машин противника, оказавшееся глубоко вонзенным в тело Красной армии, внесло ужас и смятение.

До тех пор, пока советскому командованию не удалось создать фронт организованного сопротивления, войскам не удавалось остановить вал германского наступления.

«Решающую роль в достижении этих результатов имел новый способ применения современных средств борьбы, главным образом — авиации и самостоятельных мотомеханизированных соединений». К слову, действиями бронетанковых соединений, все время поддерживаемых авиацией, противник достигал небывалого успеха мотомеханизированных соединений, имевших огромное значение в современном бою. «Быстро подвижные соединения сразу выбрасывались вперед на расстояние до 100 км и устремлялись в глубину противника. Ими руководило одно стремление — все дальше вперед, и это в конечном итоге решало исход дела».

В-четвертых, Красная армия впервые столкнулась с глубоким вклиниванием в свою оборону, когда наступление противника сразу же принимало характер преследования. При этом борьба разворачивалась не на каком-то определенном фронте, а сразу же распространялась на большую глубину. В результате советский фронт был разорван. Окружение отдельных групп, изолированных в различных районах на большой территории, — вот к чему привело почти безостановочное германское наступление.

Германские танковые соединения при поддержке мотопехоты, продвигаясь по 60 км в день, отрезали советским войскам путь к отступлению, создавая небывалые в истории войн окружения — «котлы».

Все это привело к панике, дезертирству с поля боя и в пути следования к фронту, к членовредительству и самоубийствам, к общему шоковому состоянию.

Имело место понижение моральной боеспособности советских войск.

«Боязнь окружения и страх перед воображаемыми парашютными десантами противника в течение длительного времени были настоящим бичом», — вспоминал Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский.

Таким образом, причиной массового пленения красноармейцев и командиров можно также назвать морально-психологический фактор.

«Экстремальная военная ситуация (гибель тысяч бойцов, непосредственная, ежечасная угроза жизни), превосходство немецкой армии в первые месяцы войны, порождавшие хронически подавленное состояние красноармейцев, недостаточное питание, скупость информации о положении в стране, естественные социальные различия бойцов и командиров вели подчас к дезертирству, панике, антисоветским настроениям, — сообщал в книге “Ленинград в блокаде” Н. Ломагин. — В этой ситуации трудно досконально определить, какие из названных негативных явлений порождались военным превосходством немцев, их успехом, а какие можно отнести на счет влияния немецкой пропаганды. Но очевидно, в условиях фронта имело место большое количество реальных проступков: измена, дезертирство, пораженческие антисоветские настроения. Очевидно и другое: динамика этих явлений была непосредственно связана с военной ситуацией — улучшение положения на фронте снижало число дезертиров и антиправительственных высказываний и наоборот».

Например, пораженческие настроения, по мнению историков, стали причиной массового и единичного перехода красноармейцев и командиров на сторону врага с первых же дней войны.

Иоахим Гофман в своей книге «Власов против Сталина» с убежденностью писал: «Советские люди своим поведением демонстрировали, что с пафосом восхвалявшиеся устои большевистской доктрины — монолитное единство советского общества, нерушимая верность Коммунистической партии и самоотверженный “советский патриотизм” — не выдержали уже первого испытания на прочность».

«Неблагополучие на советской стороне еще сильнее бросается в глаза, если учесть непредусмотренное поведение солдат Красной армии, — подчеркивает далее Гофман. — Последним всегда внушали, что в бою у них остается лишь один выбор — победить или погибнуть. Третьего было не дано, ведь Красная армия представляла собой единственные вооруженные силы, где уже простая сдача солдат в плен расценивалась как дезертирство и измена и подвергалась тяжелейшим карам. Тем временем, вопреки всему политвоспитанию и всем угрозам наказания, до конца 1941 г. в плен немцам сдалось не менее 3,8 миллиона красноармейцев, офицеров, политработников и генералов, а в целом во время войны — около 5,24 миллиона».

Обратим внимание на явную ложь западногерманского историка: на самом деле большая часть советских военнопленных оказалась в неволе не добровольно, а вынужденно.

Слово Д.А. Волкогонову: «В начале войны, как мы помним, немецким военачальникам удалось осуществить немало маневров, связанных с окружением отдельных частей и соединений Красной армии. Стремительное вклинение немецких танковых группировок рассекало наши фронты, армии, корпуса, создавало обстановку изоляции, оторванности, неизвестности, когда главная сила коллектива — чувство локтя, сплоченности, монолитности — ослабевает.

Несмотря на мужество многих бойцов, командиров, политработников, тогда были нередкими проявления паники, растерянности. Немало командиров, чтобы избежать плена, стрелялись. Часто это делалось после того, как были исчерпаны все возможности для сопротивления. Подчас главными мотивами такого шага были боязнь позора плена или страха ответственности за невыполненный приказ».

По мнению Бориса Соколова, «Великая Отечественная война была прежде всего войной Сталина, а отнюдь не только и не столько войной советского народа...»

Не с таких ли позиций на Западе — со слов бывших офицеров и генералов вермахта, а теперь уже и наших историков — до сих пор идет планомерное и навязчивое перекраивание истории Великой Отечественной войны.

Так, И. Гофман в книге «Сталинская война на уничтожение» вопрошал: «Какие меры приняло советское руководство для предотвращения “бегства красноармейцев вперед”, то есть их сдачи в плен противнику. Как всегда, существовало два взаимодополнявшихся средства — пропаганда и террор. Иными словами, там, куда не проникала пропаганда, вступал в дело террор, кто не верил пропаганде, тот ощущал на себе террор».

Вообще книги И. Гофмана преследовали единственную цель: разоблачать «сталинский режим», в результате чего фашизм становился похожим на невинное дитя. На самом деле государственная власть в лице Сталина имела полное право заставить армию стоять насмерть, а народ — все делать для фронта во имя Победы. Вопреки трусости, панике, малодушию, дезертирству и т.д.

Изначально на фронте появились заградотряды, а затем еще два исторических приказа, которые на Западе называют угрожающими советским солдатам, сдавшимся в плен, как дезертирам...

Так ли это было на самом деле?

Передо мной приказ Ставки ВГК № 270 от 16 августа 1941 года. Сначала в нем говорится о безупречном поведении, о мужестве и героизме частей Красной армии. Затем приводятся примеры, подчеркивающие высокий моральный дух бойцов, командиров и комиссаров. И только потом приказ отмечает главное: «Но мы не можем скрыть и того, что за последнее время имели место несколько позорных фактов сдачи в плен врагу...»

Сталин называет трех генералов (двух командующих армиями и одного командира корпуса), Качалова, Понеделина и Кириллова, проявивших трусость и сдавшихся в плен. Позже оказалось, что это было не так. Но Сталин в тот момент опирался на доклады своих подчиненных, которым не мог не поверить.

Но вернемся к приказу: «Эти позорные факты сдачи в плен нашему заклятому врагу свидетельствуют о том, что в рядах Красной армии, стойко и самоотверженно защищающей от подлых захватчиков свою Советскую Родину, имеются неустойчивые, малодушные, трусливые элементы. И эти трусливые элементы имеются не только среди красноармейцев, но и среди начальствующего состава. Как известно, некоторые командиры и политработники своим поведением на фронте не только не показывают

красноармейцам образец смелости, стойкости и любви к Родине, а, наоборот, прячутся в щелях, возятся в канцеляриях, не видят и не наблюдают поля боя, а при первых серьезных трудностях в бою пасуют перед врагом, срывают с себя знаки различия, дезертируют с поля боя.

Можно ли терпеть в рядах Красной армии трусов, дезертирующих к врагу и сдающихся ему в плен, или таких малодушных начальников, которые при первой заминке на фронте срывают с себя знаки различия и дезертируют в тыл? Нет, нельзя!

Если дать волю этим трусам и дезертирам, они в короткий срок разложат нашу армию и загубят нашу Родину. Трусов и дезертиров надо уничтожать.

Можно ли считать командирами батальонов или полков таких командиров, которые прячутся в щелях во время боя, не видят поля боя, не наблюдают хода боя на поле и все же воображают себя командирами полков и батальонов?

Нет, нельзя! Это не командиры полков и батальонов, а самозванцы. Если дать волю таким самозванцам, они в короткий срок превратят нашу армию в сплошную канцелярию. Таких самозванцев нужно немедленно смещать с постов, снижать по должности, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из рядов младшего начсостава или красноармейцев».

Так что же товарищ Сталин сказал не так? Кроме ошибочного упоминания о трусости трех генералов (с подачи подчиненных) в приказе абсолютно все написано правильно.

Но чтобы признать эту правильность, необходимо понять обстановку, которая сложилась на фронтах на тот момент. Катастрофа июня 41-го стремительно надвигалась на Москву. На фронтах царили полная неразбериха и хаос. Например, в первые дни июля на Западном фронте из 44 дивизий 24 были разгромлены полностью. Остальные 20 соединений потеряли от 30 до 90 % своих сил и средств. На Южном фронте около 30 дивизий перестали существовать и около 70 потеряли более 50 % личного состава.

И Сталину ничего не оставалось, как приказать:

1. Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров. Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава.

2. Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам.

Обязать каждого военнослужащего независимо от его служебного положения потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочитают сдать ему в плен — уничтожать их всеми средствами, как наземными, так воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи.

3. Обязать командиров и комиссаров дивизий немедленно смещать с постов командиров батальонов и полков, прячущихся в щелях во время боя и боящихся руководить ходом боя на поле сражения, снижать их по должности, как самозванцев, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать их на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из младшего начсостава или из рядов отличившихся красноармейцев...

Больше всего на Западе, да теперь и у нас, историки муссируют следующее предложение из приказа: «...и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочитают сдать ему в плен — уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи».

В общем, речь идет о слове «сдаться». По меркам тех, кто придирается к этому положению приказа, сдаться врагу в плен — это совершенно нормально. Однако в русском языке слово «сдаться» означает — «прекратить сопротивление, признать себя побежденным. ...Сдаться врагу без боя...»

Через год, 28 июля 1942 года, за подписью Сталина вышел другой приказ № 227.

До сих пор достается вождю и за это «сочинение». Но давайте разберемся. Вождь вполне доступным языком объясняет сложившуюся ситуацию: «Враг бросает на фронта все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется вглубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немцы оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг

уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором...

Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам».

Во-вторых, Сталин объясняет, к чему может привести отступление дальше: «Каждый командир, красноармеец и политработник должны понять, что наши средства неограничены. Территория Советского государства — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы, матери, жены, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, — это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступить дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину.

Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину».

В-третьих, Сталин говорит, что пора кончать отступление: «Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв. Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности. Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны оставаться, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас, в ближайшие несколько месяцев, это значит обеспечить за нами победу.

Можем ли выдержать удар, а потом и отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно и наш фронт получает все больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов.

Чего же у нас не хватает?

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять Родину.

Нельзя терпеть дальше командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу.

Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования.

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо как с предателями Родины».

В-четвертых, вождь рассказывает про немецкий опыт по восстановлению дисциплины:

«После своего зимнего отступления под напором Красной армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали более 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, далее, около десятка штрафных батальонов из командиров провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасные участки фронта и приказали им искупить свои грехи. Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникеров в случае попытки самовольного оставления позиций и в случае попытки сдаться в

плен. Как известно, эти меры возымели свое действие, и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой...

Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу?»

Иоахим Гофман в своей книге «Сталинская война на уничтожение» так комментирует этот приказ: «Типичным для Сталина и характерным для отношений в Красной армии было то, что он не воззвал к постоянно заклиняемому “советскому патриотизму”, а, напротив, счел распространение страха и ужаса подходящим средством, чтобы побудить красноармейцев сражаться за их “социалистическое отечество”. Это проявилось и во время кризиса 1942 г., когда, невзирая на систему террора, и без того доведенную к этому периоду до совершенства, Сталин еще раз прямо обратился к советским солдатам всех рангов в угрожающем тоне. После того, как в июле 1942 г. на южном участке наметилась угроза прорыва немецких наступающих соединений в глубь страны и в немецких документах уже пошла речь о “паническом” и “диком бегстве” советских войск, Сталин в качестве народного комиссара обороны 28 июля 1942 г. издал приказ № 227, практически еще одно ужесточение приказа № 270 от 16 августа 1941 г. Недвусмысленными словами напоминалось теперь о требовании ликвидировать на месте или передавать для осуждения военному трибуналу “изменников родины”, сдающихся врагу или предающихся бегству от него, “паникеров и трусов”. В Рабоче-Крестьянской Красной армии, якобы исполненной “горячим советским патриотизмом” и “массовым героизмом”, не только военнослужащие низших офицерских рангов, как командиры взводов и рот, или даже командиры батальонов и полков, но и точно так же все генералы, командиры дивизий и корпусов, а также командующие армиями и их Военные советы, военные комиссары и политруки, не говоря уже о солдатской массе, считались в принципе способными к “измене родине”, и им угрожали суровым возмездием. Кроме того, Сталин приказал сформировать “смотря по обстановке” штрафные батальоны по 800 человек для всех неустойчивых “средних и старших командиров” и “соответствующих политработников” и штрафные роты для всех пораженчески настроенных младших командиров и рядовых...»

Язвительность Гофмана вполне понятна, но трудно понять тех русских историков, которые опираются на его труды. Ведь на войне, когда решается судьба народа, судьба государства, не всегда можно уповать на какие-либо «заклинания», а страх и паника на

любой войне, в любом государстве мира никогда не способствовали победам. То же самое касается и предателей. Когда говорят о наших предателях, то со слов западных историков их называют борцами с режимом Сталина. А вот у них предатель — это враг.

И вот мы подошли к главному. В русском языке слово «военнопленный» означает: «Военнослужащий, взятый в плен», при этом слово «взять» выражает внезапное или неожиданное действие. То есть военнослужащий, взятый в плен, взят в плен внезапно или неожиданно. А вот слово «предать» означает — «изменнически выдать, вероломно отдать во власть... Изменить, нарушить верность кому-, чему-либо...» И нет какого-либо иного значения этого слова!

ВОЕННОПЛЕННЫЙ СЫН ВОЖДЯ

20 июля 1941 года на стол Сталину положили распечатку сообщения берлинского радио. «Из штаба фельдмаршала Клюге поступило донесение, что 16 июля под Лиозно, юго-восточнее Витебска, немецкими солдатами моторизованного корпуса генерала Шмидта захвачен в плен сын диктатора Сталина — старший лейтенант Яков Джугашвили, командир артиллерийской батареи из седьмого стрелкового корпуса генерала Виноградова», — прочитал Сталин. Судьба сына не могла не волновать его. Яков был не просто его старшим сыном... Прежде всего он был сыном Верховного главнокомандующего. А это уже политика.

«Хотя, впрочем, — думал вождь, — само по себе сообщение радио из логова врага может быть лишь самой обыкновенной пропагандистской уловкой врага. Нужно все хорошо перепроверить!»

В кабинете Сталина находились Маленков, Молотов, Берия, Жуков и еще несколько приглашенных им человек.

Прежде всего вождь обратился к Лаврентию Берии:

— Нужно как можно скорее перепроверить это сообщение. Возможно, что это обыкновенная дезинформация. — В голосе Сталина, всегда спокойном, прорывалось волнение. — А вы, товарищ Жуков, — теперь он посмотрел в глаза начальнику Генерального штаба, — запросите штаб фронта.

...К концу 9 июля 1941 года 14-я танковая дивизия, 14-й мотострелковый полк, 14-й гаубичный артиллерийский полк и 220-я стрелковая дивизия вышли на рубеж Вороны — Фальковичи и были отрезаны противником от основных сил.

Ближе к вечеру 11 июля части и соединения перешли к обороне Лиозно. На следующий день войсковая группа, несколько

дней как переподчиненная командиру 34-го стрелкового корпуса 19-й армии, заняла и удерживала противотанковый район у станции Лиозно, а с рассветом 13-го на рубеже Вороны — Поддубье вела бой с танками и пехотой противника, после натиска которого подразделения 14-й танковой дивизии отошли.

В это время 14-й мотострелковый полк и 14-й гаубичный артполк во взаимодействии с частями 220-й стрелковой дивизии наступали на Витебск.

Они овладели селом Еремеево, но, не выдержав танковых и авиационных атак, начали отход к Лиозно.

Последующие два дня 14 и 15 июля 14 мсп и 14 гап вели бой в районе восточнее Лиозно, но вследствие больших потерь отошли одной группой на север, второй — на юг.

Батарея гаубичного полка, которой с 9 мая 41-го командовал старший лейтенант Яков Иосифович Джугашвили, вместе с соседней батареей своим огнем прикрывала отходившие на юг войска.

К утру 16 июля 14-я танковая дивизия, находящаяся в окружении, вышла из подчинения 34-го стрелкового корпуса и вошла в состав 7-го механизированного корпуса 20-й армии.

Первые группы военнослужащих 14 тд появились в местах сбора 17—19 июля. Вечером 19 июля из окружения вышли бойцы и командиры 14-го гаубичного полка. Из 1240 человек вышло 413, а 675 пропали без вести. Среди них не оказалось и Якова Джугашвили...

А на следующий день, 20 июля 41-го, командующий 20-й армией генерал Курочкин получил приказ шифртелеграммой от начальника штаба Западного направления: «Выяснить и донести в штаб фронта, где находится командир батареи 14-го гаубичного полка 14-й танковой дивизии старший лейтенант Джугашвили Яков Иосифович».

В тот же день на поиски старшего сына вождя была отправлена группа мотоциклистов во главе со старшим политруком Гороховым. Старший политрук, добравшись до озера Каспля, встретил красноармейца Лопуридзе, который рассказал, что вместе с Яковом Джугашвили выходил из окружения.

По словам Лопуридзе, 15 июля они вместе переоделись в гражданскую одежду, закопали свои документы, после чего, убедившись, что немцев поблизости нет, Яков якобы решил передохнуть, а красноармеец пошел дальше, пока не встретил группу мотоциклистов.

Предположив, что Яков, наверное, уже вышел к своим, Горохов прекратил дальнейшие поиски и вернулся в дивизию...

К слову сказать, личность Лопуридзе так и осталась неустановленной. Кем он был в действительности? Теперь уже никто не сможет ответить на этот вопрос. А вот старший политрук Горохов просто халатно отнесся к выполнению приказа...

Имеется, однако, весьма любопытное свидетельство очевидца: «В июле 1941 г. я был в прямом подчинении у старшего лейтенанта Я. Джугашвили. По приказу командования наш взвод броневиков БА-6 26-го танкового полка был назначен в полевое охранение гаубичной батареи 14-го артиллерийского полка. Нам было приказано: в случае прорыва немцев и при явной угрозе увезти командира батареи Я. Джугашвили с поля боя.

Однако так случилось, что в ходе подготовки его эвакуации ему был передан приказ срочно явиться на командный пункт дивизиона. Следовавший с ним адъютант погиб, а он оттуда уже не вернулся. Мы тогда так и решили, что это специально было подстроено. Ведь был приказ уже об отступлении, и, видимо, на КП дивизиона уже никого не было.

По прибытии на разъезд Катынь нас встретили сотрудники особого отдела. Нас троих — командира 1-го огневого взвода, ординарца Я. Джугашвили и меня, командира взвода броневиков полевого охранения, неоднократно допрашивали: как могло случиться, что и батареи, и взвод охранения вышли, а Я. Джугашвили оказался в плену? Майор, допрашивавший нас, все говорил: «Придется кому-то оторвать голову». Но к счастью, до этого дело не дошло».

А вот что показал сам Яков Иосифович на первом допросе у немцев 18 июля 1941 года:

«Вопрос: Вы добровольно пришли к нам или были захвачены в бою?

Ответ: Не добровольно, я был вынужден.

Вопрос: Вы были взяты в плен один или же с товарищами, и сколько их было?

Ответ: К сожалению, совершенное вами окружение вызвало такую панику, что все разбежались в разные стороны. Видите ли, нас окружили, все разбежались, я находился в это время у командира дивизии.

Вопрос: Вы были командиром дивизии?

Ответ: Нет, я командир батареи, но в тот момент, когда нам стало ясно, что мы окружены, я находился у командира дивизии, в штабе...»

То есть 16 июля старшего лейтенанта Джугашвили действительно вызвали на командный пункт дивизии, куда он и прибыл

в тот момент, когда началась паника, неразбериха, а дальше все было именно так, как он рассказал сам...

Но продолжим. «Я побежал к своим, но в этот момент меня подождала группа красноармейцев, которая хотела пробиться. Они попросили меня принять командование и атаковать ваши части: Я это сделал, но красноармейцы, должно быть, испугались, я остался один, я не знал, где находятся мои артиллеристы, ни одного из них я не встретил. Если вас это интересует, я могу рассказать более подробно. Какое сегодня число? (сегодня 18-е). Значит, сегодня 18-е. Значит, позавчера ночью под Лиозно, в 1 км от Лиозно, в этот день утром мы были окружены, мы вели бой с вами.

Вопрос: Я хотел бы знать еще вот что. На вас ведь сравнительно неплохая одежда. Возили вы эту гражданскую одежду с собой или получили ее где-нибудь? Ведь пиджак, который сейчас на вас, сравнительно хороший по качеству.

Ответ: Военный? Этот? Нет, это не мой, это ваш. Я же вам сказал, когда мы были разбиты, это было 16-го, 16-го мы все разбрелись, я говорил вам даже, что красноармейцы покинули меня.

Не знаю, может быть, вам это и не интересно, я расскажу вам об этом более подробно! 16-го приблизительно в 19 часов, не позже, позже, по-моему в 24, ваши войска стояли несколько вдалеке от Лиозно, мы были окружены, создалась паника, пока можно было, артиллеристы отстреливались, отстреливались, а потом они исчезли, не знаю куда. Я ушел от них. Я находился в машине командира дивизии, я ждал его. Его не было. В это время ваши войска стали обстреливать остатки нашей 14-й танковой дивизии. Я решил поспешить к командиру дивизии, чтобы принять участие в обороне. У моей машины собрались красноармейцы, обозники, народ из обозных войск. Они стали просить меня: “Товарищ командир, командуй нами, веди нас в бой!” Я повел их в наступление. Но они испугались, и когда я обернулся, со мной уже никого не было. Вернуться к своим уже не мог, так как ваши минометы открыли сильный огонь. Я стал ждать. Подождал немного и остался совсем один, так как те силы, которые должны были идти со мной в наступление, чтобы подавить несколько ваших пулеметных гнезд из 4—5 имевшихся у вас, что было необходимо для того, чтобы прорваться, этих сил со мной не оказалось, один в поле не воин.

Начало светать, я стал ждать своих артиллеристов, но это было бесцельно, и я пошел дальше. По дороге мне стали встречаться мелкие группы — из мотодивизии, из обоза, всякий сброд. Но мне ничего не оставалось, как идти с ним вместе. Я пошел.

Все начали переодеваться, я решил этого не делать. Я шел в военной форме, и вот они попросили меня отойти в сторону, так как меня будут обстреливать с самолета, а следовательно, и их будут обстреливать. Я ушел от них. Около железной дороги была деревня, там тоже переодевались. Я решил присоединиться к одной из групп. По просьбе этих людей я обменял у одного крестьянина брюки и рубашку, я решил идти вечером к своим. Да, все это немецкие вещи, их дали мне, ваши сапоги, брюки. Я все отдал, чтобы выменять. Я был в крестьянской одежде, я хотел бежать к своим. Каким образом? Я отдал военную одежду и получил крестьянскую. Ах нет, боже мой! Я решил пробиваться вместе с другими. Тогда я увидел, что окружен, идти никуда нельзя. Я пришел, сказал: “Сдаюсь”. Все!.. Я не хочу скрывать, что это позор, я не хотел идти, но в этом были виноваты мои друзья, виноваты были крестьяне. Я им этого не сказал, они думали, что из-за меня их будут обстреливать.

Вопрос: Ваши товарищи помешали вам что-либо подобное сделать или и они причастны к тому, что вы живым попали в плен?

Ответ: Они виноваты в этом, они поддерживали крестьян. Крестьяне говорили: “Уходите”. Я просто зашел в избу. Они говорили: “Уходи сейчас же, а то мы донесем на тебя!” и уже начали мне угрожать. Они были в панике. Я им сам сказал, что и они должны уходить, но было поздно, меня все равно поймали бы. Выхода не было. Итак, человек должен бороться до тех пор, пока имеется хотя бы малейшая возможность, а когда нет никакой возможности, то... Крестьянка прямо плакала, она говорила, что убьют ее детей, сожгут ее дом...»

Следует отметить, что после того как пропал сын Сталина и сверху стали поступать соответствующие шифровки и распоряжения, многие командиры и начальники не на шутку заволновались и начали попросту врать.

Так появилась вторая, более красивая версия исчезновения Якова Джугашвили: «Когда возникла угроза окружения, батарея Якова Джугашвили по приказу командира 14-й танковой дивизии полковника Васильева была отведена первой, а самому Джугашвили начальник Особого отдела контрразведки дивизии предложил место в своей автомашине.

Джугашвили от этого предложения отказался, сказав, что желает остаться со своими артиллеристами. Узнав об этом, командир дивизии Васильев приказал начальнику артиллерии, невзирая ни на какие возражения, вывезти Джугашвили в район сосредото-

чения дивизии на станцию Лиозно. Как явствует из донесения начальника артиллерии, приказ был выполнен. Однако в ночь на 17 июля, когда оставшимся в живых бойцам артиллерийского полка удалось наконец вырваться из “котла”, Якова Джугашвили среди них не оказалось».

Видимо, в той обстановке паники и неразберихи очень многим не было дела до сына вождя. Зато задним числом очень многие командиры оказались весьма отзывчивыми и заботливыми людьми! Кроме мотоциклистов политрука Горохова к поискам сына вождя подключились: группа офицеров штаба армии, сотрудник контрразведки фронта и политработники 16-й армии.

Тогда же начальник Политуправления Западного фронта рапортовал наверх: «Принимаются все меры к быстрому розыску товарища Джугашвили». Но все усилия уже были напрасны: Яков Иосифович попал в плен. В сборном лагере «Березина» он ничем не выделялся среди представителей народностей Кавказа и Средней Азии. Тысячи советских военнопленных бойцов и командиров, а среди них — рядовой грузин Лавадзе! И все бы ничего, если бы Джугашвили не выдали...

Но вот что примечательно. 7 августа 1941 года А.А. Жданов по телефону кратко ознакомил Сталина с полученным им секретным документом следующего содержания:

«Секретно

Члену Военного Совета
Северо-Западного направления
Тов. А.А. Жданову.

Направляю Вам 3 листовки, сброшенные с самолетов противника на линии нашего фронта.

Приложение: 3 листовки, только адресату.

Начальник Политического управления
Северо-Западного фронта
7 августа 1941 г.
(подпись неразборчива)».

Текст одной из листовок был следующим: «Товарищи красноармейцы! Неправда, что немцы мучают вас или даже убивают пленных! Это подлая ложь! Немецкие солдаты хорошо относятся к пленным! Весь народ обманывают! Вас запугивают, чтобы вы

боялись немцев! Избегайте напрасного кровопролития и спокойно переходите к немцам!»

Под фотографией, на которой два немецких офицера беседуют с пленным, разъяснялось: «Немецкие офицеры беседуют с Яковом Джугашвили. Сын Сталина, Яков Джугашвили, старший лейтенант, командир батареи 14-го гаубичного артиллерийского полка 14-й бронетанковой дивизии, сдался в плен к немцам. Если уж такой видный советский офицер и красный командир сдался в плен, то это показывает с очевидностью, что всякое сопротивление Германской армии совершенно бессцельно. Поэтому кончайте все войну и переходите к нам!»

На обороте листовки копия рукописного текста: «Дорогой отец! Я в плену, здоров, скоро буду отправлен в один из офицерских лагерей Германии. Обращение хорошее. Желаю здоровья, привет всем. Яков».

На нижней кромке второй страницы типографским шрифтом комментарий: «Письмо Якова Джугашвили к своему отцу Иосифу Сталину, доставленное ему дипломатическим путем».

Буквально через восемь дней, 16 августа, Сталин подписывает знаменитый исторический приказ Ставки ВГК № 270. Некоторые историки связывают его суровое содержание именно с этими листовками врага. Однако в «Красной Звезде» от 15 августа 1941 года был опубликован указ Верховного Совета СССР о награждении орденом Красного Знамени старшего лейтенанта Якова Джугашвили за мужество, проявленное в боях против немецких захватчиков. Но, как известно, сын Сталина уже почти месяц находился в плену. Конечно, без санкции отца его не могли наградить орденом. Значит, Указ как бы отрицал пленение сына вождя. В этом тоже заключалась некая политика, направленная на то, чтобы убедить прежде всего Красную армию, что Якова Иосифовича Джугашвили в плену «не было»!

В том же номере газеты в одной из статей было написано: «Изумительный пример подлинного героизма показал в боях под Витебском командир батареи Яков Джугашвили. В ожесточенном бою он до последнего снаряда не оставлял своего боевого поста, уничтожая врага». Возможно, этот номер «Красной Звезды» был ответом на пропаганду противника, а заодно ответом всем неустойчивым бойцам и командирам Красной армии!

В 1941 году Василий Сталин получил письмо от сослуживца Якова. Некий полковник И. Сапегин писал Василию:

«Дорогой Василий Иосифович!

Ни по службе, ни по взаимоотношениям по данным вопросам я не имел права непосредственно апеллировать к Вам. Надеюсь на то, что Вы меня знаете как товарища Якова Иосифовича, с которым я несколько лет учился в Артакадемии и являлся наиболее близким его другом, пишу это письмо.

Я — полковник, который был у Вас на даче с Яковом Иосифовичем в день отъезда на фронт. Перед войной за пять дней я принял артполк в 14-й танковой дивизии, куда Яков Иосифович был назначен командиром батареи. Это его и мое желание служить вместе и на фронте. Я целиком, следовательно, взял на себя ответственность за его судьбу. Причем я был уверен, что с этой задачей справлюсь вполне. Но я и Яков Иосифович ошиблись. Сразу по приезде в полк против меня повелись интриги, и начальник артиллерии 7-го мехкорпуса генерал-майор КАЗАКОВ решил сразу заменить меня своим кандидатом, ссылаясь на то, что я больной человек (но это только придирка). Правда, на должность командира полка я пошел исключительно ради Якова Иосифовича, так как по состоянию здоровья я к строевой службе не пригоден (хронический нефрит). Все же никто не давал права нарушать приказ Наркома, которым я назначен на эту должность.

Когда этого материала оказалось недостаточно, началось подсиживание, клевета, подтасовка в глазах у всех. Вдруг в боевой обстановке, когда боевые действия полка были успешны, меня отзывают в штаб армии, где начальник артиллерии 20-й армии, ссылаясь на материал начальника артиллерии 7-го мехкорпуса (14-я танковая дивизия входила в состав 7-го мехкорпуса), заявил мне, что я допустил беспорядочный отход полка, а за это откомандирован в распоряжение штаба Западного фронта.

На самом деле никогда, а тем более беспорядочно, полк не отступал. После моего ухода такой случай был, когда командовал полком ставленник генерала Казакова. Генерал Казаков из одной породы с Сивковым и Савченко и видел во мне ярого врага этих типов, поэтому решил подлыми путями удалить меня, о чем он высказал мне почти в глаза.

В тот момент, когда меня командировали из одного штаба в другой, Яков Иосифович был всеми забыт и его бросали куда попало. При мне он все время не выходил из моего поля зрения, а дивизион, где он служил, я держал подручным. Правда, это было сделать не всегда возможно, но условие создать можно было всегда. И, наконец, 12 июля без боеприпасов полк был брошен с малой горсткой пехоты против в 10 раз превосходящего противника.

Полк попал в окружение. Командир дивизии бросил их и уехал из боя на танке. Проезжая мимо Якова Иосифовича, он даже не поинтересовался его судьбой, а сам в панике прорвался из окружения вместе с начальником артиллерии дивизии.

Я докладывал в Военный Совет 20-й армии и комиссару дивизии, которые мне заявили, что они решили создать группу добровольцев на поиски Якова Иосифовича, но это делалось настолько медленно, что только 20 числа группа была брошена в тыл врага, причем успеха не имела.

Из этого ясно, на что способны типы, подобные генералу Казакову и Сивкову. Это бездарные люди, но умеют благодаря связям выдвинуться и стоят во главе больших соединений.

Можно много привести ярких примеров, но рамки письма этого сделать не дают. Увижу Вас — расскажу подробно все.

Я виню за судьбу Якова Иосифовича начальника артиллерии 7-го корпуса генерала Казакова, который не только не проявлял о нем заботы, но и ежедневно делал мне упрек, что я выделяю Джугашвили, как лучшего командира. На самом деле так и было. Яков Иосифович был одним из лучших стрелков в полку, а особое внимание в личной жизни, которое я уделял ему как товарищу, на службе не отражалось.

Вот на что способны эти люди. Вместо того, чтобы хорошо руководить, они занимаются интригами, боясь разоблачения их жалкого недалекого ума. Поэтому-то они и подбирают себе подчиненных подобных себе и притом «беззубых». Ныне я по милости этих интриганов назначен в легкий артиллерийский полк командиром.

О дальнейшей судьбе Якова Иосифовича мне больше ничего не известно. 10 июля последний раз я видел Якова Иосифовича, он мне сказал, что эти интриги ведутся косвенным путем против него. Я же оказался козлом отпущения.

Убедительно прошу, если можете, отозвать меня в Москву, откуда я получу назначение по соответствию, так как я все время служил в тяжелой артиллерии.

Юлии Исааковне прошу об этом не говорить.

Буду весьма благодарен.

И. САПЕГИН

Мой адрес: Действующая армия. Западный фронт, 20-я армия, командиру 308-го легкого арtpолка.

Простая корреспонденция направляется по адресу: Действующая армия. Западный фронт, база литер 61 ПС 108, 308 лап. САПЕГИНУ ИВАНУ ЯКОВЛЕВИЧУ.

5.VIII — 41 г.»

Возможно, полковник Сапегин и переживал за судьбу Якова Джугашвили, но тем не менее целью его письма был также и вызов в Москву, а само письмо напоминает донос.

Осенью 41-го Якова перевели в Берлин в распоряжение службы пропаганды Геббельса. Там его с комфортом разместили в отдельном флигеле. Но ни комфорт, ни уговоры, ни шантаж не смогли заставить сына Сталина разговориться. Фашистам удалось немного: допросить его, сделать фотографии, распечатать листовки... Поэтому в начале 1942 года его переводят в офицерский лагерь «Офлаг XIII-Д» в Хаммельбурге, затем весной — в «Офлаг» в Любеке. В феврале 1943 года Яков Джугашвили был переведен в концлагерь Заксенхаузен, где находился в особом бараке до момента своей смерти при не выясненных до конца обстоятельствах в апреле 43-го.

К слову, в отличие от миллионов военнопленных, он не был брошен на произвол судьбы. Известны как минимум две попытки вызволить его из неволи. Об одном отряде специального назначения упоминается в воспоминаниях Долорес Ибаррури, вышедших отдельной книгой в Барселоне в 1995 году. В составе спецгруппы был испанец Хосе Парро Мойсо с документами на имя офицера франкистской «голубой дивизии». Однако эта попытка вызволить Якова из концлагеря Заксенхаузен не увенчалась успехом — группа погибла.

Неудачной оказалась и вторая попытка. Группа, сформированная из одиннадцати разведчиков, предварительно прошедших специальную подготовку, отработав операцию на макетах, была заброшена в глубокий тыл противника. Но опоздала. Накануне Яков был переведен в другой лагерь. При отходе группа потеряла несколько человек.

А приказ № 270 все же сыграл свою роковую роль... После его выхода жена Якова — Юлия Исааковна Мельцер — была арестована. Из куйбышевской тюрьмы она вышла лишь весной 1943 года совершенно седой. Только смерть мужа подарила ей свободу...

В мемориале лагеря Заксенхаузен хранится воспоминание, оставленное его бывшими узниками о сыне вождя: «Яков Джугашвили постоянно ощущал безысходность своего положения. Он часто впадал в депрессию, отказывался от еды, особенно на него действовало не раз передававшееся по лагерному радио заявление Сталина о том, что “нет военнопленных — есть изменники Родины”. Возможно, что это и подтолкнуло его на безрассудный шаг. Вечером 14 апреля 1943 года Яков отказался войти в барак и

бросился в мертвую зону. Часовой выстрелил. Смерть наступила мгновенно. И тогда труп бросили на проволочный забор, находившийся под высоким напряжением.

“Попытка к бегству”, — рапортовало лагерное начальство. Останки Якова Джугашвили были сожжены в лагерном крематории...»

Однажды Маршал Советского Союза Г.К. Жуков спросил Сталина:

— Товарищ Сталин, я давно хотел узнать о вашем сыне Якове. Нет ли сведений о его судьбе?

Вождь долго ходил вдоль стола своего кабинета, прежде чем ответил на вопрос каким-то нехарактерным для него приглушенным голосом:

— Не выбраться Якову из плена. Расстреляют его. Душегубы. По наведенным справкам, держат они его изолированным от других военнопленных и агитируют за измену Родине... — Немного помолчав, он добавил: — Яков предпочтет смерть измене Родине...

Информация о сыне поступала к Сталину и в годы войны, и после ее окончания. Так, 5 марта 1945 года нарком внутренних дел Берия докладывал ему:

«В конце января с.г. Первым Белорусским фронтом была освобождена из немецкого лагеря группа югославских офицеров. Среди освобожденных — генерал югославской жандармерии Стефанович, который рассказал следующее.

В лагере “Х-С” г. Любек содержался ст. л-т Джугашвили Яков, а также сын бывшего премьер-министра Франции Леона Блюма — капитан Роберт Блюм. Джугашвили и Блюм содержались в одной камере. Стефанович раз 15 заходил к Джугашвили, предлагал материальную помощь, но тот отказался, вел себя независимо и гордо. Не вставал перед немецкими офицерами, подвергался за это карцеру. “Газетные сплетни немцев обо мне — ложь”, — говорил Джугашвили. Был уверен в победе СССР. Написал ему свой адрес в Москве: ул. Грановского, дом 3, кв. 84».

А вот докладная из Берлина за 14 сентября 1946 года, адресованная министру внутренних дел СССР генерал-полковнику Круглову С.Н., которая после прочтения последним была доложена Сталину: «Оперативным Сектором МВД гор. Берлина 10-го июля с.г. был арестован работник отдела “1-Ц” Главного штаба Центральной группы немецких войск — ГЕНСГЕР Пауль.

Будучи допрошенным, он показал, что в 1941 году в городе Борисове он в качестве переводчика участвовал на допросе стар-

шего лейтенанта артиллерии ДЖУГАШВИЛИ Якова. Допрос вел капитан отдела “1-Ц” доктор ШУЛЬЦЕ, работник 5-го отдела Главного управления Имперской Безопасности. После допроса ДЖУГАШВИЛИ был направлен в концлагерь Заксенхаузен.

В дальнейшем нами было установлено, что американцы в 1945 году арестовали более 15 работников лагеря Заксенхаузен. Поэтому была заявлена просьба передать их для дальнейшего следствия нам, так как лагерь Заксенхаузен находится на нашей территории. Американцы передали арестованных, в числе которых оказался комендант лагеря КАЙНДЛЬ, полковник СС, и командир охранного батальона ВЕГНЕР, подполковник СС.

В целях проверки показаний ГЕНСГЕРА был допрошен арестованный бывший командир охранного батальона СС дивизии “Мертвая Голова”, охранявшего концлагерь Заксенхаузен, ВЕГНЕР Густав, 1905 года рождения, с высшим полицейским образованием, член фашистской партии с 1939 года.

На допросе ВЕГНЕР Густав показал, что в концлагере Заксенхаузен находился особый лагерь “А”. В этом лагере содержались генералы и старшие офицеры Красной армии, английской и греческой армий.

В марте месяце 1943 года ВЕГНЕР шел по территории особого лагеря “А” вместе с комендантом концлагеря Заксенхаузен полковником СС — КАЙНДЛЕМ, который обратил его внимание на барак № 2 и сказал, что в этот барак сегодня должны быть переведены из тюрьмы концлагеря два старших лейтенанта, один из которых является сыном Сталина, а второй — родственником Молотова.

При этом приказал ему, чтобы в бараке вывесили правила поведения военнопленных на русском языке.

На следующий день действительно в барак № 2 были переведены генерал БЕССОНОВ, два подполковника и старшие лейтенанты ДЖУГАШВИЛИ Яков и КОКОРИН. Генерал-майор БЕССОНОВ у немцев был начальником школы диверсантов-подростков в гор. Познань, в настоящее время арестован и находится в Москве.

В последующем ВЕГНЕР несколько раз приходил в барак № 2 и спрашивал у старшего лейтенанта ДЖУГАШВИЛИ, какие он имеет просьбы к комендатуре лагеря. ДЖУГАШВИЛИ никогда ничего не просил, кроме газет, по которым интересовался положением на фронте. Свою фамилию ДЖУГАШВИЛИ никогда не называл. Держал себя всегда независимо и с некоторым презрением к администрации лагеря.

Далее ВАГНЕР показал, что в конце 1943 года ему стало известно, что ДЖУГАШВИЛИ был убит часовым при попытке к бегству. Подробностей убийства ВЕГНЕР якобы не знает, так как следствие по этому случаю велось по поручению ГИММЛЕРА.

В связи с такими показаниями нами был допрошен комендант концлагеря Заксенхаузен — КАЙНДЛЬ, полковник СС, член фашистской партии с 1937 года, который подтвердил, что действительно старший лейтенант ДЖУГАШВИЛИ в течение трех недель содержался в лагерной тюрьме, а затем по указанию ГИММЛЕРА был переведен в особый лагерь “А”.

Этот лагерь состоял из трех барakov, огороженных каменной стеной, и, кроме того, на расстоянии 2-х метров от стены были поставлены 3 забора из колючей проволоки. Через один из них был пропущен ток высокого напряжения.

Как показал КАЙНДЛЬ, он каждую неделю входил в барак № 2 и интересовался заключенными.

Генерал БЕССОНОВ по заданию ГИММЛЕРА писал проект о реорганизации России по принципу Германии. КАЙНДЛЮ было известно, что БЕССОНОВ и два подполковника являлись агентами гестапо, работали более года под руководством немцев по разложению Красной армии, но в чем-то провинились и поэтому их направили в концлагерь.

Старший лейтенант ДЖУГАШВИЛИ держал себя замкнуто, ни с кем не разговаривал, в том числе и с генералом БЕССОНОВЫМ, и никаких просьб к администрации лагеря не заявлял, но весьма интересовался положением на фронте.

КАЙНДЛЬ один раз, по просьбе ДЖУГАШВИЛИ, кроме газет дал карту с обозначением положения частей Красной армии и немецкой армии. ДЖУГАШВИЛИ долго и внимательно рассматривал карту.

Относительно убийства ДЖУГАШВИЛИ КАЙНДЛЬ показал, что в конце 1943 года старший лейтенант ДЖУГАШВИЛИ был убит часовым при следующих обстоятельствах:

Арестованные барака № 2 были на прогулке около барака. В 7 часов вечера эсэсовец — ЮНГЛИНГ, наблюдавший за ними, приказал зайти в барак, и все пошли. ДЖУГАШВИЛИ не пошел и потребовал коменданта лагеря. эсэсовец ЮНГЛИНГ повторил свое приказание, но ДЖУГАШВИЛИ отказался его выполнять. Тогда эсэсовец сказал, что пойдет звонить по телефону коменданту КАЙНДЛЮ. Во время разговора по телефону ЮНГЛИНГ сказал КАЙНДЛЮ, что слышит выстрел, и повесил трубку. В это время, как показывает КАЙНДЛЬ, происходило следующее:

ДЖУГАШВИЛИ, идя в раздумьи, перешел через нейтральную тропу к проволоке. Часовой взял винтовку наизготовку и крикнул “стой”. ДЖУГАШВИЛИ продолжал идти. Часовой крикнул “стрелять буду”.

После этого окрика ДЖУГАШВИЛИ начал ругаться, схватился руками за гимнастерку, разорвал ворот, обнажил грудь и закричал часовому “стреляй”. Часовой выстрелил в голову и убил ДЖУГАШВИЛИ.

ДЖУГАШВИЛИ одновременно с выстрелом часового схватился за проволоку высокого напряжения и сразу же упал на первые два ряда колючей проволоки.

В таком положении убитый ДЖУГАШВИЛИ по указанию КАЙНДЛЯ лежал 24 часа, пока не поступило распоряжение ГИММЛЕРА — снять труп и отвезти на исследование в лагерьный крематорий. Затем в крематорий приехали два профессора из Имперской Безопасности, которые составили акт о том, что ДЖУГАШВИЛИ убит ударом электрического тока высокого напряжения, а выстрел в голову последовал после. Вместе с этим в акте было записано, что часовой действовал правильно, согласно инструкции.

После заключения профессоров тело ДЖУГАШВИЛИ было сожжено в крематории, а пепел помещен в урну, которая была отправлена вместе с материалами расследования убийства ДЖУГАШВИЛИ в Главное Управление Имперской Безопасности.

Как показывает КАЙНДЛЬ, он во время следствия боялся неприятностей от ГИММЛЕРА, но дело обошлось “благополучно”.

В целях проверки правильности показаний КАЙНДЛЯ о расстреле ДЖУГАШВИЛИ ему было предложено описать внешний вид ДЖУГАШВИЛИ.

КАЙНДЛЬ хорошо помнил внешний облик ДЖУГАШВИЛИ и правильно описал его.

Кроме того, был предъявлен снимок ДЖУГАШВИЛИ, вырезанный из немецкого журнала. И на снимке КАЙНДЛЬ сразу показал ДЖУГАШВИЛИ.

Таким образом, показания КАЙНДЛЯ в той части, что у него в лагере в 1943 году содержался и был расстрелян ДЖУГАШВИЛИ, не вызывают сомнения.

Добавление КАЙНДЛЯ о том, что ДЖУГАШВИЛИ убит электрическим током высокого напряжения, является вымыслом КАЙНДЛЯ в целях смягчения его ответственности за расстрел ДЖУГАШВИЛИ.

На заданный мной вопрос КАЙНДЛЮ, где хранилось личное дело на военнопленного ДЖУГАШВИЛИ, он ответил, что дело

хранил у себя в сейфе, а перед капитуляцией Германии приказал своему адъютанту сжечь.

В ходе следствия установлено, что комендант концлагеря полковник СС — КАЙНДЛЬ и командир охранного батальона СС — подполковник СС ВЕГНЕР, боясь предстоящей ответственности за совершенные преступления в концлагере, не все говорят. Зафиксированы их попытки покончить жизнь самоубийством, при этом высказывают намерения броситься на часового, разбиться о стену камеры и т.д...»

Таким образом, старший сын Сталина Яков Джугашвили, находясь в плену, вел себя там мужественно и не пошел на сотрудничество с немцами.

22 апреля 1943 года Гиммлер направил письмо в нацистское министерство иностранных дел:

«Дорогой Риббентроп!

Посылаю Вам рапорт об обстоятельствах, при которых военнопленный Яков Джугашвили, сын Сталина, был расстрелян при попытке к бегству из особого блока “А” в Заксенхаузене близ Ораниенбурга.

Хайль Гитлер!

Ваш Генрих Гиммлер».

Все справки, письма, протоколы допросов и другие материалы о пребывании в немецком плену и гибели Якова Иосифовича Джугашвили за период с 1941 по 1945 год, а также другие материалы сегодня находятся на хранении в архивном фонде 3-го Главного управления контрразведки «СМЕРШ» МГБ СССР.

И теперь, казалось бы, все ясно в трагической судьбе сына Сталина, прожившего в немецкой неволе целый год и еще девять месяцев. Однако с недавнего времени появилась новая версия, которая говорит о том, что старший сын Сталина никогда не был в немецком плену в годы войны, а его плен немцы просто инсценировали.

Не думаю, что советские спецслужбы не смогли бы установить обман, если бы он действительно имел место. Для этого у них было достаточно времени и возможностей.

Да и кто бы посмел водить за нос Иосифа Виссарионовича!

Факт пребывания Якова Джугашвили лишний раз доказывает следующий документ:

«СПРАВКА МАЙОРА МИНАСЯНА о Я.И. ДЖУГАШВИЛИ
12 марта 1945 г.

В представительство уполномоченного СНК СССР по репатриации советских граждан в Западной Европе.

Г. Париж, 16-е, ул. Генерала АППЕР, 4.

СПРАВКА

Капитан артиллерии Яков Иосифович ДЖУГАШВИЛИ (сын маршала СССР товарища СТАЛИНА) находился со мной в плену в Южной Баварии, около маленького города Гоммельбурга. Лагерь военнопленных был международного характера, где были заключены в застенки: советские, французские, английские и бельгийские офицеры. В этом лагере были заключены 27 советских генералов и много старшего начальствующего состава РККА.

Яков Джугашвили в этом лагере был заключен с апреля месяца 1942 года и был в нем по июнь 1942 года, а после чего был переведен в другой мне известный лагерь. Яшу Джугашвили лично знали многие советские офицеры. За короткий промежуток времени нахождения в Гоммельбургском лагере показал себя стойким, а своим поведением мужественным и непоколебимым советским офицером, достойным сыном Великого отца, Маршала товарища Сталина. Питание он получал такое же, как и остальные советские офицеры, т.е. 150 гр. отварного “хлеба” в день, один раз брюквенный суп без всякой приправы.

Немцы его использовали на хозяйственных работах внутри лагеря, воспользовавшись его способностями: он работал резчиком по кости. Из лошадиных костей он резал фигуры, шахматы, табачные трубки и т.д.

Ежедневно приезжали к нему фотокорреспонденты фашистских газет с сотрудниками ГЕСТАПО, чтобы принудить Яшу и получить от него им выгодные сведения, на что всегда встречали твердый отказ: “Я люблю свою Родину, я никогда ничего не скажу плохого о моей Родине!” — таков был ответ Яши. Яшу Джугашвили одели немцы в “камуфлет”. На его красноармейском мундире в 12-ти местах большими буквами разноцветными красками было написано “S.U.”.

Начальник штаба 1-го Сов. партизанского полка
майор (МИНАСЯН)

12 марта 1945 г.

Г. Ним.

Верно: Начальник отдела по работе за границей полковник ФИЛАТОВ...»

В 1945 году в Потсдаме Сталину предложили поехать в Заксенхаузен, посмотреть, где погиб его сын.

— Я приехал сюда не по личным делам, — ответил вождь...

ТОВАРИЩ СТАЛИН: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Во второй половине дня 12 августа 1942 года самолет с английской делегацией приземлился на Центральном аэродроме в Москве.

Уинстона Черчилля встречали заместитель председателя Совнаркома и нарком иностранных дел В.М. Молотов, начальник Генерального штаба РККА маршал Б.А. Шапошников, другие официальные лица, представители дипломатического корпуса, прессы и радио.

Не было только Сталина...

Премьер-министра Великобритании, немного опасавшегося роскошного банкета и русского гостеприимства, разместили на государственной даче № 7, что под Москвой.

«После всех необходимых погружений и омовений нас угощали в столовой всевозможными отборными блюдами и напитками, в том числе, конечно, икрой и водкой. Кроме того, было много других блюд и вин из Франции и Германии, гораздо больше, чем мы могли или хотели съесть», — вспоминал английский премьер.

В 7 часов вечера состоялась его первая встреча со Сталиным.

Как он сам напишет, «я прибыл в Кремль и впервые встретился с великим революционным вождем и мудрым русским государственным деятелем и воином, с которым в течение следующих трех лет мне предстояло быть в близких, строгих, но всегда волнующих, а иногда даже сердечных отношениях».

Первые переговоры продолжались около 4 часов. 13 августа состоялась их вторая беседа.

Официальный обед был назначен на 14 августа.

Как известно, обеды там происходили по обыкновению в вечернее время.

В этот раз на нем присутствовало около 40 человек, в том числе некоторые военачальники, члены Политбюро и другие высокопоставленные лица.

«Такие обеды длятся долго, было произнесено множество тостов и ответов на них в форме очень коротких речей. Сплетни о том, что эти советские обеды превращаются просто в глупые попойки, абсолютно беспочвенны. Маршал и его коллеги неизменно пили после тостов из крохотных рюмок, делая каждый раз лишь маленький глоток. Меня угощали изрядно», — вспоминал У. Черчилль.

Присутствовавший на этом обеде будущий маршал авиации А.Е. Голованов описал обед несколько более красочно, нежели это сделал английский премьер: «Тем временем я увидел в руках британского премьера бутылку армянского коньяка. Рассмотрев этикетку, он наполнил рюмку Сталина. В ответ Сталин налил тот же коньяк Черчиллю. Гости следовали один за другим. Сталин и Черчилль пили вровень. Я уже слышал, что Черчилль способен поглощать большое количество горячительных напитков, но таких способностей за Сталиным не водилось. Что-то будет?! Почему и сам не знаю, мною овладела тревога. За столом шла оживленная беседа, звучала русская и английская речь.

Референт Павлов с такой легкостью и быстротой переводил разговор Сталина с Черчиллем, что казалось, они отлично понимают друг друга без переводчика. Я впервые увидел, что можно вести разговор на разных языках так, словно переводчика не существует.

Черчилль вытащил сигару такого размера, что подумалось, не изготавливают ли ему эти сигары на заказ. Речь Черчилля была невнятна, говорил он, словно набрав полон рот каши, однако Павлов ни разу не переспросил его, хотя беседа была весьма продолжительна. В руках Павлова были записная книжка и карандаш: он, оказывается, одновременно стенографировал. Павлова я уже знал, так как мы перебрасывали его на самолете Асимова в Лондон. Небольшого роста, белокурый молодой человек обладал поразительным мастерством переводчика.

Тосты продолжались. Черчилль на глазах пьянел, в поведении же Сталина ничего не менялось. Видимо, по молодости я слишком откровенно проявлял интерес к состоянию двух великих по-

литических деятелей: одного — коммуниста, другого — капиталиста — и очень переживал, чем все это кончится.

Наконец, Сталин вопросительно взглянул на меня и пожал плечами. Я понял, что совсем неприлично проявлять столь явное любопытство, и отвернулся. Но это продолжалось недолго, и я с тем же откровенным, присущим молодости любопытством стал смотреть на них.

Судя по всему, Черчилль начал говорить что-то лишнее, так как Брук, стараясь делать это как можно незаметнее, то и дело тянул Черчилля за рукав. Сталин же, взяв инициативу в свои руки, подливал коньяк собеседнику и себе, чокался вместе с Черчиллем, осушал рюмки, продолжая непринужденно вести, как видно, весьма интересовавшую его беседу».

Наконец, обед подошел к концу. Все присутствовавшие встали и попрощались. Английский премьер покидал зал, поддерживаемый под руки. Все стали расходиться. Один Голованов стоял как замороженный и смотрел только на вождя. Безусловно, тот заметил пристальный взгляд молодого генерала и подошел к нему, сказав как-то совсем необычно, по-доброму:

— Не бойся, России я не пропью. А вот Черчилль будет завтра метаться, когда ему скажут, что он тут наболтал... — И немного подумав, добавил: — Когда делаются большие государственные дела, любой напиток должен казаться тебе водой, и ты всегда будешь на высоте. Всего хорошего...»

Иосиф Виссарионович Сталин родился 6/18 декабря 1878 года (по записи в метрической книге Горийского Успенского собора, а официально 9/21 декабря 1879 года) и был крещен 17/29 декабря.

В 1886—1887 годах семья Джугашвили переселилась в дом, принадлежащий священнику Христофору Чарквиани, дети которого обучили Иосифа русскому языку, а летом 1888 года хозяин дома отвел Сосо в духовное училище и помог в него поступить.

По воспоминаниям сверстников, будущий вождь не только не выглядел самым бедным, а наоборот, несколько выделялся из общей массы учеников своей одеждой и опрятностью.

Бог хранил его. В 1884 году он перенес оспу и в это же время повредил достаточно серьезно левую руку...

В 1892 году семья Джугашвили распалась окончательно. Отец Сталина уехал в Тифлис, а так как сын сделал выбор в пользу матери, отказался помогать в его содержании. После развода с мужем мать Сосо работала в семьях, где стирала, шила и убирала.

Домашние работы она выполняла в доме Якова Эгнатошвили — гордого, сильного и независимого мужчины, купца второй гильдии, известного виноторговца, владельца виноградников.

В мае 1894 года Сосо с отличием окончил Горийское духовное училище и был рекомендован в духовную семинарию, куда поступил летом этого же года. Он был достаточно способным учеником и вполне мог сделать успешную духовную карьеру, но не воспользовался такой возможностью. Если первый класс в 1895 году он окончил по первому разряду, то второй только с одной отличной оценкой (по остальным предметам ему поставили четверки).

Третий класс Сосо окончил по второму разряду со средним баллом 3,8, передвинувшись в списке успевающих с 5-го на 16-е место.

В четвертом классе он уже переместился на 20-е место. Из десяти предметов он имел по одному — четверку, по одному — двойку, а по остальным — тройки.

В 1896 году Иосиф Джугашвили вступил в ученический кружок, с которого, собственно, и начался его путь в революционеры. Именно с этим связано его постепенное охлаждение к учебе... Летом 1898 года И. Джугашвили стал членом Тифлисской организации РСДРП, а уже весной 1901 года, спасаясь от ареста, он впервые перешел на нелегальное положение.

Его арестовывали как минимум девять раз, и по меньшей мере восемь раз ему удавалось бежать, что не удавалось ни одному из политических заключенных его эпохи.

За свою многогранную революционную деятельность, кроме двух партийных кличек (Коба и Сталин) Сталин имел 30 устных и печатных псевдонимов. Но все же лишь только два были в его жизни ключевыми.

Псевдоним «Коба» был взят из церковно-славянского языка (волховство, предзнаменование), а по-грузински он означал грузинский эквивалент имени персидского царя Кобадеса, сыгравшего большую роль в раннесредневековой истории Грузии.

Царь Коба покорил Восточную Грузию, при нем была перенесена столица Грузии из Мцхета в Тбилиси (конец V века).

Более того, Коба был не просто царем, а еще и великим волашебником (по отзыву византийского историка Феофана). И хотя считается, что Сталин заимствовал этот псевдоним от имени героя одного из романов грузинского классика А. Казбеги — «Отцеубийца», которого также звали Кобой, однако у самого А. Казбеги имя Коба было взято от Кобы-царя.

При этом псевдоним «Коба» был удобен только на Кавказе. Не поэтому ли Иосиф Виссарионович, как только оказался теснее связан с русскими партийными организациями, как только посидел в русских тюрьмах, как только стал вести работу в русских регионах, так сразу же задумался о смене этого псевдонима на другой, звучащий по-русски и имеющий смысл для сугубо русских людей.

Об этом достаточно подробно написал в своей работе «Великий псевдоним» замечательный русский историк В.В. Похлебкин.

«Русскому народу нужны были серьезные, строгие, солидные вожди, — не бросающие слов на ветер. В этом вопросе Ленин и Сталин были всегда едины. И именно это обстоятельство чрезвычайно важно подчеркнуть, так как оно имело непосредственное отношение к выбору нового псевдонима Кобой в конце 1912 г. Его псевдоним отныне должен быть:

Во-первых, звучащим по-русски и русским по конструкции.

Во-вторых, чрезвычайно серьезным, значительным, внушительным по содержанию, не допускающим никаких интерпретаций и кривотолков, в-третьих, он должен был обладать глубоким смыслом, и в то же время не особенно бросаться в глаза, не бить на эффект, быть спокойным, в-четвертых, этот псевдоним должен быть легко произносимым на любом языке и фонетически быть близким к ленинскому псевдониму, но так, чтобы сходство также не ощущалось “в лоб”.

Ко всем этим выводам Сталин пришел... постепенно, если проанализировать его работу над его 22 псевдонимами за 17 лет (1895—1912 гг.). И всем этим условиям отвечал псевдоним — Сталин.

Трудно сказать теперь, когда не осталось никого в живых из старой ленинской партии большевиков, как был тогда воспринят новый сталинский псевдоним. Можно предположить, что его все же заметили, но относились спокойно: очень много тогда было псевдонимов. Но в 1935 г. Анри Барбюс, не скрывая восхищения, писал: “Это — железный человек. Фамилия дает нам его образ: Сталин — сталь. Он негибает и гибок, как Сталин”.

По-видимому, Барбюс ухватил главную мысль Сталина, которая руководила им при выборе нового псевдонима: на смену многосмысловому и целиком окрашенному мистическими восточными персидско-грузинскими мотивами Кобе, — псевдониму логичному для молодого, романтически настроенного революци-

онера, владеющего знанием древней истории своей родины и думающего посвятить себя только ей и своему народу, — приходит в 1912 г. — псевдоним руководителя революционным движением в огромной многоликой империи, задача которого состоит в том, чтобы выковать крепкую, стальную, железную партию, готовую к предстоящим боям».

Начиная с января 1913 года И.В. Джугашвили стал подписываться новым псевдонимом «К. Сталин».

Революционерка Изабелла Георгиевна Морозова, вспоминая о подпольной работе в рабочем предместье Баку, где вел революционную работу молодой Сталин, рассказывала: «Порой его поступки были действительно непонятны. Он отличался от своих товарищей прежде всего поведением: приходил на собрания неожиданно и так же неожиданно уходил, как правило, в разгар заседания, ночью. Во дворе дежурили люди, сопровождавшие профессионального революционера. Чувствовалось, что он больше доверяет своим друзьям, чем иным членам комитета. Объяснял просто: боится провокаторов, утечки информации». Такая осторожность смущала всех профессионалов. Когда на это обратили внимание, Сталин просто отшутился: «Береженого Бог бережет».

А однажды сказали с укором: «Если боишься, можешь не заниматься революционной работой».

Он отвечал: «Только глупый может быть неосторожным».

В циркуляре на Джугашвили, подписанном исполняющим должность Бакинского градоначальника подполковником Мартыновым, среди прочих данных указывалось: «производит впечатление обыкновенного человека».

Племянница Сталина Кира Аллилуева называет своего дядю не иначе, как «неадекватным человеком».

«...Мы не знали, с какой стороны к нему подступиться, — не устаю повторять она. Однако тут же добавляет: — Но, заметьте, Аллилуевы на него зла не держали...»

Когда ее спросили: «Говорят, Сталин любил детей?» «Очень, особенно моего младшего брата Сашу, — отвечала она. — Причем, надо заметить, все детские капризы Саши Иосиф Виссарионович переносил спокойно. А тот постоянно надоедал ему во время работы...»

По мнению Киры Павловны, Сталин относился трепетно не только к родственникам, а даже к домработницам и няням.

«Он был демократичным человеком, никто из прислуги не слышал от него никаких замечаний, капризов. Если что-то не так,

то он всегда вежливо говорил: “Пожалуйста, смените скатерть”. Видимо, его истинный характер проявился позже».

Она говорит о сталинском темпераменте и обаянии, «которого ему было не занимать. Иосиф Виссарионович был веселым открытым человеком, постоянно шутил, рассказывал байки. За это свойство характера Ленин называл его “оригинальным грузином”».

После смерти своей первой жены Екатерины Сванидзе Сталин долго убивался и часто повторял: «За что Бог мне посылает такие ненастья? У меня такая славная жена умерла!»

На похоронах второй жены — Надежды Аллилуевой, подойдя к гробу, он сказал: «Она ушла как враг» — и сделал жест рукой, отталкивающий гроб.

Кира Павловна считает, что в уничтожении многих родственников Сталина была виновата Надежда. «... Она наложила на себя руки, она осрамила вождя. Свой гнев Сталин выплеснул на ее родственников». Изменения в характере Сталина, по ее мнению, произошли во время войны...

Автор исследования жизненного стиля Сталина, известный ученый Б.М. Бим-Бад тайную «страсть к кровопролитиям» вождя объясняет следующим образом: «Сталин всегда презирал людей. К сожалению, действительность ежедневно поставляла ему материал, свидетельствующий об их слабости и низости.

Увы, люди склонны к уничтожению себе подобных. Восхищение тем, кто смог преступить законы человеколюбия, обожествление уголовника, свехубийцы — обыденное явление.

Чем сильнее бьющая рука, тем она желаннее. Существует глубинная потребность людей в жестоком обращении с собой. В ее основе лежит тайная убежденность людей в порочности и себя, и всех окружающих. Слишком много людей строят мир по своему образу и подобию...

Не отвращение, не ужас, не стыд и не гнев часто испытывают люди перед гибелью ближних. А воодушевление и восторг...»

В 1939 году Сталин в очередной раз перечитывал с разноцветными карандашами книгу Ленина «Материализм и империокритицизм». В конце книги и на внутренней стороне последней обложки Иосиф Виссарионович изложил свои потаенные мысли:

«1) слабость

2) лень

3) глупость

единственное, что может быть названо пороком.

Все остальное — при отсутствии вышеуказанного — составляет, несомненно, добродетель.

NB! Если человек

1) силен (духовно)

2) деятелен

3) умен (или способен) —

то он хороший, независимый от любых иных “пороков”.

(1) и (3) дают = (2)

Увы, увы!

И что же видим мы?...»

Выходит, в свои шестьдесят Сталин «задавался классически богословским вопросом: «А кто он, добродетельный человек?»»

По мнению Д.А. Волкогонова, в Гражданской войне Сталин стал более заметен.

«Он выполняет поручения Центрального Комитета партии, они сложны и ответственны». В Царицыне многие обратили внимание на его диктаторские замашки и «твердую руку». Многим не нравился стиль его работы. «Наиболее проницательные командиры не могли почувствовать уже тогда, что у этого человека железная хватка, его трудно “столкнуть” на случайное решение, повлиять на его замысел», — писал генерал. И вот еще: «Как бы там ни было, личное участие Сталина в Гражданской войне отмечено не только исполнением им своих обязанностей комиссара двух наркоматов — по делам национальностей и государственного контроля. Оно заметно и в политическом, пропагандистском, и, собственно, в военных отношениях.

В ходе Гражданской войны Ленин часто использовал Сталина как чрезвычайного уполномоченного, направляемого для инспекции, проверки, выправления дела, получения подробной информации. (...)

Ленин, инструктируя, наставляя Сталина перед поездками на фронт, видел в нем не только члена ЦК, но и одного из представителей многонациональной страны, судьба которой в огромной степени зависела от союза России с другими советскими республиками. (...)

Роль политического руководителя в отдельных “главах” Гражданской войны Сталин исполнял неоднократно. Так, во время первой контрреволюционной попытки ликвидировать советскую власть с помощью мятежа генерала Краснова Сталин по поручению Ленина вместе с Дзержинским, Орджоникидзе, Подвойским, Свердловым, Урицким принимал участие в организации обороны

Петрограда, мобилизации сил для разгрома мятежников. По предложению Ленина Сталин выполнял конкретные задания по приведению в боевую готовность войск Петроградского гарнизона, строительству оборонительных рубежей, строительству отрядов Красной гвардии на заводах и фабриках.

Уже здесь многие имели возможность убедиться в напористости и непреклонности Сталина, диктовавшего директивы, отдававшего распоряжения голосом, не терпящим возражений. Но одновременно наблюдательные партийцы замечали не только его напористость, но и мстительность, злопамятность».

Сталин не был случайным лидером!!!

«Возвышение Сталина объясняется взаимодействием исторически обусловленных факторов, — считает Б.М. Бим-Бад. — Его мировоззрение доставляло ему цели деятельности, характер определял собой выбор средств, власть и особенности народа давали возможность претворять их в действительность. Почти полной маскировки своих целей и средств он достигал благодаря специфике восприятия человека человеком».

Таким образом, будучи революционером, Сталин прошел годы подполья, ссылки, тюрем, революцию и Гражданскую войну. Все это не просто наложило отпечаток на его характер, но и сформировало черты, присущие тогда большинству из его окружения.

Безусловно, человек с такой биографией мог признать только сильную «железную власть».

Д.А. Волкогонов назвал Сталина «насквозь политической фигурой», ибо вождь, по его мнению, «на весь окружающий мир смотрел через призму своих политических интересов, политических приоритетов, политических заблуждений».

Но мог ли быть Сталин другим? Он, прошедший дорогами революционной борьбы, смотрел на окружающий мир глазами революционера. Точно так же, как все его товарищи по борьбе...

К слову, для Церкви Сталин — великий исторический деятель, который сделал и массу плохого, и массу хорошего... В двадцатое столетие царская Россия вступила отсталой страной с преимущественно сельским, безграмотным населением, с зачатками современной промышленности, с более чем узкой научной базой, и как всегда со скверно оснащенной армией... Затем Русско-японская, Первая мировая войны, две революции, Гражданская война, голод, полная разруха и одни враги... Именно после смерти Ленина Сталин принял это жуткое наследие. Не в пример другим, он очень скоро уяснил иллюзию мировой революции и, расправив-

шись с оппозициями, объявил «о строительстве социализма в отдельно взятой стране»...

Григорий Любомиров, автор и режиссер сериала о Сталине, говорит:

— После его смерти прошло уже больше пятидесяти лет, и его нельзя призвать к земному суду, потому что он уже прошел суд небесный.

В конце жизни вождь постоянно читал Библию...

В.М. Молотов и А.Е. Голованов рассказывали Ф. Чуеву, что в 1943 году Сталин сказал:

— Я знаю, что после моей смерти на мою могилу нанесут кучу мусора, но ветер истории безжалостно развеет ее!

...В первые месяцы войны Сталину докладывали о масштабах потерь. Генеральный штаб и Главное управление кадров готовили соответствующие сводки. Как и положено, в них отражалось число погибших, раненых, больных, пропавших без вести. Было подсчитано даже число выбывших из строя лошадей, потерянных танков, самолетов, орудий и минометов. Но вот сколько бойцов и командиров попало в плен, в этих документах не говорилось. Видимо, таковых подсчитать было просто невозможно. Поэтому военнопленные без всяких пояснений оставались в списках без вести пропавших.

Как писал Д.А. Волкогонов, «сам Сталин косвенно признавал наличие большого количества пропавших без вести».

Так, в телеграмме Тимошенко, Хрущеву, Болдину он спрашивал:

«Ставка считает нетерпимым и недопустимым, что Военный Совет фронта вот уже несколько дней не дает сведений о судьбе 28, 38 и 75-й армий и 22-го танкового корпуса. Ставке известно из других источников, что штабы указанных армий отошли за Дон, но ни эти штабы, ни Военный Совет фронта не сообщают, куда девались войска этих армий и какова их судьба, продолжают ли борьбу или взяты в плен. В этих армиях находилось, кажется, 14 дивизий — Ставка хочет знать: куда девались эти дивизии?»

И. Сталин».

«Как Сталин относился к плену? Как реагировал на факты окружения и сдачи в плен больших масс военнослужащих? — задавал вопросы Волкогонов и сам же отвечал на них. — Помимо официальной устной установки, запрещающей плен как недопустимый для советского военнослужащего поступок, у Сталина к этому примешивалось главным образом подозрение в измене,

предательстве, пособничестве врагу. Для Сталина любой человек, побывавший в плену, не заслуживал доверия. Кроме заградотрядов, Сталин лично санкционировал создание специальных лагерей НКВД для “проверки” личного состава, выходящего из окружения. В первые годы войны их было создано достаточно много».

И действительно, советское правительство немало внимания уделяло предотвращению сдачи своих бойцов и командиров в плен еще в период финской войны. Например, Политуправление Ленинградского военного округа выпустило специальное руководство под названием «Боец Красной армии не сдается» (Н. Брыкин, Н. Толкачев). В этой брошюре всем военнослужащим разъяснялось, что исходя из военной присяги, плен — это «измена Родине», а это, в свою очередь, исходя из некоторых статей Уголовного кодекса, является величайшим преступлением и величайшим позором для советского бойца.

В брошюре приводился пример времен Гражданской войны, когда для каждого бойца Красной армии существовал закон, по которому предпочтение отдавалось смерти, нежели позорному плену.

Ибо, как считалось в стране Советов, «большевики не сдаются в плен».

Далее приводились примеры страшных пыток, «ужасной мученической смерти», которые неизбежно ждут красноармейцев в плену у врага.

«А таких, которые сдаются из страха и тем самым изменяют родине, ожидает позорная участь, ненависть, презрение и проклятие семьи, друзей и всего народа», — говорили авторы агитационного издания. Это было государственное мнение...

Еще в 1934 году в Уголовный кодекс было внесено понятие «ЧС» — член семьи изменника родине. К слову, это положение кодекса было использовано в Красной армии. В процессе репрессий военачальников членов их семей расстреливали, сажали в тюрьмы, отправляли в лагеря и ссылки.

Всего через несколько дней после начала войны, 28 июня 1941 года, был издан совместный приказ НКГБ, НКВД и прокурора СССР № 00246/00833/пр/59 сс «О порядке привлечения к ответственности изменников Родины и членов их семей».

24 июня 1942 года вышло постановление ГКО, в котором говорилось, что «Совершеннолетние члены семей военнослужащих, осужденных к высшей мере наказания (расстрелу) за измену Родине (ст. 58—1 УК РСФСР), подлежат аресту и ссылке

в отдаленные местности СССР сроком на 5 лет». Семьи сдавшихся в плен красноармейцев Приказом Ставки ВГК № 270 от 16 августа 1941 года лишались государственного пособия и помощи, независимо от причин и обстоятельств пленения этих военнослужащих. Получалось так, что пленение военнослужащего Красной армии рассматривалось как преднамеренно совершенное преступление. Никакие обстоятельства в расчет не принимались. Под подозрение попадали как военнослужащие, так и гражданские лица, побывавшие за линией фронта даже самое непродолжительное время. Отсюда бойцов и командиров, вырывающихся из окружения, встречали как потенциальных предателей.

Те, кто был допрошен немцами, судили за измену Родине и шпионаж. Попытки скрыть даже кратковременное пребывание в плену нередко заканчивались трагически. Нам, людям послевоенных поколений, возможно, легче осудить ту жестокость, или жесткость власти. Но те, кто видел войну, что называется, перед собой или своими глазами, рассказывали, что творилось тогда... В 41-м трусость была не просто каким-то действием одиночек, она приобрела массовый характер. В совокупности с паникой, страхом, перед еще не увиденным врагом, дезертирством, членовредительством она на долгое время стала всеобщим бедствием Красной армии. И некоторой части советского народа (прифронтовой полосы) ...

Каким образом можно было остановить это гнусное явление начального периода войны? Как можно было доверять на слово, без проверки, людям, вышедшим из окружения или бежавшим из плена? Однозначно одно, что никакие демократические нормы здесь были неприемлемы. Шла война.

Самая жестокая и страшная за всю историю человечества. И от исхода ее зависело — быть или не быть народам Советского Союза.

Истоки сочетания идеологической работы с репрессиями принято относить к началу Гражданской войны (1918 г.). Например, осенью 1918 года в 8-й армии по инициативе Л.Д. Троцкого зародились первые штрафные части. Оценивая взятие Казани (10 сентября 1918 г.), тот же Л.Д. Троцкий заметил, что успех был достигнут сочетанием мер агитации, организации и репрессий.

«Принудительная мобилизация военных специалистов сопровождалась репрессиями. Троцкий приказал взять на учет всех бывших офицеров, которые не желают работать на Красную Армию, и посадить их в концентрационные лагеря. По его инициа-

тиве в 1918 году были созданы концентрационные лагеря в Муроме, Арзамасе и Свяжске.

Троцкий ввел систему заложничества в качестве необходимого условия ведения Гражданской войны. Он был убежден, что, превращая в заложников семьи военных специалистов, он тем самым заставляет их сражаться из страха за жизнь своих близких», — констатирует Ю.Я. Киршин в «Независимом военном обозрении» за 2005 год, № 18.

Но Троцкий пришел к идее «железной дисциплины» не первым. Теоретиком этих мер считается Энгельс... Еще в начале 50-х годов XIX века он писал: «Железная дисциплина... одна может обеспечить победу...»

Троцкому же в этом сложнейшем деле пришлось стать практиком, или первопроходцем... Под его руководством в новой армии рабочих и крестьян молодой республики борьба за дисциплину сопровождалась поиском разнообразных форм удерживания военнослужащих от дисциплинарных проступков — оставления службы (дезертирства), неисполнения приказов, озорства, мошенничества и т.п.

В своей беседе с сотрудниками Бюро печати в апреле 1919 года Лев Давидович говорил: «Создалась психология, при которой кажется, что одним неисполненным приказанием больше или меньше — не может иметь значения для интересов страны.

С этим нужно покончить. В Советской Армии и в красном флоте дисциплина должна быть дисциплиной, солдат — солдатом, матрос — матросом, приказ — приказом. Красноармейцы и красные моряки все яснее понимают это на основании первых опытов хаотической демократии».

Именно в борьбе с остатками такой демократии, партизанщины, распушенности прежде всего ему приходилось применять весьма суровые меры. Таким образом, сложилась концепция: «Нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни», — убежденно считал Троцкий.

Например, смертельную казнь он использовал как одно из средств укрепления дисциплины в Красной армии уже во время первой поездки на фронт.

В своем приказе по 7-й Армии (№ 163 от 2 ноября 1919 г.) председатель РВС Республики не был многословен: «Подавляющее большинство командиров 7-й Армии с честью выполняет свой долг перед Советской Россией. Но некоторое число изменников, агентов Юденича, оказалось все же на низших командных

должностях. Эти наемники чужеземного капитала злонамеренно вызывали в отдельных случаях замешательство и тревогу, сеяли панику в своих частях и, пользуясь этим, перебежали в стан белых, предавая в их руки часть красноармейцев.

Приказываю командармам и комиссарам неукоснительно следить, чтобы ни один из этих случаев измены не прошел безнаказанно.

Семьи изменников должны быть немедленно арестованы.

Саких предателей занести в Черную Книгу армии, дабы после близкого и окончательного торжества революции ни один из предателей не ушел от кары.

В боевой обстановке командиры, комиссары и передовые красноармейцы должны зорко блюсти за тем, чтобы не давать предателям совершать свою работу, нужно истреблять на месте всякого, кто пытается вызывать панику, призывает бросить оружие и перейти в стан белых...»

Таким образом, Сталин не мог относиться к плену иначе... Он поступал как революционер, как член партии, как максималист, как смелый и решительный человек. При этом на его личное отношение оказали влияние не только его революционный и государственный опыт, но прежде всего — опыт Гражданской войны, на которой он был представителем советской власти, облаченный большими полномочиями! Его партия смотрела на плен абсолютно такими же глазами. Жесткое «или — или» было вполне нормальным явлением в той среде: то есть или победа, или поражение, или герой, или трус!

Думается, что отношение Сталина к плену могло складываться, во-первых, с позиции революционера и члена партии; во-вторых, с позиции человека, способного здраво судить о множестве предметов практической жизни. Плен — это всего лишь один из этих предметов.

КАК ПОПАДАЛИ В ПЛЕН

Анатолий Иванович Деревенц накануне войны проходил службу телефонистом во взводе связи 278-го полка 17-й краснознаменной стрелковой дивизии.

Вечером 15 июня 41-го их соединение было поднято по тревоге и выступило в поход под звуки марша «Прощание славянки». Уже тогда многие догадывались о том, что уходят на войну.

Солнечным летним утром 22 июня полк Анатолия Ивановича встретил гром Великой войны в Белоруссии. И началось! «Армия сражающаяся больше не существовала, — рассказывает он. — Армия окруженная не билась с врагом, а была охвачена единственным желанием — вырваться из окружения. И начались “прорывы”. Принималось решение в каком-нибудь месте пробиться к своим. “Примкнуть штыки!” — подавалась команда, и с винтовками наперевес люди шли на немецкие пулеметы и автоматы... Уцелевшие, бросив убитых и раненых, снова собирались в другом месте, примкнув штыки, шли на прорыв, на восток, к своим. Наш полк, или вернее сказать, то, что осталось от полка, но все-таки еще войсковая единица, отступал, но, как и прежде, в населенные пункты не заходили, а пункты, где были немцы, старались обходить ночью...» Все это продолжалось до тех пор, пока не добрались до небольшой деревеньки. А дальше плен...

«На рассвете я проснулся, когда меня дернул за руку Бойкин.

— Немцы, командир, — шепотом сказал он, и я мгновенно очнулся ото сна. Тотчас же проснулись и другие и стали испуганно таращить глаза. Проснулся и наш молоденький лейтенант. Впе-

реди, в деревне стояли несколько машин с солдатами, метров за триста от нас.

— Командир, надо когти рвать, — тихо сказал Бойкин.

— Какие когти? Оглянись!

Две машины были и сзади нас, при въезде в деревню. Проснулись и зашевелились и в других группах, расположившихся недалеко от нас. А от стоявших в деревне машин отделились несколько немецких солдат с автоматами и направились в нашу сторону.

— Ну что же, кажется, все, попались. Конец.

— Ребята, — обратился наш молоденький лейтенант, — затворы у винтовок вытащите и забросьте подальше.

Сам он вытащил барабан своего нагана и забросил в траву.

— А меня не называйте лейтенантом. Я просто Миша.

Немецкие автоматчики приближались. Все произошло буднично и просто. Видно было, что эти солдаты брали уже не одну такую группу, как наша, — фактически безоружных, голодных и деморализованных бойцов. Они подошли и просто сказали: “Ком, ком”, — и показали в сторону деревни. Люди медленно поднялись и побрели, куда показали.

— Мы были уже не бойцами армии, а пленниками победителей... — вспоминал Анатолий Иванович. — У деревни, наверное, был сборный пункт для военнопленных. Сюда все время приводили группы взятых в плен наших бойцов и командиров. Один раз подошла большая колонна пленных. Во главе колонны шли несколько генералов. Еще недавно эти грозные для нас военачальники были теперь поникшими, бесконечно усталыми душой и телом людьми. Покрытые дорожной пылью, со струйками стекающего по лицу пота, они представляли жалкое зрелище. Зато каким самодовольством, какой гордостью светились лица немецких солдат, конвоировавших колонну. Это шли победители...

Наверное, до полудня немцы отовсюду сводили в деревню отдельные группы бойцов. Впрочем, это уже были никакие не бойцы, а толпа деморализованных, голодных и смертельно уставших, потерявших всякую надежду людей. Опустив головы, волоча ноги, люди понуро брели туда, куда их вели, а потом садились на землю, где им указывали. Мне потом рассказывали, что в некоторых местах пленные вот так сидели несколько суток и в дождь, не смея подняться, иначе конвоир немедля и без предупреждения пристрелит.

В середине дня немецкие солдаты забегали, зашевелились после своего обеда, и пленных стали строить в колонну. Впереди и сзади колонны ехали грузовые машины с пулеметами и брони-

рованными бортами. Колонна тронулась и медленно побрела по дороге. Снова все шагали, как роботы. Молчащая толпа, которой было совершенно безразлично, куда ее веди и зачем. Уже поздним вечером, когда стало темнеть, пришли в какой-то городок. Оказалось, Слуцк».

...Георгий Павлович Терешонков выходил из окружения осенью 41-го. «Во время одной из попыток вырваться из окружения, — рассказывал он, — я был легко ранен и контужен в руку и попал в медсанбат в лесу. Питались мы в это время дохлой кониной без соли и грибами. Оружие у раненых было изъято, мы были беззащитны. Во время прочесывания окруженных в лесу частей нас пленили немцы и вывели на железную дорогу около ст. Новинка Ленинградской области.

Вид у нас был очень жалкий. Вшивые, голодные, грязные и рваные... Помню, немцы погрузили нас на танк, а командир танка (кажется, фельдфебель, в черной одежде, с кольцом и сигарой во рту, стоял в открытом люке) стал поджидать взвод самокатчиков, которые несли на носилках раненного в живот офицера со стороны ст. Новинка (станция горела, шла перестрелка). Когда к танку поднесли раненых, один из унтер-офицеров, увидав нас, пленных, поднял автомат, чтобы дать очередь, но командир танка рывкнул на него, и тот недовольно опустил автомат. Так первый раз мы оказались перед лицом расстрела...»

...Василий Николаевич Тимохин, попав на формирование артиллерийского гаубичного полка 16 июля 1941 года, на передовой служил во взводе связи радистом. Повоевать он даже не успел. В плен попал, как и многие, совершенно неожиданно...

«Прошло немного времени, был слышен крик, командир полка говорит: “Наша пехота пошла в атаку”. Прошло еще немного времени, и мы услышали нерусскую речь. Подняв головы, увидели немцев, наставивших на нас автоматы.

От неожиданного явления я почти потерял сознание и не могу сказать, был ли с нами командир и комиссар полка. Взяли нас немцы и повели через поле на опушку леса. Товарищ мой, тоже радист, Сергей Матвеенков из Смоленской области, говорит мне: “Видал, сколько на поле убитых людей валяется?” — А я говорю ему: “Не видал ни одного”. Вот в каком я был состоянии.

Немцы нас обезоружили, а “оружие” у нас с Сергеем было противогаз и каска на голове. Радиостанцию мы оставили в том кустарнике, где нас взяли немцы. И так я оказался в плену у немцев. И оказалось, что немцы поставили нам ловушку, и мы сами в нее залезли.

На опушке леса, куда нас привезли немцы, русских пленных оказалось много. Недалеко находился свободный скотный двор, нас загнали туда и ворота позакрывали.

Просидели мы там и ночь. Утром, часов в 10, открывают ворота, и подается команда — выходи строиться, но команда на немецком языке. Мы стоим и не знаем, что делать. Тогда человек в форме немецкого офицера говорит на чисто русском языке: “Выходите строиться и становитесь по четыре”. Стали по четыре, офицер по-русски говорит: “Будете следовать строем, кто немного выйдет из строя, будет застрелен охраной”. И так мы с Сережей вторые сутки, не евши, в одних гимнастерках, без головного убора шли в строю русских военнопленных в город Гомель».

...Михаил Владимирович Михалков, младший брат Сергея Владимировича Михалкова, после окончания пограншколы служил в Особом отделе 79-го погранотряда в Измаиле.

С самого начала войны он находился в охране штаба Юго-Западного фронта. Тогда, в сорок первом, ему тоже не удалось избежать окружения и плена. В своей автобиографической книге «В лабиринтах смертельного риска» он напишет: «На рассвете заметил в поле стог сена и направился к нему, чтобы передохнуть. Приземлился на чей-то сапог. Кто-то выругался, и из-под стога выбрался черноволосый мужчина в немецкой фуфайке, за ним — второй — белобрысый парень. Оба без оружия, и у меня оружия не было (командир в реглане отобрал “ТТ”, когда я ушел в разведку, да так и не вернул). Не успели мы и слова сказать друг другу, как перед нами, словно из-под земли, вырос верховой немец.

— Лос! Пошоль! — Дуло его автомата прочертило полукруг, указывая нам путь...

Все произошло в один миг — и вот под конвоем верхового немца мы следуем в село, к дому с мезонином, над крышей которого развевается фашистский флаг. Нас вводят в помещение. Обыскивают. Появляется офицер.

— Зольдат? — обращается он ко мне.

— Нет.

— Зольдат? — обращается он к белобрысому парню.

Тот молчит, словно воды в рот набрал. Офицер подходит к черноволосому:

— Юде? (Еврей?)

Тот не понимает вопроса. Он грузин. Офицер бьет его по лицу.

— Цап-царап! Немецкий! — говорит он, тыча стеклом в фуфайку...

Нас троих выводят наружу. Улица пустынна. В домах словно все вымерло. Две винтовки наперевес: одна впереди, другая — позади. За плетнем стоит босая женщина в белой косынке. Она провожает нас скорбным взглядом. Маленький испуганный мальчонка держится за ее подол.

— Матка, лопат, копат! — кричит немец.

Женщина не понимает. Тогда немец жестом показывает, что ему надо. Женщина уходит и выносит из сарая три лопаты. Идем дальше... Миновав село, выходим на картофельное поле. Один немец очерчивает палкой продолговатый квадрат, другой передает нам лопаты. Оба немца отходят в сторону. Мы начинаем рыть землю...»

Михаил Михалков догадывается, что они роют себе могилу, а значит, точно — расстреляют! Он шепчет об этом товарищу по несчастью — грузину.

Немцы на мгновенье расслабляются, отходят в сторону и закуривают, и видимо, это последний шанс во имя жизни... Грузин одним прыжком с лопатой наперевес вылетает из ямы. Следом за ним выскакивает Михалков. Они оба со всего маху наносят по два удара карателям и уже втроем разбегаются в разные стороны...

...Старшина Иван Ксенофонович Яковлев перед войной проходил службу в 593-м механизированном полку 131-й мотострелковой дивизии 9-го механизированного корпуса генерала К.К. Рокоссовского. Очень скоро не стало его полка и дивизии. Штаб Юго-Западного фронта потерял управление войсками. Начался отход и бегство...

Пристроившись со своим взводом к таким же отступающим, а точнее — к группе пограничников капитана Иванова, Яковлев надеялся выйти из окружения. Но с каждым часом это становилось все невозможнее. Днем раньше, 15 сентября, части и подразделения 1-й танковой группы противника «за трое суток с плацдарма у Кременчуга, не встречая сопротивления советских войск, дошли до Лохвицей и соединились с войсками 2-й танковой группы, завершив окружение армий Юго-Западного фронта, и приступили к расчленению дезорганизованных, потерявших управление подразделений советских войск...»

22 сентября на отдыхающую группу выскочили немецкие танки и бронетранспортеры. С ходу они открыли огонь из пушек и пулеметов по машинам и скоплениям советских бойцов. Уходить было невозможно, потому как немцы били точно... Послышались

стоны и крики раненых... Какие-то минуты — и бой, а точнее расстрел, закончился.

«... Горели машины, вереница пленных солдат и командиров цепочкой двигалась под охраной автоматчиков вправо, по лесной дороге, — вспоминал Иван Ксенофонтович. — Немцы нас заметили, но не спешили пленять, видимо, давая возможность похоронить убитых. Солидарность людей почитается даже бандитами.

О плене я еще не думал, был занят мыслью об убитых и раненых товарищах. И только когда увидел цепочки пленных, подумал о нем. Но что делать? Капитан ехал к реке в надежде перебраться на другую сторону, избежать пленения. Сейчас эта идея не осуществима: упущено время, надо подумать о раненых и убитых.

Бойцы, видимо, это понимали, не спрашивали о своей судьбе, спешили до плена похоронить товарищей.

Подъехал бронетранспортер. Из него высыпали автоматчики, устали на роющих, повторяя: “Гут! Гут!” — Хорошо, мол, что вы такие верные товарищи, не бросаете их даже при опасности для себя.

Мы с удивлением смотрели на немцев, на их гуманное поведение, пока не услышали окрик унтер-офицера: «Шнель, шнель, рус зольдат!» Бойцы зашевелились, понесли в могилу убитых, укладывали их рядами. Когда уложили всех мертвых и накрыли их шинелью, унтер-офицер подошел к лежащим раненым, повел автоматом, выпустив по каждому короткую очередь, повернулся ко мне, показал рукой, что и этих надо хоронить в ту же могилу. Отнесли, уложили, наспех засыпали, воткнули винтовку в изголовье могилы, сняли головные уборы, прощаясь.

— Антретен! — показал унтер-офицер рукой знак построения.

Выстроились в колонну по три человека. Грицай, зная о моей спине и бедре, боясь, чтобы я не упал при движении, поставил меня посередине. Это заметил унтер-офицер, но ничего не сказал. Оставил четырех автоматчиков, скомандовал “Марш!” — сел в бронетранспортер, укатил, а наша колонна поплелась к сбору пленных».

... Николай Ипполитович Обрыньба в плен попал тоже осенью 41-го, но только под Вязьмой. А произошло это следующим образом: «В квадратных касках, с засученными рукавами, с автоматами в руках немцы идут цепью от деревни, давая очереди, и то там то там вылезают из своих схронок наши солдаты. Лешка падает на меня:

— Они совсем близко!

Прячем винтовки под солому, и уже над нами звучит:

— Рус! Лес, лес!

Немцы смеются и отправляют нас к группе наших солдат, стоящей поодаль, с двумя конвоирами. Мы стояли перед избой, в которую вводили по три-четыре человека, затем, выпустив, вводили новую партию военнопленных. В избе обыскивали, нет ли оружия и какие документы у кого.

Я вошел в избу. На полу лежала свежая желтая солома, одно из окон завешено одеялом, в комнате находилось человек пять немцев, с ними молодой младший лейтенант. Нас заставили снять и положить на стол вещмешки, противогазы и стали деятельно их потрошить. Один из солдат нашел в моем мешке кусочек сала, весь вывалявшийся в крошках, но отобрал также и кусок сахара, оставшийся от энзе.

Просматривая санитарную сумку, немцы ничего не взяли, но, найдя банку меда с наклейкой от лекарства, долго крутили в руках, нюхали, затем, решив, что это тоже лекарство, бросили в сумку обратно. Один немец уже снимал с моих брюк ремешок с кавказскими бляшками, подарок моего шурина, и прилаживал поясок к себе, повторяя: “Сувенир, сувенир, гут...” Я понял, что они забирают все, что им кажется пригодным, и меня поразила мелочность: как солдат может брать у солдата кусок сахара, шматочек сала, чистый сложенный носовой платок.

Но вот рыжий с веснушками фельдфебель вытащил из моего противогаза альбом с фронтовыми рисунками, повторяя “кунст-малер, кунстмалер”, и начал его просматривать. Все побросали мешки и тоже заглядывают, тычут пальцами, весело ржут. Лейтенант забрал альбом, посмотрел и спросил по своему вопросу:

— Откуда?

Я ответил:

— Москау, кунстмалер Академии.

Тут его осеняет идея. Раскрыв альбом на чистом листе, он тычет пальцем, показывая на себя, и повторяет:

— Цайхнэн, цайхнэн портрет.

Я вынул карандаш и начал набрасывать его портрет. Немцы и наши пленные с напряжением застыли, смотрят. Через пять минут все узнают лейтенанта и галдят: “Гут! Прима!...” Вырываю лист с наброском и отдаю лейтенанту. Он задумчиво смотрит, прячет в карман...»

...Юрий Владимирович Владимиров в плену оказался в конце мая 1942 года под Харьковом. После боя он увидел, «как на до-

роге появилась группа наших пленных, но небольшая, в сопровождении лишь одного конвоира. Она двигалась как попало, и солдаты тихо разговаривали между собой». Юрий Владимирович вспоминает: «В той группе я заметил знакомые лица, в том числе — подносчика снарядов второго орудия украинца Ерьсько, с которым я часто общался, когда он навещал своего земляка — пулеметчика Чижя.

Размышляя над случившимся, я пришел к мысли, что, наверное, и мне не избежать плена. “Почему же все сдаются, а мне нельзя этого сделать?” — спросил я себя. И тут же ответил на этот свой вопрос: “Можно, так как после полностью проигранного сражения другого выхода, чтобы остаться в живых, уже не осталось. Предпочсть плену самоубийство, чего от нас требуют воинские уставы, не может быть и речи. Стоит жить дальше хотя бы для того, чтобы увидеть, как и когда закончится эта проклятая война...”»

И все же, прежде чем оказаться в плену, готовясь к нему, Юрий Владимирович в первый раз ошибся: «Они шли со стороны ярко светившего солнца, и поэтому их лица и одежду я совсем не мог рассмотреть. Частично по этой причине, а в основном из-за сильного возбуждения, мне показалось, что эти люди — солдаты противника. Я взял в правую руку шомпол с носовым платком и выставлял его из окопа, затем выкарабкался наружу и громко крикнул по-немецки: “Guten Morgen!” (Доброе утро!) А в ответ услышал по-русски: “Ты что, друг, совсем ох...ел? Будь здоров!”

Однако я не растерялся и, отбросив в сторону шомпол, продолжил свое приветствие: “Доброе утро! Я, видимо, неудачно пошутил. А кто вы и куда идете?” И получил от них совершенно удививший меня ответ. Оказалось, что у деревни Марьевка они вышли из вражеского окружения, в конце концов попались к немцам в плен, а те не стали с ними долго церемониться и приказали самостоятельно, т.е. без конвоя, отправиться на сборный пункт для военнопленных...»

Ошибка была исправлена: «Наконец, мы попрощались, пожелав друг другу удачи. Но, к моему большому огорчению, на прежнем месте я земляков не застал. Из-за этого решил идти один на юго-восток, ориентируясь ночью по полярной звезде. Приблизившись к краю леса, я вдруг почувствовал очень вкусные запахи горячего супа и какао и еще чего-то приятного. Это означало, что за лесом находятся немцы.

Как раз на этом месте, куда я вышел, оказался полусухой ров, густо заросший ивняком и высокой, почти в человеческий рост,

травой. В нем было много валежника, посредине находилось русло засохшего ручейка. Я решил пройти напрямик через ров. И вдруг среди всех приятных запахов, распространявшихся во круг, мой нос уловил характерную вонь человеческого кала, и я увидел сидевшего с голым задом над вырытым отхожим рвом... немецкого солдата в темновато-голубой форме пехотинца.

Я инстинктивно резко повернул назад, но споткнулся о сучья, которые сильно затрещали, и свалился в ров. Немцы услышали треск. Раздался крик: "Wer kommt? Halt!" (Кто идет? Стой!) Не получив ответа, они принялись стрелять в мою сторону длинными очередями по скрывавшим меня зарослям.

Я понял, что убежать мне не удастся и что я буду вот-вот застрелен, если срочно не сдамся в плен. Как только стрельба на миг прекратилась, я истошно закричал: "Nicht schissen, bitte nicht schissen, ich komme, ich komme!" (Не стрелять, пожалуйста, не стрелять, я иду, я иду!) Я быстро схватил длинный сучок, привязал к нему свой белый носовой платок и, продолжая лежать в зарослях, как можно выше поднял этот флажок над собой. Поскольку выстрелы больше не последовали, я осторожно встал на ноги и пошел, повторяя ту же фразу: "Не стреляйте, пожалуйста, не стреляйте!"

Меня встретили трое немецких солдат с автоматами и сразу же задали вопрос: "Говоришь по-немецки?" Я ответил: "Очень мало". Последовал другой вопрос: "Много товарищей в лесу?" "Нет, нет", — соврал я. "Но где же твоя винтовка?" Я не понял этот вопрос и дважды пожал плечами. Тогда немцы продемонстрировали мне знаками и звуками "пах, пах", что меня спрашивают о винтовке. Я ответил: "Нет винтовки". Потом солдаты сказали: "Теперь иди впереди".

И так около 9 часов вечера 24 мая 1942 года я оказался в немецком плену, и с этого времени практически закончилось мое участие в Великой Отечественной войне».

Но, как известно, в плен попадали не только рядовые бойцы...

Полковник Иван Андреевич Ласкин встретил войну в должности начальника штаба 15-й Сивашской мотострелковой дивизии. Уже к 6 августа 12-я армия, в состав которой входило его соединение, была полностью окружена. В дивизии не осталось ни танков, ни артиллерии. В наличии были только бойцы и командиры численностью до 400 человек. Командир дивизии генерал-майор Белов погиб. Начальник штаба принял командование. Штаб армии отдал распоряжение на действия остатков дивизии по собственному усмотрению. Начались непрерывные ночные бои для

выхода из окружения. В результате остатки дивизии были расчленены на отдельные группы.

«К утру 7 августа 1941 года с Ласкиным осталась группа в 40 человек. Они двигались на соединение со своими войсками, 8 августа были обнаружены немцами. В завязавшемся бою потеряли 12 человек. 9 августа принимается решение: ввиду отсутствия боеприпасов и невозможности с оружием пробиться к своим частям (отряд находился в 200 километрах от линии фронта) оружие закопать, переодеться в гражданскую одежду и группами по 2—3 человека продолжать двигаться на восток, что и было сделано в ночь на 10 августа. Распоряжение переодеться в гражданскую одежду, чтобы успешнее выйти из окружения, было отдано командиром и комиссаром корпуса, пояснил Ласкин. С ним выходили из окружения комиссар дивизии Конобевцев и командир 14-го танкового полка Фирсов.

В своих объяснениях Ласкин скрыл, что он, Конобевцев и Фирсов были задержаны немцами и допрашивались ими. На допросах они назвали вымышленными именами. Ласкин вместе с Конобевцевым от немцев бежали и на 13-й день вышли к своим войскам», — сообщает в книге «Вплоть до высшей меры» Н. Смирнов.

Но кратковременное пребывание в плену было редким исключением, тем более для командиров такого ранга, как Ласкин.

...Командующий 12-й армией Юго-Западного фронта генерал-майор Понеделин Павел Григорьевич был пленен под Уманью 7 августа 1941 года.

Командир 27-го стрелкового корпуса Юго-Западного фронта генерал-майор Артеменко Павел Данилович во вражеском плену оказался 27 сентября 1941 года близ деревни Семеновка Березанского района.

Командир 4-го стрелкового корпуса 3-й армии Западного фронта генерал-майор Егоров Евгений Арсеньевич попал в плен 29 июня 1941 года.

Командир 36-й кавалерийской дивизии Юго-Западного фронта генерал-майор Ефим Сергеевич Зыбин был пленен 28 августа 1941 года.

Начальник штаба 3-й гвардейской армии Юго-Западного фронта генерал-майор Иван Павлович Крупенников в плену оказался в результате потери ориентировки.

Начальник 2-го управления Главного разведывательного управления Красной армии генерал-майор Самохин Александр Георгиевич после получения назначения на должность коман-

дующего 48-й армией 21 апреля 1942 года на самолете «ПР-5» вылетел в штаб Брянского фронта для получения указаний и вручения командующему фронтом пакета особой важности из Ставки ВГК.

Но случилось так, что летчик, потеряв ориентировку, уклонился от заданного маршрута, перелетел линию фронта и был сбит немцами перед передним краем их обороны. А дальше плен...

Командир 15-го стрелкового корпуса Юго-Западного фронта генерал-майор Привалов Петр Федорович 22 декабря 1942 года при поездке в дивизию в районе Кантемировка наскочил на немецкую засаду, был тяжело ранен и захвачен немцами в плен.

К слову, подобные случаи в годы Великой Отечественной войны встречались нередко.

Передо мной «Сообщение ГУКР «СМЕРШ» НКО 1-му зам. начальника Генерального штаба РККА А.И. Антонову о пленении немцами старших командиров 52-й гв. стрелковой дивизии».

«1 сентября 1943 г.

Совершенно секретно

По сообщению Управления «СМЕРШ» Воронежского фронта, 14 августа с.г. противником взят в плен начальник штаба артиллерии 52-й гвардейской ордена Ленина стр[елковой] дивизии гвардии майор Цензура.

Цензура имел при себе карту с нанесенными на ней огневыми позициями дивизии, данные о наличии боеприпасов и приказ о смене 52-й гвардейской стр[елковой] дивизии.

Расследованием установлено, что 14 августа с.г. заместитель командира 52-й гв. ордена Ленина стр. дивизии гвардии подполковник Журавлев, начальник штаба артиллерии дивизии гвардии майор Цензура и его заместитель по минометным частям гвардии ст. лейтенант Петров выехали на автомашине в район высоты 192.9 для выбора нового наблюдательного пункта.

В пути следования, не доезжая высоты, их автомашина была внезапно окружена и обстреляна немцами.

Как сообщил шофер автомашины Рябоконт, которому удалось выскочить из машины и скрыться, в завязавшей перестрелке майор Цензура был ранен и взят немцами в плен, а о судьбе Журавлева и Петрова ничего не известно.

На следующий день противник произвел авиацией массированные налеты на боевые порядки и огневые позиции 52-й гвар-

дейской стр. дивизии и вывел из строя большое количество материальной части и артиллерии дивизии.

Кроме того, во время смены дивизий немцы предприняли наступление и, прорвав нашу оборону на участке 163-й стр. дивизии, зашли в тыл частей 51-й и 52-й гв. стр. дивизий, в результате чего дивизии понесли потери в личном составе и материальной части, а отдельные подразделения попали в окружение.

Командованием и отделом «СМЕРШ» 52-й гвардейской стр. дивизии приняты меры розыска Журавлева и Петрова.

Абакумов».

Но вернемся к пленным генералам. «Большинство советских генералов также оказались в плену в это время, — писал генерал Д.А. Волкогонов. — В последующем в ходе войны было лишь несколько случаев пленения советских генералов, которые в силу тактической ошибки, роковой неосторожности оказывались в расположении противника. По каждому из этих случаев Верховный издавал грозные приказы. Вот, например, выдержка из одного такого приказа:

«Командующие войсками фронтов и отдельных армий шестого ноября и командующий артиллерией той же армии генерал-майор Бобков при выезде в штабы корпусов потеряли ориентировку, попали в район расположения противника, при столкновении с которым в машине, управляемой лично Хоменко, заглох мотор, и эти лица были захвачены в плен со всеми находящимися при них документами.

1. Запретить выезд командующих армиями и корпусами без разведки и охраны.

2. При выезде в войска, от штаба корпуса и ниже, не брать с собой никаких оперативных документов, за исключением чистой карты района поездки...

4. Запретить высшему начальствующему составу личное управление автомашинами.

7 ноября 1943 года И. Сталин».

Москвич Иван Алексеевич Шаров практически всю войну провел в лагерях. Он вел в немецком плену дневник, «описывая событие за событием тем, что было под рукой, в драном блокноте». Безусловно, эти записи уникальны.

«1941

6/Х Попал в плен под Спасодемьянском.

10/Х Из-под Спасодемьянска пригнали целый совхоз. Его встречали пьяные немцы с большими кольями и били людей как попало и по чему попало. Всех пропускали через эту колонну...

Ночевал на перекладине как кура...

12/Х Всю колонну куда-то гонят. Кушать не дают. Достали на обочине выкопанную картошку, пока доставали — по нам стреляли. Так каждый день они убивают человек 30—40...»

...Юрий Владимирович Владимиров достаточно подробно описал движение колонны военнопленных, в которой он шел:

«С двух сторон колонну охраняли преимущественно молодые и пышущие здоровьем конвоиры, вооруженные автоматами. Шли конвоиры на расстоянии 30—50 метров друг от друга по обочине дороги или по краю поля. При некоторых конвоирах находились на поводке очень злые овчарки.

...Двигались мы главным образом в обход населенных пунктов. Местные жители, женщины, старики и дети, встречали нас на дороге и с жалостью смотрели на нас, а некоторые искали своих родных и знакомых. Но конвоиры не давали жителям приближаться к колонне, отгоняли их прикладами и стрельбой в воздух.

Перед некоторыми населенными пунктами немцы уже установили на столбах большие щиты с названиями этих пунктов, написанными крупными латинскими буквами.

...Примерно через 10 километров пути колонну вдруг остановили, и вышедшие навстречу немецкие военные вместе стали внимательно осматривать лица всех пленных. В результате из колонны вывели более 20 человек, напоминающих по внешности евреев...

Шедшие со мной товарищи хотели узнать, когда же нам дадут что-нибудь поесть. Я решил спросить об этом по-немецки у ближайшего ко мне молодого и очень здорового конвоира. Он не стал меня слушать и ударил кулаком по голове так, что я упал и лишь с большим трудом встал снова на ноги...

Мы шли по проселочной дороге под начавшимся ливнем с грозой. Шли мы не менее часа. Затем конвоиры отвели всех пленных в сторону от дороги и остановили ночевать на поле. Конвоиры расхаживали рядом, надев непромокаемые плащ-палатки. В полночь вдруг раздались звуки выстрелов из автоматов и лай собак. Оказалось, что трое пленных, воспользовавшись ночной темнотой, попытались сбежать. Но конвоиры с собаками настигли ребят и застрелили их. Рано утром конвоиры заставили не-

скольких пленных положить у дороги тела убитых. А когда всех пленных выстроили снова в длиннейшую колонну, опять приехала легковая машина с немецким офицером и переводчиком. Последний громким голосом несколько раз предупредил пленных, что убежать никому не удастся, а кто попытается это сделать, будет немедленно расстрелян. При этом он показал на тела трех беглецов.

И нас снова погнали, не дав ни помыться, ни поесть...

...К счастью, примерно часам к пяти колонна достигла районного центра Барвенково и остановилась на лугу. Конвоиры заставили пленных выкопать рвы, которые служили людям в качестве отхожих мест. Затем нам объявили, что прибыли полевые кухни. Перед ними сразу же выстроились длиннейшие очереди. Но я, не имевший никакой посуды и, кроме того, полностью потерявший аппетит, не стал становиться ни в одну из очередей. Оказалось, что еда представляла собой горячую похлебку из воды и «макухи» — жмыха, образовавшегося при производстве подсолнечного масла...

Наступило 29 мая — один из самых ужасных дней в моей жизни. В этот день всех пленных разбудили до рассвета и объявили, что нам предстоит пройти до вечера более 60 километров.

Днем солнце палило нещадно, ноги мои начали сильно устывать, и я невольно отстал от того головного ряда. Вот-вот могло случиться так, что я окажусь в хвосте колонны, упаду и конвоиры меня пристрелят. Но скоро колонна стала проходить мимо очередной деревни (наверное, Малиновки), жители которой, как и в предыдущих населенных пунктах, встали плотными рядами на обочине дороги. И этим решил воспользоваться один из молодых и физически сильных пленных. Неожиданно для конвоиров он очень быстро «рванул» в сторону стоявших людей, проскочил через них и скрылся между ближайшими хатами и дворами. Колонну остановили, и несколько конвоиров с собакой устремились за беглецом. Пока конвоиры с собакой не поймали и не расстреляли несчастного беглеца, прошло около получаса, и за это время я сумел немного отдохнуть...»

«Четырнадцатый день плена, — вспоминает Н.И. Обрыньба. — Холм-Жирковский. После десятидневного пребывания за проволокой, где накапливали пленных из числа трехсот пятидесяти тысяч, окруженных немцами под Вязьмой в октябре сорок первого, нас погнали по шоссе на запад. В течение этих десяти дней нам не давали воды, пищи, мы находились под открытым небом. В тот год снег упал в начале октября, стояла холодная, промозглая погода. Здесь мы впервые увидели, как здоровые

мужики умирают от голода. Движемся уже четвертый день по Варшавскому шоссе в направлении Смоленска, с передышками в специально устроенных загонах, огороженных колючей проволокой и вышками с пулеметчиками, которые всю ночь освещают нас ракетами. Рядом с нами тянется колонна раненых пленных — на телегах, двуколках и пешком. Хвост колонны, перебрасываясь с бугра на бугор, уходит за горизонт. На местах наших стоянок и на протяжении всего нашего пути остаются лежать тысячи умирающих от голода и холода, еще живых добивают автоматчики, упавшего толкнет конвоир ногой и в не успевшего подняться стреляет из автомата. Я с ужасом наблюдал, как доводили здоровых людей до состояния полного бессилия и смерти. Каждый раз перед этапом выстраивались с двух сторон конвоиры с палками, звучала команда:

— Все бегом!

Толпа бежала, и в это время на нас обрушивались удары.

Прогон в один-два километра, и раздавалось:

— Стой!

Задыхающиеся, разгоряченные, обливаясь потом, мы останавливались, и нас в таком состоянии держали на холодном, пронизывающем ветру по часу, под дождем и снегом. Эти упражнения повторялись несколько раз, в итоге на этап выходили самые выносливые, многие наши товарищи оставались лежать, звучали одиночные сухие выстрелы, это добивали тех, кто не смог подняться.

Иногда нас стогнали на обочину дороги, это делалось с целью разминирования дороги: легкие мины взрывались, но для противотанковых нашего веса было недостаточно, и когда по таким образом разминированной дороге пускали немецкий транспорт, он часто взрывался...»

Город Минск. Лето 41-го. Почти полностью разрушенный бомбардировками, теперь он представлял разбитые улицы и редких местных жителей, бродивших среди развалин с мешками и сумками в поисках пропитания.

Колонна советских военнопленных бредет через город в неизвестность. Вдруг все обращают внимание, «как у легкой, видимо штабной, машины две наши девицы, улыбаясь, о чем-то пытались говорить с молодым немцем белобрысым немецким солдатом-шофером. Он в ответ тоже улыбался девицам. На нашу грязную и унылую колонну они не обращали никакого внимания — видно, мы были уже не первыми пленными. На этот раз в молчавшей нашей колонне раздались голоса по адресу девиц:

— Собака ищет нового хозяина...»

Эти слова принадлежат Анатолию Ивановичу Деревенцу. Он же свидетельствовал: «Когда нас захватили в плен, было не до того, чтобы разглядывать своих победителей. Мысли были совсем о другом, о судьбе, которая нас ждет. Люди брели, опустив головы и не обращая внимания на то, что было вокруг. Однако теперь невольно обратили внимания на то, как были одеты и как выглядели те, кто разгромил нашу армию, которую мы считали непобедимой.

Немецкие солдаты производили впечатление сытых, опрятных, в обмундировании, которое ни в какое сравнение не шло с нашим “х/б” второй или третьей категории. У немцев были аккуратные френчи, на ногах сапоги вместо грязных обмоток, в которых щеголяли мы. Сравнение было не в нашу пользу, и это удручало, — почему так? Ведь нам все время твердили о том, что в немецкой армии нет ничего добротного, что все — сплошные эрзацы, что их танки — железные коробки, об этом писала наша пресса. Но, может быть, сильнее всего подействовало на нас, бредущих по пыльным дорогам при изнуряющей жаре, то, как немецкие солдаты из частей, расположенных у дороги, в жаркий день подходили к машине и каждый из них, предъявив какой-то талончик, мог свободно получить флягу пива.

— А немецкие солдатики пивко попивают!

И думалось, что же это за армия? И тихое, яростное озлобление возникало против тех, кто нам лгал, представляя нашего противника жалким и убогим, недостойным серьезного внимания. Наши люди, конечно, давно уже догадывались о том, что не все, о чем нам твердят, правда, но для многих увиденное было ошеломляющим открытием.

Мимо нашей медленно плетущейся колонны пленных проезжала машина с немецкими солдатами. Запыленные, с усталым видом, может быть, прямо после боя, потому что у некоторых были наши автоматы ППШ, они с любопытством разглядывали пленных. Но это было не только любопытство, но и чувство превосходства. Они же были солдатами победоносной армии, завоевавшей всю Европу...»

ЛАГЕРЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ (ШТАЛАГИ, ОФЛАГИ, ДУЛАГИ)

В каждом военном округе, а позднее и на оккупированных территориях, переданных под гражданское управление, имелся «командующий военнопленными». Попавшие в плен военнослужащие изначально оказывались в дивизионных пунктах сбора пленных. Оттуда они передавались в транзитные лагеря — «дулагы» (пересыльные). Затем пленные бойцы и младшие командиры отправлялись в лагерь для нижних чинов — «шталаги» (постоянные), а офицеры — в отдельные офицерские лагеря — «офлагы». Из шталагов военнопленные могли переводиться в рабочие лагеря или штрафные лагеря.

В прифронтовой полосе и в армейском тылу пленные попадали под руководство Главного командования сухопутных сил. На его территории обычно размещались лишь пересыльные лагеря, а «шталаги» и «офлагы» находились в подчинении — Главного командования вооруженных сил, то есть в пределах границ военных округов в самой Германии.

По мере продвижения немецкой армии «дулагы» превращались в постоянные лагеря, то есть «офлагы» и «шталаги».

Если в Главном командовании сухопутных сил пленными занималась служба генерал-квартирмейстера армии (ей подчинялись несколько местных комендатур, в каждой из которых находилось несколько «дулагов»), то лагеря в системе Главного командования вооруженных сил подчинялись управлению военнопленных соответствующего военного округа.

Как напоминает Ю.В. Владимиров, «еще до войны Германия тех лет была поделена на 21 Военный округ, каждому из которых был присвоен свой номер римской цифрой. Так, цифрой I означался Кёнигсберский округ, III — Берлинский, X — Гамбургский, XX — Данцигский, XXI — Позенский и т.д. И в этом ряду наименований цифра IV была присвоена Дрезденскому Военному округу, на территории которого и оказался наш лагерь. Таким образом, цифра IV в слове “Шталаг IV Б” означала его принадлежность к указанному округу, а индекс “Б” — номер этого стационарного лагеря в данном округе. Кстати, в Дрезденском округе имелись также под разными городами Stalag IV с индексами A, C, D, E, G и LW5 (специально для военнопленных летчиков военно-воздушных сил). Были еще и лагеря специально для военнопленного офицерского состава и генералитета, носившие название Offizierlager (сокращенно Oflag — Офлаг) IV A, B, C и D, где их обитателей не заставляли работать. Кое-где были лагеря типа “Дулаг” и “Шталаг” с индексом “KM”, предназначенные лишь для военнопленных моряков. Находились несколько лагерей Heilager (Heilag — Хайлаг, или просто индекс “H”) для “поправления здоровья в случае болезни или ранения.” Помимо них имелись большие лазареты только для заболевших или поранившихся пленных. Существовало еще великое множество приписанных к Шталагам отдельных местных, как правило, мелких лагерей, носивших название Arbeitskommando — рабочие команды, снабженные своими собственными номерами, обозначенными арабскими цифрами. Такие лагеря, если условия труда и проживания в них были очень тяжелыми, неофициально назывались штрафными, и в них немцы часто ссылали “провинившихся” военнопленных из разных других лагерей, условия пребывания в которых можно было считать терпимыми.

Рабочие команды, предназначенные специально для выполнения работ различных видов, например: команды грузчиков, землекопов, сапожников, портных, банщиков, электриков и других, имелись и внутри больших лагерей типа “Шталаг” или “Дулаг”. При этом они работали как на территории самого лагеря, так и под охраной, вне его.

Особыми были концентрационные лагеря, в которых содержались заключенные, связанные в основном с антинацистской политикой...

Всеми вопросами содержания иностранных военнопленных в Германии занимался отдел военнопленных германской армии в

составе Общего управления вооруженных сил. Управлением бес-
сменно руководил генерал Герман Рейнеке.

Отдел военнопленных возглавляли: полковник Брейер (1939—
1941 гг.), генерал Гревениц (1942—1944 гг.), генерал Вестхофф
(1944 г.) и обергруппенфюрер СС Бергер (1944—1945 гг.)».

Как сообщается в базе данных «Современная Россия. Пресса»,
«командование каждого военного округа должно было подгото-
вить к приему пленных один офлаг и 3—4 шталага. Среднестати-
стический лагерь был рассчитан на 10 тыс. человек. Охраняли их
специальные дивизии, реже — регулярные войска.

Режим содержания и охраны военнопленных постоянно уже-
сточался. Изначально они регистрировались в лагерных коменда-
турах, где составлялись именные списки. Затем пленным стали
выдавать металлические жетоны с номерами по типу германских
солдатских медальонов. В случае смерти военнопленного жетон
разламывался пополам, и одна его часть закапывалась вместе с
телом умершего, а вторая сдавалась в комендатуру.

В 1943—1944 гг. ввиду участившихся случаев подмены жето-
нов с номерами (таким способом, к примеру, часто скрывались
побеги из лагерей) немцы приступили к поголовному фотографи-
рованию пленных в анфас и в профиль.

Такая система была нарушена в случае с советскими военно-
пленными.

Огромные массы солдат и офицеров не могли ни разместиться
в пересыльных лагерях, ни быть вовремя отправленными в тыл.
Немцам пришлось строить временные лагеря для военноплен-
ных, а также приспособлять для их размещения любые пригод-
ные (и непригодные) для этой цели здания».

Контингент военнопленных был разделен на роты, зачастую
по национальному признаку, и содержался в изолированных бло-
ках (бараках и зонах).

За соблюдение внутрилагерного режима отвечали дежурные
коменданты лагеря, их помощники из числа военнопленных, ко-
мандиры рот из солдат батальонов охраны и лагерная полиция,
создаваемая из коллаборационистов.

Как правило, администрация лагеря состояла из следующих
отделов:

1А — руководство лагеря. Этот отдел отвечал за охрану лаге-
ря, режим содержания военнопленных и составлял отчетность о
деятельности лагеря.

2А — использование военнопленных на работах. Этот отдел
отвечал за ведение учета заявок предприятий на рабочую силу,

заклучал договора с ними, распределял военнопленных на принудительные работы и представлял отчетность об использовании пленных.

2Б — учет военнопленных. Сотрудники отдела вели регистрацию лиц, прибывающих в лагерь, и следили за их перемещением. Отдел располагал картотекой фамилий и номеров, присвоенных военнопленным.

Как правило, в учетную регистрационную карту вносились следующие данные: фамилия, имя и отчество военнопленного, дата и место рождения, место жительства семьи, девичья фамилия матери, профессия пленного, наименование воинской части и его последнее звание в РККА, место и время пленения, состояние здоровья и приметы. При карточке хранились фотография и дактилоскопический отпечаток указательного пальца военнопленного. Кроме того, в карточке регистрировалось перемещение военнопленного из лагеря в лагерь или в другие учреждения и его пребывание на работах. При перемещении пленного в другой лагерь карточка отсылалась вместе с ним. При направлении военнопленного в разведорганы и антисоветские формирования на карточке ставился отпечаток специального штампа.

3А — контрразведка Абвера. Отдел занимался вербовкой агентуры среди военнопленных с целью выявления советских разведчиков и лиц, скрывавших принадлежность к политическому и командному составу РККА, евреев, а также враждебно настроенных к немцам и готовивших побег.

Сотрудники этого отдела допрашивали военнопленных, заподозренных в антифашистской деятельности, и передавали их в органы тайной полевой полиции (АСТ) и службы безопасности.

Кроме того, отдел вел и допросы военнопленных, способных сообщить разведывательные данные о советских вооруженных силах и промышленности, осуществлял отбор лиц, пожелавших служить в немецкой армии или оказывать другое содействие, а также выявлял военнопленных, объявленных в розыск немецкими разведорганами, производил сбор советского обмундирования, орденов и документов, которые передавались в Абвер.

Отдел руководил пропагандистами, контролировал и инструктировал лагерную охрану с целью пресечения побегов военнопленных. Его сотрудники вели картотеку учета агентуры и всех подозрительных военнопленных, составляли ежемесячные отчеты о проделанной работе, которые незамедлительно отправляли в Абверштелле (основные звенья Абвера, которые осуществляли

контрразведывательную работу против СССР при каждом военном округе германских вооруженных сил).

В книге «Спецслужбы III рейха» говорится, что «вербовка внутрилагерной агентуры велась из числа пропагандистов, полицейских, старшин барачных и других пособников. Эти же лица использовались в качестве резидентов, они имели на связи 5—10 осведомителей. Каждый такой завербованный давал письменное или устное обязательство о сотрудничестве и неразглашении своей связи с Абвером. На таких агентов заполнялась специальная карточка с указанием биографических данных и с характеристикой. При переводе агента в другой лагерь карточка следовала за ним к месту нового назначения.

Во все лагеря для военнопленных приезжали представители АСТ, разведывательных, диверсионных команд и групп Абвера, предприятия «Цепелин» для вербовки агентуры из военнопленных, ее обучения в спецшколах и последующей заброски в советский тыл. Аналогичную работу в лагерях выполняли представители антисоветских формирований.

Сотрудниками органов экономической разведки проводился опрос плененных-специалистов различных отраслей промышленности и экономики СССР. Часть таких плененных направлялась в органы экономической разведки для более детального допроса и использования на специальных работах.

ЗБ — подотдел цензуры вел проверку всей переписки военнопленных.

4А — хозяйственный и 4Б — санчасть.

Историческая справка

Перечень лагерей по территориям:

Округ 1 — Кёнигсберг
Сборные лагеря (Шталаги)
1А — Штаблак
1В — Гогенштайн
1Ф — Сувалки (Сулеювек)
373 — Простки
331 — Фишборн

Офицерские лагеря (Офлагы)
63 — Прокул
53 — Хайдекруг

60 — Ширвиндт
52 — Шютценорт
56 — Простки
68 — Сувалки (Сулеювек)
57 — Остроленка

Округ 2 — Щецин
Сборные лагеря (Шталаги)
2А — Нойбранденбург
2Б — Хаммерштейн
2Ц — Грайфсвальд
2Д — Штаргард
2Е — Шверин
2Ш — Редериц
351 — Баркенбрюгге

Офицерские лагеря (Офлагы)
2А — Пренцлау
2Б — Арнсвальде
2Ц — Вольденберг
2Д — Гроссборн, Редериц
2Е — Нойбранденбург
67 — Нойбрандербург

Округ 3 — Берлин
Сборные лагеря (Шталаги)
3А — Луккенвальд
3Б — Фюрстенберг
3Ц — Альт-Древиц
3Д — Берлин

Офицерские лагеря (Офлагы)
3Б — Вутзетц
3Ц — Люbben

Округ 4 — Дрезден
Сборные лагеря (Шталаги)
4А — Гогенштейн
4Б — Мюльберг
4Ц — Вистриц
4Д — Торгау
4Д — Аннабург

4Ф — Гартмансдорф
4Г — Ошатц

Офицерские лагеря (Офлагы)

4А — Гогенштейн
4Б — Кенигштайн
4Ц — Голдиц
4Д — Эльстерхорст

Округ 5 — Штутгарт

Сборные лагеря (Шталаги)

5А — Людвигсбург
5Б — Кенигштайн
5Ц — Оффенбург

Офицерские лагеря (Офлагы)

5А — Вайнсберг
5Б — Роттенмюнстер
65 — Страсбург

Округ 6 — Мюнстер

Сборные лагеря (Шталаги)

6А — Хамер
6Ц — Ратхорн
6Ц — Нойе-Ферзен
6Ц — Оберланген
6Ц — Мюнстер
6Д — Дортмунд
6Ф — Мюнстер
6ФГ — Бонн
6Ж — Крефельд-Фихтенхайн
6К — Сенне

Офицерские лагеря (Офлагы)

6А — Зоэст
6Б — Досель
6Ц — Оснабрюк
6Д — Мюнстер
6К — Оберланген
6Ж — Дорстен

Округ 7 — Мюнхен

Сборные лагеря (Шталаги)

7А — Моосбург

6Б — Мемминген

Офицерские лагеря (Офлаг)

7А — Мурнау

7Б — Айштет

7 — Титтмонинг

Округ 8 — Бреслау

Сборные лагеря (Шталаги)

8А — Моис

8Б — Ламсдорф

8Б — Тешен

8Ц — Кунау

8Ф — Ламсдорф

Офицерские лагеря (Офлаг)

8Ф — Моравска Трабова

64 — Лигнице

6 — Тост

Округ 9 — Кассель

Сборные лагеря (Шталаги)

9А — Цигенхайн

9Б — Вегсхайде

9Ц — Бад-Зульц

Офицерские лагеря (Офлаг)

9А — Шпангенберг

9А — Роттенбург

Округ 10 — Гамбург

Сборные лагеря (Шталаги)

10А — Шлезвиг

10Б — Занбостель

10Ц — Ниенбург

Офицерские лагеря (Офлаг)

10А — Интцехов

10Б — Ниенбург

10Ц — Фишбек (Харбург)

83 — Витцендорф

92 — Зандбостель

Округ 11 — Ганновер

Сборные лагеря (Шталаги)

11А — Альтенграбов

11Б — Фаллингбостель

335 — Орбке

Офицерские лагеря (Офлаг)

11А — Остенроде

78 — Брауншвейг-Кверум

Округ 12 — Висбаден

Сборные лагеря (Шталаги)

12А — Лимбург (Лан)

12Б — Франкенталь

12Д — Трир

12Ф — Фрайнскейм

12Ф — Форбах

Офицерские лагеря (Офлаг)

12Б — Мангейм

12Б — Гадамар

Округ 13 — Нюрнберг

Сборные лагеря (Шталаги)

13А — Зульцбах

13Б — Вайден

13Ц — Хаммельбург

13Д — Нюрнберг

285 — Хохенфельс

385 — Боген

Офицерские лагеря (Офлаг)

13Б — Хаммельбург

13Д — Нюрнберг-Лангвассер

383 — Штейнберг/Боген

Округ 17 — Вена

Сборные лагеря (Шталаги)

17А — Кайзерштайбрух

13Б — Гернзендорф
398 — Пуппинг
398 — Пернау/Велс
17Ц — Маркт-Понгау

Офицерские лагеря (Офлаг)
17А — Эдельбах

Округ 18 — Зальцбург
Сборные лагеря (Шталаги)
18А — Вольфсберг
18А/Ц — Вагна
18Ц/Зет — Ландек

Офицерские лагеря (Офлаг)
18А — Линц

Округ 20 — Данциг
Сборные лагеря (Шталаги)
20А — Торн
20Б — Мариенбург
357 — Каперникуслаг

Округ 21 — Познань
Сборные лагеря (Шталаги)
21Д — Познань
383 — Хохенфельс

Офицерские лагеря (Офлаг)
21Б — Шубин
21Ц — Шокен
21Ц/Ш — Озарков
21Ц — Лиса
10 — Монтви

Генерал-губернаторство (Польша)
Сборные лагеря (Шталаги)
307 — Демблин (Бяла Подляска)
316 — Седлец
319 — Хелм (Холм)
324 — Остров Мазовецкий
325 — Замостье

- 327 — Ярослав
- 333 — Остров Вегровский
- 371 — Станислав

Группа армий «Север» (на март 1942)

Сборные лагеря (Шталаги)

- 320 — Луга
- 332 — Феллин
- 340 — Двинск
- 343 — Алитус
- 344 — Вильно (Вильнюс)
- 336 — Ковно
- 347 — Розитен
- 350 — Рига
- 351 — Глубокий Валк
- 361 — Шаулен (Шауляй)
- 372 — Псков
- 382 — Борисов

Пересыльные лагеря (Дулаги)

- 100 — Порхов
- 133 — Алитус
- 350 — Рига
- 340 — Двинск
- 347 — Резекне

Группа армий «Центр»

Сборные лагеря (Шталаги)

- 307 — Бяла Подляска
- 313 — Витебск
- 325 — Рава-Русская
- 337 — Барановичи
- 341 — Могилев
- 342 — Молодечно
- 352 — Минск

Пересыльные лагеря (Дулаги)

- 112 — Молодечно
- 124 — Гжатск
- 126 — Минск
- 127 — Орша
- 131 — Бобруйск

- 142 — Брянск
- 155 — Лида
- 184 — Вязьма
- 185 — Могилев
- 203 — Кричев
- 220 — Гомель
- 231 — Волковыск
- 240 — Смоленск

Группа армий «Юг»

Сборные лагеря (Шталаги)

- 305 — Кировоград-Абадаш
- 329 — Жмеринка-Винница
- 334 — Белая Церковь
- 338 — Кривой Рог
- 339 — Дарница
- 345 — ст. Бобринская
- 348 — Днепропетровск-Гайсин
- 349 — Умань
- 355 — Проскуров
- 357 — Полтава-Славута
- 358 — Житомир
- 360 — Ровно
- 369 — Харьков
- 364 — Николаев
- 365 — Владимир-Волынский
- 387 — Днепропетровск

Пересыльные лагеря (Дулаги)

- 125 — Миллерово.

ТРАГЕДИЯ ПЛЕНА

Трагедия плена была самым **что ни на есть** настоящим ужасом войны.

Передо мной письмо советского военнопленного Ф.Е. Кожедуба своей семье. Но даже слово «трагедия» применительно к этому человеку звучит слишком мягко.

«Гор. Каунас 19 октября 1941 г.

Дорогая моя семья, Мотя, Катя и Маруська!

Не знаю, что с вами там случилось до сего времени, живы ли вы, здоровы ли вы и как проживаете дальше... Как я хотел с вами еще раз повидаться, но это не удалось, нам больше не видаться. Живите там и размышляйте, как лучше прожить, и не забывайте, что я умираю с мыслью о вас и вашими именами на устах. А смерть моя долгая и страшная.

Я вам написал много писем, но не надеюсь, чтобы вы их получили. Писал и Никону и Парфёну, просил, чтобы вам переслали, может быть, от кого и получите.

4 и 5 сентября 1941 г. был в страшных боях, вышел цел и невредим. 14 сентября попал в плен к немцам возле Новгорода-Северска в селе Роговка. Направили в Стародуб, в Сураж, а потом в Гомель. В Гомеле был с 20 сентября по 2 октября, а потом отправили в гор. Каунас, где мне приготовлена могила.

С самого ухода из дома я голодал и доживаю последние дни. В Каунасе живу с 5 октября и пока по сей день в форте бывшей крепости совместно с Рябченком Сергеем Даниловичем, который уже третий день в госпитале. Живу под открытым небом в яме, или пещере, или в подвале. Пищу получаем в день 200 г. хлеба,

пол-литра вареной капусты и пол-литра чаю с мятой. Все несоленое, чтобы не пухли. На работу гонят палками и проволочными нагайками, а пищи не добавляют. Имеем миллионы вшей. Я два месяца не брился, не умывался и не переодевался. Из одежды имею нижнее белье, верхнее белье, шинель, пилотку и ботинки с обмотками. Погода холодная, слякоть, грязь. Ежедневно умирает 200—300 человек. Вот куда я попал, и дни мои остались считанные. Спасти меня может только чудо. Итак, прощайте, мои дорогие, прощайте, родные, друзья и знакомые. Если найдется добрый человек и перешлет мое письмо, то знайте хоть, где я погиб бесславной тяжелой смертью.

Еще раз прощайте. Ф. Кожедуб...»

...Из дневника Ивана Алексеевича Шарова: «22/X. Нас пригнали в Могилев. Сегодня давали кушать: утром 300 гр хлеба, в обед 450 гр супа. Суп жидкий — несколько крупин пшена плавают да крахмал. Вечером то же — суп не суп, а так, одно название, баланда в общем. Доставали ~~его~~ с боем: в лагере человек 50 тысяч... Не проходит и дня, чтобы не убили 5—7 человек... Я получил палкой по голове...

22/XI. Питание ухудшилось, стали привозить мороженую картошку и пшено. Ее моят в холодной воде, а она от того смерзается только большими кусками. Так и бросают в котел вместе с гнилью и землей... Получается такой суп, что ни одна свинья не может кушать, а человек ест, да еще добавки просит. А вместо добавки получает палкой или плеткой, хорошо, если не по роже... От такого питания люди стали болеть дизентерией. Начался сыпной тиф и много других болезней, люди стали мереть как мухи — человек пошел утром за куском хлеба и не вернулся, по дороге помер. Люди ходят как тени — кости обтянуты кожей, страшно смотреть... Ежедневно умирает в Могилевском лагере 280—300 человек...

1942 год

16/II. Я переболел тифом. В этих ужасных условиях мне пришлось перенести эту страшную болезнь. В бараке холодно, лечить нечем, кормить тоже... Мне помогли товарищи, что работали на кухне, — приносили хорошую картофель и пшенную кашу. Я выжил — спасибо еще и доктору-москвичу, фамилию его забыл... Ходить еще не могу — тиф отразился на ногах...

4/III. Стал не шибко ходить... С ноября по март в Могилевском лагере умерло 20 тысяч человек. Команда из 100 могильщиков не успевает рыть братские могилы, их уже стали взрывать... Трупы мертвецов — по всему лагерю, лежат в штабелях в разде-

том виде... Нас опять куда-то гонят... Вечером пригнали в Оршу, до станции шел при помощи товарищей...

7/III. В Орше ночевали 2 ночи и обе ее бомбили наши самолеты. Бараки ходуном ходили. Ребята говорили, что лучше бы уж бомба попала в наш барак, лучше умереть от своих, чем от немцев.

8/III. Пригнали нас в Борисов. 4 человека по дороге замерзли, один был живой, но идти не мог. Его положили вместе с мертвой лошастью. Пока нас построили, он замерз на наших глазах.

10/III. Кормят неободранной гречихой. Много вымирает от запора. Чтобы оправляться, приспособлены специальные палочки, чтобы выковыривать из заднего прохода...

17/III. Привезли в Новую Виленку...

20/III. Пешком погнали в Вильну.

20/IV. За этот период 4 раза ходили в дезинфекцию и в баню — от вшей... Кормят 300 гр хлеба в день и суп... На прогулку из помещения выпускают 1 раз в день...»

...«Нас доставили на холм, где уже было пять тысяч русских пленных, которые жгли костры и грелись, — рассказывал Г.П. Терешенков. — Потом нас построили в колонну и погнали к ст. Вырица. На дороге при резком повороте, когда часть колонны оказалась вне поля зрения конвоя, мы со студентом-одноклассником нырнули в развалины дома и притаились.

Колонна прошла мимо нас. Почему-то сейчас вспоминаю мое первое впечатление от немецкой речи... Мне казалось, что это сплошной лай собак, а это была обычная разговорная речь немцев.

К вечеру у развалин дома появились мальчишки и затеяли игру... Увидели нас и начали кричать: “Дяденьки красноармейцы”. На ребят обратили внимание проезжавшие немцы, и нас под улюлюканье вытащили, бросили в грузовик и привезли в г. Лугу. В этом лагере к сентябрю 1941 года собралось примерно 30 000 пленных, к весне 1942 года их осталось в живых примерно 1500 человек. Я заболел сыпным тифом и только чудом уцелел, благодаря русским врачам. Мои колени были толще, чем ягодицы, я почти ползал, а не ходил...»

...Из воспоминаний А.Н. Деревенца: «Нас ввели в минский лагерь. Но это был вовсе никакой не лагерь. Это было огромное вытопанное людьми поле, на котором, говорят, была картошка, которую уже давно пленные выцарапали из земли и съели. На огромном поле не было ни единого, хоть какого-нибудь строения и не было забора. С одной стороны поле было ограничено рекой

с почти стоячей мутной коричневого цвета водой, которую пленные пили. Здесь же на берегу реки было и ничем не отгороженное отхожее место. Не было даже ямы. А с другой стороны стояли машины с пулеметами вместо изгороди. По ночам машины включали фары, освещая поле, на котором вповалку лежали пленные.

Лагерь был большой, свыше ста тысяч пленных. Колонну подвели к лагерю и приказали стать в цепочку по одному. Раздавали еду. У бочек с соленой селедкой стояли с дубинами какие-то двое в гражданской одежде и каждому, кто подходил, давали одну селедку. Если кто-то задерживался, его поторапливали дубиной. Тут же стоял немецкий солдат, наблюдавший за порядком. В какой-то момент у раздачи впереди возникла по какой-то причине суматоха. И тут же раздалось несколько выстрелов. А потом в сторону из очереди оттащили трех убитых. Немцы не любили беспорядка... Поразила какая-то обыденность происшедшего. Убил и навел порядок. Солдат, застреливший троих, закурил сигарету и отошел в сторону. Раздача селедки продолжалась.

А мы еще недавно писали в школе сочинения о душевных муках Раскольникова, убившего зловредную старуху...

После безуспешных попыток прорыва, когда кто-то оставался лежать в поле или болотах Белоруссии, после неутолимого желания хоть что-нибудь раздобыть поесть, селедка казалась каким-то благом. Однако селедка была и на второй, и на третий день, и через неделю, и жажда становилась неутолимой. Внутри все горело. Люди пили из реки коричневую воду, и она булькала в животах, но жажда не утолялась.

Через пару дней я уже не мог видеть селедку и снова голодал. Но потом произошли некоторые изменения в питании пленных. Помимо селедки, стали выдавать горсть неочищенного овса или пачку махорки. Утром лагерь делили на три части. Пленных строили в три очереди: одной выдавали селедку, во второй — овес и в третьей — махорку. Перебежать из одной очереди в другую было невозможно. Немцы — любители строгого порядка — пристрелили нескольких пытавшихся сменить очередь, и порядок не нарушался.

А мне не везло. Я так мечтал попасть в очередь, где раздают овес или в ту, где дают махорку, которую можно было поменять на овес, и ничего не получалось. С утра я переходил из одного поля в другое, чтобы попасть в ту очередь, где дают овес, и все равно попадал именно в ту, где дают сельдь. Так как полученную селедку я уже не мог есть, то у меня их скопилось несколько штук. Я предлагал их все за горсть овса в обмен, но охотников не

было. И я чувствовал, как с каждым днем слабею. От воды, которую я пил непрерывно, стали опухать ноги...»

В «Докладной записке министерияльного советника Дорша рейхлейтеру Розенбергу о лагере военнопленных гор. Минске» говорилось:

«В лагере для военнопленных в Минске, расположенном на территории размером с площадь Вильгельмплац, находится приблизительно 100 тыс. военнопленных и 40 тыс. гражданских заключенных.

Заключенные, загнанные в это тесное пространство, едва могут шевелиться и вынуждены отпирать естественные потребности там, где стоят.

Этот лагерь охраняется командой кадровых солдат численностью около одной роты. Охрана лагеря такой малочисленной командой возможна только при условии применения самой жестокой силы.

Военнопленные, проблема питания которых едва ли разрешима, живут по 6—8 дней без пищи, в состоянии вызванной голодом животной апатии, и у них одно стремление — достать что-либо съедобное.

Гражданские заключенные в возрасте от 15 до 50 лет — жители Минска и его окрестностей. Эти заключенные питаются, если они из Минска, благодаря своим родственникам. Правда, питание получают только те, родственники которых с утра до вечера стоят с продуктами в бесконечных очередях, тянущихся к лагерю. Ночью голодающие гражданские заключенные нападают на получивших передачу, чтобы силой добыть себе кусок хлеба.

По отношению к заключенным единственный возможный язык слабой охраны, сутками несущей бессменную службу, — это огнестрельное оружие, которое она беспощадно применяет.

Исправить это хаотическое состояние военные власти не могут вследствие огромной потребности в транспорте и людях, вызванной наступлением.

Организация Тодта попыталась принять решительные меры, учитывая, во-первых, что огромную работу в тылу фронта невозможно выполнить только немецкой рабочей силой, а во-вторых, что из-за уничтожения в Минске всех предприятий, обеспечивающих снабжение населения, изо дня в день возрастает угроза эпидемии, распространяющейся и растущей вследствие огромного скопления человеческих масс в лагере.

Из числа гражданских заключенных организация Тодта отобрала в виде опыта полноценных в расовом отношении квали-

фицированных рабочих и успешно использовала их на самых неотложных работах. После этого удачного опыта предполагалось отобрать еще около 200 квалифицированных рабочих с целью использования для приведения в порядок машинного парка управления автострады Минск — Смоленск — Москва.

Отбор заключенных должен был производиться и далее с целью использования около 10 тысяч заключенных на строительстве дорог под руководством немецких рабочих из организации Тодта. Но на второй же день организации Тодта был запрещен отбор гражданских заключенных со ссылкой на приказ генерал-фельдмаршала Клюге, согласно которому решение вопроса о выделении заключенных фельдмаршал оставляет за собой.

Опасность этого понятного с военной точки зрения приказа заключается в том, что:

1) проведение программы срочных работ оказывается невозможным из-за недостатка рабочей силы;

2) едва ли удастся предотвратить ужасную вспышку эпидемии.

В связи с этим представляется необходимым немедленно выделить организации Тодта нужное количество гражданских заключенных для восстановления предприятий Минска, обеспечивающих снабжение, причем отбор будет ограничен только полноценными в расовом отношении квалифицированными рабочими.

Поскольку в ближайшем будущем о смягчении положения или распределении заключенных по различным лагерям не может быть и речи, следует немедленно объявить строгий карантин в массовом лагере Минска, который, вероятно, будет не единственным...»

...Юрий Владимирович Владимиров свой первый лагерь описал более подробно, чем это сделали другие: «Территория лагеря, куда нас немцы пригнали, по-видимому, раньше была местом расположения кавалерийской части Красной армии, но, может быть, и коневодческой фермы. На ее территории располагались длинные деревянные конюшни с кормушками для лошадей, изготовленными из очень толстых бревен...

Основная — не застроенная — часть территории представляла собой широкий луг, на котором вынуждены были устроить себе пристанище пленные. Некоторые отрывали себе ямы, чтобы прятаться в них от солнца и дождя.

Лагерь имел несколько больших и малых блоков, и в их числе — отделение для военнопленных из младшего и старшего командного состава Красной армии, отделение медсанчасти для

больных и раненых пленных. По истечении нескольких суток пленных угоняли или отвозили на грузовиках и поездами в другие места. Очень многих отправляли на Украину для особо тяжелых работ, в частности, на строительство военных укреплений, на восстановление металлургических и горнорудных предприятий, на реконструкцию железнодорожных путей, чтобы по ним могли двигаться немецкие поезда. Однако подавляющую массу пленных немцы все же везли в Германию.

...На территории лагеря я нашел себе место в конюшне на деревянном полу, почти под самой кормушкой. 30 мая нас всех подняли в 6 часов утра громкими криками “Подъем”. Мы увидели несколько высоких и здоровых мужчин средних лет в советском военном обмундировании, но без петлиц и в начищенных до блеска хромовых сапогах. На левом рукаве у них была белая повязка с черной надписью немецкими буквами “Полиция”, а в правой руке они держали палку, напоминающую дубинку. Это были полиция из бывших военнопленных или гражданских лиц, перешедшие на службу к немцам.

Полиция заявили, что те, кто в состоянии работать, может отправиться с ними, чтобы получить завтрак и уйти в город на работу. Но на какую работу, не сказали. Очень многие пленные, сильно оголодавшие в последние дни, сразу же согласились. Оставшиеся в лагере выстроились в очередь у кухни. Я увидел, как стоявший близко ко мне пленный, вытаскивая котелок из своего вещевого мешка, обнажил в нем пустую металлическую банку из-под консервов. Поскольку у меня не было котелка, я попросил его отдать мне эту банку. Но он сказал, что так просто ее не отдаст, а вот если бы у меня нашлось для него курево, то согласился бы. И тут я вспомнил о припрятанной немецкой сигарете и предложил товарищу эту “диковину”...

И как раз в этот момент мне удалось подсмотреть у одного пленного, что же за еду нам дают. К моему изумлению, это была опять баланда из подсолнуховой макухи. Я понял, что эту пищу мой большой желудок не выдержит, и возвратился в конюшню. Не выдержали долгого стояния в очереди за баландой и многие другие пленные — вернулись без нее на свои места. Почти никто не сумел даже напиться воды возле кухни: полиция всех отгоняли. Оказалось, что эту баланду выдавали на весь день. Меня невыносимо мучила жажда. К счастью, на дне кормушки я обнаружил буровато-желтую воду, оставшуюся, вероятно, еще со времени последнего кормления лошадей. Я сунул голову в кормушку, но в этот момент пожилой пленный, находившийся поблизости, бы-

стро стащил меня вниз, крикнув: “Ты что, рехнулся? Неужели собираешься пить лошадиную мочу? Вот возьми мою флягу!” Я сделал несколько глотков, но жажда все равно сохранилась. Тогда я решил собрать на лугу конский щавель и гусиную лапку. Набрав несколько горстей, я съел все, как это делал в детстве...»

...Брат Сергея Владимировича Михалкова Михаил, попав в длинную колонну военнопленных в конце октября 41-го, перейдя через Днепр по временному мосту, наспех наведенному немцами, под окрики охраны, вместе с пятью тысячами таких невольников, как сам, оказался у Кировограда...

Спустя десятилетия он напишет: «...И вот мы у Кировограда. Людей, даже не обыскивая, загоняли в зоны, обнесенные колючей проволокой. Таких зон, как мне показалось, были десятки. В них томились, как я узнал позже, более пятидесяти тысяч советских граждан, ставших невольниками.

В зоне, куда я попал, большинство составляли военнопленные. Проволока шла в три ряда и прочно окольцовывала наш участок. Участки плотно прижаты один к другому, и так на несколько километров.

По коридорам между зонами ходили немцы с овчарками. У ворот каждой зоны — несколько автоматчиков. День и ночь люди находились на голой земле под открытым небом...

Проснувшись утром, я увидел, что немцы вызывают и уводят из зоны “евреев и комиссаров”. Днем нас сгруппировали по сотням и вывели “на обед”. Мы миновали множество зон и очутились на большом армейском полигоне, оцепленном колючей проволокой. Более тридцати котлов, из которых валил пар, стояли в ряд. Колонны по четыре человека в шеренге подходили к котлам и получали баланду: немытые кишки и всякая требуха до кипячения не доводилась — делалось это специально для того, чтобы после такого “обеда” люди страдали поносами и дизентерией. (Я видел этих несчастных, корчившихся в предсмертных муках от диких болей в желудке.) Каждый получал один черпак баланды. Кто подставлял котелок, кто — миску, кто — тарелку. Я подставил кепку.

На четверых давали один круг жмыха, но разделить его на части было просто невозможно, так крепко он был спрессован.

Стоя на некоторое расстояние от котлов, я быстро покончил с баландой и ждал свою порцию жмыха. Вдруг слышу крики, шум, немецкую брань... Смотрю, около одного из котлов — свалка, видимо, поссорились из-за жмыха или баланды. Автоматчики шарах-

нули по этой куче несколькими длинными очередями. Люди бросились врассыпную. Убитые остались лежать на земле...»

Как видим, одна из главных проблем плена заключалась в питании, ибо в немецком плену считать его таковым даже при большой натяжке невозможно.

8 октября 1941 года Верховное командование сухопутных сил подготовило документ о норме питания советских военнопленных, если это вообще можно назвать нормой:

«При использовании на работах (в лагере военнопленных и вне его) в рабочей команде, включая сельское хозяйство (на 28 дней): хлеба — 9 кг, мяса — 800 г, жиры — 250 г, сахар — 900 г.

Для несоветских пленных: хлеба — 100, мяса — 50, жиры — 50 (в среднем), сахар — 100.

В лагерях военнопленных, но на менее значительных работах:

хлеба — 6 кг (66 %), мяса — 0 (0 %), жиры — 440 г (42 %), сахар — 600 г (66 %).

Примечание: Если снижается норма для несоветских военнопленных, то соответственно снижается норма и для советских военнопленных.

Для восстановления работоспособности.

Если состояние питания в лагерях военнопленных, поступивших в лагеря в районе оперативных действий, требует, по мнению лазаретного врача, для восстановления работоспособности и предотвращения эпидемий добавочного питания, то каждому выдается на 6 недель:

до 50 г — трески в неделю,

до 100 г — искусственного меда в неделю,

до 3500 г — картофеля.

В конце следующего месяца (24 ноября 1941 г.) в Берлине, в министерстве снабжения, прошло совещание по проблеме питания советских военнопленных и гражданских рабочих. На нем, в частности, говорилось о том, что «Опыты по изготовлению специального хлеба для русских показали, что наиболее выгодная смесь получается из 50 % ржаной муки грубого помола, 20 % отжимок сахарной свеклы, 20 % целлюлозной муки и 10 % муки из соломы или листьев.

Мясо не употребляемых обычно в пищу животных никак не может удовлетворить существующую потребность. Поэтому питание русских должно быть обеспечено исключительно за счет конины и низкокачественного мяса».

«В 1941—1942 годах для советских военнопленных в лагерях прифронтовых областей суточные нормы питания содержали лишь 300—700 калорий на человека, — свидетельствует Ю.В. Владимиров. — С 1942 года к этим нормам ввели добавки. Так, в лагерях Шталаг калорийность питания увеличили с 1000—1300 калорий до 2040 калорий для неработающих пленных. Для советских пленных все нормы всегда были заметно ниже, чем для пленных из других стран. Конечно, эти нормы были еще ниже, чем у немецкого гражданского населения и особенно у работавших. Как и в нашей стране, все немецкое население получало продукты по карточной системе».

Неудивительно, что установленные немцами нормы питания для советских военнопленных не везде и не всегда обеспечивались. «Во многом это зависело от места расположения (в стране или вне ее) данного лагеря или рабочей команды военнопленных и базы снабжения, а также заинтересованности и инициативности немецких комендантов лагеря, — рассказывал Владимиров. — Очень часто некоторые перечисленные в рационе продукты или не выдавались, или заменялись другими. Я, в частности, за все время плена ни разу не получал мармелад, сыр, творог, квашеную капусту или щи из нее, свежие овощи и кофе. Вместо сахара или песка приходилось довольствоваться сахарином. В качестве жира мы получали в основном маргарин — примерно 5 раз в неделю, а иногда его выдавали пачкой весом 500 грамм, которую мы делили на 19 или 23 человека.

В Шталаге IVB два раза в неделю давали еще на 33—37 человек банку консервов весом 750 граммов из относительно жирного свиного мяса или говядины, а также из рыбы.

Регулярно мы получали только хлеб и картофель (в качестве второго блюда), а также чай. Обязательно имелось первое блюдо из кольраби, а иногда из брюквы и зеленого шпината со следами муки и какого-то жира. Очень редко в первом блюде появлялись признаки мяса, но не первой свежести и, как правило, конины или свинины. Иногда нас кормили гороховым и чечевичным супом.

Хлеб, маргарин, сахарин, консервы, чай и другие продукты поступали в пищеблок в основном из Мюльберга. А перечисленные овощи доставляли непосредственно из буртов, устроенных осенью на полях, окружавших лагерь.

Когда группа пленных работала далеко от лагеря, обед доставляла на место работы; если недалеко, то конвоиры приводили всех обедать в лагерь. Иногда пленные получали обед непосред-

ственно у работодателя, тогда лагерный обед сохранялся для них до ужина.

Однако некоторые военнопленные, например, английские и американские, редко пользовались горячей пищей из пищеблока, и даже хлебом. Причиной такого пренебрежительного отношения несоветских военнопленных к лагерному пищеблоку было то, что они напрямую или через Международный Красный Крест регулярно получали от родных, а также от этой организации, пищевые и другие посылки. Им присылали даже шоколад, натуральный кофе и даже сигареты.

В Рижском лагере, несмотря на тяжелую каторжную работу по 12—14 часов в сутки, паек военнопленных состоял из 150—200 г хлеба и так называемого супа из травы, порченного картофеля, листьев деревьев и разных отбросов.

Один из военнопленных шталага 350 позднее рассказывал: «Нам давали 180 г хлеба, наполовину из опилок и соломы, и один литр супа без соли, сваренного из нечищеного гнилого картофеля».

Анатолий Деревенц запомнил на всю оставшуюся жизнь, как в один из дней немцы решили немного подкормить пленных сверх обычного рациона:

«На поле въехало две или три грузовые машины. Не останавливаясь, они поехали по полю, и с них стали сбрасывать бочки с килькой. Падая на дорогу, бочки разбивались, и тогда бегущая за машинами толпа пленных набрасывалась на содержимое бочек, вывалившееся в грязь, на дорогу. Люди, расталкивая друг друга, бросались на дорогу и, хватая руками кильки, смешанные с грязью, запихивали это в рот. Я тоже было бросился вслед за другими, но более сильные меня оттеснили, и мне могла достаться только смешанная с грязью жижа из бочек, и я оставил попытки схватить что-нибудь существенное».

В одном из лагерей, который находился в Каунасе, военнопленные рвали траву и ели ее...

...Николай Обрыньба своими глазами видел лагерную кухню, куда «привозили трупы лошадей, собранные на дорогах, разрубали и бросали огромные куски в котлы с водой, затем мясо вынимали и резали на кусочки». Его поразило, что «лошадей привозили на двуколках, запряженных людьми. Все вокруг было в дыму и копоти, густой серой дым с розовым отливом, пронизанный искрами, клубился над висящими котлами, снизу их лизали языки пламени, металась темные землистые фигуры со спущенными на уши пилотками, обдирая подвешенные туши лошадей, тень ги-

гантская от чьей-то фигуры, причудливо колеблясь в клубах дыма и пара, поднималась и изламываясь, уходила под крышу огромного сарая, все это напоминало Дантовы описания ада; страшнее всего, что я не слышал звуков голосов, все были как бы немые.

...Иван Шаров так написал в своем дневнике о питании в лагере на земле Германии: «Кормят брюквенным супом. Я раньше понятия не имел, что такое брюква, а теперь этой скотской едой кормят ежедневно, притом не досыта...»

...Военнопленный Сергей Воропаев находился в польском лагере. По поводу питания он оставил следующую запись в дневнике: «Хочу пощелкать семечки, ибо, поевши этих помой, сосет в кишках. Это состав брюквы, турнепса и воды 1 литр. Да, помои. Этот “суп”, кажется, не стало бы есть и животное, а мы жрем, нам еще хуже».

1 февраля 1945 года он записал: «Жизнь по-старому в наземном аду, только без смолы. Измор плановым путем продолжается. Обнаружено людоедство. Вчера ночью один из больных забрался в холодильник и вскрыл мертвеца, вырезав ему внутренние мягкие части тела. Это было замечено, и вчера этот человек был расстрелян. И все это вызвано страшным голодом. За 4 дня пребывания в этом лагере мной было съедено 100 г гороху, 50 г сечки, крупы, 100 г сырой брюквы, 50 г картошки и 20 г травы. Один лишь чай, собаки, кипятят два раза».

В этом лагере под названием «Ламсдорф», предназначенном только для военнопленных, из 100 тысяч погибших советских военнопленных 40 тысяч умерли именно от голода.

Удивительно, но факт: «теневая экономика» и «черный рынок» также присутствовали в лагерях. Например, товары и цены в Порховском лагере были следующими: пайка — 35 руб., порция баланды — 10 руб., махорка на одну закрутку — 3 руб., консервная банка под котелок — 10 руб. Это, так сказать, ширпотреб, товары на каждый день. Но существовали и «предметы роскоши», например, часы. Один из военнопленных их продал заведующему складом за 900 руб. Из этой суммы он: 35 отдал за шинель, 100 — за пару чистого белья, 40 — за котелок.

В Рижском лагере цены «черного рынка» были несколько ниже, чем в Порхове. Буханка хлеба стоила 60 руб. (в городе — 1 руб. 80 коп.), махорка на одну закрутку — рубль.

В Кировоградском лагере за тридцать тысяч советских рублей немцы частным образом выпускали военнопленных на волю. Там же Михаил Михалков купил за сто рублей луковицу, за двести — пять картофелин, за пятьсот взял напрокат котелок, за три-

ста — две щепотки махорки, двести — за щепотку сухого листа, сто рублей — за полкотелка воды и немного дров. И два сухаря приобрел за триста рублей.

В лагерях был и еще один «черный рынок». «За выданного товарища (комиссара или еврея) лагерное начальство премировало тех, кто их выдал, — хлебом, дополнительной пайкой или портянками с преданного мертвеца».

Другой проблемой плена являлись болезни.

Как вспоминал Иван Ксенофонович Яковлев, «приводили и привозили не только поносников, но и тифозников. В лагере разразилась эпидемия новой инфекционной болезни — сыпной тиф. Смертность резко увеличилась. Гробовщики не успевали рыть траншеи и хоронить трупы».

Зимой 1942/43 года в одном из прибалтийских лагерей вспыхнула эпидемия сыпного тифа. В качестве меры борьбы с тифом фашисты организовали массовые расстрелы: «Достаточно было заболеть 3—4 военнопленным, как всех остальных, находившихся в этом бараке, немцы выводили к ямам на крепостной эспланаде и расстреливали».

Описание Н.П. Обрыньбы барака для тяжелораненых военнопленных лишь дополняет картину ада: «Нары были в три яруса. Вдоль всего сарая тянулся проход шириной семьдесят—восемьдесят сантиметров. Люди лежали потоком, плотно прижавшись друг к другу, стараясь согреться. Кто-то тронул меня за рукав, я услышал стон:

— Доктор, доктор, спаси меня, я жить хочу, у меня дом с садочком и детки, их трое, доктор, отрежь мне руку, она горит, только чтоб жить...

Ком подступил к горлу, но, пересилив себя, как мог твердо, ответил:

— Завтра буду смотреть всех и тебе помогу. А сейчас темно.

У меня не хватило мужества сознаться, что я не врач, чтобы не разочаровывать этих обреченных, не лишать их веры. Мои товарищи стояли, не проронив ни слова, раздираемые жалостью и чувством бессилия перед этими страданиями.

«Санитар» полез на свои нары в другом отсеке барака, а мы забрались вниз, под нары, в какую-то яму, еле поместившись в небольшом углублении, и кое-как улеглись.

Душно, но остроту запахов мы уже перестали ощущать, усталость брала свое. Закрыл глаза, и тут же замелькала мокрая, скользкая дорога и трупы, трупы, трупы... Неподвижно мы лежим в яме среди страдающих, бредящих, умирающих. Несмотря

на весь ужас, показалось даже уютно тут, мы согрелись, и постепенно нас охватывает дремота. Вдруг теплая жидкость полилась сверху, у меня сразу промокла нога. Сначала я не понял, что это такое, но Сашка сказал:

— Я совсем мокрый, раненые мочатся на нас.

Утро наступило серое, промозглое. Когда мы вылезли из своего убежища, уже все знали, что пришли врачи. Немцы не давали раненым воды, утром доставалось им по кружке чая или кофемурды коричневого цвета. Мне же для работы нужна кипяченая вода...»

«В чистом поле, обнесенном колючей проволокой, был сооружен лагерь, — вспоминал В. Тимохин. — Лагерь не имел ни малейших условий для жизни человека: ни крыши над головой, ни других необходимых условий. Спали прямо на земле, хотя и только что прошел дождь. А время — уже наступил сентябрь. А я был в одной гимнастерке и без головного убора.

Питание: давалось 240 граммов хлеба и 0,5 литра баланды, состоящей из воды и нечищенной порубленной брюквы. Через несколько дней такой жизни у меня открылся понос. Среди нас находились наши русские врачи, попавшие тоже в плен и жившие в таких же условиях. В определенном месте обусловили медпункт. И вот я обратился в такой медпункт. Рассказал врачу, чем болею. Врач мне говорит: “Медикаментов у меня никаких нет, могу только порекомендовать: суп, который нам дают, ты не употребляй, а хлеб высуши на сухари, так попитайся два дня”. Так я и сделал. И, действительно, понос прекратился.

Ужасные нечеловеческие условия жизни в лагере быстро отразились на здоровье людей.

Люди стали в массовом порядке умирать от различных болезней и просто от истощения, оставшиеся в живых каждый день убирали мертвецов. Часть людей копают братские могилы, а остальные волоком таскают и навалом кладут мертвецов в могилы. Такая работа происходила каждый день».

...В одном из лагерей, находящихся в Киевской области, была расположена так называемая лечебница для советских военнопленных. Она должна была обслуживать два лагеря. По показаниям очевидцев, «лечебница фактически не оказывала никакой медицинской помощи. Больные и раненые не имели никакого ухода, не перевязывались, лежали с повязками, пропитанными гноем, в ранах заводились черви, не получали беля и другой необходимой для больных людей помощи. Питание было ужасное. Медикаментозная помощь отсутствовала.

Естественным следствием такой обстановки была массовая смертность».

Существовавший при Даугавпилсском лагере госпиталь был ориентирован на уничтожение военнопленных. Одна из работавших там свидетельниц, в частности, рассказала: «Редко кто выходил живым из этого госпиталя. При госпитале работало 5 групп могильщиков из военнопленных, которые на тележках вывозили умерших на кладбище. Бывали часто случаи, когда на тележку бросали еще живого человека, сверху накладывали еще 6—7 трупов умерших или расстрелянных. Живых закапывали вместе с мертвыми; больных, которые метались в бреду, убивали в госпитале палками».

Лечили военнопленных, как говорится, «чем бог послал».

Ю.В. Владимиров тоже оказался в роли больного: «После обеда я попробовал полежать на кровати, но ячейки железной сетки больно вдавливались в мое худое тело, и я не смог уснуть. Хотел разместиться на полу, но посчитал это неудобным перед соседями, которые спокойно лежали на своих кроватях. Так и промучился до вечера, пока не принесли ужин — бак горячего сладковатого чая, заваренного листьями какого-то дерева, и суточные порции: кому — черного хлеба, кому — сухарей. При этом полагалось половину порции съесть в ужин, а другую — на следующий день в обед. Но на практике пленные всю порцию обычно съедали за один раз. В ту же ночь с меня так “несло”, что я почти всю ее провел в туалетной комнате, сидя со спущенными штанами на ведре, предложенном санитаром, так как пользоваться парашей не мог. При этом более часа тряся также от холода от приступа малярии. И, кстати, так происходило со мной еще несколько ночей.

На другой день врач вручил мне два пакета — один с марганцовкой, а другой — с порошком угля. Других лекарств у него не было... Наступило утро третьего дня моего пребывания в больнице. Я по-прежнему чувствовал себя плохо: сильно ослаб, с трудом передвигал ноги. В тот день врачебный обход закончился тем, что у всех проверили температуру, которая у меня оказалась ниже 36 градусов. В туалетной комнате меня взвесили на стареньких и расшатанных весах. Во мне было только 38 килограммов...»

...Анатолий Иванович Деревенц весной сорок четвертого года попал в лазарет для военнопленных, располагавшийся в Кюстрине на Одере. «Здесь было несколько отделений, — припомнил он. — Было хирургическое, где хирургом был наш военнопленный врач — замечательный хирург, спасший жизнь многим военнопленным... Говорят, что немцы в конце войны расстреляли

этого врача, так как он много знал о том, о чем не следовало бы знать.

Дело в том, что здесь же, в этом лазарете, были и немецкие врачи, занимавшиеся экспериментами над нашими пленными. Здесь, например, специально заражали людей сыпным тифом. На руку пленному привязывали стеклышко от часов, а под стекло сажали тифозную вошь, а потом наблюдали течение болезни и производили эксперименты. На других пленных изучали заболевание цингой. Пленных кормили все время одним только очищенным рисом, и они заболевали цингой. Многие пленные были не в силах переносить муки голода и добровольно соглашались на такие опыты, так как здесь подопытных кормили вдоволь. Страшное дело — голод. Не всякий человек устоит перед призраком голодной смерти.

В лагере-лазарете, помимо наших пленных, были и пленные других стран. Однако опыты производились только над нашими. Другие пленные получали помощь от Красного Креста и не голодали.

Наших пленных, больных туберкулезом, держали изолированно в отдельной огороженной колючей проволокой клетке. Их кормили пищей, которая даже по сравнению с баландой для наших пленных из брюквы, была еще хуже, в основном из разных очисток от овощей. Эти люди были обречены...»

...Сергей Николаевич Воропаев в плену заболел открытой формой туберкулеза. В тот период противотуберкулезные препараты еще не были синтезированы. Его лечили вдуванием воздуха в плевральную полость. Но нечеловеческие бытовые условия привели к осложнению болезни: в плевральной полости появилась жидкость, которая нагноилась. Незадолго до освобождения лагеря советскими войсками он умер...

ЭТАПЫ СМЕРТИ

Ночью в октябре 1941 года военнопленных бойцов и командиров Красной армии немецкие оккупанты гнали через Смоленск. А затем в центре города их расстреливали. Спустя два года свидетели и очевидцы показали: на протяжении примерно 2-х километров по всей Советской улице и далее по обеим сторонам дороги лежали трупы с разбитыми головами и обезображенными лицами.

Около здания сбербанка на Советской улице стояли две большие грузовые немецкие автомашины, нагруженные выше бортов трупами военнопленных, расстрелянных немцами, кровь из автомашин стекала на тротуар. На дороге стояли лужи крови.

«Когда пригнали в центр города, то учинили кровавое побоище по всем главным улицам: Советской, Рославльской, Киевское шоссе, Дзержинской и другим, в упор расстреливали военнопленных и избивали прикладами. Всю ночь были слышны из квартиры автоматная стрельба, стоны и крики военнопленных».

Всего за одну ночь на 20 октября 1941 года в Смоленске было расстреляно не менее 5000 советских военнопленных. Немцы не нашли ничего проще, чем закопать их в двух местах. Одно захоронение было обнаружено около крепостной стены в центре города в Сосновском саду (могила размером 55×5 м), и второе захоронение находилось во дворе Дома Красной армии (могила размером 20×3 м).

Из дневника Ивана Алексеевича Шарова (1942 г.):

«26/IV. Высадили в местечке Бадорф. Погнали пешком с большой охраной и собаками. Идти пришлось в гору. Лагерь оказался на высоте 800 м над уровнем моря... Сил не было идти, охрана подгоняла... В лагере нас приняли с плетками, дубинками и

другими предметами, выстроили на площади. Потом начали разбивать по специальностям... Проходили и забирали у кого что получше из барахла, отбирали все, кроме вещевых сумок...

10/V. Режим в этом лагере такой: утром подъем мгновенный, кто опаздывает, тот избивается до полусмерти, будь он больной или здоровый, причины не спрашивают...

В 7 часов выгоняют за хлебом и чаем. Это происходит так: в бараке 500 человек, выйти надо за одну минуту, а выход один. Возле него стоит полицай и бьет людей плеткой... Еще 5—6 немцев бегают по бараку и тоже бьют зазевавшихся плетками... Люди встали в строй — опять бьют, пошатнулся ли, не застегнулся... Подходишь к окну, получаешь 150 гр. хлеба — хлеб на 60 % из свеклы сладкой, к зубам прилипает, 300 гр. чаю и 10 гр. маргарину. Что получишь больше — из тебя выбьют...

После завтрака — на работы, таскать камни весом по полтора-два пуда... Охрана при этом еще и петь заставляет. Кто плохо поет, заставляют ползать по-пластунски и петь, а охранники бьют ползающих плеткой или прикладом. Потом командуют: вставай-ложись, вставай-ложись, и так до тех пор, пока человек в беспомощности не свалится. Тогда его обливают водой, опять бьют, а потом несут в санчасть... Такие мало выживают, через 3—5 дней умирают... Обед тоже с избиениями...

После обеда опять рассылают на разные работы, могут заставить камень возить на большой телеге, которую обычно тянут 4 лошади... Наложим в нее камня, человек 20—26 впрягаются, садится в телегу солдат с большой плеткой, бьет, а мы везем... Люди были и так плохи, а теперь и вовсе стали доходить...

В середине января 1943 года советские войска захватили у села Алексеевка под Сталинградом пересыльный лагерь военнопленных Дулаг-205.

На территории лагеря и рядом с ним были обнаружены тысячи трупов военнопленных красноармейцев и командиров, умерших от истощения и холода. Были освобождены несколько сот истерзанных, истощенных от голода и до крайности измученных бывших военнослужащих Красной армии.

...Капитан германской армии Лянгхельд Вильгельм, бывший офицер контрразведки (абвер-офицер), 52 года, член национал-социалистической партии с 1933 года, показал: «Немецкое командование рассматривало русских военнопленных как рабочий скот, необходимый для выполнения различных работ.

Русских военнопленных, содержащихся в Алексеевском лагере Дулаг-205, как и в других немецких лагерях военнопленных,

кормили впроголодь — лишь для того, чтобы они могли на нас работать.

...Зверства, которые мы чинили над военнопленными, были направлены на истребление их, как лишних людей.

Кроме того, я должен сказать, что в своем поведении с русскими военнопленными мы исходили из особенного отношения ко всем русским людям, существовавшего в немецкой армии.

В германской армии по отношению к русским существовало убеждение, являющееся для нас законом: «Русские — неполноценный народ, варвары, у которых нет никакой культуры. Немцы призваны установить новый порядок в России». Это убеждение было привито нам германским правительством.

Мы знали также, что русских людей много и их необходимо уничтожить как можно больше, с тем чтобы предотвратить возможность проявления какого-либо сопротивления немцам после установления нового порядка в России.

...Издевательства над русскими военнопленными чинились как солдатами, так и офицерами германской армии, имевшими какое-либо отношение к военнопленным».

К слову, в Алексеевском лагере, рассчитанном на 1200 человек, было заключено до 4000 советских военнопленных, размещенных в невероятной тесноте и в жутких антисанитарных условиях.

С начала декабря 1942 года командование 6-й германской армии прекратило снабжение лагеря продовольствием, вследствие чего среди военнопленных возникла массовая смертность на почве голода.

С 5 декабря 1942 года смертность среди военнопленных от голода достигала 50—60 человек в день, и к моменту освобождения лагеря войсками Красной армии погибло около 3000 человек.

...Полковник германской армии Керперт Рудольф, бывший комендант лагеря Дулаг-205, 57 лет, показал: «... Военнопленные были размещены в невероятной тесноте. Они лишены были совершенно возможности лежать и спали сидя...»

...С 5 декабря 1942 года среди военнопленных начался настоящий голод, на почве чего среди них наступила большая смертность.

С 10 декабря ежедневно умирало около 50 человек. Трупы военнопленных, умерших за ночь, ежедневно утром выбрасывались из землянок, увозились за пределы лагеря и закапывались».

...Обер-лейтенант германской армии Медер Отто, бывший адъютант коменданта лагеря «Дулаг-205», 48 лет, член нацистской партии с 1935 года, свидетельствовал:

«...Полковник Керперт ни разу не поехал в штаб армии для того, чтобы лично потребовать продовольствие для военнопленных, а писал лишь докладные записки о голоде и смертности в лагере. Эти записки он через меня и других сотрудников лагеря посылал в штаб Куновскому.

...5 или 6 декабря 1942 года, во время одного из докладов Куновскому, я спросил его, не следует ли мне поговорить о положении в лагере с начальником штаба армии. На это Куновский мне ответил, что начальник штаба отсутствует и вообще непосредственное обращение излишне, так как он сам докладывает командованию.

На мой категорический вопрос: “Что же нам прикажете делать через два дня, когда у военнопленных не будет ни одного грамма питания?” — Куновский пожал плечами и сказал: “Придется тогда военнопленных перестрелять”.

Тогда в лагере было еще около 4000 военнопленных».

...Подполковник германской армии Фон Куновский Вернер, бывший обер-квартирмейстер 6-й германской армии, 36 лет, дворянин, сын генерала, заявил: «...Я лично, так же, как и начальник штаба 6-й германской армии генерал-лейтенант Шмидт, как и другие германские офицеры, относился к советским военнопленным, как к людям неполноценным.

Когда военнопленные, будучи измучены голодом, потеряли для нас ценность — как рабочая сила, по моему мнению, ничего не мешало нам расстрелять их. Правда, военнопленные расстреляны не были, но они были уморены голодом. Цель была достигнута.

Свыше 3000 человек, которые могли в связи с разгромом 6-й германской армии выйти на свободу, — нами истреблены.

Я думаю, что и те немногие военнопленные, что остались живы, никогда не смогут восстановить своего здоровья и останутся калеками на всю жизнь».

Из показаний Лянгхельда:

«Обыкновенно я избивал военнопленных палками диаметром 4—5 см, но это было не только в Алексеевке.

Я работал в других лагерях военнопленных: в Дарнице близ Киева, Дергачах близ Харькова, в Полтаве и в Россоши. Во всех этих лагерях практиковалось избивание военнопленных. Избиение военнопленных являлось обычным в германской армии.

...В Полтавском лагере германские солдаты из числа охраны стреляли из мелкокалиберных винтовок в военнопленных за то, что они мочились не в том месте, где это было предусмотрено».

А вот показание бывшего военнопленного по фамилии Алексеев все про тот же лагерь: «... В лагере была большая смертность, причиной этому было следующее: военнопленным за все время моего пребывания в лагере вовсе не выдавалось хлеба, воды... Вместо воды выгребали грязный окровавленный снег в зоне лагеря, после чего были массовые заболевания военнопленных.

Медицинская помощь отсутствовала. Я лично имел 4 раны и, несмотря на мои неоднократные просьбы, — помощь оказана не была, раны гноились.

Немецкие часовые стреляли в военнопленных без предупреждения. Я лично сам видел, как один военнопленный, фамилию его не знаю, во время раздачи пищи пытался ножом отрезать клочок лошадиной шкуры — был замечен часовым, который в упор выстрелил в военнопленного и застрелил его. Таких случаев было много.

Спали на земле в грязи, от холода согреться абсолютно не было места. Валенки и теплую одежду у военнопленных отбирали, взамен давали рваную обувь и одежду, снятую с убитых и умерших...

Многие из военнопленных, не перенеся ужасов обстановки лагеря, сошли с ума.

Умирало в день по 159 человек, а в первых числах января 1943 года в один день умерло 216 человек, о чем я узнал от работников санчасти лагеря.

Немецкое командование лагеря травило собаками-овчарками военнопленных. Собаки сбивали с ног ослабевших военнопленных и таскали их по снегу, а немцы стояли и над нами смеялись.

В лагере практиковались публичные расстрелы военнопленных...»

Советских военнопленных фашисты уничтожали не только потому, что считали их «недочеловеками», но еще и потому, что обреченные на гибель просто иногда им мешали еще и на пути к своему же уничтожению. Об этом очень характерно говорит «Директива полиции безопасности и СД Германии начальникам концентрационных лагерей об уничтожении советских военнопленных» (г. Берлин, 9 ноября 1941 г.):

«Команданты концентрационных лагерей пожаловались на то обстоятельство, что от 5 до 10 % всех советских военнопленных, предназначенных для уничтожения, прибывают в лагеря мертвыми или полумертвыми. Это обстоятельство создает впечатление, будто стационарные лагеря стремятся таким путем избавиться от военнопленных.

В частности, установлено, что во время пеших переходов, например, от вокзала к лагерю, весьма значительное число военнопленных ввиду полного истощения падает по дороге и умирает либо находится в полумертвом состоянии. Их вынуждены подбирать затем средствами транспорта.

Нельзя помешать тому, чтобы немецкому населению становились известными эти факты.

Подобная доставка военнопленных в концентрационные лагеря, как правило, осуществляется силами армии; тем не менее население относит ее за счет войск СС.

В целях предотвращения по возможности подобных случаев в дальнейшем я приказываю немедленно ввести в действие правило, по которому все советские военнопленные, которые явно обречены на гибель (например, больные брюшным тифом) и поэтому не в состоянии выдержать напряжение, связанное хотя бы даже с кратким пешим переходом, больше не доставлялись в концентрационные лагеря, предназначенные для их уничтожения.

Прошу вас незамедлительно сообщить об этом распоряжении всем руководителям соответствующих оперативных команд...

По поручению — Мюллер».

...Вот что показал об отношении германской армии к советским военнопленным, уже находясь в советском плену, бывший начальник отдела по делам военнопленных Данцигского военного округа генерал-лейтенант Остеррайх Курт:

«В июне 1941 года через два дня после вторжения Германии на территорию Советского Союза я получил еще приказ ставки верховного командования, подписанный начальником управления по делам военнопленных генералом Райнеке.

В этом документе, т.н. “комиссарен-эрлас”, именем фюрера немецким воинским частям, находившимся в походе, и администрации лагерей для военнопленных приказывалось поголовно расстреливать русских военнопленных, принадлежащих к политическому составу Красной армии, коммунистов и евреев.

В последующих приказах ставки говорилось о том, что трупы расстрелянных указанных категорий военнопленных следует закапывать массами в ямах, а при возможности сжигать, снимая при этом с них опознавательные медальоны.

Полученные мною приказы ставки я передал для исполнения подчиненным мне комендантам шталагов ХХ-Б майору Зеегеру, полковнику Больману и подполковнику Дульнигу.

Подполковник Дульниг, выполняя этот приказ, сразу же расстрелял свыше 300 человек военнопленных — политических ра-

ботников Красной армии, коммунистов и евреев. Трупы расстрелянных были зарыты в массовых могилах на кладбище в районе расположения лагеря ХХ-С.

Выявленные среди военнопленных политработников Красной армии, коммунистов и евреев в соответствии с указанием ставки верховного германского командования коменданты лагерей передавали в зондер-команды СД, где их расстреливали.

Так, комендантами шталагов Данцигского военного округа было передано зондер-команде СД для расстрела около 1200 человек советских военнопленных.

В конце 1941 года или начале 1942 года я опять был вызван в Берлин на совещание начальников отделов по делам военнопленных при военных округах.

Совещанием руководил новый начальник управления по делам военнопленных при ставке верховного главнокомандования генерал-майор фон Гревенитц.

На совещании обсуждался вопрос о том, как поступать с русскими военнопленными, которые в результате ранений, истощений и болезней были непригодны для использования на работах.

По предложению Гревенитца, по этому вопросу высказалось несколько присутствовавших офицеров, в том числе врачи, которые заявили, что таких военнопленных надо концентрировать в одном месте — лагере или лазарете и умерщвлять при помощи яда.

В результате обсуждения Гревенитц отдал нам приказание — нетрудоспособных военнопленных умерщвлять, используя для этого медицинский персонал лагерей.

Возвратившись в Данциг, я через Зеегера, Больмана и Дульнига проводил эти указания в жизнь, причем я предупредил их о том, чтобы умерщвление советских военнопленных производилось бы весьма осторожно, дабы это не стало известным за пределами лагерей.

Летом 1942 года я был командирован на Украину на должность начальника отдела по делам военнопленных при штабе армейской группы “Б”. Прибыв к месту службы, я узнал, что способ умерщвления русских военнопленных ядами там уже применяется.

В октябре 1942 года во время посещения ДУЛАГа в районе Чира комендант лагеря доложил мне, что в течение только одной недели им было умерщвлено при помощи яда 30—40 истощенных и больных советских военнопленных.

В других лагерях неспособных к труду русских военнопленных просто расстреливали. Так, например, во время посещения

летом 1942 года ДУЛАГа № 125 в гор. Миллерово комендант лагеря на мой вопрос о том, как он поступает с нетрудоспособными русскими военнопленными, доложил, что в течение последних 8 дней им было расстреляно по указанным выше мотивам около 400 русских военнопленных.

Находясь на Украине, я получил из ставки совершенно секретный приказ, подписанный Гиммлером, о том, что с августа 1942 года должно производиться клеймение русских военнопленных определенными знаками.

Русские военнопленные содержались в лагерях в тяжелых условиях, питались плохо, терпели моральные унижения и умирали от холода и заболеваний.

Так, в шталагах Данцигского военного округа только вследствие истощения и болезней умерло свыше 40 тысяч человек, а в подчиненных мне шталагах на Украине 6—9 тысяч русских военнопленных, трупы которых зарывались массами или одиночками в ямах в районах расположения лагерей.

Особенно велика была смертность военнопленных, взятых на работу из лагеря в районе гор. Острогжска. Из этих военнопленных вследствие содержания их в окопах и ямах (октябрь 1942 г.), истощения и развития тяжелых желудочных и инфекционных заболеваний ежедневно умирали десятки и сотни людей.

Аналогичное положение русских военнопленных имело место и при этапировании их.

Многие поступавшие ко мне военнопленные были в тяжелом физическом состоянии, обессилены и неработоспособны, в равном обмундировании и без обуви вследствие того, что военнотружущие германской армии отбирали у военнопленных сапоги, обмундирование, белье и другие вещи.

Пленных привозили в крытых или открытых товарных вагонах, где им приходилось и оправляться. Десятки дней они не могли умываться из-за отсутствия воды, получали голодную норму пищи.

В начале 1942 года при следовании эшелона с русскими военнопленными с Украины в гор. Торн умерло приблизительно 75 человек, трупы которых не убирались и лежали в вагоне вместе с живыми людьми. В этих вагонах стоял зловонный трупный запах. Около 100 человек военнопленных, не выдержавших такого положения и пытавшихся бежать, были расстреляны.

За время моей деятельности в Данцигском военном округе ко мне поступило 12—13 эшелонов по 1000—1500 русских военно-

ПЛЕН. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В НЕМЕЦКИХ ЛАГЕРЯХ

пленных в каждом. В этих эшелонах в пути следования умирало приблизительно 50—100 человек русских военнопленных.

В октябре 1942 года в Харьков прибыл эшелон с русскими военнопленными. В Харькове выяснилось, что в этом эшелоне из 1500 человек недостает около 150. При выяснении оказалось, что 75 человек умерло в пути следования от голода, а их трупы находились неубранными в вагонах. Остальные 75 человек пытались бежать, но были схвачены охраной и расстреляны на месте.

Не лучше обстояло дело и в лазаретах для русских военнопленных. При посещении Харьковского лазарета для русских военнопленных я видел, что тяжелобольные были размещены в помещениях, где не было отопления и все окна выбиты, а больные не имели одежды и обуви. В результате в этом госпитале ежедневно умирало от истощения и эпидемических заболеваний 200—300 человек.

Должен также указать, что в подчиненных мне лагерях на Украине одновременно с военнопленными в отдельных бараках содержалось под арестом до 20 тысяч советских граждан, взятых в качестве заложников из ряда районов Украины, охваченных партизанским движением...»

Уничтожая советских военнопленных, немецкие «хозяева» не отличались оригинальностью. Они не хоронили, а закапывали свои жертвы, практически рядом с местом преступления. Так, в избранном ими под лагеря военнопленных поселке Дарница, что находился на левом берегу Днепра в 12 км от Киева и его окрестностях, фашисты закопали более 68 тысяч трупов военнопленных и других советских граждан.

На территории леса, около большого лагеря таковых находилось 11 тысяч, на кладбище и прилегающих к нему участках — 40 тысяч и в других местах Дарницы и ее окрестностях — 17 тысяч.

Судебно-медицинское исследование трупов показало, что «в подавляющем большинстве случаев причиной смерти были сквозные огнестрельные ранения головы с раздроблением костей черепа и обширными трещинами. Такие повреждения получают при выстрелах из оружия сильного боя, как винтовка. В меньшем количестве встречаются обширные проломы черепа с вдавлением костей на значительном протяжении и оскольчатые переломы нижней челюсти. Подобного рода повреждения возникают от ударов с большой силой тупым, твердым, тяжелым предметом, каким надо считать приклад винтовки. Отдельные трупы, где от-

сутствуют повреждения, относятся к погибшим от голодания и инфекционных заболеваний.

Данные исследования трупов, извлеченных из могил и ям на кладбище, дают основания считать, что причиной смерти послужило голодание или инфекционные заболевания.

Во всех случаях огнестрельных ранений головы входные отверстия расположены в затылочной области и височной. Пролоты черепа от действия тупогранных предметов находятся преимущественно в височно-теменной и лобной областях. Все эти повреждения относятся к категории смертельных.

Доказательством смерти от голодания являются истощенный вид трупов, полное отсутствие подкожной жировой клетчатки, отсутствие следов пищи в желудке и кишечнике. Это находит подтверждение также и в показаниях многочисленных свидетелей, удостоверяющих, что в лагерях военнопленных систематически лишали пищи, что неизбежно вело к смерти от истощения.

Определенный возраст погибших (20—40 лет), огромное количество трупов в разрытых могилах и ямах, одновременность погребения и однородные причины смерти свидетельствуют о систематическом, умышленно проводимом умерщвлении военнопленных, которое имело в виду преимущественно лиц мужского пола в самом цветущем периоде жизни...»

В Каунасе, в форте № 6 фашистские оккупанты создали лагерь военнопленных под № 6.

Когда Советская армия освободила этот город, в лагерном дворе Чрезвычайная государственная комиссия обнаружила 67 стандартных могил размером 5×2,5 м каждая.

Из ее сообщения мы можем узнать, что в канцелярии лагеря был найден план кладбища № 5 с точным нанесением могил и указанием количества трупов. «Из этого плана видно, что на одном только кладбище № 5 похоронено 7708 человек, всего же, как свидетельствуют лагерные документы, здесь похоронено около 35 тыс. военнопленных», — говорится в указанном документе.

В самом Каунасе также располагался лагерь для военнопленных, расположенный на юго-западной окраине аэродрома, но только без номера. «Вблизи лагеря были обнаружены 13 могил размером 25×2 м, 5 могил размером 12×2 м и 1 могила размером 15×15 м. При раскопках этих могил на глубине $\frac{3}{4}$ м найдены трупы людей, одетых в серые шинели и защитного цвета обмундирование. На основании раскопок, документов и показаний свидете-

лей комиссия установила, что здесь, в районе аэродрома, замучено и погребено 10 тыс. советских военнопленных».

Вблизи города Алитус немцы организовали еще один лагерь для военнопленных под № 133. В нем погибло от расстрелов, голода, холода и сыпного тифа не менее 35 тысяч человек.

Другой лагерь на территории Литвы немцы открыли на месте бывшего военного городка в городе Вильня. Смертность военнопленных в нем никогда не опускалась ниже цифры 150 человек в сутки. Трупы закапывали в 200 м от лагеря. Общее число жертв, истребленных в этом лагере, составило 60 тысяч человек.

В результате подсчета страшных цифр государственная комиссия установила, «что во всех перечисленных лагерях на территории Литовской ССР немцы уничтожили не менее 165 тыс. советских военнопленных...»

На территории Латвии лагерь для военнопленных фашисты организовали в Риге. Шталаг № 350, расположенный по двум улицам города, просуществовал с июля 1941-го до октября 1944 года. В нем и в его отделениях немцы замучили и расстреляли более 130 тысяч советских военнопленных. В Риге и ее окрестностях государственная комиссия обнаружила 12 мест массового захоронения.

В лагере для советских военнопленных — в Даугавпилсе (шталаге № 340) — за три года погибло от голода, истязаний и расстрелов свыше 124 тыс. человек.

В лагере в Цайтхайне (в 20 км юго-восточнее Мюльберга) от болезней и истощения умерли до 60 тысяч военнопленных. Всего же там было захоронено около 140 тысяч советских военнопленных.

Безусловно, такая высокая смертность советских военнопленных, их болезни не могли не раздражать прежде всего хозяев немецких предприятий, где постоянно требовалась самая дешевая рабочая сила, трудившаяся с полной отдачей.

Например, в письме правления завода «Фарбен» в Ландсберге командующему военным округом Франкфурт от 24 января 1942 года с большой обеспокоенностью говорилось: «Вы знаете, что в конце ноября 1941 г. в наше распоряжение прибыли 500 советско-русских военнопленных. Из прилагаемого отчета вы узнаете о положении, которое сложилось в связи с этим на строительной площадке. Вы поймете, что необходимо немедленно изменить существующие условия.

С самого начала советско-русские рабочие мало работали из-за плохого питания. За истекшее время многие советско-русские

умерли, а еще большее число не появляется на строительной площадке по болезни. Например, 22 января 1942 г. картина была такова: прибыли 500 советско-русских военнопленных. Двое сразу же возвращены в основной лагерь (шталаг), 33 работают в лагере, 82 умерли, 198 больны.

Осталось 315. Из них пригодны для работы 185.

Из этого списка видно, что только 37 % из прибывших рабочих заняты на строительной площадке. Большое количество больных, которое превышает число работающих, естественно, препятствует использованию русских военнопленных в военной промышленности.

Работа, которую выполняют упомянутые выше 37 %, становится все хуже изо дня в день. Вы получите подтверждение этих сообщений в отчетах отрядов безопасности, но это лишь единичные примеры инцидентов, происходящих все время. Мы хотим подчеркнуть, что существующее положение оказывает самое пагубное влияние на дисциплину. Немецкие рабочие возмущены мягким отношением к русским. Воздействие русских на сербских и французских рабочих также ужасно, так как они следуют примеру русских и все больше и больше уклоняются от работы, часто издеваясь над приказами охраны. В этих условиях, если не последует вмешательства вооруженных сил, мы должны будем возвратить советско-русских военнопленных в основной лагерь, ибо боимся пагубного влияния и отказываемся брать на себя ответственность за дальнейшее...»

Чем хуже становилось положение Германии на Восточном фронте, тем больше ей требовалось дешевой рабочей силы.

Например, 8 июля 1943 года начальник штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии Кейтель подписал распоряжение о направлении военнопленных на работу в угольную промышленность. В нем указывалось: «7 июля фюрер приказал с целью проведения расширенной программы производства чугуна и стали во что бы то ни стало обеспечить добычу необходимого количества угля, для чего покрыть имеющуюся потребность в рабочей силе за счет военнопленных.

Фюрер требует срочного принятия следующих мер, направленных на предоставление угольной промышленности дополнительно 300 тыс. рабочих.

1. Из имеющихся в наших руках советских военнопленных (исключая находящихся в Финляндии и Норвегии, а также на работах в армии) генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы совместно с начальником штаба верховного главнокомандова-

ния вооруженными силами (отдел военнопленных) должны направить в горную промышленность до 1 сентября 1943 г. непрерывно следующими друг за другом партиями 200 тыс. военнопленных, способных к работе на шахтах. Если им требуется замена, она будет предоставляться генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы.

2. При дальнейшем поступлении новых советских военнопленных потребности угольной промышленности должны удовлетворяться в первую очередь.

Все военнопленные, взятые на Востоке после 5 июля 1943 г., должны быть переданы в лагеря военного ведомства и оттуда непосредственно или в порядке обмена на работающих у других потребителей рабочей силы для применения в угольной промышленности. Председатель имперского объединения угольной промышленности с настоящего времени имеет право набирать через свои органы людей в лагерях военного ведомства.

3. Все без исключения советские горняки, работающие в любых местах использования военнопленных, должны быть направлены в соответствии со своей профессией, при условии замены, в горную промышленность через генерального уполномоченного по использованию рабочей силы».

Далее в документе следует 4-й пункт, в котором в очередной раз подтверждается использование оккупантами в качестве военнопленных абсолютно гражданских лиц:

«Мужчины в возрасте от 16 до 55 лет, захваченные в борьбе с бандами в зоне военных действий, фронтовых тылах, комиссариатах восточных областей, генерал-губернаторстве и на Балканах, отныне считаются военнопленными. То же самое относится к мужчинам этой категории во вновь завоеванных областях Востока.

Они должны отправляться в лагеря военнопленных, а оттуда на работу в Германию. Об учете членов их семей и дальнейшем обращении с ними начальник генерального штаба сухопутных сил и рейхсфюрер СС издадут каждый в пределах своей компетенции необходимые согласованные распоряжения...»

В феврале 1944 года Управление по распределению рабочей силы Германии издало распоряжение, в котором 104 английских военнопленных рабочей команды № Е-351, работающих на бумажной фабрике «Генрихсталь», должны были быть заменены 160-ю советскими военнопленными.

В самом распоряжении такая замена объяснялась довольно просто: «Пополнение команды до 160 человек английскими воен-

нопленными невозможно, так как при осмотрах лагеря в течение последних месяцев представителями соответствующих военных округов было установлено, что имеющегося помещения едва хватает для 104 английских военнопленных, тогда как русских военнопленных оно без затруднений могло бы вместить 160 человек. Пополнить недостаток в рабочей силе, образовавшийся вследствие мобилизации рабочих и служащих предприятия в армию и естественной убыли, из местных ресурсов невозможно, так как таковых не имеется и в ближайшем будущем не предвидится...»

Стоит отметить, что этапов смерти для советского военнопленного было немало, но пройти их всем, по понятным причинам, никогда не удавалось. Сам момент пленения, движение в колонне в лагерь, голод, болезни, тяжелейший и изнуряющий труд, истязания и избиения — все это без всяких исключений можно назвать этапами смерти. Это была не просто неволя, а неволя под зверьми-оккупантами.

Итак, советские военнопленные прибывали в лагерь (шталаг), находящийся за границей: в Польше или в Германии.

Вновь прибывших размещали в специальном первом блоке, где держали в течение недели. Выживших после долгого переезда направляли в третий санитарный блок, где они проходили через душ и отделение обработки одежды, а затем их держали в карантинном блоке до трех недель.

Пленные размещались в бараке по 150—200 человек. Расположившись на голом полу, они принимали пищу и на нем же спали, разместившись ногами друг к другу.

После окончания карантина военнопленных регистрировали, заводя на них личное дело. Абсолютно на каждого заводилась учетная карточка. В ней указывались: фамилия, имя и отчество, вероисповедание, дата и место рождения, имя матери (гражданство), национальность, семейное положение, место последнего жительства, фамилия, имя и адрес близкого человека — для разных сообщений, в частности, о смерти. Отмечалось также состояние, в каком пленный доставлен в лагерь — здоровым, заболевшим или легко раненым, но способным работать. Указывалась гражданская специальность или профессия, род войск и номер войсковой части, в которых служил пленный, и военное звание. Записывали также рост, цвет волос и наличие особых примет. Кроме того, на карточке делали (снизу справа) чернильный отпечаток указательного пальца правой руки и приклеивали фотографию пленника размером 3×4 см (...). Перед фотографированием вешали на бечевке на грудь черную фанерную доску, на которой

записывали мелом личный лагерный номер. Его стирали перед съемкой другого пленного. После фотографирования следовала выдача металлического жетона с личным номером, который полагалось всегда носить надетым на шее или на руке, как часы. Из воспоминаний Ю.В. Владимирова известно, что после регистрации пленных направляли на вещевой склад. Там выдавали целое и чистое, но ношеное нижнее белье с очень длинной рубашкой. Взамен тонких советских гимнастеров и брюк — галифе или полугалифе — пленные получали перекрашенные в темно-зеленый цвет старые (даже времен Первой мировой войны) немецкие и трофейные — французские, бельгийские, британские или другие — суконные мундиры и брюки, которые немцы предусмотрительно приберегли. Обычно наши люди не сменяли лишь добротные серые шинели и шапки-ушанки. Многим, однако, приходилось расстаться со своими изношенными старыми шинелями из тонкого сукна, которые зимой почти не грели. Таким же образом обстояло дело и с пилотками. Снимали и старую обувь, но вместо нее получали ботинки с деревянной не сгибающейся подошвой. Были в ходу даже деревянные колодки, доставляющие великие муки. Пленных обеспечивали чистыми, но чаще всего заштопанными хлопчатобумажными носками и коротенькими портянками. Каждому полагались полотенца и носовые платки, а к зиме — рукавицы.

На “новую” одежду пленного наносили при помощи трафарета и кисточки желтой, а нередко и красной масляной краской несмываемые и видимые издали буквы “SU”. При этом буквы располагались следующим образом: на шинелях — только на спине; на мундирах — и на спине, и на левой груди; на брюках — на правом колене; на пилотках — на левой стороне. До середины 1942 года дополнительно на шинелях и пиджаках прикрепляли на спине над знаком “SU” красный треугольник, означавший, что этот человек является военнопленным. Аналогичный треугольник имелся на особых бумажных деньгах (немецких марках) разного достоинства, которые использовались, чтобы расплачиваться с военнопленными за работу. Такие деньги предназначались исключительно для покупки в лагерном киоске разной мелочи (иглолок, ниток, расчесок, бритвенных лезвий, бумаги, карандашей, махорки и пр.) и торговли чем-то между собой. В 1943 году они были отменены. Зарплату в пределах от 10 до 20 марок (в зависимости от вида и тяжести выполненной работы) пленные получали раз в месяц. Обычно в начале его».

Направления в состав рабочей команды или в другие лагеря военнопленные ожидали в пятом блоке. Переведенные же в четвертый блок использовались немцами на работах в городе и в его окрестностях.

Примечательно, что в этих блоках уже имелся деревянный пол над бетонным основанием, электроосвещение, умывальник с водопроводной трубой, а также выгребной туалет...

Как пишет Ю.В. Владимиров, «направление на работу делалось по результатам прошедшей регистрации, и ожидание занимало разное время. Назначение производилось в зависимости от заказов на рабочую силу, поступавших из различных мест Германии и вне ее. Пленных направляли на угольные шахты, рудники и каменные карьеры, на строительные объекты (в том числе военные), на заводы и в сельскохозяйственные имения и т.д.

Многие военнопленные, обладавшие подходящим здоровьем, стремились как можно скорее определиться в рабочие команды, так как по месту работы был шанс получить дополнительное питание или что-нибудь своровать. Кроме того, привлекала возможность общаться с местным населением и видеть новые места.

Там, где работали пленные, усиленной охраны не было, и они могли отлучаться с разрешения мастера на непродолжительное время. Неудивительно, что в такой обстановке совершались побег.

Немцам нужна была только здоровая рабочая сила. Поэтому в некоторых центральных лагерях пленных после пребывания в карантинном блоке направляли на работу только в том случае, если они, например, могли пробежать стометровую дистанцию».

Как работали наши соотечественники в плену на немецких «хозяев», мы можем узнать из дневника Ивана Алексеевича Шарова: «14/V. Попал в рабочую команду № 747 фирмы “Максгернер”. Маленький завод. По приезде в команду мы здесь даже немного отдохнули, нам даже показалось лучше, чем в лагере. В бараке чисто, есть матрасы, подушки, одеяла... Такой постели мы не видели, как попали в плен. Правда, еда та же — чай, брюква...

26/V. Работаем тут медленно, но по 11 часов. Ввиду плохого питания эти 11 часов еле выдерживаем... Первую неделю было тихо, не били, а потом стали бить, как в лагере, 25—50 плеток за маленькое нарушение. Из-за недоедания люди стали пухнуть... Это лечат холодной водой — наливают ее в деревянную ванну, загоняют туда два человека и заставляют топтаться на месте. Ре-

зультат плачевный, потом их отправляют в госпиталь, а там совсем эти люди доходят и умирают...

27/VIII. Нас 60 человек перевели на другой завод, фирмы "Алфред Тефис", в городе Франкфурте. Номер рабочей команды 721. Работаем все время в ночную смену, питание совсем плохое: суп из брюквы и соленой редьки или картофельных очисток, пропущенных через мясорубку, 300 гр хлеба. Кушать хочется — нет сил. У станков подкашиваются ноги, люди стоя засыпают, охрана увидит — давай бить. Даже в уборную ходим с солдатом под винтовкой...

Люди голодные бросаются везде, например, в урны, хватают разные очистки, воруют сырую брюкву, капусту и редьку, а гады за это бьют до полусмерти. За окуроч подобранный избивают и лишают хлеба...»

...Из дневника Сергея Николаевича Воропаева: «Сегодня исполнится год, как я работаю на этой шахте. 365 дней проведено в подземном полумраке на глубине 350 м. Глубина — не важно, а важно то, сколько перекидано угля. Допустим, я каждый день выкидываю по 10 т, и то это составляет в год 3650 т угля (свисток на обед, продолжу позже). Беря в расчет по 20 т ж.-д. вагон, это примерно составляет 2 эшелона угля в количестве 80—85 вагонов. Это, грубо рассчитывая, будет стоить до 30 000 руб. В это самое время на меня уважаемый хозяин израсходовал 180 кг хлеба, 365 кг картошки и столько же брюквы, 12 кг маргарину, немного больше мяса. Расходная сторона обойдется на 1000 или 1500 руб. Можешь представить, каков доход от одного меня предпринимателю, а нас в лагере 913 человек, а сколько всего этих лагерей. Да! Ты скажешь: "Молодец, хвалишься". О нет, это только горькая истина. Такой маленький жучок, что не в силах ничего сделать, сила принуждения делает это. Не делай этого: это просто напросто стоит жизни. Искра надежды на будущее принуждает покоряться. Итак, год шахтерского труда закончился. Ровно год, как один день. Только что хлебнул брюквенной баланды. Завтра предвидится выходной, но только будет кошмарный: дезинфекция, перемена, две проверки и пр. На работе думал многое записать, а сейчас все рассеялось, болит голова. Думаю, спикировать еще баланды, ибо сегодня на одной порции трудновато.

О! Дорогой, ты не в силах этого представить, как ужасно трудно быть повседневно голодным. Сергей...»

В этом лагере, где содержался автор дневника, была принята продажа заключенных для работы на предприятиях различных германских фирм, в первую очередь — на шахтах. После смерти

людей заменяли новыми. Новым этапом смерти для некоторых категорий советских военнопленных становились концлагеря.

Их классификация была утверждена 2 января 1941 года. В соответствии с ней концентрационные лагеря для всех типов заключенных подразделялись на три категории:

Первая — Дахау и Заксенхаузен. В этих лагерях содержались асоциальные элементы: бродяги, проститутки, гомосексуалисты, представители религиозных сект, уголовные элементы, совершившие незначительные преступления. Все они занимались сельхозработами и не тяжелым физическим трудом.

Вторая — Бухенвальд, Нойенгаме, Нацвейлер, Флоссенбург, Равенсбрюк, Люблин-Майданек и Штуттгоф. В этих лагерях содержались особо опасные преступники, перевоспитание которых не предполагалось. Это «политики и враги Рейха», члены социал-демократической и коммунистической партий, бывшие бойцы интербригад в Испании, партизаны, диверсанты. Все они использовались на особо тяжелой физической работе, т.к. были предназначены для медленного уничтожения.

Третья — Маутхаузен-Гузен и Гросс Розен. В этих лагерях содержались евреи и цыгане, которые должны были быть уничтожены в самые короткие сроки. Их физическая сила использовалась минимально.

К слову, в течение очень короткого времени режим содержания лагерей 1-й и 2-й категорий сравнился с условиями лагерей 3-й.

Сразу же после нападения Германии на Советский Союз в эти лагеря стали направлять советских офицеров, политработников, а следом и других военнопленных за побеги, агитацию против РОА, саботаж на работе.

Основными центрами уничтожения советских офицеров и политработников были Заксенхаузен, Бухенвальд, Маутхаузен. В Освенцим и Майданек для уничтожения поступали в основном рядовые красноармейцы.

В концлагерях военнопленных передевали в полосатую одежду с буквами «SU» на груди.

В сущности, как обычные лагеря, так и концентрационные были превращены режимом Гитлера в военно-промышленные предприятия и рынки рабов. Ведь вся их деятельность строилась на «самообеспечении» благодаря универсальной рабской силе заключенных.

Единственной разницей между этими лагерями была разница в методах и скорости истребления.

Не зря же именно концлагеря называли «фабриками смерти». Каждая такая фабрика имела в своем составе определенное количество профессиональных убийц, которые непосредственно управляли процессом массового уничтожения. Опыты над живыми людьми стали в концлагерях некой параллельной задачей, которую реализовывали дипломированные врачи. Множество научных институтов, различные монополии совместно с медицинским персоналом концлагерей принимали в них самое деятельное участие.

Из доставленных только в Заксенхаузен свыше 20 000 советских военнопленных в живых осталось лишь около 2500. Только в одном 1941 году в течение двух месяцев там были расстреляны 18 000 военнопленных.

В Освенциме погибло 15 тысяч советских военнопленных.

К слову, в одной только Норвегии в годы войны действовало более 200 лагерей для советских военнопленных. В них, по последним данным, содержалось более 100 тысяч бойцов и командиров Красной армии. Например, на побережье Северного Ледовитого океана в лагере под норвежским городом Тромсе умирали несколько тысяч советских солдат и офицеров с Карельского фронта и Северного флота.

«Это был огороженный двойным забором из колючей проволоки участок голой местности. Единственными постройками на его территории были бараки для охраны и пулеметные вышки. Пленных держали под открытым небом. Мороз в этих местах доходит до 45 градусов по Цельсию. Спасаясь от дикого холода и ураганных арктических ветров, люди пытались сооружать себе убежища. В основном это были норы. Их буквально выгрызали в промерзшей каменистой почве. Копали чем придется — острыми камнями и даже мисками. Вход в норы заваливали ветками или просто завешивали тряпьем. Те, у кого не было сил копать, строили себе некое подобие шалашей. Каркасы сооружались из веток и тонких стволов карликовых берез. Затем все это хрупкое сооружение обкладывалось дерном и мхом. Постелью служила просто куча веток. Об обогреве никто даже и не думал. Не было ни печек, ни дров, поэтому греться приходилось друг о друга, однако при таком морозе это спасти не могло. Ежедневно из холодных убежищ доставали по несколько обледеневших трупов наших солдат. Их места тут же занимали новые, прибывающие в лагерь военнопленные.

Порядки в лагере царили почти садистские. За малейшую провинность немцы забирали у пленных верхнюю одежду и обувь.

В таких условиях это наказание означало только одно — смерть... Летом начинались проблемы с водой. На многотысячный лагерь был всего один колодец. Кормили раз в 2—3 суток. Обычно это был суп из картофельных очисток и сухари. О медицинской помощи и мечтать не приходилось...»

К весне 1945 года в этом лагере оставалось около 2 тысяч советских военнопленных. Почти всех их расстреляли к 21 мая этого года. Дело в том, что высадившиеся в Тромсе англичане приняли капитуляцию немецкого гарнизона формально, даже не разоружив немцев. Находящиеся без контроля и разгуливающие по городу, они устроили настоящую охоту на безоружных советских военнопленных.

ОФИЦЕРЫ В ПЛЕНУ

По данным Главного управления кадров МО РФ, боевые потери офицерского состава армии и флота в период Великой Отечественной войны были следующими:

1941 год — погибло 50 884, пропало без вести 182 432, всего 233 216;

1942 год — погибло 161 855, пропало без вести 124 488, всего 286 345;

1943 год — погибло 173 584, пропало без вести 43 423, всего 217 007;

1944 год — погибло 169 553, пропало без вести 36 704, всего 206 257;

1945 год — погибло 75 130, пропало без вести 5 038, всего 80 168.

Как известно, многие из пропавших без вести офицеров (в т.ч. генералов) оказались в плену. Взятых в плен советских военнослужащих немцы, как правило, делили на две группы: красноармейцев и командиров. И если это не удавалось сделать сразу, то по прибытии командиров в пересыльный лагерь, начиная от среднего звена (младшего лейтенанта), отправляли в офлаги.

Известно, что так называемая «селекция» касалась не только евреев и комиссаров, но и командного состава, который немцы старались немедленно отделять от рядовых и младших командиров, как возможных организаторов сопротивления.

Такая задача ставилась в проекте особого распоряжения к директиве № 21 плана «Барбаросса». В ней, в частности, говорилось: «При захвате в плен войсковых подразделений следует немедленно изолировать командиров от рядовых солдат».

В первую очередь из командного состава немцы расстреливали политработников, особистов и работников военной прокуратуры. В связи с этим многие командиры, принадлежащие к этим группам, старались скрыть свое воинское звание и должность либо изменяли их. Некоторые командиры и вовсе представлялись в плену обычными бойцами, предварительно переодевшись в соответствующее обмундирование.

Но, как следует из некоторых воспоминаний, «подобное поведение некоторых советских офицеров вызывало непонимание и неприязнь со стороны немцев», — пишет Арон Шнеер в книге «Плен». «Почему немцы к советским офицерам плохо относились? Какое отношение... офицера к офицеру, когда вас поймали в солдатской гимнастерке и вы пытались затеряться в солдатской массе? С нашей точки зрения, может быть, это правильно, но с точки зрения немецкого офицера — страшное падение. Ты прячешься за спину солдата, когда солдат должен стоять за твоей спиной».

При регистрации в лагере военнопленный русский офицер обычно говорил о себе правду, но при переводе из одного лагеря в другой, «набираясь опыта, начинал понимать, что выгоднее сказать, а что, наоборот, не стоит сообщать о себе. Иногда получалось, что на каждого пленного заполнялось 5—6 регистрационных карточек, и немцы не могли понять: человек попадал в плен капитаном, а до последнего лагеря добирался младшим лейтенантом...»

В лагерях пленные офицеры разделялись на роты численностью до 250 человек. Командирами рот назначались офицеры, хоть немного знавшие немецкий язык.

В подчинении коменданта лагеря находился комендант также из числа военнопленных командиров. Именно ему и начальнику лагерной полиции принадлежала вся власть в лагере.

Один из самых известных офлагов на оккупированной территории СССР — Владимир-Волыньск. Лагерь размещался на месте бывшего военного городка, за восемью рядами колючей проволоки. По свидетельству Ю.Б. Соколовского, в сентябре 1941 года все офицеры, содержащиеся в лагере, были разделены на четыре полка по национальной принадлежности. Первый полк — украинский, второй и третий — русские, четвертый — интернациональный, состоящий из офицеров — представителей народов Средней Азии и Кавказа. Командиры полков были из числа пленных офицеров. Командиром украинского полка был подполковник Поддубный, бывший командир полка войск НКВД.

Командантом лагеря был Матевосян — бывший командир полка или дивизии Красной армии.

Кроме комиссаров и евреев немцы расстреливали обычных офицеров за то, что не снял шапку перед немцем, за попытку к побегу, «за враждебность к немецкому народу», за воровство (т.е. за то, что подобрал 2—3 гнилых картофелины).

«Издеваясь, немцы запрягали по 8—10 пленных офицеров в повозку и катались по городу или, подгоняя штыками и прикладами, заставляли возить кирпич, воду, дрова, мусор, нечистоты из уборных».

В Бухенвальде первую группу прибывших советских офицеров и политработников численностью в 300 человек расстреляли в тот же день в тире, оборудованном в одном из цехов. Тела убитых сожгли в крематории, а кости выбросили в канализацию...

В 1943 году там же, только уже за саботаж и сопротивление, советских офицеров вешали прямо в крематории на 48 крюках.

В лагерях военнопленные офицеры точно так же, как и бойцы, стремились попасть в рабочие команды, где имелась возможность хоть что-то раздобыть для питания. Иногда там появлялся шанс для побега.

Свидетельствует Арон Шнеер: «С июня 1942 г. всех пленных офицеров Красной армии от младшего лейтенанта до полковника включительно, имевших гражданские специальности, стали отправлять на работу в военную промышленность. Из офлага Хаммельбург многих офицеров отправляли на авиазаводы “Мессершмитт” в Регенсбурге. В марте 1943 г. на заводе работало две тысячи советских военнопленных офицеров. (...)

Направляли офицеров и в другие рабочие команды. Например, одна из команд, состоявшая из 35—40 человек, перебирала свеклу и обслуживала сушильные машины на сахарном заводе. Паек оставался таким же, как в концлагере, однако свекла без ограничения — дополнительное питание. (...)

Хорошо питались работавшие в лагерных канцеляриях. Немцы отбирали сюда людей, знавших не менее двух языков: немецкий и французский. Один из работавших в канцелярии Шталага II-C в Грейсвальде — военнопленный офицер Новиков говорил: “Я лично и до войны дома так не жил”».

Использовались немцами и профессиональные знания советских офицеров. Так, еще летом 1941-го представители абвера и военно-исторического отдела ОКВ «отобрали среди пленных несколько десятков старших офицеров и предложили им описать

историю разгрома своей воинской части, указать ошибки советской и немецкой стороны, допущенные в ходе боев».

Например, в офлаге в Хаммельбурге был создан Военно-исторический кабинет, который возглавил полковник Захаров. В работе этого кабинета участвовал комбриг М.В. Богданов, который написал историю 8-го стрелкового корпуса и обобщил все сведения о боевых действиях Юго-Западного фронта в июне — августе 1941 года.

С кабинетом также сотрудничали: подполковник Г.С. Васильев, комбриг А.Н. Севастьянов, полковник Н.С. Шатов, подполковник Г.С. Васильев и другие (всего до 20 старших офицеров РККА).

Известно, что Военно-исторический кабинет просуществовал до весны 1943 года. Затем почти весь состав кабинета перевели в Нюрнберг, где бывшие советские командиры работали в мастерской по изготовлению игрушек.

Но оговоримся, что не все хотели сотрудничать с оккупантами или сотрудничали с ними. Несомненно, процент таких офицеров был значительно выше, чем среди бойцов и младших командиров.

В книге Михаила Михалкова есть такой эпизод: «В камеру входит пленный боец с забинтованной головой.

— Кто там стрелял? — спрашивает сосед-матрос.

— Наш один застрелился, — отвечает боец. — С тремя шпалами. Полком, говорят, командовал. Встал около ямы и сам себе пустил пулю в лоб... Так с пистолетом в яму и упал.

— И сейчас там лежит? — спрашивает усатый мужик с длинным лицом.

— А где же ему быть, там и лежит. С орденом Красного Знамени на груди.

— А немцы?

— Подошли к яме. “Капут”, — говорят. И ушли.

— И пистолет не достали? — не унимается матрос.

— Да разве его оттуда достанешь. Там метров восемь глубины...»

Таким образом, и самоубийство подполковника следует понимать как акт сопротивления.

Но в целом сопротивление офицеров выразилось в саботаже в лагерях и на производстве.

Сопротивлением можно считать и побеги.

Все офицеры, кто неоднократно совершал побеги, кто участвовал в антигитлеровской агитации и пропаганде, кто был уличен в актах саботажа на немецких заводах и фабриках, в итоге по-

ПЛЕН. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В НЕМЕЦКИХ ЛАГЕРЯХ

падали в концлагеря. Хотя и там, несмотря ни на что, умудрялись продолжать свою деятельность.

Самое значительное сопротивление советских офицеров произошло в Маутхаузене. В ночь с 2 на 3 февраля 1945 года узники 20-го штрафного офицерского блока (в основном офицеры-летчики) подняли восстание и пытались бежать. Их было 800 человек. Спаслись же человек 10.

К слову, в немецкий плен попали 80 советских генералов и комбригов.

В плену погибли 23 генерала — в том числе генерал-майоры: командир 113-й стрелковой дивизии Х.Н. Алавердов; командир 212-й механизированной дивизии С.В. Баранов; командир 280-й стрелковой дивизии С.Е. Данилов; начальник тыла 6 й армии Г.М. Зусманович; командир 64-го стрелкового корпуса А.Д. Кулешов; командир 196-й стрелковой дивизии К.Е. Куликов; командир 6-го кавалерийского корпуса И.С. Никитин; командир 109-й стрелковой дивизии П.Г. Новиков; командир 181-й стрелковой дивизии Т.Я. Новиков; заместитель командира 11-го механизированного корпуса П.Г. Макаров;

командир 4-й танковой дивизии А.Г. Потатурчев; командир 5-й стрелковой дивизии И.А. Пресняков; командир 80-й стрелковой дивизии В.И. Прохоров; командир 58-й гв. стрелковой дивизии Н.И. Прошкин; командир 172-й стрелковой дивизии М.Т. Романов; командующий артиллерией 5-й армии В.Н. Сотенский; командующий артиллерией 11-го механизированного корпуса Н.М. Старостин;

командир 44-й гв. стрелковой дивизии С.А. Ткаченко.

Не вернулся из плена профессор Академии Генштаба Красной армии генерал-лейтенант инженерных войск Д.М. Карбышев, погибший незадолго до конца войны в концлагере Маутхаузен.

При этапировании со «спецобъекта» умер от разрыва сердца командующий 20-й армией генерал-лейтенант Ф.А. Ершаков, наотрез отказавшийся от сотрудничества с немцами.

Бежал с этапа командир 49-го стрелкового корпуса генерал-майор С.Я. Огурцов. Вступив в польский партизанский отряд, он храбро сражался с врагом и погиб в бою.

Всего же успешно бежали из плена 5 генералов. Кроме Огурцова еще И.И. Алексеев, И.А. Ласкин, П.В. Сысоев, П.Г. Цирульников.

Генерал-майор Сысоев, командир 36-го стрелкового корпуса, находился в плену с июля 1941 года по август 1943 года, выдавая себя за рядового бойца. Совершив побег, примкнул к партизанам и в течение полугода воевал в соединении генерала Федорова, который отзывался о нем с большим уважением.

Были замучены гестапо генерал-майор авиации Г.И. Тхор и командир 14-й гв. стрелковой дивизии генерал-майор И.М. Шепетов — активные участники Сопrotивления в Хаммельсбургском лагере для военнопленных, выданные пособником гитлеровцев — бывшим командиром 13-й стрелковой дивизии генерал-майором А.З. Наумовым.

Генерал-майор Потапов Михаил Иванович с начала Великой Отечественной войны командовал 5-й армией Юго-Западного фронта. Под его командованием армия участвовала в приграничном сражении, вела оборонительные бои на государственной границе южнее г. Бреста, затем в районах гг. Ковель, Дубно, Ровно, Житомир.

Позднее 5-я армия упорно оборонялась на позициях Коростеньского укрепленного района.

С 7 июля 1941 года она участвовала в Киевской оборонительной операции, сражаясь с превосходящими силами противника на Киевском направлении. В этих боях войска армии понесли тяжелые потери, а значительная часть армии попала в окружение.

Сам генерал Потапов при выходе из окружения, будучи контужен, 21 сентября 1941 года в районе города Пирятин был пленен немцами.

28 сентября 1941 года в штаб-квартире 2-й армии генерала допросил подполковник генерального штаба Ирнекс.

«Вопрос: Какова была задача 5-й армии вплоть до отступления из района Коростень — Овруч?»

Ответ: Задача заключалась в обороне.

Вопрос: Какова была численность армии примерно в середине августа?

Ответ: В общей сложности около 70 000 человек, из них боевых частей около 20 000 человек. (На этот вопрос не могло быть дано ясного ответа, так как генералу было не вполне ясно понятие “боевой части”. Он употреблял понятие “рядовой пехоты” и предполагал, что таковых насчитывалось приблизительно 20 000 человек).

Вопрос: Чем объясняется большая разница между двумя цифрами?

Ответ: Разница возникла вследствие больших потерь в предшествующих боях. Тыловые службы в основном потерь не несли. Пополнение сражающихся частей не было.

Вопрос: Как оценивать положение армии, прежде всего учитывая положение в районе Припяти и в районе Рогачев — Бобруйск — Гомель?

Ответ: Общее положение было неблагоприятным. Однако не было никаких причин, учитывая положение на фронте, начинать отступление за Днепр. Наоборот, была задумана передовая позиция 5-й армии к северо-западу от Киева в качестве исходной позиции для наступления на юг. На тот случай, если бы Красная армия располагала достаточными силами, было безусловно необходимо удерживать позицию 5-й армии. Это мое личное мнение. Каких-либо мер или приказов по поводу проведения такого наступления не последовало.

Вопрос: Была ли необходимость отводить 5-ю армию за Днепр с учетом того, что немецкие войска заняли территорию к юго-востоку от Киева до устья Днепра?

Ответ: Такой необходимости не было...

Вопрос: Существовала ли связь между 5-й армией и силами красных, действующими в районе Мозырь — Гомель?

Ответ: Конечно, 5-я армия была постоянно в курсе дела относительно изменения положения в 21-й армии (штаб в Гомеле).

После образования 3-й армии (штаб-квартира северо-западнее Мозыря) с ней поддерживалась связь, поскольку она теперь стала непосредственным соседом 5-й армии. (Последующее существование Центрального фронта в Гомеле и порядок подчиненности, в частности, в этом районе, были генералу не вполне ясны.) Таким образом, армия была постоянно в курсе дела относительно изменения ситуации в районе Мозырь — Гомель.

Вопрос: Каково было намерение красных в этом районе?

Ответ: Намерение было — защищать территорию вокруг Мозыря, Днепр под Рогачевом и Сож, далее к востоку.

Вопрос: Было бы необходимо отводить армию, если бы это намерение можно было реализовать?

Ответ: В этом не было никакой необходимости. Кроме того, для отступления не было принято никаких мер и не было указаний на этот счет. Больше того, я ссылаюсь на уже упоминавшуюся благоприятную фланговую позицию армии.

Вопрос: Как оценивалось положение 5-й армии, когда в середине августа сложилось неблагоприятное положение для красных в районе к северу от Гомеля?

Ответ: Положение 5-й армии стало в высшей степени неблагоприятным. Однако уход за Днепр не был бы необходим в том случае, если бы можно было удержать Гомель. (Генералу, в частности, был известен тот факт, что в “котле” в районе Жлобин — Рогачев была уничтожена вся 21-я армия, за исключением остатков двух дивизий. Он считал за промах со стороны командования 21-й армии, что для защиты Гомеля не нашлось по крайней мере одного корпуса. Он неоднократно задавал вопрос, какой корпус оборонял Гомель.)

Вопрос: Почему советская 3-я армия отошла из района между Припятью и Березиной за Днепр в направлении Чернигова?

Ответ: По той же причине, что и 5-я армия: потеря Рогачева и Гомеля.

Вопрос: Когда был получен приказ об отступлении 5-й армии?

Ответ: 19 или 20 августа. (Сначала генерал не мог вспомнить точно.)

Во всяком случае, в течение 24 часов после взятия Гомеля. (В ответ на уточнение, что Гомель был взят 19 августа.) Тогда приказ, вероятно, поступил 20-го утром, а отступление происходило в следующую ночь, т.е., наверное, с 20 на 21 августа.

Вопрос: Просила ли 5-я армия разрешения на это отступление?

Ответ: Нет, такой просьбы не было.

Вопрос: Были ли сделаны приготовления к отступлению, учитывая изменение положения под Гомелем?

Ответ: Нет, приготовлений такого рода не было.

Вопрос: Получала ли армия информацию из штаба фронта о неблагоприятном развитии событий под Гомелем?

Ответ: Нет, тогдашняя ситуация была известна армии за счет собственной связи с 3-й армией. (Вновь и вновь обнаруживается, что даже высшее командование не имело достаточной информации об общем положении дел.)

Вопрос: Еще раз: до взятия Гомеля обдумывалось ли каким-то образом отступление за Днепр?

Ответ: До взятия Гомеля возможность отступления за Днепр не обдумывалась. Напротив, существовал категорический приказ безусловно удерживать позицию, которую занимала армия.

Вопрос: Какова была цель отступления 5-й армии за Днепр?

Ответ: Причина заключалась в сокращении линии фронта.

Вопрос: Каков был участок отступления 5-й армии?

Ответ: Армия отступала севернее Тетерева. Для этого у нее были две переправы через Днепр — близ Навозы и железнодорожный мост юго-западнее Дымерки.

Вопрос: Какую задачу получила армия по достижении Днепра?

Ответ: Задача состояла в обороне Днепра на участке Лоев — Новый Глыбов.

Вопрос: Какие задачи имели 3-я или, соответственно, 21-я армии?

Ответ: Не знаю. Было известно только, что и 3-я армия начала отступление.

С 21-й армией никакой связи не было».

Из дальнейших вопросов и ответов выясняется следующее: против немецкого удара на Гомель были брошены два стрелковых корпуса: XXXI — северо-западнее и XV — севернее Чернигова. Они должны были держать линию фронта на участке Лоев — Репки — Крюков. Об отступлении и местонахождении 3-й армии никаких подробностей не было известно.

XV стрелковый корпус оказался не в состоянии сдержать немецкое наступление. Он был отброшен к Чернигову.

Фактически XV стрелковый корпус был разбит севернее Чернигова. Намерения воспрепятствовать немецкому удару по Чернигову, имея на фланге XXXI стрелковый корпус северо-западнее Чернигова, не было.

Предотвращение немецкого удара за Днепр на Остер близ Окуниново было задачей не 5-й армии, а примыкающей с юга 37-й армии. В это время главные силы 5-й армии еще отступали за Днепр под Навозом и Дымаркой. Позже южное крыло 5-й армии силами 228, 131 и 124-й стрелковых дивизий принимало участие в контрнаступлении на немецкий предмостный плацдарм на Днепре под Окуниново.

В результате продвижения к Чернигову немецких сил с севера от намерения оборонять Днепр пришлось отказаться. Отныне было решено защищать Десну. Это намерение также оказалось невыполненным из-за неожиданной потери Десны к востоку от Чернигова.

Достаточных сил для возвращения немецкого предмостного плацдарма восточнее Чернигова больше не было. Отступая за Десну юго-западнее Чернигова, XXXI корпус понес большие потери.

Штаб 5-й армии находился вначале в Андреевке, а затем в Напоровке.

До этого места протокол допроса был еще раз дословно в переводе на русский прочитан генералу П. (за исключением предложений в скобках), дополнен и в целом одобрен им...

Далее к вышеизложенному документу прилагался следующий текст:

«Командующий русской 5-й армией генерал-майор Потапов представляет собой личность, которой нельзя отказать в почти солдатской выправке. Во всяком случае, он резко выделяется среди ранее взятых в плен высших русских офицеров своим внешним видом и внутренней сдержанностью. Он родился в 1902 г. в окрестностях Москвы. В 1919 г. он вступил в вооруженные силы. Начинал он простым солдатом в Красной армии и прошел хорошую школу. Служил он в кавалерии. С января 1941 г. он — командующий русской 5-й армией.

Когда в начале беседы речь зашла о высших русских офицерах, генерал подчеркнул, что с начала реформы Тимошенко высшие командиры в русской армии, в общем, не менялись. И во время войны прежние генералы, за немногими исключениями, были оставлены на своих постах. Ответить на вопрос, находятся ли в высшем военном руководстве евреи, он, по его словам, не может, поскольку это ему неизвестно. Зато имеется много евреев на высших гражданских постах. На вопрос, находится ли офицерский корпус в определенной позиции к занятию высших государственных постов евреями, генерал также не мог дать прямого ответа, так как офицеры не имеют возможности высказывать свою позицию по этому вопросу. Что касается доли евреев-комиссаров в армии, ему известно, что евреи составляют приблизительно 1 % от всех комиссаров. Отношение офицеров к комиссарам вполне хорошее и товарищеское. Это необходимо уже потому, что вопреки существующему, видимо, у немцев мнению, военный командир части также несет ответственность за политико-воспитательную работу в войсках. Во всяком случае, до настоящего момента не было ничего известно относительно желаний изменить прежнее положение комиссара. Что касается отношения к комиссарам со стороны солдат, оно также вполне хорошее. Если военнопленные высказываются в противоположном смысле, происходит это, по-видимому, оттого, что они ведут себя именно как военнопленные. Во всяком случае, в войсках было так, что практически жестокие приказы гораздо чаще исходили от офицера, чем от комиссара.

Отсюда не следует делать вывод, что между офицером и рядовым менее доверительные отношения, чем между комиссаром и рядовым. Это понятно уже потому, что служебные отношения

рядового и офицера — это отношения субординации, в то время как отношение комиссара к рядовому — это отношение товарища, который в качестве политического руководителя дает ему политический совет.

Комиссар — друг солдата, делящегося с ним своими заботами. Комиссар — вовсе не подстрекатель к войне, как мы обычно его изображаем. Впрочем, можно быть разного мнения о существовании института комиссаров, объективно следует сказать, что в русских условиях на современной стадии развития он представляется целесообразным. Идеально было бы, конечно, объединить в один прекрасный день военные и политико-воспитательные задачи в руках офицера. Пока же о воплощении этого идеала нечего и думать, так как война требует мобилизации всех сил для защиты Отечества.

Оценивая перспективы войны среди русского высшего офицерского корпуса, генерал заметил, что ситуация в русском генеральном штабе рассматривается, правда, как очень серьезная, но не безнадежная. Во всяком случае, Красная армия будет продолжать сопротивление. В каких масштабах это будет происходить, сказать ему, правда, трудно, поскольку у него нет общего представления о возможностях использования резервов и материального обеспечения. Что касается отношения в офицерском корпусе к мерам, принимаемым к семьям пленных офицеров, он должен сознаться, что эти меры рассматриваются как неправильные, ошибочные. Случаи, когда действительно уже проводились репрессии, ему, в частности, пока неизвестны. Он только знает, что семьи военнопленных будут, во всяком случае, лишены всякой финансовой помощи. Это воспринимается как в высшей степени несправедливый акт. В этой связи генерал выразил особую озабоченность по поводу своей жены и своего одиннадцатилетнего сына, живущих в Москве. Он считает, что сила морального сопротивления русского солдата возросла бы во много раз, если бы не было репрессий в отношении семей военнопленных. Когда ему было сказано, что в немецких частях обратили внимание, как часто в письмах павших русских солдат проявляется трогательная забота о своих семьях, генерал подчеркнул, что и русская сторона отметила заботу об оставшихся дома членах семей в письмах убитых немецких солдат.

В связи с этим разговором генерал коснулся и материально-го положения русского офицера (красного офицера) своего ранга. Он назвал это положение вполне удовлетворительным. Так, перед началом войны генерал армии получал ежемесячный оклад

в размере 2600. В качестве служебного жилья ему выделялась квартира из десяти комнат. Во время войны оклад увеличивается на 25 %. (...)

На вопрос о том, готов ли русский народ в глубине души вести войну и в том случае, если обнаружит, что армия отступила до Урала, генерал ответил: “Да, он будет оставаться в состоянии моральной обороны!”

Правда, он еще добавил, что, по его мнению, сопротивление будет невозможно лишь тогда, когда Красная армия однажды действительно будет разбита. Однако он не мог, по его словам, не сказать, что в настоящий момент война вполне популярна...

Что касается пропаганды, генерал П. заметил, что он слишком солдат, чтобы любить ее. Он назвал ее неизбежным злом. По поводу немецкой пропаганды он сказал, что некоторые из наших листовок очень хороши, но есть и другие, которые вызывают только смех. Подробности, однако, он привести не мог...»

Справка. Михаил Иванович Потапов родился 3 октября 1902 года в с. Мочалово ныне Юхновского района Смоленской области.

В Красной армии с 1920 года. В 1922 году окончил командные кавалерийские курсы, в 1925 году — химические курсы усовершенствования командного состава, в 1936 году — Военную академию механизации и моторизации РККА.

С 1921 года: командир отделения, взвода и эскадрона. С 1925 года — начальник химической службы полка, начальник полковой школы. С 1930 года — временно исполняющий должность начальника штаба кавалерийского полка СКВО, а с июля 1937 года — командир механизированного полка. В 1939 году командир танковой бригады БОВО, с июня 1939 года — заместитель командующего 1-й армейской группой, которая успешно участвовала в боях в районе р. Халхин-Гол. С июня 1940 года — командир 4-го механизированного корпуса, с 17 января 1941 года — командующий 5-й армией КОВО.

В плену генерал Потапов содержался в лагерях гг. Хаммельсбург, Гогельштейн, Вайсенбург, Моозбур.

Был освобожден из плена союзными войсками и 29 апреля 1945 года направлен в Париж в распоряжение военной миссии по делам репатриации советских граждан.

С мая по декабрь 1945 года проходил спецпроверку (фильтрацию) в «СМЕРШе».

ПЛЕН. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В НЕМЕЦКИХ ЛАГЕРЯХ

Каких-либо компрометирующих материалов на него добыто не было. В результате генерал Потапов был освобожден и обеспечен агентурным наблюдением.

В двадцатых числах декабря его направили в распоряжение Главного управления кадров НКО, после чего ему была оказана необходимая помощь в лечении и бытовом устройстве.

С 1946 года генерал-майор Потапов — слушатель ВАК Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова.

С мая 1947 года — помощник командующего войсками 6-й гвардейской механизированной армии ЗабВО, с июля 1953 года командовал бронетанковыми и механизированными войсками 25-й армии, с января 1954 года помощник командующего 25-й армией по танковому вооружению, с августа 1954 года командующий 5-й армией, с 1958 года 1-й заместитель командующего войсками и член Военного совета ОдВО.

В 1961 году присвоено воинское звание «генерал-полковник».

Награжден: двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалями и орденом Красного Знамени МНР.

В противоположность генералу Потапову, который с честью пережил все адювы муки плена, можно назвать генерал-майора Наумова Андрея Зиновьевича. Он родился в 1891 году. В Красную армию вступил в 1918 году, в партию в 1925 году. В 1941 году командовал 13-й стрелковой дивизией.

«В ночь на 23 июня 1941 года 13-я стрелковая дивизия, которая дислоцировалась в районе города Замброво, отходила с боями к Белостоку. На допросе он рассказывал: 25 июня ею был занят оборонительный рубеж на правом берегу реки Нарев, но в ночь на 26 июня был получен приказ об отходе в район Супросельской пуши. Отход осуществлялся под сильными ударами немецких наземных войск и авиации. Личный состав дивизии был рассеян и управление частями нарушено. Остатки дивизии вечером 26 июня достигли рубежа реки Зельвянка, но при попытке форсировать ее понесли большие потери, так как восточный берег был занят немцами. Переодевшись в гражданскую одежду, красноармейцы стали выходить из окружения группами по 3—4 человека».

На станции Осиповичи Наумов попал в облаву и, как гражданское лицо, препровожден в Минский лагерь, откуда его выпустили как местного жителя (в Минске жила семья Наумова). Однако 18 октября Наумов был арестован на квартире и доставлен в мин-

скую тюрьму, где находился два месяца, затем направлен в Минский лагерь для военнопленных. Там Наумов подал заявление о желании проводить шпионскую работу против СССР. В апреле 1942 года он был переведен в лагерь военнопленных в городе Кальвария (Литва), а затем в Офлаг XIII-Д (Хаммельсбург).

В Хаммельсбурге Наумов дал показания представителю МИД Германии советнику Хильгеру, рассказав о приеме в Кремле 5 мая 1941 года выпускников военных академий (немцы искали доказательства подготовки СССР к нападению на Германию).

Здесь, в лагере, он затем осуществлял вербовку военнопленных в «восточные» батальоны.

24 сентября 1942 года Наумов обратился в комендатуру лагеря с заявлением:

«Доношу, что среди русских военнопленных лагеря ведется сильная советская агитация против тех людей, которые с оружием в руках хотят помогать немецкому командованию в деле освобождения нашей родины от большевистского ига.

Эта агитация исходит главным образом от лиц, принадлежащих к генералам, и со стороны русской комендатуры. Последняя стремится всеми средствами дискредитировать тех военнопленных, которые поступают на службу к немцам в качестве добровольцев, употребляя по отношению к ним слова: “Эти добровольцы всего-навсего продажные души”.

Тех, которые работают в Историческом кабинете, также игнорируют и оскорбляют словами, как: “Вы продались за чечевичную похлебку”.

При таком положении дел русская комендатура вместо оказания помощи этим людям в поднятии производительности труда совершает обратное. Она находится под влиянием генералов и всячески старается препятствовать работе.

Активное участие в этой агитации принимают: генералы Шепетов, Тхор, Тонконогов, полковник Продимов, подполковник Новодаров.

Все вышеприведенное соответствует действительности, и я надеюсь, что комендатура лагеря благодаря принятию соответствующих мер обеспечит успешное выполнение порученных ей задач».

Меры были приняты — на Родину вернулся только генерал Тонконогов, остальные погибли в концлагерях и тюрьмах (Л.Е. Решин, В.С. Степанов).

Осенью 42-го Наумов изловчился записаться в немецкую военно-строительную организацию ТОДТ, где был назначен на-

ПЛЕН. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В НЕМЕЦКИХ ЛАГЕРЯХ

чальником строевого отдела лагеря под Берлином (Шляхтензее), а затем получил назначение на должность коменданта участка работ «Белое болото» под городом Борисовом. Весной 43-го из-за того, что группа военнопленных на его участке совершила побег, Наумова сняли с должности и отправили в лагерь для «фольксдойче» в г. Лодзь, где находилась его семья.

В октябре 1944 года Наумов с семьей перебрался снова в Берлин, где устроился на работу на трикотажную фабрику «Клаус» чернорабочим. А 23 июля 1945 года его арестовали в лагере для репатрированных.

19 апреля 1950 года его приговорили к высшей мере наказания — расстрелу.

ПСИХОЛОГИЯ ПЛЕНА

«В последнюю войну на востоке наблюдалось явление, до сих пор в истории международных войн небывалое, — делился своими впечатлениями генерал Антон Иванович Деникин. — ... Очутившись в плену, русские с первого же дня попадали в невыносимые условия, неизмеримо худшие, нежели для пленных всех других воюющих держав. И не только в первое время, когда, может быть, трудно было организовать прием столь неожиданно большого числа людей, но и во все последние годы.

Их гнали по дорогам, не считаясь с расстоянием и человеческой возможностью, без пищи и питья. И когда кто-либо от чрезмерной усталости падал или, желая утолить невыносимую жажду, наклонялся над придорожной канавой, его приканчивала стража штыком или пулею...

Их держали по многу суток под открытым небом во всякую погоду, иногда в снегу, в отгороженных колючей проволокой пространствах, в ожидании нехватавших транспортных средств. И тоже без всякой еды и, что хуже, — без воды... Ими набивали поезда, состоявшие из открытых платформ, на которых в спрессованном виде везли в стоячем положении без возможности шевельнуться по 3—4 дня. В этой дышавшей испражнениями человеческой массе среди живых стояли торчком и мертвые...

Мне рассказывал француз, вернувшийся из плена и лагерь которого находился по соседству с русскими, что, когда к их расположению подъехал один из поездов, русские военнопленные буквально закалились, не могли двигаться. Немцы отрядили французов, которые стали переносить русских на руках и носилках. Живых клали на пол в бараках, мертвых сбрасывали в общую яму...

Русских пленных, говорил другой француз, легко узнать по глазам: глаза у них особенные. Должно быть, от страдания и ненависти. В русских лагерях жизнь была ужасна. Многие бараки, особенно в первое время, — с прогнившими крышами. Ни одеял, ни подстилки на нарах. Грязь и зловоние. Обращались немцы с русскими пленными хуже, чем со скотом. Голод свирепствовал необычайный. В пищу давали от 100 до 200 граммов хлеба и один раз горячую грязную бурду с небольшим количеством картофеля, который бросали в огромный общий котел прямо из мешков, не только с шелухой, но и с землей. Иногда картошку заменяли жмыхом — отбросами сахарных заводов. Кормили продуктами, оставленными при отступлении большевиками, которые перед тем обливали их керосином. Эту тошнотворную дрянь ели. С отвращением и проклятием, но ели, чтобы не умереть с голоду. При этом ввиду отсутствия посуды приходилось хлебать из консервных банок, из шапок или просто пригоршнями.

Малейший протест вызывал расстрел. Бессильные люди бродили как тени. Многие доходили до такой степени истощения, что, сидя под солнечной стеной барака, не имели сил подняться, чтобы дойти до бочки с водой, чтобы утолить жажду. Немецкая стража, собирая для проверки, подымала и подгоняла их палками.

Часто случались эпидемии дизентерии. Больным никакой помощи не оказывалось, им предоставляли медленно умирать. Каждое утро немецкие санитары в специальной одежде и масках заходили в бараки и баграми вытаскивали трупы, которые сваливали, как падаль, в общие ямы. Около каждого русского лагеря в таких “братских” могилах нашли упокоение десятки тысяч русских воинов. (...)

Советские воины были брошены на произвол судьбы своим правительством, которое всех пленных огульно приказало считать “дезертирами” и “предателями”. Все они заочно лишались воинского звания, именовались “бывшими военнослужащими” и поступали на учет НКВД так же, как и их семьи, которые лишались продовольственных карточек.

Об этом известно было в лагерях, и это обстоятельство еще более отяжеляло душевное состояние военнопленных, которые не только материальной поддержки ниоткуда получить не могли. Они чувствовали себя в безвыходном тупике, обреченными на медленную гибель.

При таких условиях, когда немецкое командование предложило этим людям, обратившимся в живые скелеты, нормальный военный паек своих солдат, чистое жилье и человеческое отно-

шение, многие согласились одеть немецкий мундир, тем более что им было объявлено, что из них будут формировать части для тыловой службы и работы.

Пусть, кто может, бросит в них камень...»

...Александр Исаевич Солженицын тоже касался этой поистине сложнейшей темы. В своем опыте художественного исследования «Архипелаг ГУЛАГ» он с болью в душе писал:

«Только наш солдат, отверженный родиной и самый ничтожный в глазах врагов и союзников, тянулся к свинячей бурде, выдаваемой с задворков Третьего рейха. Только ему была наглухо закрыта дверь домой, хоть старались молодые души не верить: какая-то статья 58—1 б и по ней в военное время нет наказания мягче, чем расстрел! За то, что не пожелал умереть от немецкой пули, он должен после плена умереть от советской! Кому от чужих, а нам от своих...»

Итак, какие же пути лежали перед русским военнопленным?

Законный — только один: лечь и дать себя растоптать. Каждая травинка хрупким стеблем пробивается, чтобы жить. А ты — ляг и растопчись. Хоть с опозданием — умри сейчас, раз уж не мог умереть на поле боя, и тогда тебя судить не будут.

Спят бойцы. Свое сказали

И уже навек правы.

Все же все остальные пути, какие только может изобрести твой отчаянный мозг, — все ведут к столкновению с Законом.

Побег на родину — через лагерное оцепление, через пол-Германии, потом через Польшу или Балканы, приводил в СМЕРШ и на скамью подсудимых: как это ты бежал, когда другие бежать не могут? (...)

Выжить в лагере за счет своих соотечественников и товарищей? Стать внутрилагерным полицаем, комендантом, помощником немцев и смерти? Сталинский закон не карал за это строже, чем за участие в силах Сопротивления — та же статья, тот же срок (и можно догадаться, почему: такой человек менее опасен!). Но внутренний закон, заложенный в нас необъяснимо, запрещал этот путь всем, кроме мрази.

За счетом этих четырех углов, непосильных или неприемлемых, оставался пятый: ждать вербовщиков, ждать куда позовут.

Иногда на счастье приезжали уполномоченные от сельских бедирков и набирали батраков к бауэрам; от фирм отбирали себе инженеров и рабочих. По высшему сталинскому императиву ты и

тут должен был отречься, что ты инженер, скрыть, что ты — квалифицированный рабочий. Конструктор или электрик, ты только тогда сохранил бы патриотическую чистоту, если бы остался в лагере копать землю, гнить и рыться в помойках...

А то приезжие вербовщики совсем иного характера — русские, обычно из недавних красных политруков, белогвардейцы на эту работу не шли. Вербовщики созывали в лагере митинг, бранили советскую власть и звали записываться в шпионские школы или во власовские части.

Тому, кто не голодал, как наши военнопленные, не обгладывал летучих мышей, залетавших в лагерь, не вываривал старые подметки, тому вряд ли понять, какую необоримую вещественную силу приобретает всякий зов, всякий аргумент, если позади него, за воротами лагеря, дымится походная кухня и каждого согласившегося тут же кормят кашею от пуза — хотя бы один раз! хотя бы в жизни еще один только раз!

Но сверх дымящейся каши в призывах вербовщика был призыв свободы и настоящей жизни — куда бы ни звал он! В батальоны Власова. В казачьи полки Краснова. В трудовые батальоны — бетонировать будущий Атлантический вал. В норвежские фиорды. В ливийские пески. В “hiwi” — “Hilfswillige” — добровольных помощников немецкого вермахта... Наконец, еще — в деревенских полицаев, гоняться и ловить партизан (от которых Родина тоже откажется, от многих). Куда б ни звал он, куда угодно — только б тут не подыхать, как забытая скотина.

С человеком, которого мы довели до того, что он грызет летучих мышей, — мы сами сняли всякий его долг не то что перед родиной, но — перед человечеством!

И те наши ребята, кто из лагерей военнопленных вербовался в краткосрочных шпионов, еще не делали крайних выводов из своей брошенности, еще поступали чрезвычайно патриотически. Они видели в этом самый ненакладный способ вырваться из лагеря».

Итак, даже эти два отрывка из произведений двух великих людей России двадцатого столетия говорят о советских военнопленных как об одной из самых страшных проблем Второй мировой войны. Как явствует из многочисленных источников, в том числе воспоминаний очевидцев, постепенное обезчеловечение советских бойцов и командиров оказалось для них страшнее смерти. Страдания, которым они подвергались, уже давно названы беспрецедентными. Находясь в плену, наши соотечественники просто не могли рассчитывать на какую-либо помощь извне. Отвер-

женность Родиной, произвол судьбы — все это происходило прежде всего из-за политики фашистской Германии, направленной на уничтожение «неполноценных» восточных народов, или «недочеловеков». Об этом мы уже говорили выше. А здесь следует остановиться на том, как советские военнопленные выживали, борясь за жизнь.

Плен — это прежде всего стресс, сущность которого в тех нечеловеческих условиях, да еще и перед неизвестностью, выражалась у большинства — страхом.

Вот что о страхе писала выдающийся российский нейрофизиолог, академик РАН и РАМН, научный руководитель Института мозга Н.П. Бехтерева:

«Всепоглощающий генерализованный страх ведет к тому, что мозговой базис, на котором должна была бы осуществляться наша интеллектуальная деятельность, изменяется везде — или почти везде. Зоны мозга, группы нервных клеток не могут включаться в мыслительную деятельность. Человек лишается творческой мысли — этого прекраснейшего из своих достояний».

Не потому ли в считанные дни или даже часы у некоторых военнопленных наружу выплескивались ранее сдерживаемые мысли и эмоции... Они вдруг, сразу же, превращались в ярых врагов своей страны...

Психолог из Австрии В. Франкл, сам переживший ужасы концентрационных лагерей, впоследствии писал, что реакцию заключенных можно разбить на три фазы: «1. Шок поступления. 2. Типичное изменение характера при длительном пребывании в лагере. 3. Освобождение».

Те авторы, которые изучали психологию человека в концлагере, особо подчеркивали, что в первой фазе пребывания в лагере у человека наступает «острая деперсонализация», и дело идет к «сильнейшей психологической травме», причем у многих возникает такое ощущение, что это происходит не с ним, что он к происходящим ужасным событиям не имеет отношения. Словом, срабатывает своеобразная защита человека. Но когда наступает вторая фаза (типичные изменения характера при длительном пребывании), тогда обитатели лагеря переживают заметную апатию, которую психологи вновь определяют как защитный механизм. Но самое сильное влияние на заключенных оказывала неопределенность их будущего.

Психологическое состояние советского военнопленного, находящегося в страхе, усугубляли голод, нравственные страдания, раны и побои.

Как известно, при неудовлетворении потребности в питании наступает «волчий» голод, который, продолжаясь некоторое время, ведет к истощению организма.

Голод вначале локализуется в нижежелудочной области, под ложечкой, затем в виде ощущения пустоты, стягивания, скручивания обнимает всю область живота и распространяется в виде особого чувства недомогания и неловкости на грудь и глотку. В дальнейшем присоединяются головокружение и боли в голове и изнеможение как умственное, так и физическое.

Словом, бред голодного и ужасы каннибализма — это уже последний круг ада голодного человека...

Действительно, как мог советский солдат или офицер, находящийся в таких условиях немецкого плена, выжить вообще или сохранить свое человеческое достоинство?

Судя по той картине, которую описали Деникин и Солженицын со слов тех, с кем им приходилось встречаться, на службу к немцам должны были перейти практически все советские военнопленные. Этот их шаг вроде бы оправдывало если не все, то почти все, с чем они встретились в плену. А больше всего это оправдывалось якобы «бездействием» советского правительства...

По большому счету, всем им было не до личной чести... Имеется в виду, когда «честное» тождественно с «нравственным». Но именно воинская честь во все времена требовала от военного человека, а от офицера в особенности — риска собственной жизнью, принесения высшего, наиболее реального блага — жизни — в жертву отвлеченному представлению об общем благе.

В начале XX века в царской армии считалось, что «для выполнения функции войны необходим... такой стимул, который был бы в состоянии подавить в человеке чувство личного самосохранения. Этот стимул может иметь исключительно нравственный характер — потому что никакое реальное благо не в силах конкурировать с благом жизни, — и должен корениться в природе человека — потому что, взятый извне, он не будет обладать достаточной интенсивностью. Таким стимулом является чувство личного самолюбия».

В плену, в неволе, несмотря на ее нечеловеческое лицо, некоторые военнопленные все же предпочитали вине нравственной — нравственную ответственность, или же человеческие обязанности не только к другим, но прежде всего к самому себе.

В начале XX века трусость признавалась уголовно наказуемой, «если лицо по своему званию или занятиям либо в силу тре-

бования закона обязано было перенести грозивший ему вред». Именно в таких случаях трусость не могла служить оправданием. Тогда же все военно-уголовные кодексы в той или иной форме устанавливали «общим правилом, что нарушение обязанностей службы из страха личной опасности наказывается как содеянное с намерением». Но отметим, что предателей, ставших таковыми вынужденно, «под давлением», было меньшинство. Соответственно, большинство военнопленных не нуждалось в солдатской пайке врага даже перед лицом собственной смерти. Одни военнопленные очень долго не могли смириться с неволей и пытались бежать. А если их ловили, все равно мысль о побеге не давала им покоя.

Иван Алексеевич Шаров бежал не один раз.

«5/II. Вечером 3 февраля в 6 вечера нас три человека сбежали из команды. Было темно, раздавали баланду на ужин. Я и товарищи Михаил Беляев и Николай Львович подошли к колючей проволоке, накинули на нее шинель и аккуратно через нее перелезли, поддерживая друг друга. Перешли через железнодорожное полотно и спрятались в одном укромном месте. Сидели там до 4 утра, чтобы шумиха о поисках наших немного утихла. Надо выбраться из города, ноги не идут... Напоролись на часовых, пришлось убежать, у нас один потерялся — Николай Львович. Искали, кричали, но его нигде не было слышно...

10/III. Нас с Беляевым поймали и посадили в тюрьму, в подвал, а 11-го перевезли в город Кассель, в другую тюрьму...

29/V. Ночью убежал с Владимиром Когугуровым. Шли строго на восток. Достали продуктов, набрались сил...

15/VI. Хотели уехать на товарном поезде, на одной станции просидели целую ночь, но поезда не останавливались... Тогда мы вышли из убежища и попали на патруль, нас поймали, допросили, сильно при допросе избили... Опять отправили в тюрьму в город Кассель...»

Но и на этом Иван Алексеевич не успокоился. 10 октября он снова бежал...

Неоднократно бежал из плена и брат Сергея Михалкова — Михаил. В общем, бежали те, кто хотел бежать...

Бежали даже раненые с места казни. Об этом рассказал штурмшарфюрер СС Фриц Кноп в декабре 1942 года: «С середины августа я являюсь руководителем Бердичевского отделения службы полиции безопасности и СД в гор. Житомире. 23 декабря 1942 г. заместитель начальника службы гауптштурмфюрер СС Кальбах обследовал местное отделение и воспитательный трудовой ла-

герь, находящийся в ведении вверенного мне учреждения. В этом воспитательном трудовом лагере с конца октября или начала ноября находится 78 бывших военнопленных, которые в свое время были отпущены из стационарного лагеря в Житомире вследствие нетрудоспособности. Насколько мне известно, значительное число таких военнопленных в свое время было отпущено оттуда и передано в распоряжение командира полиции безопасности и СД. Из их состава в Житомире было отобрано небольшое число до некоторой степени пригодных к труду, а остальные 8 человек были направлены в здешний воспитательный трудовой лагерь. Как мне помнится, часть военнопленных была в свое время вывезена куда-то на грузовике и освобождена. В дальнейшем намеченное освобождение военнопленных было отменено в связи с возражениями со стороны вермахта...

Находившиеся в здешнем лагере 78 военнопленных были исключительно тяжелораненые. У одних отсутствовали обе ноги, у других — обе руки, у третьих — одна конечность. Лишь некоторые из них сохранили конечности, но были так изуродованы другими видами ранений, что не могли выполнять никакой работы. Они должны были ухаживать за остальными.

При обследовании воспитательного трудового лагеря 23 декабря 1942 г. гаупштурмфюрер СС Кальбах отдал распоряжение, чтобы оставшиеся после имевших место смертных случаев 68 или 70 военнопленных подверглись сегодня же особой обработке.

Для этой цели он выделил грузовую автомашину с шофером — рядовым СС Шеффером из управления командующего, который прибыл сюда сегодня в 11 час. 30 мин. Подготовку казни я поручил сегодня рано утром сотрудникам местного отделения: унтершарфюреру СС Палю, роттенфюреру СС Гессельбаху и штурмфюреру СС Фольпрехту. Ответственным за проведение казни был мною назначен Фольпрехт...

Мне не пришло в голову обеспечить проведение казни более многочисленной командой, так как место казни скрыто от посторонних взоров, а заключенные были не способны к бегству ввиду своих физических недостатков.

Приблизительно в 15 час. мне сообщили по телефону из стационарного лагеря, что один из сотрудников моего отделения, выполнявший это особое поручение, ранен и один заключенный бежал. Я сейчас же направил на подводе к месту экзекуции гауптшарфюрера СС Венцеля и обершарфюрера СС Фрича. Через некоторое время мне вторично позвонили по телефону из стацио-

нарного лагеря и сообщили, что два сотрудника моего отделения убиты. На случайно прибывший ко мне в отделение военной машине я немедленно отправился в стационарный лагерь.

Недалеко от лагеря я встретил грузовую машину, в которой лежали оба убитых сотрудника. Гессельбах доложил мне о случившемся. Согласно его докладу, он производил расстрелы в яме, в то время как два других сотрудника несли охрану у автомашины. Гессельбах уже расстрелял трех военнопленных, а четвертый стоял перед ним, когда вдруг услышал выстрелы, раздавшиеся над могилой. Застрелив военнопленного, он вылез из могилы и увидел разбегающихся военнопленных. Он стал стрелять по бегущим и, по его мнению, застрелил двух. Я захал в 1-й лагерь и дал распоряжение особенно зорко охранять заключенных. Усилить охрану я не мог, так как в моем распоряжении не было необходимых для этого людей. Получить людей для усиления охраны из других полицейских органов я не рассчитывал, так как знал, что они находятся на операции. На месте, в стационарном лагере, Гессельбах уже распорядился, чтобы команда в составе 20 человек обыскала местность для поимки беглецов. Для дальнейшего их розыска я известил полевую жандармерию, полицейскую жандармерию и железнодорожную полицию. Гессельбах, шофер и оба посланных мною сотрудника закопали, как полагается, расстрелянных военнопленных.

Я хотел бы указать на то, что этот случай произошел при второй казни. Ей предшествовал расстрел примерно 20 военнопленных, прошедший без особых инцидентов...»

По данным германского командования, только из лагерей на территории Германии и оккупированной Европы до 1 мая 1944 года бежали 66 694 советских военнопленных.

Другие выживали в плену как могли. Держались по землячествам — колхозами. Иногда занимались и саботажем.

Ю.В. Владимиров, в частности, пишет: «Бежать из плена я, конечно, мог, но добраться до линии фронта или к партизанам — точно нет. Не мог совершить во вражеской стране и какие-либо диверсии, уничтожить какую-либо важную персону, так как при моем положении пленного встречаться с подобными лицами не имел никакой возможности. Убить же бедного и, как правило, немолодого, пожилого и зачастую многодетного рядового солдата — своего конвоира или сжечь двор мелкого немецкого крестьянина было бы просто мерзким, нечеловеческим поступком.

Большинство военнопленных, включая и меня, часто занимались саботажем, незаметным или малозаметным для немецких

прорабов или мастеров. Например, работали очень медленно и с низкой производительностью, ломали или портили предметы, которые загружали в вагоны или выгружали из них, выводили из строя машины, на которых работали, в основном, чтобы передохнуть и т.д.

Но такой саботаж, конечно, был малоэффективен. Главным оставалось выжить в плену, но не любой ценой, а нанося как можно меньше вреда сражающейся Родине.

Правда, значительная часть советских военнопленных в Германии все же не думала о патриотизме и не страдала от мысли, что за них отдают жизни на фронтах их товарищи. Этому, к сожалению, я был свидетелем.

Но о том, что происходит в это время на фронтах, я и другие пленные в лагере были почти в полном неведении. Пользовались в основном слухами».

Третьи участвовали в одиночном или организованном сопротивлении. Например, известен «Братский союз военнопленных» — одна из наиболее крупных групп сопротивления на территории Германии.

Георгий Фесенко, он же батальонный комиссар Иосиф Фельдман, до войны был начальником отдела в днепропетровском управлении НКВД. Летом 41-го под Уманью попал в плен, но смог бежать. По распоряжению ЦК КП (б) Украины записался на работу в Германию с целью организовать группы сопротивления среди военнопленных и восточных рабочих. Только в конце февраля — начале марта 1944 года лидеры Союза были арестованы.

К сожалению, весьма мало сохранилось документальных свидетельств о попытках организованного сопротивления в плену. Одно из них приводит в своей книге А. Шнеер. Это донесение № 12 начальнику полиции безопасности в Берлине от 17.07.1942 года. В нем сообщается: «В районе Владимир-Волынска обезврежена партизанская группа, намечавшая восстание в городе и освобождение 8000 советских офицеров из местного лагеря. Этот замысел должен был осуществиться при помощи гетто (около 15 тыс. евреев). Большинство пленных офицеров уже изготовили для этой цели острые ножи из разбитых касок. В результате предпринятых полицией безопасности мер было задержано 36 коммунистических активистов, а также 76 еврейско-большевистских офицеров. Зачинщиками из них оказались политкомиссары. Коммунистические агенты, а также 76 еврейских офицеров подвергнуты особому обращению».

Известны акты и попытки сопротивления во многих других лагерях, где содержались советские военнопленные. В том числе и в концентрационных лагерях за границей. Даже там находились мужественные люди...

Например, 14 октября 1943 года, в лагере смерти Собибор произошло восстание узников-евреев, которыми руководил советский лейтенант А. Печерский.

В. Жук на страницах газеты «Совершенно секретно» писал: «Лагерь Собибор был основан специально для истребления евреев в апреле 1942 года на территории Польши. (...) Всего за полтора года существования здесь было уничтожено около 250 тысяч евреев. Казалось, бежать из лагеря невозможно. Охрана состояла из 120—150 человек. В полутора километрах размещалась резервная охрана — еще 120 человек. Через каждые пятьдесят метров стояли вышки с пулеметами, между рядами колючей проволоки дежурили вооруженные часовые. Весь лагерь был опоясан тремя рядами проволочного ограждения высотой три метра. За третьим рядом проволоки — заминированная полоса шириной пятнадцать метров. Дальше — ров, заполненный водой, и еще ряд ограждений.

Восстание готовили всего две недели, надо было торопиться: ведь узников могли в любой момент отправить в газовые камеры. (...)

План побега разработал советский лейтенант Александр Печерский, но в самом восстании участвовали евреи из многих стран Европы. (...)

Для прорыва Печерский выбрал участок, на котором можно было с наибольшей вероятностью преодолеть минную полосу. Он предложил, чтобы узники, бегущие на прорыв в первых рядах, бросали камни и доски на дорогу, подрывая мины. Он предусмотрел все детали побега: заранее были изготовлены ножи, которые раздавали надежным людям, ножницы для разрезания проволочных ограждений. Кроме того, удалось вывести из строя двигатели автомашин, стоявших в гараже, и бронемашин у офицерского домика. Печерский организовал группы для нападения на склад с оружием, для обрыва электросети, линий связи...

Но главное, он придумал, как избавиться от эсэсовских офицеров. Их решено было пригласить в мастерские будто бы для примерки одежды и получения мебели. При этом каждому назначили свое время. Пунктуальные немцы являлись каждый в свой срок. Доведенные до отчаяния узники, которые прежде никогда

не убивали, зарубили их топорами. За час они расправились с большинством находившихся в лагере эсэсовцев.

После этого колонна заключенных, построенных по сигналу якобы на вечернюю поверку, в считанные минуты вырвалась из лагеря в сторону леса. Всего бежало около 400 узников, из которых 80 погибло на минах и от пуль. 320 человек достигли леса. 170 из них были позже схвачены и казнены. Некоторых убили враждебно настроенные местные жители, но многие все же спаслись. Восемь евреев из числа бывших советских военнопленных Печерский привел в Белоруссию, где они влились в партизанские отряды».

В каждом лагере для советских военнопленных существовала так называемая «Особая команда». Она занимала около половины барака. Как вспоминал Ю.В. Владимиров, основной задачей этой команды было выявление «засланных из СССР под видом военнопленных разведчиков, шпионов и диверсантов. Она искала также коммунистов, евреев и цыган. Особая команда внедряла своих агентов, замаскированных под пленных, широко использовала пленных в качестве осведомителей и доносчиков...

Особая команда проверяла картотеки советских военнопленных, причем отделом регистрации заведовал один из главных членов Особой команды — немец, хорошо владевший русским языком.

Следующим объектом деятельности Особой команды было проведение антисоветской агитации среди военнопленных. К этому привлекались пленные, недовольные советской властью, особенно И.В. Сталиным, как правило, хорошо разбирающиеся в политике. Агитгруппа размещалась в отдельной комнате. Агитаторы проводили в бараках лекции, сообщали о положении на фронтах, приносили антисоветские газеты и брошюры на русском языке. Нередко для проведения лекций приезжали слушатели пропагандистских курсов, одетые в немецкую офицерскую форму, но с «русскими» знаками различия на левом рукаве и в петлицах воротника. Агитгруппа создала в лагере небольшой кружок самодеятельности из пленных, который работал в клубе, примыкавшем к резиденции Особой команды. Для агитаторов и некоторых привилегированных пленных там устраивали просмотры немецких кинофильмов. Просмотры проходили в упомянутом же клубе. С участием кружка самодеятельности в этом же помещении отмечали различные праздники: немецкое Рождество, Новый год и пр.

Через ту же группу агитаторов и пропагандистов Особая команда активно занималась вербовкой советских военнопленных на службу в частях Германских вооруженных сил, в основном в составе прибалтийских, украинских, белорусских, русских, казачьих, кавказских, волжско-уральских, среднеазиатских и других подразделений. Позже пленных стали вербовать в Русскую освободительную армию (РОА) ...

Руководил Особой командой пожилой немецкий офицер в чине капитана, владевший русским далеко не в совершенстве. Должность его называлась “зондерфюрер”, что в переводе означает “особый руководитель”. Его помощником являлся одетый в черное пальто, в костюме с белой рубашкой и галстуком пожилой русский эмигрант... Этот человек был очень интеллигентным и хорошо относился к соотечественникам, хотя разговаривал с ними мало. Возглавлял группу агитаторов и пропагандистов русский из числа военнопленных, который, по-видимому, был в Красной армии политическим работником. Судя по тому, что у него совершенно отсутствовала военная выправка, его, вероятно, мобилизовали в начале войны либо из вуза, либо с какого-то предприятия, где он, возможно, руководил парткомом. Язык у него был, как говорят в народе, хорошо “подвешен”, поэтому слушать его было интересно. Вел он себя просто, ходил в обычной одежде военнопленного. Лекции и беседы пленные выслушивали с определенным интересом и доверием. Но когда в феврале 1943 года германские войска потерпели сокрушительное поражение под Сталинградом, большинство пленных приобрело полную уверенность, что Красная армия непременно победит».

Вспоминает А.И. Деревенц: «Вообще, если говорить о настроениях взятых в плен советских солдат, то среди них были и предатели, выдававшие и политруков, и евреев, и всех “неблагонадежных”, — может быть, имея уже подобный опыт «стукачей» в Советском Союзе. Эти люди готовы были верно служить и нашим “органам”, и немцам. Впрочем, это было в начале войны, когда казалось, что победа немцев неизбежна. Тогда к нам в лагерь как-то прислали несколько наших пленных, выразивших желание служить в немецкой армии. Их туда не взяли по причине крайнего истощения. Один из них — высокий широкоплечий парень — от голода настолько ослабел, что не смог двигаться».

— Вот из-за него нас и не взяли, — негодовали остальные.

Впрочем, пожалуй, удивляться надо не тому, что кто-то был рад гитлеровскому нашествию, а тому, что их было очень мало».

Наконец, мы подошли к четвертой категории военнопленных. Это перешедшие на сторону врага. Одного из таких описал Ю.В. Владимиров: «Однажды вечером в наш барак вместе с охапкой газеты “За родину” нам принесли махорку и раздали ее по пачке даже некурящим, которые обычно ее обменивали на что-либо съестное. Среди тех, кто нам принес эти дары, оказался симпатичный офицер, от которого пахло духами. Он сидел за столом очень близко от моих нар. Воспользовавшись этим, я вступил с ним в разговор. Я узнал, что он тоже бывший московский студент, попал в плен в начале октября 1941 года в окружении под Вязьмой. Совсем недавно он окончил курсы пропагандистов где-то под Берлином. Теперь ждет в нашем лагере назначения на соответствующую должность в одном из формирований РОА генерала Власова. Живется ему неплохо, всегда сыт, отлично одет, иногда выпивает и “ходит к девочкам”, а главное — “живет только сегодняшним днем”. Уходя, он угостил меня сигаретой и пригласил заходить к нему в тот барак, где он работает в составе Особой команды. Но поселился он на частной квартире в Мюльберге.

Пока я общался с офицером, за этим наблюдал мой знакомый повар, и, как только я остался один, повар сделал мне замечание — почему я разговаривал с “этой сволочью, рядом с которой и стоять не следует”. Пришлось кое-как оправдываться и отбросить возникшую было мысль о поступлении на пропагандистские курсы и о записи в РОА».

Со слов А.И. Деревенца, «обиженных и обездоленных в Советском Союзе было более чем достаточно, вспомнить хотя бы дикую бесчеловечную коллективизацию и раскулачивание, а еще и “рассказывание”. А потом уничтожение “врагов народа” — честных и преданных Родине людей.

Погибли миллионы невинных ни в чем людей. Однако чувство верности своей, хоть и жестоко обидевших этих людей, Родине оказалось выше незаслуженных обид и испытаний».

Даже немецкие солдаты и офицеры, охранявшие советских военнопленных, считали «перебежчиков, власовцев и других, сознательно вставших на сторону Германии и особенно поступивших там на военную службу... прямыми изменниками родины. “Солдат, — говорил один фельдфебель, — должен быть всегда верен своей родине, даже в плену”».

Тот же фельдфебель без особого разрешения начальства не допускал появления в лагере газет на русском языке и власовских агитаторов, считая их предателями.

Пятая категория — это попавшие на германскую службу как бы по «желанию».

После поражения под Сталинградом в лагерях советских военнопленных немцы засуетились. «Вскоре по вечерам в бараки стали заходить фельдфебель из Особой команды, агитатор и писарь из отдела регистрации, — вспоминал Ю.В. Владимиров. — Эти люди по заранее заготовленному списку вызывали к себе на беседу бывших артиллеристов 30—35 лет. Особенно их интересовали зенитчики. Их собирались направлять в качестве вспомогательного персонала на огневые зенитные точки на военные и особо важные промышленные объекты Германии, Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии, Франции, Чехии и других оккупированных немцами стран. Всем обещали пищевое и другое довольствие, как и немецким военнослужащим.

Вызвали и меня. Увидев, что в данных обо мне не значится, каким конкретно артиллеристом я был, меня спросили об этом. Сообразив, что сейчас эти люди вербуют пленных на военную службу в Германских войсках противовоздушной обороны, я соврал, что находился в противотанковой артиллерии в составе танковой бригады, номер которой указан в моем личном деле. Приняв во внимание мой ответ и то, что я очень худ и слабосилен, меня отпустили «с миром». А некоторых артиллеристов — не зенитчиков, но имевших солидную комплекцию, рослых и физически сильных, включили в список «изъявивших желание добровольно служить в германской зенитной артиллерии в качестве вспомогательной рабочей силы» (в частности, подносчиков снарядов). В нашем бараке таких «желающих» оказалось пятеро, и их скоро отправили в Норвегию, где почти все они сложили головы».

По поводу предательства и «власовщины» Сергей Николаевич Воропаев 14 октября 1944 года в своем дневнике записал:

«Сегодня читал газету “Заря” русских пленных, в которой общается об организации русско-эмигрантского правительства во главе с генерал-лейтенантом Власовым. Это правительство якобы имеет целью мобилизацию всех русских сил и вообще народов России на борьбу с большевиками. Это провокация в предсмертных судорогах, задуманная в целях уничтожения русского народа, не удастся ему. Этим он создает себе быстрейшую погибель. Люди, особенно пленные, пережившие такие неопишимо ужасные условия жизни, испытавшие на своих спинах палки, приклады и резину, перенесшие многими тысячами не выдержанного голода, в конце концов чувствуют свою погибель, а он в лице рус-

ПЛЕН. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В НЕМЕЦКИХ ЛАГЕРЯХ

ских людей ищет союзников, кого он так унижал, издевался. Этот трюк будет неудачным...»

Так сколько их было: преданных, безразличных и предателей?

Об этом есть сведения в материалах проверки, проведенной службой безопасности в Освенциме в 1941—1942 годах:

- 1) коммунистов-фанатиков — около 300;
- 2) политически неблагонадежных — 700;
- 3) политически нейтральных — 8000;
- 4) подходящих для сотрудничества — 30 военнопленных.

Цифры по генералам дополняют эту картину. Из 80 оказавшихся в плену советских генералов и комбригов только 12 перешли на сторону врага...

НА СЛУЖБЕ У ВРАГА

Известно, что самое первое предложение об использовании русских людей на немецкой службе поступило от генерал-лейтенанта Рудольфа Шмидта, командовавшего корпусом в танковой группе Гудериана. В сентябре 1941 года он представил своему командованию записку «О возможности подавления большевистского сопротивления изнутри». Именно с осени 1941 года под лозунгом «борьбы с большевизмом» из военнопленных Красной армии и местного населения оккупированных советских территорий стали формироваться так называемые восточные войска.

Документы германского военного командования и полицейского руководства достаточно четко разделяли «добровольцев» на следующие категории:

- добровольцы вспомогательной службы — «хиви»;
- вспомогательная полиция по поддержанию порядка в тыловых районах;
- боевые части иностранных добровольческих формирований.

К первой категории («хиви») относились лица, завербованные командованием немецких частей и соединений с целью покрытия недостатка в живой силе.

Обычно их использовали в тыловых службах в качестве шоферов, конюхов, рабочих на кухне, а также в качестве подносчиков боеприпасов, связных и саперов. При этом численность «добровольных помощников» постоянно увеличивалась за счет сокращения штатов немецкой пехотной дивизии. Причиной тому были потери в живой силе на Восточном фронте.

В ВВС «хиви» использовались в качестве технического и вспомогательного персонала, а в ВМС — в частях берегового обслуживания, зенитной и береговой артиллерии.

Вторая категория добровольческих формирований — вспомогательная полиция — была создана с целью поддержания порядка на оккупированных территориях из-за нехватки охранных частей (по указанной выше причине), где в глубоком тылу и в непосредственной близости от районов боевых действий имело место сильнейшее партизанское движение.

К третьей категории относились боевые части и подразделения «добровольческих формирований» в составе германских вооруженных сил, а потом и в войсках СС. Инструкция под названием «Использование местных вспомогательных сил на Востоке» стала первым таким документом, регулирующим статус военнослужащих и воинских формирований из числа советских граждан в составе германских вооруженных сил. Ее текст был подготовлен вторым отделом Генерального штаба ОКХ в августе 1942 года, следом за директивой верховного командования вермахта № 46, уточняющей общие требования к воинским частям «добровольцев».

В частности, инструкция определяла шесть категорий людских контингентов, которые должны были быть использованы в интересах германской армии.

Во-первых, представители тюркских народностей и казаки, сражающиеся против большевизма в составе туркестанских батальонов, казачьих частей и крымско-татарских формирований.

Во-вторых, местные охранные части из добровольцев, включая освобожденных военнопленных из числа эстонцев, латышей, литовцев, финнов, украинцев, белорусов и этнических немцев, используемые для обеспечения порядка и борьбы с окруженными группами Красной армии и партизанами.

В-третьих, части из местных добровольцев и освобожденных военнопленных, используемые как обычная полиция.

В-четвертых, добровольцы из гражданского населения и освобожденных военнопленных, действующие при германских частях в качестве вспомогательного персонала.

В-пятых, советские граждане, помогающие германской армии на дорожно-строительных, фортификационных и других работах;

В-шестых, советские военнопленные, работающие для германской армии.

В том же 1942 году был создан штаб восточных добровольческих войск, который занимался формированием и пополнением частей, созданных в основном из военнопленных.

Соответствующий приказ за № 8000/1942 «Положение об использовании местных вспомогательных сил на Востоке» подпи-

сал 17 августа 1942 года начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер:

Приказ определял следующие задачи: подбор добровольцев из местных жителей и русских солдат (военнопленных), который ведет командир батальона, присягу на верность фюреру у них принимает штаб батальона; создание строительных батальонов, вспомогательных частей по борьбе с партизанами и т.д.

В приказе было записано:

«Добровольцы идут к нам, чтобы создать себе лучшие условия в настоящем и будущем, и поэтому необходимо создать для них приемлемые жизненные условия. Воспитывать их в духе борцов с большевизмом. Привить им воинскую гордость (путем выдачи обмундирования и знаков различия). Немецкий солдат должен быть образцом для добровольцев. Младший командный состав подбирается специально для обслуживания добровольцев. Препятствовать панибратству. Немецкий солдат должен отстаивать свое превосходство, но в то же время проявлять заботу о добровольцах. Добровольцев, говорящих по-немецки, назначать доверенными лицами».

Приказом определялись одежда и знаки различия: «Добровольцы носят свою русскую военную форму или гражданскую одежду с повязкой на левой руке с надписью “На службе немецкого вермахта”. В отдельных случаях выдается старая немецкая форма. Единообразия формы соблюдать необязательно».

Относительно денежного содержания говорилось: Добровольцы получают содержание по трем разрядам: 1—30 марок (375 рублей); 2—36 марок (450 рублей); 3—42 марки (525 рублей). Содержание по первому разряду могут получать все добровольцы, по второму — 20 %, по третьему — 10 % всего состава добровольцев.

Каждый перевод во второй и третий разряд должен быть подтвержден письменным распоряжением командира батальона».

Согласно приказу, добровольцы получали продовольствие бесплатно, в том же количестве, что и солдаты данного подразделения; квартиры им предоставлялись бесплатно; добровольцы размещались отдельно от немецких солдат. Рекомендовалось обеспечить их охрану, особенно на случай налета русских регулярных частей или партизан.

Вооружение добровольцам выдавалось не всегда. Запрещалось выставлять добровольцев на охрану складов с боеприпасами и оружием.

Отпуск к родным санкционировался только командиром батальона в населенный пункт, занятый немецкими войсками, и только после проверки.

В связи с тем, что в конце июля 1941 года на сборных пунктах и в пересыльных лагерях, расположенных в зоне ответственности сухопутных сил, скопилось большое число военнопленных, на содержание которых не было необходимых сил и средств, генерал-квартирмейстер издал приказ № 11/4590 от 25.07.41 года об освобождении советских военнопленных некоторых национальностей (немцев Поволжья, прибалтов, украинцев и белорусов).

Однако распоряжением ОКВ от 13.11.41 года № 3900 дальнейшее действие этого приказа было приостановлено. Всего в тот период было освобождено 318 770 человек. Среди освобожденных находилось 277 761 украинцев.

Эту акцию «милосердия» красочно описал М.В. Михалков:

«В тот период немцы заигрывали с украинцами и частенько из лагеря отпускали их домой. Оккупантам нужна была рабочая сила, чтобы убирать созревший урожай. Местным жителям выдавались документы — аусвайсы, но, чтобы получить такой документ, надо было пройти особый “экзамен”. Заключение вводили в один из специально оборудованных барачков. Посредине стоял стол, накрытый черным сукном. На стене висел портрет Гитлера. За этим длинным столом сидели старосты, назначенные фашистами. Старосты были из местных жителей-украинцев и хорошо знали свой район. В стороне, за небольшим столом, сидели холеные немецкие офицеры и переводчик. Входил заключенный, называл свое место жительства. Старосты начинали утомительный допрос: “А из какого села? Есть ли рядом речка? На какой стороне улицы ты жил? В каком доме? Скажи фамилию председателя колхоза, где ты до войны работал? Была ли тогда рядом с селом МТС, и если была, то сколько в ней было тракторов и каких марок?..”

Если заключенный не врал и его ответы удовлетворяли старосту, его отпускали на волю, выдавали аусвайс. Допрос немцы и старосты вели очень строгий, перекрестный, докапывались до истины, им было важно не выпустить из лагеря ни одного русского».

В 1942—1944 годах из плена освобождались в основном лица, которые вступали в добровольческие охранные и другие формирования, в полицию. До 1 мая 1944 года было освобождено

823 230 военнопленных, из них в зоне ОКХ — 535 523 человека, а в зоне ОКВ — 287 707 человек.

Уже с осени 1942 года советское командование зафиксировало на различных участках советско-германского фронта в составе войск противника появление национальных легионов, батальонов и полков, сформированных немецким командованием из числа советских военнопленных и частично из насильно мобилизованных лиц гражданского населения временно оккупированных областей СССР.

С сентября 1942 года на Закавказский фронт начали поступать национальные формирования из военнопленных кавказских и среднеазиатских народностей — батальоны и полки так называемых Грузинского, Армянского, Азербайджанского и Туркестанского легионов и Казачий полк.

На Ленинградском и Воронежском фронтах короткое время действовал русский эскадрон.

«К формированию национальных частей немцы приступили весной 1942 г., — сообщалось в специальной справке Главного политического управления Красной армии. — Примерно в апреле — мае в лагерь военнопленных были посланы представители немецкого командования и созданы медицинские комиссии для отбора пленных.

Некоторые военнопленные, обреченные на верную смерть в условиях лагерного режима, решались дать согласие на вступление в национальные легионы. По показанию перебежчика из Грузинского легиона Виктора Чигинадзе, «многие грузины», в том числе и он, добровольно согласились вступить в легион, чтобы вырваться из немецкого плена и добровольно перейти на сторону Красной армии.

Но с добровольной записью в легионы у немцев не всегда получалось. Так, в начале апреля в Ченстоховском лагере военнопленных при формировании Туркестанского легиона была объявлена запись добровольцев. Но из 8000 оставшихся там в живых пленных красноармейцев добровольцев нашлось всего 5».

Немцы создавали из добровольцев «зондергруппы» и от других военнопленных требовали подчинения им и оказания таких же почестей, как немецким солдатам. Например, при появлении предателей в общих бараках все военнопленные должны были вставать. Из числа добровольцев немцы подготавливали затем младших командиров в создаваемых ими частях из пленных.

Пленные рассказывали о расстрелах за отказ вступать в «национальные легионы».

Так, перебежчик из Туркестанского легиона Азизов Хасан показал на допросе:

«...Когда мы прибыли в лагерь в Хорол, нас всех подвергли медицинскому осмотру. Негодных к воинской службе отделили от годных. Потом к нам, признанным годным, лагерное начальство обратилось с предложением вступить в ряды германской армии и пойти “освобождать” свою родину от большевиков. Военнопленные отвергли немецкое предложение, заявляя, что они не могут воевать со своими отцами и братьями и не хотят идти войной на свою родину. Немцы на это ответили: “Хотите вы или не хотите, но идти на службу в германскую армию вам придется. Все вы в наших руках, и кто не согласится на наше предложение, того расстреляют”.

Военнопленные продолжали упорствовать, тогда немцы расстреляли 30 человек. Остальные поколебались и, поговорив между собою, решили: “Черт с ними, пойдем к немцам, а там видно будет”.

После согласия нас построили, погнали на ж/д станцию и повезли в г. Ровно».

При вербовке в национальные легионы немцы действовали также посулами и обманом. Иногда отбор пленных они производили под предлогом создания из них рабочих тыловых команд.

«В конце апреля 1942 г., — рассказывал перебежчик из Туркестанского легиона Хасанов Ситдик, — под предлогом отбора для с/х работ пленные Седлецкого лагеря были подвергнуты медицинскому осмотру. Из нацменов была отобрана группа в количестве 350 человек, которая получила номерки с буквой “А”. Часовые говорили нам, что это означает “арбайтс-командо” (рабочая команда) и что мы скоро поедем на тыловые работы».

В первую очередь и в наибольшем количестве отбирались пленные кавказских и среднеазиатских национальностей: грузины, армяне, азербайджанцы, туркмены, узбеки, таджики, киргизы и, кроме того, алтайцы, калмыки и татары, преимущественно крымские.

В некоторых лагерях отбирали украинцев и русских».

Военнопленных разбивали по национальностям или национальным группам и в соответствии с этим размещали по отдельным баракам. Русских и украинцев отделяли от остальных, а затем также разъединяли. Мелкими группами под усиленным конвоем, в закрытых вагонах отобранных пленных стали направлять в подготовительные лагеря.

Вначале проводилась общая военная подготовка. Затем всех распределяли по военным специальностям (пехотинцы, пулеметчики, кавалеристы, артиллеристы, минометчики, медицинские и ветеринарные работники), и занятия с ними дифференцировались. В заключение проводились боевые стрельбы и выезды в поле.

Стрелковые роты были вооружены русскими 3-линейными винтовками. Пулеметные роты имели пулеметы «Максим», штабные роты — 82 мм и 50 мм русские минометы и противотанковые пушки. Командный состав был вооружен немецкими пистолетами.

Боевое оружие легионерам первое время не доверяли; оно выдавалось лишь за 10—20 дней до выезда на фронт. Вместе с боевым оружием легионеры получали и боеприпасы. На одну винтовку выдавалось 30—60 патронов.

Распорядок дня в подготовительных лагерях устанавливался примерно такой:

В 6 часов — подъем.

С 6—7 завтрак.

С 7—11 строевые занятия.

С 11—14 обед и отдых.

С 14—18 строевые занятия.

С 18—19 ужин.

В 20 часов — отбой.

Немецкое командование знало о ненадежности формируемых насильственными методами национальных частей из военнопленных, чувствуя скрытую ненависть большинства легионеров к немцам и желание их возвратиться на родину, к своим семьям.

В то же время немцам был известен страх многих завербованных перед советским судом, который в случае возвращения их в советскую Россию будет судить их как изменников Родины и может приговорить к расстрелу.

Учитывая эту кажущуюся безысходность положения легионеров, немецкое командование надеялось убедить их в том, что единственный выход для них — навсегда связать свою судьбу с немцами и за добросовестную службу в составе германской армии получить в будущем свободу. Поэтому с самого начала в национальных частях была широко развернута фашистская пропаганда.

В том же документе особое внимание было уделено и настроениям солдат национальных частей: «Поступая на немецкую службу, часть завербованных надеялась на то, что до прямого

участия их в боях против Красной армии дело не дойдет, но зато по прибытии на фронт создастся реальная возможность вырваться из рук немцев и перебежать через линию фронта».

Причиной поступления на службу к немцам для целого ряда пленных и гражданских лиц была также боязнь расправы за отказ служить немцам. Некоторых подкупило новое положение в качестве солдат немецких частей и связанное с этим улучшение питания и режима. Когда точно стало известно, что немцы их пошлют на фронт, настроения в пользу перехода на сторону Красной армии стали распространяться все шире.

По показаниям перебежчиков из Туркестанского легиона, около 90 % легионеров были настроены резко враждебно против немцев, около 7 % были безразличны и около 3 % составляли откровенные предатели.

Бежавший из Туркестанского батальона легионер Бектасов рассказал, что на фронте он встречал предателей из числа дезертиров Красной армии и перебежавших к немцам.

Один из них говорил: «Я добровольно перешел к немцам, так как здесь мой дом и моя семья, а там мне делать нечего».

Из числа таких подонков немцы отбирали младших командиров в создаваемых ими национальных частях. Поэтому среди командиров большая часть была настроена антисоветски и верно служила немцам. Лишь отдельным удалось стать командирами, скрыв свои подлинные настроения, затем возглавить групповой переход легионеров на сторону Красной армии...

К моменту отправки легионеров на фронт надежды на освобождение из немецкого плена оживились. Организаторы подготовки перехода стали конкретно обсуждать план своих действий, привлекать в состав созданных ими подпольных групп новых участников и усилили свою агитацию. По пути на фронт легионерам стало известно намерение немцев распределить сформированные части по немецким дивизиям и бросить их в наступление. Поэтому из национальных легионов многие солдаты стали, не дожидаясь прибытия на фронт, в одиночку и группами дезертировать из своих частей.

Так, из 2-го батальона Туркестанского легиона во время эшелонирования на фронт дезертировало несколько десятков человек, из 1-го армянского батальона — около 100, из 1-го грузинского — около 170 человек.

Перебежчики рассказывали, что солдаты одного из отделений 1-го армянского батальона во главе с командиром отделения Арушаняном Н. присоединились к партизанскому отряду. В отчете

о работе разведывательного отдела Центрального штаба партизанского движения за май 1943-го — январь 1944 года подчеркивалось, что «за время с июня по декабрь 1943 г. на сторону партизан перешло более 10 000 изменников с оружием в руках. Причем переход этот сопровождался истреблением немецких офицеров, солдат и предателей в гарнизоне или в своем подразделении. Имел место переход на сторону партизан не только групп и подразделений, но и целых частей, например, полк СС РОА под командованием Родионова, 427-й батальон РОА, три батальона бригады Каминского и др.».

10 октября 1943 года фюрер приказал перебросить восточные части во Францию, Италию и Балканы.

Именно о таких «добровольцах» писал в своем очерке генерал А.И. Деникин:

«Однажды в тот захолустный французский городок на берегу Атлантического океана, где я прожил годы немецкой оккупации, прибыл русский батальон. Прибыл совершенно неожиданно и для нас, и для самих “добровольцев”, которых немцы посадили на поезд в Западной России, места назначения не объявили и везли без пересадок, не выпуская со станций, до конечного пункта. Среди них были люди разного возраста — от 16 до 60 лет, разного социального положения — от рабочего до профессора, были беспартийные, комсомольцы и коммунисты.

Эти люди толпами приходили ко мне, а когда германское командование отдало распоряжение, воспрещающее “заходить на частные квартиры”, пробирались впотьмах через заднюю калитку и через забор — поодиночке или небольшими группами. Длилось наше общение несколько месяцев, пока батальон не перебросили на фронт, против высаживающихся англо-американцев.

Говорили обо всем: о советском житье, о красноармейских порядках, о войне, об укладе жизни в чужих странах и прежде всего о судьбе самих посетителей. Была в ней одна общая черта, выращенная советской жизнью и условиями плена-камуфляжа. Еще перед сдачей все коммунисты и комсомольцы зарывали в окопе свои партийные и комсомольские билеты и регистрировались в качестве беспартийных. Многие офицеры, боясь особых репрессий, срывали с себя знаки офицерского достоинства и отличия и заявляли себя “бойцами”. Стало известно, что семьи “без вести пропавших” продолжают получать паек, а семьи пленных преследуются, и многие, попав в плен, зарегистрировались под чужой фамилией и вымышленным местом жительства. Когда вызывали “добровольцев”-казаков, записывались

казаками и ставропольцы, и нижегородцы, и плохо говорившие по-русски чувашаи...

В толпе всегда мог оказаться доносчик, и потому вопросы, которые мне задавали, хотя и были часто весьма деликатными, облекались в самые безобидные формы. В этом искусстве подсоветские люди весьма преуспели... Между нами происходили разговоры вроде следующего:

— А далеко ли отсюда до испанской границы?

— Сто километров.

— И все лесом?

— Последняя треть пути безлесная.

— На границе французы?

— Нет, границу охраняют, и весьма бдительно, немцы.

Один только раз кто-то, не то по простоте, не то по умыслу, нарушил нейтральный тон наших бесед, задав мне вопрос:

— Скажите, генерал, почему вы не идете на службу к немцам? Ведь вот генерал Краснов...

— Извольте, я вам отвечу: генерал Деникин служил и служит только России. Иностранному государству не служил и служить не будет.

Я видел, как одернули спрашивающего. Кто-то пробасил: "Ясно". И никаких разъяснений не потребовалось.

Не было ни одной группы посетителей, не проходило ни одного дня, чтобы мне не задавали с нескрываемой скорбью sacramентальный вопрос:

— Как вы думаете, вернемся мы когда-нибудь в Россию?

Видно было, что никто уже не верит в победу немцев, и у меня перед большой картой, на которой линия фронта неизменно и быстро продвигалась на запад, толпились люди, испытывавшие, видимо, двойное чувство: подсознательной гордости своей родиной и своей армией и... страха за свою судьбу.

Приходили ко мне и малыми группами сжившихся между собой друзей, и тогда разговор терял свой условный характер и становился совершенно откровенным и доверительным. Приходили старики — участники белого движения, которые ни в чем не изменились за 25 лет большевистского режима... Приходило много молодежи, мало по-настоящему образованной, с превратными понятиями, но развитой больше, чем было в наше время, любознательной и ищущей. Они не скрывали от меня, что состояли в комсомоле; но, видимо, при столкновении с внешним миром глаза их открывались, и коммунистическая труха спадала с них легко... Большинство уверяли, что посту-

пили в комсомол только потому, что иначе “не было никакого выхода в жизни”.

Приходили одновременно и два коммуниста. Один — офицер — пытался даже доказывать коммунистические “истины”, явно зазубренные из краткого конспекта истории партии, и похваливался советской “счастливой жизнью”. Но, уличенный в неправде, сознавался, что пока ее нет, но будет... Другой коммунист, более скромный, нерешительно оправдывался в своей принадлежности к партии.

Я спросил:

— Скажите, чем объяснить такое обстоятельство: вам известно, что, если бы немцы узнали, что вы коммунист, вас бы немедленно расстреляли. А вы не боитесь сознаться в этом?

Молчит.

— Ну, тогда я за вас отвечу. Перед своими советскими вы не откроетесь, потому что 25 лет вас воспитывали в атмосфере доносов, провокации и предательства. А я, вы знаете, хоть и враг большевизма, но немцам вас не выдам. В этом глубокая разница психологии вашей — красной и нашей — белой.

Из длительного общения с соотечественниками в немецких мундирах я вынес совершенно определенное впечатление, что никакого пафоса борьбы и русско-германского сотрудничества среди них в огромном большинстве нет и в помине. Просто люди попали в тупик и искали выхода. В тупик между ужасными условиями концентрационных лагерей и огульной оценкой советской властью пленных как “дезертиров” и “предателей”, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Так, по крайней мере, все они думали. <...>

Но все, положительно все, испытывали страшную тоску по родине, семье и дому. Невзирая на все тяготы советской жизни, невзирая на ожидающие их кары, многие готовы были вернуться в Россию при первой возможности. Отрицательное отношение к немцам не только высказывалось у меня, в четырех стенах, но и выносилось на улицу, в кабаки, где русские люди братались с французами, запивали свое горе и громко, открыто поносили “бошей”. Где полупьяный казак, заучивший несколько французских слов, показывая на свой мундир, говорил:

— Иси — алеман!

И потом, рванув за борт, показывая голую грудь:

— Иси — рюсь!

Надо сказать, что большинство чинов этого батальона были пленные 1941—1942 годов — времени поражения Красной ар-

мии и исключительно тяжелого режима концентрационных лагерей, и потому с несколько пониженной психофизикой.

В своих собеседниках я видел несчастных русских людей, зашедших в тупик, и мне было искренне жаль их. Они приходили ко мне, ища утешения. Великодушие со стороны “отца народов” я им, конечно, сулить не мог. <...>

Общей была решимость, когда приблизятся союзники, перебить своих немецких офицеров и унтер-офицеров и перейти на сторону англо-американцев. В этой решимости их укрепляло еще то обстоятельство, что в расположении русских частей сбрасывались союзными аэропланами летучки с призывом не сражаться против них и переходить на их сторону и с обещанием безнаказанности.

Когда они спрашивали меня, можно ли верить союзникам, я с полной искренностью и убеждением отвечал утвердительно, потому что мне в голову не могло прийти, что будет иначе... Большинство русских батальонов при первой же встрече сдалось англичанам и американцам».

Были и другие категории на службе у немцев.

«В начале 1943 года, под прикрытием отступающей немецкой армии, многие жители казачьих степей ушли от наступающих советских войск на запад и обосновались в Новоградке, образовав Казачий стан, — пишет Н. Толстой. — Поселение было не чем иным, как центром для беженцев, при котором имелись отряды самообороны. Но немецкое командование, памятуя о военной славе казаков, решило сформировать регулярные казачьи части для боев с Красной армией.

Такие отряды, рассеянные среди частей вермахта на востоке, уже доказали свою боеспособность, и в марте 1943 года генерал фон Клейст приказал всем казакам призывного возраста собраться в приднепровском городе Херсон. Тысячи казаков в результате призыва (в том числе и насильного, и добровольного — обманом) образовали три полка: два из кубанских казаков и один из донских. Командиром дивизии (корпуса) стал генерал-майор Хельмут фон Паннвиц. После мобилизации база этого соединения переместилась под Варшаву, где в полки были назначены немецкие офицеры, приступившие к обучению новобранцев.

Когда Гитлер приказал перебросить все русские восточные части на запад, корпус фон Паннвица был уже в Югославии, где участвовал в боевых столкновениях с партизанскими отрядами Тито. Там, как оказалось, головной болью для немцев стали многочисленные нарушения дисциплины казаками. Они “не раз

выступали в роли насильников, имелись случаи жестокого обращения с местным населением, многие перебежали к партизанам Тито”.

И вот тогда, решив покончить с этим, генерал фон Паннвиц стал усиленно зазывать к себе эмигрантов, которые могли бы быть и переводчиками, и посредниками между немецкими офицерами и казаками. Но, отметим, что казачьего соединения как такового, в чистом виде у них не получилось».

Зимой 1944/45 года союзная разведка в Италии начала получать сведения о крупном поселении казаков на севере страны. Читаем далее у Н. Толстого: «Многие добровольно пошли на службу в немецкие вспомогательные части. Вряд ли казаки могли считать государственной изменой возобновление борьбы против советской власти теперь, когда избавление, казалось, уже близко».

Но очень скоро был Сталинград, а после тысячи казаков двинулись на запад. Видимо, за более лучшей долей. Сначала немцы им выделили район западнее Минска. Но наступающая Красная армия заставила их вновь двинуться в путь. На севере Италии немцы предоставили беженцам новое пристанище. К нему шли они через Польшу, Германию и Австрию. «В Италии их вначале поселили в Гемоне, а затем перевели в Карнию, в Толмеццо. Немцы предоставили казакам земельные наделы и дома, что, разумеется, вызвало недовольство местного населения. Казаки и здесь организовали свою жизнь по законам донской станицы, они, как и прежде, были все же больше поселением, чем войском, хотя их полки вновь включились в борьбу против коммунистических партизан. Так обстояло дело весной 1945 года, когда фронт вплотную подошел к тем местам».

17 июня 1944 года бывший атаман этого стана Павлов был убит в окрестностях города Новогрудка при невыясненных до конца обстоятельствах. Его сменил на этом посту некий Доманов. Толстой о нем сообщает следующее: «Под руководством немецкого офицера связи майора Мюллера был выбран новый походный атаман, Тимофей Иванович Доманов, бывший майор Красной армии. Человек добрый и совестливый...»

В 44-м Доманову было уже 57 лет. Первую мировую он закончил в чине прапорщика. В Гражданскую дослужился до сотника. При эвакуации из Новороссийска тяжело заболел тифом и попал в плен. С 1922 по 1925 год отбывал срок в Соловецких лагерях особого назначения. Затем поселился в Донбассе, где работал шахтером. С 1928 года работал горным техником. Неоднократ-

но арестовывался. В 1934—1937 годах отбывал срок в Ейской тюрьме за «экономический саботаж». После работал в Пятигорске начальником снабжения на электростанции. В 1940 году был арестован «за экономическую контрреволюцию». Получил 10 лет ИТЛ с поражением в правах на 5 лет. Содержался под Ростовом. С начала августа 1942 года проводил набор в казачьи добровольческие отряды. С ноября формировал казачью полусотню. До февраля 1943 года командовал ею при германской полевой коммандатуре. Но это не вся биография Доманова. В ней было еще и другое. В 1937 году его завербовал Пятигорский отдел НКВД. В результате этой работы Доманов донес на своего брата, который вел антисоветские разговоры. Брата арестовали.

В августе 1942 года Доманов получил задание от заместителя начальника горотдела НКВД остаться в Пятигорске и выявлять активных предателей с целью последующей ликвидации. А в 1945 году Доманов предал и свой Казачий стан. Зная заранее о выдаче, он повлек за собой не только советских граждан, но и эмигрантов. И всего-то за обещанное помилование!

В сентябре 1942 года перешедший на сторону противника генерал Власов подписал первую листовку, призывающую к борьбе против сталинского режима. Следующим шагом на этом пути стало воззвание «Русского комитета», или так называемая Смоленская декларация, разработанная отделом пропаганды ОКВ.

Мнимый комитет, в частности, провозглашал:

- а) свержение Сталина и его клики, уничтожение большевизма;
- б) заключение почетного мира с Германией;
- в) создание в содружестве с Германией и другими народами Европы «новой России без большевиков и капиталистов».

Целью этого документа было призвать красноармейцев и всех русских людей к переходу на сторону «действующей в союзе с Германией Русской освободительной армии».

А затем началась пропагандистская компания в лагерях военнопленных и на оккупированных территориях. Теперь советских граждан вербовали в ряды Русской освободительной армии. О том, как это происходило, известно из разведсообщения Центрального штаба партизанского движения.

Приезжавшие в лагерь военнопленных пропагандисты после бесед с военнопленными о сущности и задачах власовского движения зачисляли всех желающих в списки личного состава РОА и тут же, на глазах у других военнопленных, выдавали им обмундирование и солдатский паек. Если же желающих по каким-то причинам не находили, то вербовщики по собственному усмотрению

нию отбирали необходимое количество человек, не считаясь с их желанием.

Точно так же активно вербовали в РОА и среди населения оккупированных территорий. В каждом районном центре, в каждом крупном городе были созданы общества, комитеты и комиссии, занимавшиеся вербовкой в РОА.

За вступление в «Армию Власова» агитировали не только молодежь, но и людей старших возрастов. И если в четырех районах Ленинградской области в РОА вступило около 80 человек, большей частью ранее осужденных советской властью, а в Пскове служить в этой армии изъявило желание около 20 человек, то в Псковских лагерях военнопленных после агитации набралось аж 200 человек.

«Власовскому движению» была целиком посвящена директива начальника Центрального штаба партизанского движения. Там подчеркивалось, что личный состав подразделений власовцев в своем большинстве прибывает из лагерей военнопленных. Политико-моральное состояние рядового состава — неустойчивое, большинство «власовцев» завербовалось из-за желания вырваться из голодных лагерей военнопленных. Учитывая это, гестапо насадило среди личного состава подразделений густую сеть своей агентуры. Из опросов перебежчиков стало известно, что примерно на 10 человек гестапо вербовало одного агента.

В частях за проступок одного солдата ответственность несло все подразделение. Установлением круговой поруки немцы связывали людей и достигали установления известной дисциплины.

Имелось много примеров перехода на сторону партизан крупных подразделений «власовцев», в т.ч. и командного состава.

«Власовцы» — это не политическое течение, а мероприятие, целиком инспирированное гитлеровцами, имевшее целью вызвать гражданскую войну на оккупированной территории Советского Союза. Эту затею фашистских захватчиков и их агентуры население оккупированных районов встретило организованным отпором, скрываясь от проводимых мобилизаций: население массами уходило в леса, в партизанские отряды...

Единственным кадровым органом и учебным центром «власовцев» стала Дабендорфская школа РОА, или «Отдел восточной пропаганды особого назначения».

Основной задачей школы считалась подготовка групп пропагандистов при 100 дивизиях вермахта на Восточном фронте и в лагерях военнопленных, находившихся в ведении ОКВ — ОКХ.

Готовила эта школа и офицерские кадры для Русской освободительной армии. Через Дабендорф с 1943 года по 1945 год прошло до 5000 человек.

Первые слушатели прибыли на курсы из лагеря Вульхайде 28 февраля 1943 года. Три роты школы привели к присяге и с 1 марта начали готовить по специально разработанной для этого программе.

Впоследствии школа РОА включала 5 курсантских рот, взвод резерва, хозяйственный взвод, санчасть и клуб.

Постоянный персонал школы насчитывал 54 офицера, 11 унтер-офицеров, 44 рядовых.

Все они были одеты в обмундирование вермахта с русскими полевыми погонями, кокардой и эмблемой РОА на левом рукаве.

Учебная программа школы включала:

- методику и практику пропагандистской деятельности;
- политические занятия на тему: «Германия», «Россия и большевизм», «Русское освободительное движение»;
- строевую и физическую подготовку;
- и с конца 1943 года — стрелковую подготовку.

Известно, что второй набор в Дабендорфскую школу РОА (с 31 марта по 14 апреля) дал некоторый сбой. Сорок из тысячи курсантов, набранных из военнопленных, увидевших подлинное отношение немцев к русским, предпочли вернуться обратно в лагерь.

Благодаря этой школе одновременно при немецких дивизиях были созданы группы русских пропагандистов в составе 5 офицеров и 15 унтер-офицеров и рядовых — так называемые «группы перехвата», которые должны были вести через линию фронта агитацию за переход красноармейцев на сторону РОА.

В пунктах сбора военнопленных и в пересыльных лагерях создавались «русские подразделения обслуживания» в составе 1 офицера, 4 унтер-офицеров и 20 рядовых РОА каждое.

О работе таких вот пропагандистов очень интересно написал Ю.В. Владимиров.

«После обеда я надумал полежать, но это не удалось: в барак неожиданно пригнали около 50 пленных из соседних барачков, из-за чего стало очень тесно, — вспоминал он. — Многим пришедшим пришлось стоять в проходах между нарами. Вслед появились немецкий офицер в звании капитана, пожилой мужчина в гражданской одежде и молодой человек в немецком офицерском пехотном обмундировании, но с “русскими” знаками отличия. За ними вошли старший полицай, как всегда, с

нагайкой, и средних лет военнопленный. Все они уселись на стульях и скамейках, после чего старший по бараку предоставил слово пришедшему военнопленному. Он оказался руководителем группы агитаторов. Этот руководитель объявил негромким голосом об открытии собрания военнопленных блока IV и представил собравшимся пришедших “высоких” лиц из Особой команды. В начале своей речи он сказал, что вчерашний день на нашей многострадальной Родине считался великим праздником Октябрьской революции. Она должна была, по замыслу ее организаторов — Ленина и Троцкого, — принести народу мир, социализм, свободу и жизнь в достатке. Земля должна была принадлежать крестьянам, а заводы и фабрики — рабочим. Далее оратор отметил, что всего этого не случилось. Сталин повел страну совсем не так, как предполагал Ленин. Сталин выгнал из страны и уничтожил Троцкого, установил в государстве жестокий диктаторский режим, расстрелял почти всех соратников Ленина, отнял у крестьян полученную ими после революции землю, загнав их в колхозы и совхозы, довел до голодной смерти население в Поволжье и на Украине, вернул крепостное право. Он первым начал войну с Германией, из-за чего и мы, собравшиеся здесь, мучаемся в плену, а наши товарищи на фронтах гибнут массами и истекают кровью. В тылу терпит великие муки гражданское население. Необходимо избавить Родину от Сталина и его приспешников. И это мы можем сделать лишь с помощью Германских вооруженных сил, которые уже близки к победе. После победы мы договоримся с руководством Германии о дальнейшем устройстве нашего государства, следуя принципам, которых придерживался Ленин. Поэтому в данное время нашей первоочередной задачей является всяческая поддержка усилий Германии в борьбе с ненавистным всему народу сталинским режимом. Для этого желательно, чтобы мы вступили в создаваемую генералом А.А. Власовым Русскую освободительную армию (РОА), либо в национальные или немецкие подразделения. Всех желающих сделать это оратор пригласил заходить к нему для записи по рабочим дням.

Многих слушателей, включая и меня, будущее нашей страны, которое можно было представить себе из выслушанной речи, вполне устраивало, и за это вроде стоило бороться с оружием в руках. Позже мой знакомый повар сказал, что подобного рода речами Особая команда лагеря обманывает военнопленных, чтобы легче было ербовать их в антисоветские войсковые формирова-

ния. И, между прочим, несколько пленных в лагере, то ли поддавшись этой агитации, то ли по своему убеждению или из-за невозможности выносить голод и другие мучения в плену, подали тайком от своих товарищей заявление о зачислении их в РОА. После этого их скоро уводили и незаметно для других пленных увозили из лагеря».

Набор «добровольцев» в РОА назывался не иначе как вербовочными мероприятиями. Имелся «Приказ о проведении вербовочных мероприятий» в связи с кампанией Гитлера — Власова. Содержание его сводилось к следующему:

1. Вербовка добровольцев для русской освободительной армии является согласно приказу рейхсфюрера СС неотложным мероприятием; она проводится пропагандистами по приказу высшего руководителя СС и полиции в Норвегии и по согласованию с комендантом зоны военнопленных.

2. Пропагандист имеет задание принять в письменном виде заявления добровольцев и занести таковых в список.

Список должен содержать:

- а) имя, фамилию,
- б) дату рождения,
- в) № военнопленного.

3. По выполнении вербовочной кампании пропагандист выезжает в шталаг 303, где сдает заявления и списки. Явка до 5.XII. 44 г.

4. Желательно немедленно организовать в лагерях отдельное размещение добровольцев.

5. Предлагается всем немецким учреждениям оказывать пропагандистам содействие и устранить все встречающиеся затруднения.

У Георгия Павловича Терешонкова свое мнение о «Власовской армии». В частности, он говорит: «Эту армию сейчас называют изменнической, но я знаю ее состав неплохо и скажу другое... Многочисленную армию так называют неверно; это как назвать Гитлера изменником Советской армии, когда он был просто враг. Армия Власова состояла на 70 % из убежденных врагов коммунистического строя, которые сражались на Восточном фронте лучше немцев, на 25 % эта армия состояла из случайных людей, которые рассуждали так: “Не умереть бы сегодня с голоду, а завтра будь что будет...” Процентом на пять армия состояла из людей, которые решили воспользоваться оружием и с оружием

в руках бежать и перейти на Советскую сторону. К этим 5 % мы относили нашу группу...»

9 января 1945 года начальник политического управления 1-го Украинского фронта генерал-майор Ф.В. Яшечкин докладывал вышестоящему командованию о показаниях перебежчика — русского добровольца в составе германской армии: «Доносу показания перебежчика — солдата 3-й роты 177 пп 213 пд Сапина Михаила Егоровича, русского по национальности, уроженца Грайворонского района Курской области, 1924 года рождения, вступившего в немецкую армию в июне 1942 года, о русских в немецкой армии: «Я не знаю, каково положение в других частях, но в 1977 пп 217 пд русских я встречал довольно часто. До недавнего времени они служили в основном в обозах (ротных, батальонных, полковом) и других тыловых частях. Значительная часть обозников — русские. Одни из них — бывшие военнослужащие Красной армии, попавшие в плен к немцам, другие, как я, мобилизованы немцами. В обозе 7-й роты 177 пп было 8 русских, в обозах других рот — примерно столько же.

В связи с большими потерями, понесенными дивизией в боях под Сандомиром, **русских** стали переводить из обоза на передовую. Меня перевел в 8-ю роту. Кроме меня, перевели еще 6 русских: Лизуна (из Кировоградской обл.), Беляка (из Днепрпетровской обл.), Хвастовца (из Киевской обл.), Кулева (Курск) и др. В 8-й роте нас разбили по разным взводам и отделениям.

Питание и обмундирование мы получали то же самое, что и немцы. Наравне с ними мы получали в день 600 грамм хлеба, 40 грамм масла или маргарина, 120—130 грамм колбасы или консервов. В сумерках привозят горячую пищу. Зимнего обмундирования еще никто не получил. Выдали лишь по две пары бурок на отделение, чтобы стоять на посту.

Из разговоров с другими русскими я знаю, что они были бы не прочь перебежать, но все убеждены, что здесь их расстреляют. Недавно я слышал разговор солдат о том, что на этот участок ожидается прибытие двух полков власовцев».

У нас часто отдельные историки говорили, а уж тем более писали о массовом коллаборационизме в СССР. Современные, и по большей части молодые исследователи, причиной этому называют социально-политические предпосылки, сложившиеся накануне, и особенно в первые месяцы Великой Отечественной войны.

Толчком же к развитию этого явления, по их мнению, послужило крайне неудачное для советского руководства начало войны с Германией.

Кроме оккупации части территории Советского Союза, стратегической инициативы Германии в 1941 году, когда Красная армия несла катастрофические потери и отступала на восток, якобы сказались сталинские репрессии 30-х годов, разорительная коллективизация, голод 1932—1933 годов, гонения на церковь и советизация присоединенных в 1939—1940 годах территорий. Вот почему среди военнослужащих Красной армии стали отмечаться многочисленные факты дезертирства, пораженческие настроения, а также случаи перехода на сторону врага. Одной из причин сдачи в плен бойцов и командиров Красной армии называют их антисоветские убеждения. Другой причиной — угрозу военного трибунала и расстрела за какие-либо нарушения приказов и т.п.

Все же всем этим фактам, на мой взгляд, действительно имевшим место, никаким образом нельзя приписывать массовость, о которой говорят эти историки.

То же самое и о предательстве среди советских военнопленных нельзя говорить как о массовом явлении.

Иначе как бы советский народ **СМОГ** выиграть эту самую страшную и бесчеловечную войну за всю историю мировой цивилизации? Нельзя никогда забывать о том, что Великая Отечественная война была справедливой. Наш народ, наши предки обороняли свою землю от оккупантов, защищали ее от расизма. Но как бы они победили, если кругом были трусы, дезертиры и предатели?

Если для некоторых из военнопленных их горькая судьба (голод, холод, болезни, побои, расстрелы) все же сыграла свою роль в решении перейти на сторону врага, прежде всего с целью улучшить свою собственную жизнь, если для некоторых из них, возможно, действительно ненавидящих существующий в Советском Союзе режим, не имелось выбора: или — или, то для большинства военнопленных сам факт перехода на сторону врага был, по меньшей мере, невозможен. Предательство и предателей там открыто презирали. И когда катастрофа Германии под Сталинградом стала известна каждому военнопленному, то тогда в победу своего Отечества поверили если не все, то почти все советские бойцы и командиры, находящиеся в плену.

Это достаточно легко подкрепляется цифрами.

Например, если генерал вермахта Б. Мюллер-Гиллебранд в своем исследовании называет цифру восточных формирований к

концу 1943 года в 520—620 тысяч, а начальник Генштаба ОКХ генерал-полковник К. Цейцлер указывал летом 1943 года на цифру «добровольцев» в 360 тысяч, то современные историки определяют численность граждан СССР на службе врага всего (хиви, вспомогательная полиция, вермахт, СС и т.д.) в 1,3—1,5 млн человек (О.В. Романько), в 1 178 000 (С.И. Дробязко), более чем в миллион (К.М. Александров).

Однако, по данным Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте РФ, за годы войны в составе строевых и нестроевых формирований германской армии и полиции служило 250—300 тысяч советских граждан.

Где же истина?

К 1 марта 1946 года было репатрировано 4 199 488 советских граждан. 2 660 013 из них гражданские и 1 539 475 — военнопленные. Из данных категорий было передано в распоряжение НКВД СССР: гражданских лиц — 46 740, или 1,76 %, и 226 127 военнопленных, или 14,69 %. То есть это именно те, кто был подвергнут репрессиям после фильтрации, как власовцы и другие пособники оккупантов.

Так откуда у современных историков набирается миллион и более?

На этот вопрос ответить достаточно легко.

Остановимся на примере Русского корпуса генерал-лейтенанта Б.А. Штейфона.

Это корпус, который нес службу на Балканах и под конец войны успел войти в состав Русской освободительной армии генерала Власова. В нем насчитывалось 11 197 человек, а прошло через его ряды и того больше — более 17 тысяч чинов. Служили в Корпусе в основном белоэмигранты. География принадлежности воинов достаточно широка: Румыния, Сербия, Болгария, Венгрия, Хорватия, Греция, Польша, Латвия, Германия, Италия, Франция. Представителей же советской России, или военнопленных, через ряды корпуса прошло всего 314 человек.

При этом в годы войны Корпус потерял: убитыми и умершими — 1132 человека, ранеными — 3280, без вести пропавшими — 2297, самовольно убывшими — 1057 и эвакуированными по болезни и увольнению — 3740.

То же самое мы могли бы сказать и про некоторые другие формирования «добровольцев». Нельзя не учитывать и ротацию: «добровольцы» нередко переходили из одного подразделения в другое. Нельзя забывать и о том, что некоторые «добровольцы», не успев устроиться у немецких хозяев, тут же перебежали об-

ПЛЕН. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В НЕМЕЦКИХ ЛАГЕРЯХ

ратно, на свою сторону. И нередко целыми подразделениями. Как можно было их подсчитать?

В данном случае историки плюсуют абсолютно все и всех. Им необходимо как можно больше противников «сталинского режима», иначе как докажешь проблему массовости коллаборационизма граждан Советского Союза.

Но тогда как же объяснить 272 867 репрессированных граждан СССР за сотрудничество с противником в годы войны из 4 199 488 человек, вернувшихся из-за границы?

Остальных, что же, Сталин простил лично?

ПРЕДАТЕЛЬ ИЛИ ГЕРОЙ?

В своей книге «Генералиссимус» Герой Советского Союза и известный писатель Владимир Васильевич Карпов написал о двух знаменитых сыновьях, Сталина и Хрущева, как об антиподах.

Послушаем мнение В.В. Карпова: «Удивительные совпадения случаются в жизни: сын будущего Генерального секретаря ЦК КПСС Хрущева — Леонид Хрущев оказался в плену у немцев так же, как и Яков Сталин, только несколько позже — в марте 1943 года. Сходство ситуации на этом начинается и на этом же заканчивается. Все, что было до пленения и после, диаметрально противоположно: Леонид и Яков абсолютные антиподы по характеру, по поступкам и по убеждениям.

Но пойдем по порядку. О Леониде Хрущеве (так же, как и о Якове Джугашвили) ходило много слухов и различных рассказов о его похождениях в мирное и военное время. Еженедельник “Версия” в трех номерах (23, 24, 29) за 2000 год опубликовал обширные материалы под заголовком “Предатель или герой?”, в которых подробно излагается, как Никита Сергеевич Хрущев сначала пытался спасти сына, а потом (став Генсеком) подтасовывал факты, изымал из архивов компромат. Немало подлого и непристойного есть в поступках отца и сына. Не буду отнимать много времени у читателей. “Версия” не дает однозначного ответа на поставленный вопрос: кто же Леонид Хрущев — герой или предатель?»

...Сын Никиты Сергеевича Хрущева от первого брака — Леонид родился 10 ноября 1917 года в Донбассе, городе Юзовка, где отец работал слесарем на шахтах и заводе Боссе. Ему было два года, когда умерла его мать. В 1932 году он окончил семь

классов и поступил в ФЗУ. В 1933-м работал на московском заводе № 1 учеником, затем слесарем на рентгеновском заводе, откуда по комсомольской путевке Краснопресненского райкома комсомола и рекомендации трудового коллектива в декабре 1933 года был направлен на учебу в Балашовскую школу Гражданского воздушного флота.

В 1937 году Леонид Никитович после окончания школы учился в Ульяновске на курсах усовершенствования командного состава, месяц работал инструктором Центральных авиационных курсов в Москве, а потом в Киеве.

В Москве Леонид женился на девушке из Московского аэроклуба. Она работала штурманом-летчиком.

В феврале 1939 года его зачислили слушателем подготовительного курса командного факультета Военно-воздушной академии, а в 1940-м перевели в Энгельсскую военную авиационную школу.

Из выпускной аттестации 21 мая 1940 г.:

«По теоретическим дисциплинам учится отлично, материальную часть самолета СБ знает отлично и эксплуатирует грамотно. Летную программу усваивает легко и отлично закрепляет. Техника пилотирования на самолете СБ отличная, ориентировка хорошая».

Даже по этим сухим строкам можно понять, что Леонид Хрущев был отличным летчиком.

Он летал с 1933 года. Только до войны его налет равнялся 1268 часам, из которых на У-2 — 600 часов, на Р-5 — 300 часов, на УТ-1 — 8 часов, на СБ — 250 часов и на АР-2 — 110 часов. Так что, если судить по проведенному в воздухе времени, Л.Н. Хрущев был летчиком, достаточно опытным для лейтенанта.

Великая Отечественная война для Леонида началась в 134-м скоростном бомбардировочном авиационном полку. Уже на 16 июля 1941 года он имел 12 боевых вылетов, а в воздушном бою 6 июля храбро дрался с истребителями противника. Из боя сын Никиты Хрущева вышел с изрешеченной машиной.

Командир 46-й авиационной дивизии ходатайствовал о награждении Леонида Хрущева орденом Красного Знамени.

За месяц войны, когда полк летал без прикрытия, Л.Н. Хрущев совершил 27 боевых вылетов, иногда в день вылетая по три-четыре раза. 26 июля два звена и два экипажа из состава 1, 2 и 3-й эскадрилий полка вылетели на бомбардировку вражеского аэродрома в районе ст. Изога (3 км северо-западнее ст. Чернуха) для уничтожения пехоты и артиллерии в районе Хикало. Не об-

наружив самолетов противника на аэродроме, звено 3-й авиаэскадрильи бомбило аэродром и расстреляло из пулеметов аэродромные объекты и пехоту противника. Задание было выполнено, но при возвращении их атаковали восемь Ме-109. В результате боя были потеряны 4 экипажа. Но командир одного из них лейтенант Хрущев сумел посадить поврежденную машину, правда, при посадке сломал ногу.

Ветеран ВВС Виктор Андреевич Фомин в июле 1941 года служил в одном полку с лейтенантом Хрущевым и был механиком по приборам 3-й эскадрильи. В беседе с А. Сухомлиновым он подтвердил, что Леонид был одним из лучших летчиков полка. «Двадцать шестое июля, — рассказывал Виктор Андреевич, — восемь бомбардировщиков полка, возвращаясь с задания, были атакованы большой группой истребителей. В неравном бою три наших самолета были сбиты. Леонид дотянул свой подбитый бомбардировщик до запасного аэродрома в поселке Андреаполь под Калинином и посадил его с невыпущенной стойкой шасси. Самолет “скапотировал”, то есть перевернулся. Стрелок-радист вылез через свой блистер, штурман Елинов был убит еще в воздухе, а Леонид около часа висел в сжатой кабине вниз головой. С помощью механиков его с трудом вытащили из кабины и с тяжелым переломом ноги отправили в госпиталь...»

«Любопытный нюанс, — добавляет к этому А. Сухомлинов. — Командование дивизии просит “после выздоровления Л. Хрущева снова вернуть его в 134-й полк”».

В общем, дальше были госпитали...

Спустя месяцы командир и военный комиссар дивизии снова ходатайствовали о награждении Леонида (исх. № 0207 от 5.11.41 г.): «Командующему ВВС Западного фронта. Прошу представить к награде перечисленных ниже товарищей, представленных 14—17/VII — 41 г., но до сих пор не отмеченных вследствие того, что наградной материал застрял в 22-й армии.

1. Лейтенанта Хрущева Леонида Никитовича, имеет 27 боевых вылетов, — к ордену Красного Знамени...»

В Куйбышевской поликлинике, в эвакуации, Степан Анастасович Микоян, тоже летчик, познакомился с Леонидом Хрущевым. В своих воспоминаниях он пишет: «В полевом госпитале у Леонида хотели ногу отрезать, но он не дал, угрожая пистолетом. Нога очень плохо заживала — он лечился более года.

Леонид Хрущев был хороший, добрый товарищ. Мы с ним повели, встречаясь почти ежедневно, больше двух месяцев.

К сожалению, он любил выпивать. В Куйбышеве в это время был командированный на какое-то время товарищ Леонида, Петр, у которого в гостиничном номере мы вечером часто бывали. Приходили и другие гости, в том числе и девушки. Помню, что был патефон и пластинки полузапретного Петра Лещенко, песни которого я уже тогда любил. И до сих пор, если удастся услышать его голос, я вспоминаю свою юность и эти дни в Куйбышеве. Я при этих встречах почти не пил, а Леонид, даже изрядно выпив, оставался добродушным, никогда не “буйствовал” и скоро засыпал».

А вот как об этом периоде говорит В.В. Карпов: «С 1 июля 1941 года по март 1942 года Леонид находился на лечении в Куйбышеве — повредил ногу при посадке самолета и на фронт совсем не спешил — на собственных ногах гулял отменно!»

Обидно, когда такие слова говорит о фронтовике фронтовик!

В этот период Леонида очень часто навещала вторая жена Никиты Сергеевича Нина Петровна. Рассказывает Нина Хрущева: «Зная время этих посещений (она была пунктуальна), к ее приходу он начинал манипулировать ногой в гипсе: то старался ходить без костыля, то балансировал на ступенях... Все вокруг хохотали, а приемная мать возмущалась: как можно так разрушительно относиться к своему здоровью».

Как вспоминает С.А. Микоян, в конце 1942 года Леонид Хрущев неожиданно появился в Москве, и они с ним увиделись. А через некоторое время Степан Анастасович встретился с другом Леонида — Петром, который и рассказал ему о происшедшей в Куйбышеве трагедии. «Однажды в компании оказался какой-то моряк с фронта. Когда все были сильно “под градусом”, в разговоре кто-то сказал, что Леонид очень меткий стрелок. На спор моряк предложил Леониду сбить выстрелом из пистолета бутылку с его головы. Леонид долго отказывался, но потом все-таки выстрелил и отбил у бутылки горлышко. Моряк считал это недостаточным — сказал, что нужно разбить саму бутылку. Леонид снова выстрелил и теперь попал моряку в голову...»

Никто толком и не знает, что было на самом деле, а чего не было. Тем не менее долгие годы рождались самые разные продолжения этой истории. Леонида будто бы осудили на восемь лет с отбытием на фронте. Но до сих пор никаких документов на этот счет никто не видел. Более того, в некоторых рассказах фигурировала рюмка, а не бутылка...

«Почему все-таки не осталось никаких документов? — спрашивает Нина Хрущева. — Где другие очевидцы? Кроме Пети-

морьяка, рассказавшего эту историю другу дочери Леонида... никто ничего никому не рассказывал, хотя у обоих Петиных слушателей создалось впечатление, что в тот вечер в компании было “человек восемь, не меньше”. А что если Леонид сам наговорил на себя, чтобы выглядеть порисковее? Его характер вполне соответствовал тому “игровому человеку”, которого «В голосе из хора» определил Абрам Терц: он “не постесняется рассказать о себе любую гадость. С удовольствием даже расскажет: вот я какой!.. Судьба для него лишь сюжет, требующий занимательности”.

Почему в 1943 году Степану Анастасовичу Петя рассказал о бутылке, а в 1957 году Юлии Леонидовне — о рюмке? Микоян, всего лишь слушатель, и 60 лет спустя помнит оригинальную версию, а сам Петя, свидетель, через 15 лет забыл? Почему никто, включая Микояна, не знает Петиной фамилии? И как уже довольно взрослая Рада могла не заметить, что дома произошла какая-то трагедия? (...)

Хрущев-старший старался быть правильным человеком, хотел, чтобы дети учились — у них имелось больше возможностей, чем было у него. А сын после семилетки ФЗУ сразу хотел действия и, закончив Энгельскую летную военную школу, с началом войны ушел на фронт. Никита Сергеевич ценил его смелость, но не одобрял шумных компаний. Не нравилось пьянство, нестабильная, неуравновешенная личная жизнь: Леонида очень любил женщины, и он их тоже любил...»

В феврале 1942 года лейтенанту Хрущеву вручили орден Красного Знамени, а в марте его выписали из госпиталя и направили в 3-й отдельный учебно-тренировочный смешанный авиаполк.

4 апреля 1942 года приказом наркома обороны СССР № 02520 ему присвоили очередное воинское звание — старшего лейтенанта.

Кстати сказать, после ранения Леонида собирались комиссовать, но рвавшийся летать Леонид добился направления на переучивание в истребительную авиацию.

Нет, это не было наказанием. Это диктовалось обычным стремлением человека в небо. При этом он хотел не просто летать, а еще и сражаться. Быть в воздухе бойцом. К тому же он поменял род авиации с более простого на более сложный. Даже несмотря на серьезное ранение.

До декабря Леонид проходил программу переучивания на истребителе Як-7, после чего был назначен в распоряжение командующего 1-й Воздушной армией (3.11.42 г. окончил программу

переучивания с оценкой «отлично», а 4.12.42 г. был проверен по технике пилотирования. Общая оценка «хорошо»).

Следует отметить, что Л.Н. Хрущев переучивался со скоростного бомбардировщика на истребитель. А это, независимо от уровня подготовки летчика, является достаточно сложным делом. Непросто было Леониду, с его опытом и отличной техникой пилотирования бомбардировщика, так сказать, со штурвала перейти на ручку...

Далее старшего лейтенанта назначают в 18-й гвардейский истребительный авиационный полк, который базировался на аэродроме Хатенки, что в 10 км севернее города Козельска.

До 11 марта 1943 года Леонид Хрущев с момента прибытия для дальнейшего прохождения службы в часть произвел 28 учебных полетов с налетом 13 ч 01 мин, 6 боевых вылетов на прикрытие войск 16-й армии с налетом 4 ч 26 мин и провел 3 воздушных боя. Один раз ему даже удалось зайти сзади в хвост «фрицу» и расстрелять его в упор...

Командующий 1-й Воздушной армией генерал Худяков предложил Леониду должность в Управлении армии, но тот категорически отказался.

Итак, 11 марта 1943 года в 12.13 девятка Як-7Б под командованием гвардии капитана Мазурова вылетела на перехват бомбардировщиков противника. Вылетела, чтобы не допустить бомбометания по наступающим войскам в район Кожановка, Ашково, Нижнее, Ясенок, Дынное, Жеребовка, в 7—9 км севернее Жиздра. Пять самолетов под командой Мазурова летели на высоте 2000 м, четыре самолета под командой гвардии младшего лейтенанта Ляпунова — на высоте 2500 м. При подходе к линии фронта радиостанции наведения сообщали: «Самолетов противника нет, будьте осторожны».

Через 3—5 минут в воздухе появились до 10 «фоккеров» (ФВ-190), которые под прикрытием дымки начали выполнять групповые атаки. Вступив в бой, наши истребители разделились на три группы. Гвардии старший лейтенант Заморин (ведущий) и гвардии старший лейтенант Хрущев (ведомый) вступили в бой против двух «Фокке-Вульф-190», парой на пару на высоте 2500 м, постепенно отгнав их на территорию противника. Заморин атаковал и огнем с 50—70 м сбил один ФВ-190. Ведомый Хрущев в это время находился справа, прикрывая ведущего. Его атаковал второй «фоккер». Остальные в это время вели воздушный бой: пара Ходаковского в районе Жиздра с 2 ФВ-190 (оба были сбиты) и пятерка Яков и 1 ФВ-190 (один сбит) в районе Акимовка.

Когда Заморин увидел, что самолет Хрущева атаковал ФВ-190, он открыл огонь под углом и преследовал противника, уходящего с пикирования на юг, продолжая атаковать.

После неудавшейся атаки немецкого пилота Хрущев с переворотом под углом 65—70 градусов вдруг пошел к земле. По мнению Заморина, Леонид мог перетянуть ручку и сорваться в штопор. Вероятнее всего, ошибка в технике пилотирования истребителем подвела Леонида. Ведь на нем он имел очень незначительный налет: общий — 17 ч 27 мин.

Но это если верить рассказу непосредственных участников боя.

«Я в такую версию не верю ни на йоту, — говорил Степан Анастасович Микоян. — То, что самолет Леонида будто бы не был сбит, основывается в этих публикациях на письме командира авиационного полка Н.С. Хрущеву. В нем говорится, что когда по Леониду стрелял “фокке-вульф”, то “снаряды рвались далеко за хвостом”, а самолет Леонида будто бы сорвался в штопор. Но там же сказано, что он «с переворота, под углом 65—70 градусов пошел к земле». Мне не верится, что это мог написать летчик, да еще командир полка (возможно, он пытался оправдаться за то, что не “уберег” сына Хрущева, или вообще это писал кто-то другой). Дело в том, что снаряды авиационных пушек имеют только дистанционные самоликвидаторы, взрывающиеся на большой дальности, после пролета цели. Боевым является ударный взрыватель — он срабатывает только при попадании в преграду. Так что “рваться за хвостом” они не могли. Видеть, что очередь не попала в самолет, можно было только по трассирующим снарядам, если они были в пущенной очереди. Но об этом не упоминается.

Теперь о штопоре. После сваливания самолет возвращается, снижаясь вертикально, а не пикирует под крутым углом. На пикировании самолет в штопор не может войти (это возможно только при выводе из пикирования). Но даже если и был штопор — куда же делся самолет? Если он разбился, то и летчик погиб, так как никто не видел в воздухе его раскрывшегося парашюта. Предположить, что он был подбит и благополучно совершил вынужденную посадку на поле боя, усеянное всевозможными препятствиями, практически нельзя...»

В общем, версий много, но истины не знает никто! Между тем В.В. Карпов пишет в книге «Генералиссимус»: «11 марта 1943 года был первый и последний день боевой работы летчика Леонида Хрущева. С утра он вылетел в составе группы истребителей, и Заморин “сам боя не вел, а охранял своего ученика

и наблюдал за его поведением”. Якобы и боев-то не было, а вся группа совершала тренировочный полет. Во время третьего вылета, в тот же день, наверное после обеда и отдыха, “Хрущев не вернулся из воздушного боя”.

Ни летчики, ни командование не утверждают, что Леонид Хрущев погиб. В личном деле отметка “Пропал без вести”. Это случилось 11 марта 1943 года. С этого дня и начинаются различные слухи, версии, подтасовки, подчистки и замена документов в личном деле старшего лейтенанта Хрущева. Зачем? Почему? Мне кажется, наиболее полно и достоверно отвечает на эти вопросы как человек, лучше других осведомленный в делах секретных, — генерал КГБ В. Удилов, он 37 лет прослужил в контрразведке. Его воспоминания, касающиеся дела Л. Хрущева, опубликованы в “Независимой газете” 17.02.1998 года и в “Версии” в августе 2000 года:

“...После инцидента в Куйбышеве Хрущев умолял Сталина пощадить сына. И вымолил. В первом же бою истребитель, пилотируемый Л. Хрущевым, ушел в сторону немцев и бесследно пропал. Версию продолжения я слышал (давно уже) из уст сотрудников отдела административных органов ЦК КПСС и КГБ СССР. Сын Хрущева, то ли по собственной инициативе, то ли из-за вынужденной посадки, оказался в плену у немцев. То ли посчитав себя обиженным советской властью, то ли по какой-то другой причине, пошел на сговор с немцами. Последовала команда Сталина — выкрасть сына Хрущева. Операцию могли провести: контрразведка “СМЕРШ”, руководимая тогда генерал-полковником Абакумовым, и те, кто участвовал в уничтожении за границей Троцкого. Во время войны ими руководил генерал-лейтенант Судоплатов. Незадолго до своей кончины Павел Анатольевич сказал мне, что его подчиненные, возможно, участвовали в похищении Л. Хрущева, но не стал вдаваться в подробности. Сын Хрущева был доставлен в Москву. “СМЕРШ” собрал документальные факты о прегрешениях Л. Хрущева. Военный трибунал Московского военного округа приговорил его к высшей мере наказания — расстрелу.

Можно представить, в каком положении оказался Никита Сергеевич. В недавнем прошлом он дважды просил Берию, Серова, лично Сталина о снисхождении к сыну. Узнав о приговоре Военного трибунала, он обратился в Политбюро ЦК ВКП(б) и просил отменить суровую кару. Как ни странно, но и тут Сталин пошел навстречу. Вопрос о судьбе Леонида Хрущева был вынесен на рассмотрение Политбюро.

И вот заседание Политбюро. Абакумов изложил материалы дела, приговор Военного трибунала и удалился. Первым на заседании выступил секретарь Московского обкома и горкома (он же начальник Политуправления Красной армии и кандидат в члены Политбюро) Щербаков.

От первого выступления зависело многое, и прежде всего — куда и в каком направлении пойдет обсуждение. Щербаков основной упор сделал на необходимости равенства всех перед законом. Нельзя, заявил он, прощать сынков именитых отцов, если они совершили преступление, и в то же время сурово наказывать других. Что тогда будут говорить в народе? Щербаков высказался за то, чтобы оставить приговор в силе.

Затем слово взял Берия. Он напомнил, что Леонида Хрущева уже дважды прощали.

Маленков, Каганович, Молотов были едины: оставить приговор в силе.

Последним выступил Сталин. Его старший сын Яков также находился в плену у немцев. Своим решением Сталин как бы заранее подписывал приговор и ему. “Никите Сергеевичу надо крепиться и согласиться с мнением товарищей. Если то же самое произойдет с моим сыном, я с глубокой горечью приму этот справедливый приговор!” — так, рассказывали мне, подытожил Сталин, закрывая заседание».

Лично мне известно, что на В.В. Карпова подавали в суд за клевету на Леонида Хрущева, и он отбился лишь потому, что ссылался на других. А никаких иных доказательств у него нет. Нет и каких-либо документальных фактов, подтверждающих эту фантастическую, высосанную из пальца историю.

Необходимо учесть, что если бы Л.Н. Хрущев попал к немцам в плен, то они раструбили бы об этом буквально сразу же, после первых допросов. Были бы листовки и фотографии. Германская пропагандистская машина не упустила бы такого шанса.

Обменять или выкрасть именитого военнопленного было практически невозможно. Леонид Хрущев уже через несколько дней оказался бы в Германии, где такая возможность практически исключалась.

Те люди, которые сочиняют подобные истории, просто не учитывают и другие факты. А они имеются. 3 апреля 1943 года командир 18-го гвардейского истребительного авиационного полка гвардии майор Голубев подписал наградной лист на старшего лейтенанта Хрущева. 4 апреля на этом документе поставил свою подпись генерал-майор Захаров, командир 303-й истребительной

авиационной дивизии. В конечном счете орден Отечественной войны 1-й степени за № 56428 вручили на хранение отцу Леониду — Н.С. Хрущеву. Ничего бы этого не было, если бы Леонид оказался предателем!

Спустя семнадцать лет на территории Жиздринского района Калужской области велись поиски мест падений самолетов Советской армии в годы Великой Отечественной войны.

А если конкретно, то с 6 по 15 декабря 1960 года проводился поиск останков летчиков в этом районе. В докладе Главкому ВВС Главному маршалу ВВС Вершинину значится, что было «найдено 35 мест падения советских самолетов, осмотрено на месте — 30 (остальные не осматривались, как явно не подходящие по типам машин, срокам и удалению)».

Следовательно, искал Н.С. Хрущев самолет сына, но не нашел.

18 июня 2003 года в газете «Труд» вышла статья под заголовком «Последний бой Хрущева». Ее автор Наталия Лескова писала: «Члены ассоциации “Космопоиск”, прочесывая калужские леса на предмет обнаружения метеоритов, случайно нашли детали советского истребителя Як-7Б. Техника времен Великой Отечественной — в этих краях не редкость. Однако на сей раз, похоже, поисковиков ждала сенсация. Порывшись в архивных документах, они пришли к выводу: может быть, это останки самолета, на котором летал Леонид Хрущев... Самолет этот поисковики обнаружили с девятой попытки. Первая “встреча” была более чем прозаичной. После осмотра в лесу подозрительной воронки руководитель ассоциации “Космопоиск” Вадим Чернобаев едва не споткнулся о длинную изогнутую железку — это был почерневший от времени кусок дюраля. Эх, если бы знать заранее, что здесь могло лежать, то, возможно, планы бы круто изменились...

Школьник из Людиново Паша Фандеев наткнулся на ту же самую деталь, кто-то заметил еще одну. Миша Генин достал из воды какую-то ржавую штангу, потом последовали новые находки. Измерили воронку: около шести метров в диаметре. По обломанным верхушкам старых деревьев установили, что самолет вошел в землю под углом 45—50 градусов, падая с северного направления. Он взорвался и горел после падения — это видно по раскиданному во все стороны оплавленному куску дюраля. Лучшее всего сохранились стойки шасси и обода колес, на которых нет резины. На двигателе — следы от пули. Значит, самолет был сбит, причем стреляли по нему практически в упор — пули легли

кучно, целились в двигатель. Если такая точная очередь прошла по самолету только один раз, есть надежда, что кабину пули не достали. Когда двигатель “захлебнулся” от прямого попадания, летчик еще мог быть живым...

Уже после в архивах, куда поисковики обратились с этими вопросами, всплыл неожиданно возможный ответ. В этом районе 11 марта 1943 г. пропал без вести старший сын Никиты Сергеевича Хрущева, гвардии старший лейтенант Леонид Хрущев. Летал он именно на Яке».

По данным автора статьи, оказывается, «гвардии старший лейтенант В. Заморин об этом трагическом бое написал три объяснительные записки. И все три — разные. В первой он утверждал, что Хрущев, спасая его, подставил свой самолет под очередь “фокке-вульфа”. Во второй — что Хрущев не смог справиться с управлением и не успел вывести самолет из крутого пике. В третьей — что в горячке боя не заметил потери ведомого...

После смерти бывшего руководителя СССР Никиты Хрущева В. Заморин послал в Политбюро ЦК покаянное письмо, в котором признался в фальсификации: “Командование моего полка было крайне заинтересовано в том, чтобы принять мою версию за “чистую монету”... Ведь оно тоже напрямую разделяло суровую ответственность за гибель сына члена политбюро! Я струсил и пошел на сделку с совестью, фальсифицировав факты. Я в рапорте умолчал о том, что когда ФВ-190 рванулся на мою машину в атаку, зайдя мне снизу под правое крыло, Леня Хрущев, чтобы спасти меня от смерти, бросил свой самолет наперерез огневому залпу “фоккера”...»

По убеждению Заморина, самолет Хрущева после броневой удара буквально рассыпался. Найденные же обломки говорят о том, что Як-7Б был сбит прицельно. В результате самолет долетел до земли целым и взорвался лишь при падении.

Словом, еще одна тайна.

Очевидцы, которые до сих пор живы, рассказали, как на их глазах немецкий истребитель зашел в хвост и двумя очередями сбил наш самолет. Из машины никто не выпрыгнул, а самолет с воем врезался в землю. У большой дымящейся воронки местные пацаны почувствовали запах жареного, нашли три пальца в обрывке кожаного реглана и еще часть черепа с русыми волосами...

Уже после освобождения дети передали документы советским офицерам. Те, похвалив, строго-настроено приказали пацанам молчать об увиденном...

ПЛЕН. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В НЕМЕЦКИХ ЛАГЕРЯХ

И еще. Слухи о том, что летчик был именно сыном Хрущева, в этом местечке давно получили статус исторического факта.

Из писем фронтовых друзей, найденных в личных вещах Леонида Хрущева после гибели:

«Леня, я думаю, что ты постарайся опять взять меня в свой экипаж, и я по-прежнему и даже лучше буду защищать жизнь своего любимого командира и громить отступающие полчища на их территории».

«Леня, ты извини, что я тебе так надоедаю своими письмами, но у меня нет кроме тебя никого близких, с которыми я бы мог поделиться хорошим и плохим» (радист Н. Новиков).

«Эх, Леонид, жалко, что мы не вместе. Поверь мне, дружище, я по тебе скучаю, как влюбленный по девушке. Это кроме всякого смеха. Ты понимаешь, некому сейчас выложить души» (друг Ж. Иванов).

«Ваше отсутствие в боевых рядах на мне очень сказывается. С кем, как не с Вами, я делился всем, что у меня лежало на сердце».

«Если у Вас будет желание опять попасть к нам в подразделение, буду очень рад бить и в дальнейшем вместе нацистских гадов» (неизвестные боевые товарищи).

После прочтения этих искренних и добрых строк любящих Леонида товарищей трудно усомниться в том, что он был прекрасным другом и замечательным летчиком. Был он и героем. Да, видно, не всем выгодна такая правда.

ГЕНЕРАЛ ВЛАСОВ (ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ)

Андрей Андреевич Власов родился 1 сентября 1901 года в селе Ломакино Гагинского района Горьковской области (село Ломакино Покровской волости Сергачевского уезда Нижегородской губернии) в семье крестьянина-кустаря.

Из автобиографии, написанной комбригом Власовым в 1940 году, можно узнать: «Главное занятие родителей... до Октябрьской революции и после — земледелие. Хозяйство имели середняцкое».

Власов окончил сельскую школу, после чего на средства родителей и брата он был отдан в духовное училище. С 15 лет он работал репетитором, занимаясь с отстающими гимназистами и поступающими в гимназии.

После окончания Нижегородского духовного училища два года, с 1915 по 1917-й, учился в духовной семинарии (со слов самого Власова — «на правах иносословного», то есть не духовного звания).

В 1917 году после Октябрьской революции Андрей Власов поступил в 11-ю Нижегородскую единую трудовую школу 2-й ступени, которую окончил в 1919 году. Затем поступил в Нижегородский университет на агрономический факультет.

Даже по скупым и сухим строкам автобиографии чувствуется стремление Власова к знаниям, к получению образования. Но весенний призыв 1920 года в Красную армию, казалось бы, надолго лишил его такой возможности.

С 5 мая он красноармеец 27-го Приволжского полка в родном Нижнем Новгороде.

Андрей Власов по своему образованию, полученному к 19 годам, как никто другой, выделялся среди своих сослуживцев. В те-

то далекие времена, как известно, два-три класса для представителя российской глубинки означали чуть ли не пожизненное образование. А тут, кроме сельской школы — духовное училище, духовная семинария, трудовая школа и 1-й курс Государственного университета.

При всем при этом высокий рост, который придавал особую значимость будущему генералу, да еще крестьянское происхождение.

Так или иначе, а Андрея Власова заметили и отправили на 24-е Нижегородские пехотные курсы командного состава РККА и с 1 июня зачислили курсантом (в числе 517).

12 октября 1920 года заведующий курсами получает телеграмму следующего содержания:

«Главначвуз приказал немедленно произвести досрочный выпуск 137 краскомов числа подлежащих выпуску первого ноября зпт командировать их следует день получения телеграммы Харьков штаб юж фронта тчк № 1037/УС начштаб ГУВУЗ Кононович-Корбатский комиссар Кришталин».

Так курсант Власов попадает в список «137» и готовится к выпуску на две недели раньше установленного срока.

Из протокола заседания педагогического комитета за 13 и 14 октября мы можем узнать, что при сдаче выпускных экзаменов Власов показал слабые успехи. В постановлении педагогического комитета тогда было подчеркнуто: «Решение вопроса о курсантах, оказавших слабые успехи, отложено до следующего педагогического заседания, имеющего быть в пятницу 15-го октября в 13 часов».

То, что из 21 курсанта 1-го специального отделения 7 человек (третья часть отделения) показали слабые успехи, скорее всего, явление вполне нормальное для тех лет, когда люди считать-то толком не умели. Но курсант Власов в отличие от своих товарищей достаточно много учился, и к тому же учился еще и в университете. Почему же он оказался среди отстающих? На этот вопрос, к сожалению, нет ответа.

Можно лишь предположить, что худому и нескладному Андрею с трудом давались чисто военные дисциплины.

В следующем протоколе заседания педагогического комитета, также за 13 и 14 октября, Власов и еще один курсант уже попадают в разряд показавших удовлетворительные успехи. К слову, полные успехи в 11-м отделении показали 11 курсантов. Власову, судя по всему, оценку натянули.

И вот долгожданный день выпуска:

«Приказ
по 24 пехотным Нижегородским курсам
16 октября 1920 год г. Н.Новгород
№ 242
по части строевой...

Нижепоименованных курсантов в числе 136 человек, выпущенных краскомаами 14 октября и отправленных в распоряжение штаба южного фронта, исключить из списков и со всех видов довольствия провиантского и приварочного с 25 октября, чайного и табачного с 25 октября, мыльного с 1 ноября и денежного с 16 октября с.г.».

Андрей Власов в этом списке — 40-й.

О дальнейшем прохождении службы в личном деле генерала Власова записано следующее:

«11.1920—4.1921. Сотрудник штаба тылового района 2-й Донской Стрелковой дивизии.

4.1921—6.1922. Комвзвода, пом.ком.роты 27-го запасного стрелкового полка.

6.1922—8.1922. Ком.взвода 5-го Петроградского стрелкового полка.

8.1922—2.1926. Пом.ком.роты и ком.роты 26-го стрелкового полка.

2.1926—11.1928. Начальник школы 26-го стрелкового полка.

11.1928—4.1929. Слушатель курсов усовершенствования “Выстрел”.

4.1929—12.1930. Ком.батальона 26-го стрелкового полка».

Все эти данные находятся в справке, составленной по материалам личного дела 28 февраля 1940 года под названием «Работа в прошлом и служба в РККА». Она подшита практически в конце личного дела.

На первых же листах личного дела все записано со слов Власова. И эта информация несколько отличается от информации, указанной в справке.

Итак, со слов Власова:

«Октяб.1920 — октяб.1921. Командир взвода 14-го Смоленского Стрелкового полка 2-й Донской Стрелковой дивизии.

Октяб. 1921 — февраль 1926. Командир роты 14-го Смоленского стрелкового полка /он же переименован в 5-й стр.полк/ 2-й Донской Стрелковой дивизии/переименованной в 9-ю стр.дивизию/.

Февр.1926 — март 1929. Начальник полковой школы 26-го Ленинградского Стрелкового полка 9-й Донской Стрелковой дивизии.

Март 1929 — нояб.1930. Командир батальона 26-го Ленинградского стрелкового полка 9-й Донской стрелковой дивизии».

Там же, ниже графы «Был ли на фронтах в период Гражданской войны, ликвидации бандитизма...», на машинке отпечатано:

«Записано со слов:

На Врангелевском фронте — Командиром взвода 14-го Смоленского стрелкового полка 2-й Донской Стрелковой Дивизии.....Октябрь 1920 год — февраль 1921 г.

Участвовал в походах и в боях против банд: МАХНО, ПОПОВА, КАМЕНЮКА и др., в Донской области и Воронежской губернии — Командиром взвода и роты 14-го Смоленского Стрелкового полка 2-й Донской Стрелковой дивизии..... Апрель 1921 г. — июль 1922 г.».

В Российском государственном военном архиве мне удалось отыскать именной список на должностных лиц командного состава и административной службы 14-го стрелкового полка 5-й бригады 2-й Донской дивизии на январь 1922 года.

В этом документе на вопрос: «В каких войнах участвовал (годы кампаний), был ли в сражениях...», указано: «В кампаниях не участвовал» (А.А. Власов).

В списке прохождения службы командиров 14-го стрелкового полка за 1922 год то же самое: (А.А. Власов) «В кампаниях не участвовал».

А ведь Власов писал об участии в походах и боях на врангелевском фронте!

Справка, составленная А.А. Власовым

Награды и поощрения в Красной армии.

«Шефом п-ка КОПС в день 5-й годовщины Красной армии за отличное обучение в строевом деле награжден часами 22/II — 23 г.

Комполка за сердечное отношение к делу за все понесенные труды по возрождению полка от лица службы принесена глубокая благодарность 27/IX — 23 г.

Комполка за особые труды и энергию, проявленные в деле поднятия боеспособности полка от лица службы объявлена глубокая благодарность. 1/II — 25 г.».

Из кратких сведений о прохождении службы в Красной армии на 11 августа 1925 года:

«призван 5/V — 1920 г.

курсант — 5 м. 15 дн.

красноармейцем — 15 дн.

ком. взводом — 1 г. 1 м. 15 дн.

н-к ударной группы — 1 м.

ком. роты — 1 г. 7 м.

пом. ком. роты — 7 м.

пом. комбат — 1 м. 12 дн.

ком. роты с 2/V—24 г. утвержден в должности приказом по полку № 230».

Выдержал экзамен за курс пехотной школы при Владикавказской пех. школе на основании приказа РВСР СССР № 1099—24 г. и циркуляр СКВО № 7 34379—24 г., удостоверение № 717».

Из аттестации за 1929 год: «По своей подготовке может быть начальником штаба полка».

6 апреля 1930 года Власов был принят в партию дивизионной партийной комиссией 9-й Донской стрелковой дивизии.

В декабре 1930 года будущий генерал становится преподавателем тактики Ленинградской школы комсостава запаса. На этом служба в строю заканчивается и начинается новая «эра», сначала преподавательская, а затем и штабная.

Из аттестации на преподавателя Ленинградской школы подготовки командиров запаса им. В.И. Ленина (1930/31 г.): «Может быть продвинут на должность начальника штаба полка или пом. комполка по строевой части К—8 во внеочередном порядке».

Из справки о «Работе в прошлом и службе в РККА»:

«4.1932—3.1933. Пом. нач. учебной школы Детскосельской объединенной школы.

3.1933—3.1936. Пом. начальника 2-го отдела Штаба ЛВО.

3.1936—8.1937. Начальник учебной части Ленинградских курсов военных переводчиков».

А вот как то же самое записано со слов Власова:

«Нояб. 1930 — июнь 1932. Преподаватель тактики Школы имени Ленина гор. Ленинград.

Июнь 1932 — февраль 1933. Пом. Нач-ка Учебного отдела Объединенной школы имени Ленина гор. Ленинград.

Февр. 1933 — февр. 1935. Пом. Нач-ка 1-го сектора 2-го отдела Штаба Ленинградского Военного округа.

Февр. 1935 — февр. 1936. Пом. Нач-ка отдела боевой подготовки Штаба Ленинградского Военного округа.

Январь 1936 г. Присвоено военное звание — «майор».

Февр. 1936 — июль 1937. Начальник Учебного отдела Курсов военных переводчиков Разведывательного отдела Ленинградского Военного окр.».

За эти семь лет преподавательской и канцелярской работы в Ленинграде Андрею Андреевичу удалось немало. В 1935 году он окончил 1-й курс Военно-Вечерней академии РККА в Ленинградском отделении. Курсы высших учебных заведений вообще в его карьере сыграют немаловажную роль.

11 июня 1937 года специальным судебным присутствием Верховного суда СССР были осуждены по обвинению в измене Родине, терроре, военном заговоре к расстрелу Маршал Советского Союза М.Н. Тухачевский, командарм 1-го ранга И.Э. Якир, командарм 1-го ранга И.П. Уборевич, командарм 2-го ранга А.И. Корг, комкор Р.П. Эйдеман, комкор Б.М. Фельдман, комкор В.М. Примаков, комкор В.К. Путна. А дальше началось, что называется, «очищение рядов от фашистско-шпионской троцкистской гнили», иначе говоря, борьба с вредительством в Красной армии, которую при Хрущеве называли репрессиями.

И вот какого-то никому не известного начальника учебной части, каких-то курсов военных переводчиков, после семилетнего строевого перерыва, назначают пока временно исполняющим должность командира 215-го (позже переименованным в 133) стрелкового полка. Произошло это в августе 1937 года. И только 19 февраля 1938 года Власова утверждают в этой должности.

Произошло лишь потому, что нужно было очень быстро латать дыры после очередного освобождения командной должности.

К слову, всего за десять месяцев (с 1 января по 1 ноября) 1937 года из РККА было уволено 13 811 лиц командно-начальствующего состава. Из них арестовали 3776 командиров всех рангов. Например, в Ленинградском округе, где служил Власов, уволили 1015 человек, а арестовали 60. В Киевском уволили 1126, а арестовали 382.

На начало ноября 1937 года в Красной армии было репрессировано только командиров полков — 134.

Немудрено, что в аттестации за зимний период 1938 года на командира 133-го стрелкового полка с 14 августа 1937 года майора Власова А.А. говорилось: «Полк под его энергичным руководством заметно растет, ликвидируются последствия вредительства, имевшего место в полку. Крепнет дисциплина полка...»

Из партийной характеристики за март 1938 года на командира 133-го стрелкового полка майора Власова: «Много работает над вопросами ликвидации остатков вредительства части».

Из партийной характеристики за апрель 1938 года на командира 133-го стрелкового полка майора Власова: «В своей практи-

ческой работе т. Власов недостаточно помогает молодым работникам штаба».

Из автобиографии А.А. Власова от 23 декабря 1939 года: «Партийная и общественная работа: руководил кружком и был членом партийного бюро полка и школы. Около десяти лет состоял заседателем военного трибунала СКВО и ЛВО...»

Из автобиографии А.А. Власова от 16 апреля 1940 года:

«В общественной работе всегда принимал активное участие. Был избран членом военного трибунала округа... Партвзысканий не имел. В других партиях и оппозициях никогда нигде не состоял и никакого участия не принимал. Никаких колебаний не имел. Всегда стоял твердо на генеральной линии партии и за нее всегда боролся. Органами Советской власти по суду никогда не привлекался...»

В апреле 1938 года Власова назначают на должность помощника командира 72-й стрелковой дивизии, а уже в июне того же 38-го — начальником 2-го отдела Штаба Киевского Особого военного округа.

Итак, Андрей Андреевич после семи лет тихой канцелярской работы вдруг начинает стремительно подниматься по служебной лестнице. Но первая ступенька была заложена в 1937-м. Ему покровительствовал сам Семён Константинович Тимошенко. С февраля 1938 года Тимошенко командует войсками Киевского Особого военного округа. В сентябре 1939 года командует войсками Украинского фронта, совершавшими поход в Западную Украину. И в апреле 1940 года назначается на должность наркома обороны СССР. Ему и будет обязан своим взлетом Андрей Андреевич Власов, о чем знали немногие, в том числе и С.М. Буденный.

Уже 16 августа 1938 года приказом НКО СССР № 01378 Власову присваивают воинское звание «полковник». Присваивают, не минуя звание «подполковник», потому что с момента установления персональных воинских званий, с сентября 1935 года до 1 сентября 1939 года, воинского звания «подполковник» еще не было. Его введут осенью 1939 года дополнительно.

Успевают его назначить и командиром 72-й Туркестанской стрелковой дивизии КОВО 2 октября 1938 года приказом НКО № 01814. Только зачем? Для записи в личном деле?

С октября 1938 года по ноябрь 1939 года полковник Власов находится в особой командировке.

Под псевдонимом «Волков» Власов назначается военным советником при оперативном управлении армии Китая на

должность начальника штаба руководителя Советской военной миссии комбрига А.И. Черепанова. А ведь он бы туда не был направлен, если бы «не прошел» должность помощника командира дивизии. Например, генерал-майор Роман Иванович Панин также с должности помощника командира 16-й стрелковой дивизии был направлен в правительственную командировку в Китай в 1938 году. Правда, полком он командовал в отличие от Власова более четырех лет, а помощником прослужил менее двух.

Историческая справка

«Справка

Кандидатура полковника Власова Андрея Андреевича проверялась через НКВД по линии Разведывательного управления для посылки в командировку за рубеж. Получена проверка № 167 от 11 августа 1938 г., что компрометирующих материалов нет.

Начальник 1-го отдела РККА

Полковник (Румянцев)

21 сентября 1938 г.».

«Тов. Власов хорошо грамотный командир. Как общее образование, так и военная подготовка хорошая. За время командировки выполнял ряд ответственных заданий. Проявил себя знающим дело и пользовался хорошим авторитетом. На нервной почве подчас проскальзывала грубость. Находясь в совершенно трудных условиях, показал себя как достойный большевик нашей Родины. Обладает достаточной силой воли и твердости. Настойчив, общителен, в общественной жизни активен. Предан делу Ленина — Сталина. Имеет хорошую марксистско-ленинскую подготовку. Может хранить военную тайну. Практически здоров и вынослив в походной жизни...

29.12.39 г., комбриг Ильин».

С ноября 1939 года по январь 1940 года Власов состоял в распоряжении Управления по начсоставу Красной армии и находился в отпуске после командировки.

В январе 1940 года его назначают командиром дивизии, а 2 февраля этого же года присваивают военное звание «комбриг» (приказ НКО № 0765).

Как состоялось это назначение, рассказывают подлинные документы.

«Выписка из приказа

Народного комиссара обороны СССР по личному составу
№ 081

10 января 1940 г. г. Москва

Командир 99-й стрелковой дивизии комбриг Турунов Иван Евдокимович освобождается от занимаемой должности и назначается командиром 169-й стрелковой дивизии.

Народный комиссар обороны СССР

Маршал Советского Союза К. Ворошилов.

Пом. начальника 3-го отделения ОНС КОВО.

Техник-интендант 2-го ранга (Бусленко) подпись».

«Выписка из приказа

Народного комиссара обороны СССР по личному составу
№ 081

10 января 1940 г. г. Москва

3. Состоящий в распоряжении Управления по начсоставу РККА полковник Власов Андрей Андреевич назначается командиром 99-й стрелковой дивизии.

Народный комиссар обороны СССР

Маршал Советского Союза К. Ворошилов.

Пом. начальника 3-го отделения ОНС КОВО

Техник-интендант 2-го ранга (Бусленко) подпись».

Кто хоть немного понимает в тонкостях назначений при прохождении военной службы офицерским составом, ни на миг не усомнится, что это назначение Власова на 99-ю стрелковую дивизию не было случайностью или какой-то удачей военной судьбы. 99-ю «освободили» специально под Власова. Это был шахматный ход будущего наркома обороны Семена Константиновича Тимошенко.

Следующим будет присвоение звания «генерал-майор» Постановлением СНК СССР от 4 июня 1940 года.

А теперь ознакомимся с тем, что записано в личном деле А.А. Власова с его слов:

«Май 1938 — сент. 1938 г. Начальник 2-го Отдела Штаба Киевского Особого Военного Округа.

Июль 1938. Приказом НКО СССР... присвоено военное звание «полковник».

Сентябрь 1938 — январь 1940. Командир дивизии 72-й Стрелковой Дивизии Киевского Особого Военного Округа.

Февраль 1939. Принял военную присягу.

Январь 1940 г. Командир дивизии 99-й Стрелковой Дивизии Киевского Особого Военного Округа... 16 апреля 1940 года...»

Отметим, что в справке «Работа в прошлом и служба в РККА» имеются одни даты, а со слов Андрея Андреевича звучат совершенно другие.

И все же, соответствовал ли должности командира стрелковой дивизии комбриг, а затем генерал-майор А.А. Власов? Достаточно открыть его личное дело и на 47-м листе ознакомиться со «Справкой о прохождении службы», составленной нач. 1-го отдела Управления кадров Красной армии полковником Коновичем 20 сентября 1940 г.», чтобы ответить на этот вопрос однозначно отрицательно:

Красноармеец, курсант — 5 месяцев.

Командир взвода — 1 год.

Командир роты — 4 года и 5 месяцев.

Начальник полковой школы — 3 года и 1 месяц.

Командир батальона — 1 год и 8 месяцев.

Преподаватель тактики и пом. нач. учебного отдела норм. шк. — 2 года.

Пом. начотдела боевой подготовки штаба округа — 1 год.

Нач. Учебного отдела курсов переводчиков — 1 год и 5 месяцев.

Командир полка — 10 месяцев.

Начальник 2-го Отдела штаба округа — 4 месяца.

Да, и с военным образованием не густо...

Осень 1940 года. Это пик его взлета и преддверие всенародной известности. А все начиналось вроде бы с обыкновенной проверки, которые проводились, да и проводятся в войсках ежегодно.

20 сентября 1940 года заместитель Народного комиссара обороны 1-го ранга Щаденко утвердил «План работы полковника Свиридова и капитана Сологуба, командируемых в Киевский особый военный округ». В плане указывалось:

1. Проверить работу отдела кадров КОВО, и если представится возможным, то и одной из армий.

2. Проверить правильность назначения командного состава стрелковых и кавалерийских частей, обращенных на танковые формирования.

3. Проверить комсостав 41-й и 99-й стрелковых дивизий от командира взвода и выше с точки зрения их соответствия занимаемым должностям и возможности выдвижения на высшую должность.

4. Проверить укомплектованность штабов 41-й и 99-й стр. дивизий и частей этих дивизий...

А с 25 по 27 сентября в 99-й стрелковой дивизии Киевского особого военного округа, которым командовал генерал армии Г.К. Жуков, были проведены смотровые учения в присутствии нового Народного комиссара обороны маршала С.К. Тимошенко. И началось...

Осенью 1940 года газета «Красная Звезда» несколько раз печатала статьи об успехах 99-й стрелковой дивизии и ее командира. Сначала опубликовали статью самого А.А. Власова «Новые методы учебы», где сам автор цитировал Александра Суворова и подчеркивал полезность политзанятий.

Потом появилась статья «Партийная конференция 99-й СД» и, наконец, статья П. Огина и Б. Кроля «Командир передовой дивизии» о комдиве А.А. Власове.

27 сентября 1940 года в очередном приказе наркома обороны говорилось:

«...Красноармейцы и начальствующий состав дивизии в процессе учений показали умение решать боевые задачи в сложных условиях».

А вот что писали авторы статьи «Командир краснознаменной дивизии»: «За двадцать один год службы в Красной армии он приобрел ценнейшее для военачальника качество — понимание людей, которых он призван воспитывать, учить, готовить к бою. Это понимание не книжное, не отвлеченное, а реальное.

“Я люблю службу”, — часто говорит генерал. И он умел раскрывать и поощрять в людях рвение к службе. Он ищет в человеке и развивает в нем военные способности, закаляя их в постоянных упражнениях, испытаниях полевой жизни... Человек бывалый, неприхотливый, приученный к суровой жизни, которая и является для него родной стихией, он всей душой приветствовал новое направление в боевой подготовке войск. Военный профессионал, он давно убедился на практике в могучей силе требовательности...

Генерал вывел дивизию в болото и леса под открытое небо. Учил для боя, для войны».

Таким образом, ровно три сентябрьских дня 40-го хватило Власову, чтобы стать генералом— «стахановцем» Красной армии. Вот только проверка не была внезапной. У Власова и его подчиненных было достаточно времени подготовиться к ней соответствующим образом. И все равно, не покидает чувство «лохматой» руки за спиной Андрея Андреевича. Теперь эта рука при совокупила к его взлету еще и известность.

В октябре 1940 года полковник Свиридов в своем докладе заместителю наркома обороны о результатах проверки по 99-й стрелковой дивизии напишет: «Управление и части старшим начсоставом укомплектованы полностью, вполне подготовленными и справляющимися с порученным делом командирами, за исключением:

По штабу дивизии просят заменить начальника 5-го отдела майора Пронина, как не справляющегося с работой. Службу тыла не знает и совершенно не может организовать ее. Кроме того, просят перевести во внутренний округ:

а) командира разведбатальона — майора Сливина С.И.

Тов. Сливин — отлично подготовленный и знающий дело командир. Разведбатальон имеет постоянное первенство в дивизии, но т. Сливин систематически пьет и обязательно с дебошами. Имеет три строгих парт. взыскания и исправлению поддается с большим трудом. По опыту и знаниям вполне справится с полком;

б) начальника хим. службы дивизии — майора Пономаренко И.Р.

С работой не вполне справляется, имели место случаи пьянок, на границе задержана шпионка с его фотокарточкой. Просят перевести во внутренний округ.

Дивизия может дать двух кандидатов на командиров полков: майора Тюленева М.В. — помощника по строевой части и командира батальона — капитана Шайдерова С.П.

В частях дивизии подлежат замене — помощник по материальному обеспечению командира 1-го стр. полка — майор Конюшенко. Работой руководит плохо. В полку установлены большие недостатки, материал по которым сдан в прокуратуру для привлечения его к судебной ответственности.

Командование дивизии дает очень плохую характеристику командиру 1-го стрелкового полка — полковнику Короткову. Батальон этого полка получил лучшую оценку от Народного комиссара.

Тов. Короткова обвиняют в неорганизованности, личной недисциплинированности. Полк имеет самое большое число чрезвычайных происшествий по дивизии. Кроме всего прочего, особый отдел дивизии ставит вопрос перед командованием дивизии о необходимости перевести тов. Короткова во внутренний округ...»

Даже судя по этому докладу, в 99-й стрелковой дивизии по меркам тех лет дела с кадрами обстояли не лучшим образом. А за

это, как и многое другое, ответственность нес прежде всего сам командир дивизии.

В Советской армии во все времена существовала практика, когда вновь назначенный офицер или командир в течение года не подвергался никаким проверкам. Это время давалось для того, чтобы он мог освоить должность, ознакомиться с подчиненными, изучить проблемные вопросы, понять специфику службы в новой роли и т.д.

На момент проверки генерал Власов командовал дивизией менее года. И это еще один весомый аргумент в пользу «мохнатой» руки.

Тем не менее дивизия получила хорошую оценку и стала лучшей в Красной армии, а сам Андрей Андреевич был возведен советской пропагандой в ранг идеального командира.

Историческая справка

Из карточек поощрений и взысканий, подшитых в личном деле:

«Обеспечение в полной мере нормальной учебы сбора 7/Х — 36 г. — благодарность.

нач. КВП № 143 — 36 г.

За обеспечение боевой и специальной подготовки слушателей курсов и за ударную работу на протяжении 1-го триместра. 10/Х — 36 г. награжден 350 руб. Командов. КВП № 7/с — 36 г.

За ударную работу по организации курсов и хорошую постановку учебного дела от лица службы. 11/VI — 37. Благодарность. Нач. РО ЛВО № 41 11/VI — 37 г.».

«За отличные действия на смотровом тактическом учении награждаю золотыми часами.

Приказ НКО № 321 от 27.9.40 г. Нарком обороны Маршал СССР Тимошенко».

В должности командира дивизии Власов пробыв всего 1 год.

Приказом НКО № 0175 от 17 января 1941 года его назначают командиром 4-го механизированного корпуса КОВО.

В личном деле генерала Власова подшит наградной лист «На командира 99-й стрелковой дивизии Генерал-майора ВЛАСОВА Андрея Андреевича», который представлялся на орден «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА».

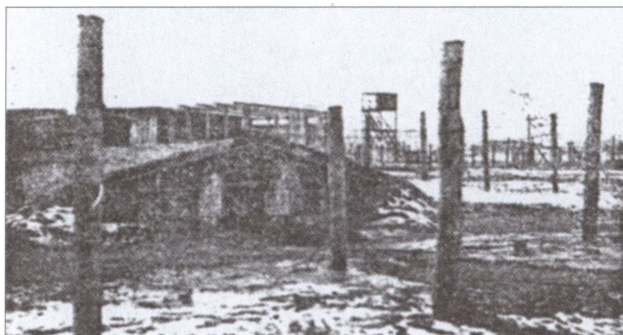
В кратком конкретном изложении личного боевого подвига или заслуг говорилось:

*Пленный красноармеец в концентрационном лагере
Рембертово (Польша). 1919 г.*

*Пленные красноармейцы на марше.
Польский концентрационный лагерь Рембертово. 1919 г.*

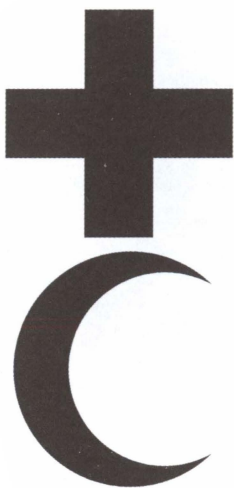
Барак в концентрационном польском лагере Тухоль

Красноармейцы, убитые в Финляндии

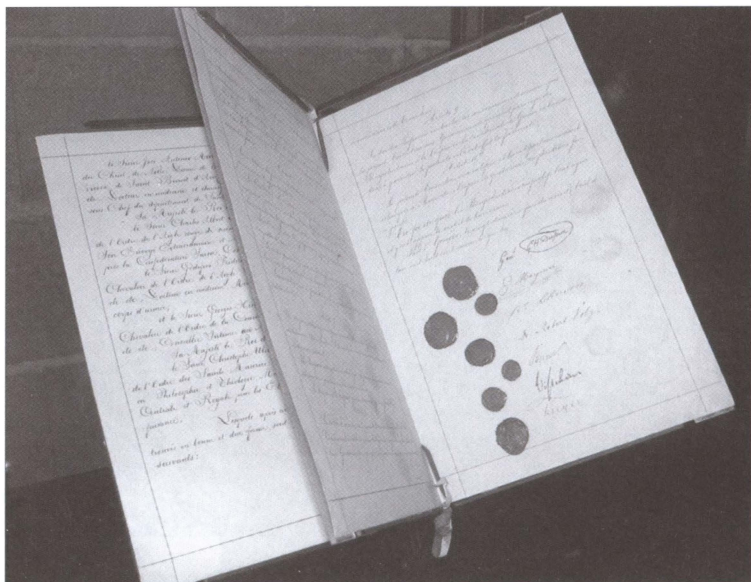
На линии Маннергейма. Одно из укреплений

*Эмблемы Комитета
Красного Креста*

*Анри Дюнан, основатель
Международного комитета
Красного Креста*

Женевская конвенция 1864 г. Оригинальный документ

*Уже в первые дни войны немцы взяли в плен
десятки тысяч красноармейцев*

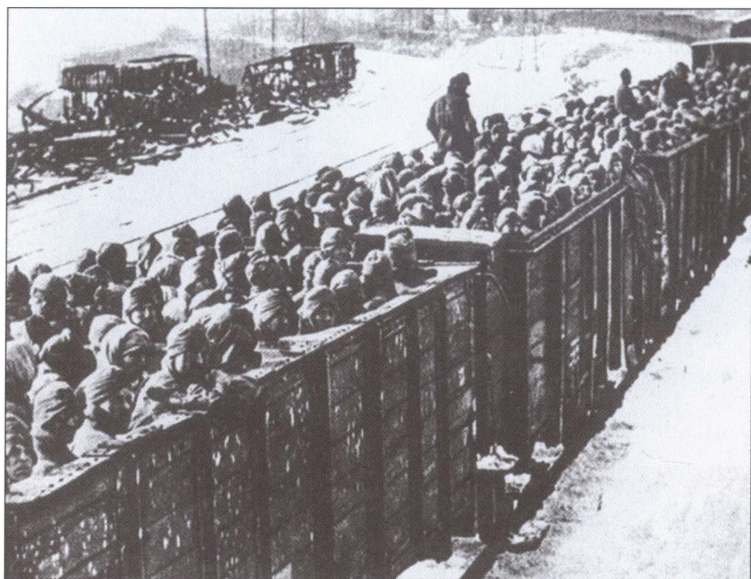
*Советский военнопленный с желтой
«звездой Давида». 1941 г.*

*Советские
военнопленные.
1941 г.*

*Советские
женщины-
военнопленные.
1941 г.*

Поезд с военнопленными. Октябрь 1941 г.

Землянки военнопленных. Тромсё, Северная Норвегия

Солдаты 315-го полка 167-й пехотной дивизии вермахта, захваченные в плен на Брянском фронте. Сентябрь 1941 г.

Немецкие военнопленные, захваченные под Смоленском, в пересыльном лагере

*Немецких пленных переправляют в тыл
через Березину на пароме. 1941 г.*

Пленный немец

Яков Джугашвили

**А вы знаете
кто это?**

это яков джугашвили, старший сын Сталина, командир батареи 14-го гаубичного артполка, 14-ой бронетанковой дивизии, который 16-го июля сдался в плен под Витебском вместе с тысячами других командиров и бойцов.

По приказу Сталина учат вас Тимошенко и ваши политкомы, что большевики в плен не сдаются. Однако Красноармейцы все время переходят к немцам. Чтобы запугать вас комиссары вам лгут, что немцы плохо обращаются с пленными.

Собственный сын Сталина своим примером доказал, что это ложь. Он сдался в плен

**потому что всякое сопротивление
Германской Армии отныне бесполезно!**

Следуйте примеру сына Сталина — он жив, здоров и чувствует себя прекрасно. Зачем вам приносить бесполезные жертвы, идти на верную смерть, когда даже сын вашего верховного заправилы уже сдался в плен.

**Не проливай свою
кровь за Сталина!**

**Он уже убежал в Самару! Его
собственный сын сдался в плен!
Если сын Сталина спасся, ты также
не должен жертвовать собой!**

Немецкие листовки. 1941 г.

Советские военнопленные под Харьковом. 1942 г.

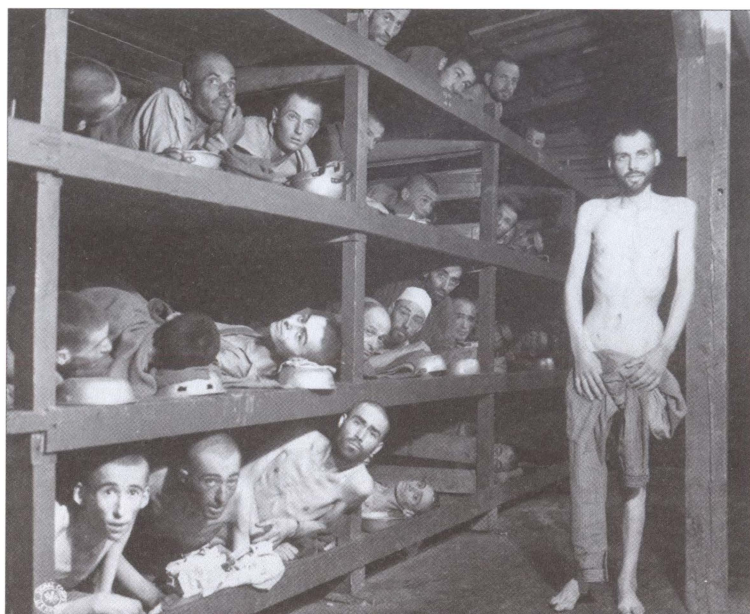
*Юрий Владимирович Владимиров,
один из сотен тысяч советских военнопленных,
прошедших через ад немецких лагерей*

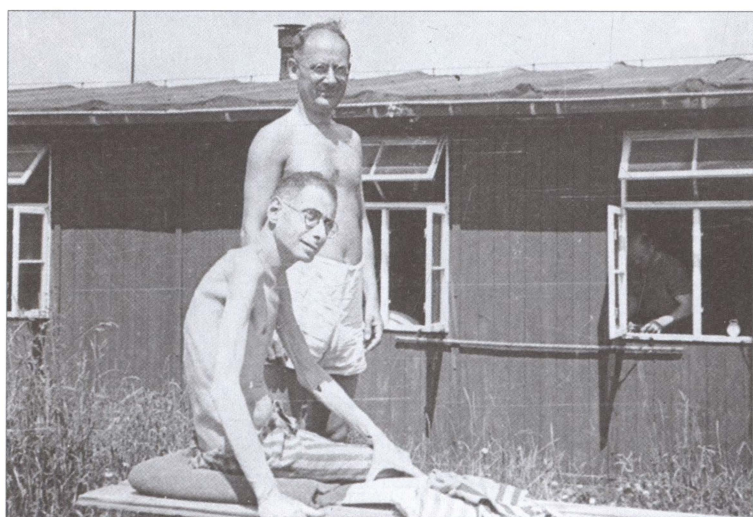
Советские военнопленные в концлагере Маутхаузен

*Советские военнопленные в концентрационном лагере Маутхаузен.
Австрия, январь 1942 г.*

Узники Бухенвальда

Бухенвальд. Госпиталь

Немецкие военнопленные, захваченные в плен во время Белградской операции. Октябрь 1944 г.

Генерал Власов во время вынесения приговора

Казнь генерала Власова и его сподвижников

*Советские солдаты ведут
немецких военнопленных по Берлину.
Май 1945 г.*

Немецкие военнопленные

Освенцим. 1945 г.

Бараки в Дахау. 1945 г.

ПЛЕН. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В НЕМЕЦКИХ ЛАГЕРЯХ

«Генерал-майор ВЛАСОВ командует 99-й стрелковой дивизией с января 1940 года. В течение всего 1940 года и особенно летнего периода того же года дивизия под личным и непрерывным руководством Генерал-майора ВЛАСОВА добилась отличных успехов в боевой подготовке. В летний период 1940 г. Генерал ВЛАСОВ много и продуктивно работал над тактической и стрелковой выучкой мелких подразделений взвода, роты и подготовкой батальона. Он лучше и быстрее других воспринял личные указания Народного Комиссара о перестройке боевой подготовки и, вникая во все детали отработки мелких подразделений, учил части действовать днем и ночью, и сделал дивизию крепкой, физически закаленной, высоко дисциплинированной; подтянутой и вполне готовой к решению любой боевой задачи.

На инспекторском смотровом учении, проведенном Народным Комиссаром Обороны, Маршалом Советского Союза тов. С.К. Тимошенко (25—27 сентября 1940 г.), дивизия (пехота и артиллерия) получила хорошую оценку и награждена переходящими знаменами Красной армии...

**КОМАНДИР 8-го СРЕЛКОВОГО КОРПУСА
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР — СНЕГОВ...»**

Из заключения вышестоящих начальников:

«За высокие показатели дивизии по боевой и политической подготовке в 1940 учебном году — достоин награждения орденом «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»

Врид. КОМАНДУЮЩЕГО АРМКАВГРУППОЙ — ЗА ЧЛЕНА ВОЕННОГО СОВЕТА —

**ПОЛКОВНИК ВАРЕННИКОВ ПОЛКОВОЙ КОМИССАР —
15 февраля 1941 г. — ЗАКОВОРОТНИЙ».**

Наискосок по первому листу от руки написано: «Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1941 г. награжден орденом Ленина».

Еще один шахматный ход, сделанный сверху! Выходит, наградили Власова самым первым орденом за высокие показатели по боевой и политической подготовке к 23 февраля — Дню Красной армии. Тогда такие награждения по всем округам приняли поистине массовый характер. Я лично сам видел представления списками в ЦАМО в Подольске.

А теперь ознакомимся с учетной карточкой награжденного, что хранится в Центральном архиве Министерства обороны:

«Власов Андрей Андреевич
Генерал-майор

Командир 99 сд в/ч 4104

Вид награды: орден Ленина (запись зачеркнута. — *Прим. автора*).

Орден Красного Знамени (запись зачеркнута. — *Прим. автора*).
Орден Ленина.

Указ ПВС СССР о награждении 22 февраля 1941 г. (пропечатано штампом. — *Прим. автора*).

Приказ КОВО г. Львов.

Награда не вручена (пропечатано штампом. — *Прим. автора*)...»

А кто-нибудь видел фотографию генерала Власова с орденом Ленина на груди?

Всего пять месяцев генерал Власов командовал механизированным корпусом до начала Великой Отечественной войны. Мог ли он за это время набраться умений, знаний и навыков для того, чтобы успешно командовать им? Нет. Стоит еще раз посмотреть на его образование, его прохождение службы, чтобы убедиться в этом. А ведь корпус-то был механизированный! Это масса танков. Причем новых танков! Как этой массой управлять, как принимать решение, нужно было очень и очень много учиться.

До Власова 4-м мехкорпусом с июня 1940 года командовал генерал-майор М.И. Потапов. Именно его пришлось назначить командующим 5-й, чтобы освободить место под Власова.

Да только Потапов в 1936 году окончил Военную академию механизации и моторизации РККА, с июля 1937 года командовал механизированным полком, с 1939 года — танковой бригадой в Белоруссии, а с июня 1939 года был назначен заместителем командующего 1-й армейской группой, которая успешно участвовала в боях в районе р. Халхин-Гол. Так можно ли Власова и Потапова как командиров поставить рядом?

4-й механизированный корпус Власова дислоцировался в районе Львова и войну встретил непосредственно в Львовском выступе (находился в подчинении командующего 6-й армией генерал-лейтенанта И.Н. Музыченко).

В три часа 22 июня 1941 года командир 32-й танковой дивизии 4-го мехкорпуса получает приказ выдвинуться в район Янова. Начинается война...

«То, что произошло 22 июня, не предусматривалось никакими планами, — писал Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский, — поэтому войска были захвачены врасплох в полном смысле этого слова».

«Могу о том судить хотя бы по содержанию оперативного пакета, который был мною вскрыт в первый день войны. Содержание его подгонялось под механизированный корпус, закончивший период формирования и обеспеченный всем, что положено иметь ему, как боевому соединению. А поскольку он находился только в первой, то есть начальной, стадии формирования, то как Генеральным штабом, так и командованием округа должно было быть предусмотрено и его соответствующее место на случай войны. Но в таком состоянии оказался не только 9-й мк (Рокоссовского. — *Прим. автора*), но и 19-й, 22-й, да и другие, кроме 4-го (Власова. — *Прим. автора*) и 8-го, которые начали формирование значительно раньше и были более-менее способны вступить в бой. Они к тому же имели в своем составе и новые танки Т-34 и КВ».

Согласно директиве № 3, отправленной наркомом обороны маршалом Тимошенко, Юго-Западный фронт должен был 23 июня силами 5-й и 6-й армий, не менее чем пятью механизированными корпусами фронта и всей авиацией фронта нанести мощный контрудар по сходящимся направлениям, окружить и уничтожить группировку противника в районе Владимира-Волынского, Сокаля и Крыстонополя и к исходу 24 июня овладеть районом Люблина. Учитывая все силы и средства фронта и противника, решение такой задачи было вполне реальным, но, к сожалению, она уже не соответствовала той обстановке, которая сложилась на Украине к исходу первого дня войны.

Двух суток, отведенных для овладения Люблином, до которого войскам предстояло пройти свыше 120 км, было явно недостаточно. Начальник штаба фронта генерал-лейтенант М.А. Пуркаев считал, что только для сосредоточения механизированных корпусов потребуется не менее трех-четырёх суток. Поэтому он предложил создать на рубеже укрепрайонов вдоль старой госграницы прочную оборону и сначала остановить врага, а потом перейти в наступление и разгромить его. Но командующий фронтом генерал М.П. Кирпонос, соглашаясь с начальником штаба, все же решил выполнить приказ. «Приказ есть приказ, и его надо выполнять», — сказал он. Его поддержал член военного совета корпусной комиссар Н.Н. Вашугин.

Таким образом, командующий ЮЗФ принял решение нанести два удара по флангам главной группировки противника с севера и юга, каждый силами трех механизированных корпусов (около 3,7 тыс. танков). Генерал армии Г.К. Жуков, прибывший в штаб фронта вечером 22-го, одобрил это ре-

шение. Для первого этапа контрнаступления командование Юго-Западного фронта имело только три механизированных корпуса южной ударной группировки — 4-й генерал-майора А.А. Власова, 8-й генерал-лейтенанта Д.И. Рябышева и 15-й генерал-майора И.И. Карпезо. Из них 15-й уже сосредотачивался для наступления, а остальные два необходимо было перебросить в исходный район с запада. Северную ударную группировку в составе 22-го (генерал-майора В.С. Тамручи), 9-го (генерал-майора К.К. Рокоссовского) и 19-го (генерал-майора Н.В. Фекленко) мехкорпусов планировалось ввести в сражение позже, после сосредоточения указанных корпусов в районе Владимира-Волынского.

В 9 утра 23 июня был подписан приказ на наступление 15-го мехкорпуса: «С утра 23.06.41 во взаимодействии с 4-м механизированным корпусом и 3-й кавалерийской дивизией 6-й армии нанести удар в направлении Радзехов — Сокаль и уничтожить танковую группу противника, действующую в направлении Сокаль — Радзехов».

Затем во все корпуса были направлены представители штаба фронта, которые должны были лично ознакомиться с ситуацией и проконтролировать выполнение приказов.

Однако случилось непредвиденное: оборвалась связь со штабом 5-й армии и выяснилось, что 4-й мехкорпус генерала Власова срочно нужен командующему 6-й армией для нанесения контрудара на запад от Янова, куда, по поступившей в штаб 6-й армии информации, ночью прорвались немецкие танки. Поэтому кроме трех батальонов генерал Власов на Радзехов более ничего не выделил. Два батальона средних танков 32-й танковой дивизии и один батальон мотопехоты 81-й моторизованной дивизии были выделены для нанесения удара на Жолнев и во взаимодействии с частями 15-го мехкорпуса должны были уничтожить пехоту и танки противника в районе Радзехова.

Остальным частям 4-го механизированного корпуса было приказано выдвигаться в западном направлении на Краковец и Радымно с целью уничтожения противника, прорвавшегося в район Дуньковице.

Но информация о прорыве немцев оказалась ложной — в полосе 6-й армии противник был задержан на линии укрепрайонов и до 23 июня не добился значительного продвижения.

Обращает на себя внимание тот факт, что силы механизированного корпуса Власова практически сразу же были разделены на части для решения абсолютно разных задач.

ПЛЕН. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В НЕМЕЦКИХ ЛАГЕРЯХ

В течение дня 23-го связь с армиями практически отсутствовала. В этот день успела выдвинуться и атаковать противника лишь часть сил 15-го и 22-го мехкорпусов, причем в 15-м мехкорпусе действовал один-единственный передовой отряд 10-й танковой дивизии.

Два батальона 32-й танковой дивизии 4-го мехкорпуса занимали оборону на окраине Радзехова, остальные части 32-й танковой дивизии действовали в районе Великих мостов. Этим воспользовался противник, и к исходу 23 июня его танковая дивизия подошла к Берестечко.

В это время основные части 4-го и 8-го мехкорпусов находились от района предполагаемого сосредоточения едва ли не дальше, чем к моменту появления приказа на контрудар. Вечером 23 июня начальник штаба ЮЗФ генерал Пуркаев докладывал командующему: «С утра 24-го числа участвовать в контрударе смогут только 22-й и 15-й мехкорпус, да и то не всеми силами (в 22-м корпусе будет задействована лишь одна дивизия). Четвертый корпус задействован на Львовском направлении, 9-й и 19-й корпуса подойдут только через двое суток, стрелковые части — через несколько дней». И генерал Кирпонос принимает решение вводить соединения в операцию пошелонно: 24-го — 22-й мехкорпус и 135-я стрелковая дивизия при поддержке 1-й противотанковой артбригады наступают на Владимир-Волынский, 15-й мехкорпус соединяется с 124-й дивизией. Позже с подходом сначала 4-го и 8-го, а затем 9-го и 19-го корпусов сила удара утроится. Тут же командир 8-го мехкорпуса получил приказ повернуть на восток и выдвигаться в район Броды. А вот про 4-й мехкорпус просто забыли! Его основные части приказа о переброске не получили и продолжали сосредотачиваться в лесах западнее Янова (30 км к северо-западу от Львова).

Тут следует отметить, что 4-й и 8-й мехкорпуса вполне могли сыграть решающую роль в разгроме врага. Оба они имели в своем составе свыше 1700 танков. Особенно сильным был 4-й механизированный корпус, в котором только новых танков Т-34 и КВ насчитывалось более 400 машин. Однако считается, что усилиями командующего 6-й армией Н.И. Музыченко и начальника Генштаба Г.К. Жукова 4-й мк был раздроблен на части. Его 8-я танковая дивизия должна была наносить удар по противнику, прорвавшемуся северо-западнее Львова, в район Немирова, а 32-я — на юго-запад, где, по данным, как выяснилось потом — ложным, действовало до 300 танков противника.

Командование фронта, по сути, ежедневно меняло боевые задачи, поэтому боевые действия корпусов сводились то к обороне частью сил, то к изнуряющим передвижениям с целью занять исходное положение для удара по противнику сначала в одном направлении, потом — в другом.

Фронтовой контрудар был предпринят с 25 по 29 июня, вылившись в крупнейшее танковое сражение начального периода войны. Проводя контрудар, командование фронта решило в то же время создать позиционный фронт обороны. 26 июня выдвигающимся резервам фронта (31-й, 36-й и 37-й стрелковые корпуса) было приказано занять прочную оборону на рубеже Луцк, Кременец, Гологуры, отвести в последующем за него мехкорпуса, которыми подготовить мощный контрудар с целью разгрома вклинившегося противника. Это решение было единственно верным, однако Ставка ВГК его отменила, и начавшийся контрудар продолжался.

8-я танковая дивизия 4-го мехкорпуса (единственная, которую удалось перебросить с левого фланга 6-й армии на правый) заняла позиции между Полоничной и Лопатином, слева от 15-го мехкорпуса. В дальнейшем она должна была возобновить движение на Радзехов, куда ранее наступал 15-й мехкорпус.

В ночь на 25 июня генерал-армии Г.К. Жуков приказал вернуть 8-ю танковую дивизию 4-го мк на северо-восток. К тому времени она уже потеряла в боях 92 танка. Еще большие потери были связаны с техническими неисправностями. К концу дня 27 июня из 385 танков в исходный район прибыло 65 машин, сведенных в один танковый полк. Только за период боев в районе Радзехов — Броды 8-я тд из 50 танков КВ потеряла 43. Наступление танковой группы противника было задержано до конца июня. Однако ликвидировать прорыв войскам фронта не удалось. В окружении оказались многие части и соединения. Не избежал его и корпус Власова.

Как мы уже говорили, 4-й механизированный корпус генерала Власова был одним из самых мощных в КОВО — ЮЗФ. Тем не менее Андрей Андреевич был лишен возможности руководить им в полном составе. Корпус оказался раздроблен на части. И в любом случае те части, которые остались под командованием Власова (в распоряжении 6-й армии), в боях под Львовом ничем особым себя не проявили.

К слову сказать, из всех мехкорпусов успешно действовал 9-й мк генерала К.К. Рокоссовского. Выдвигаясь из глубокого тыла, он сначала контратаковал и потеснил левый фланг 13-й тан-

ковой дивизии противника, а затем вел активную оборону на р.Стырь в районе Луцка, фактически удерживая весь левый фланг 5-й армии. Тем более что он был одним из самых слабых корпусов в КОВО и имел порядка 300 танков устаревших типов. Удивительно и то, что на 7 июля в его корпусе осталось 164 танка.

В 22-м мехкорпусе было 712 танков, а на 7 июля осталось 340. Генерал Власов выглядел намного бледнее. Из 979 боевых машин на 7 июля в его корпусе осталось лишь 126!

1 июля начался отвод войск ЮЗФ в укрепленные районы на старую границу, а 7 июля уже началась Киевская оборонительная операция.

Вот каким увидел Власова в июне 41-го известный поэт Евгений Долматовский, который работал в редакции газеты 6-й армии «Звезда Советов» и в первую свою командировку отправился в его корпус: «Запомнилось лицо, монгольские скулы, близорукие глаза за очками в огромной оправе. Голенаст, костляв, молчалив и сдержан — говорят, был командиром дивизии, отличившейся в Киевском военном округе. Потом его лицо появится на экране — в фильме “Битва за Москву”...»

Пока же командиры танковых дивизий пьют не очень разбавленный спирт, а командир корпуса глазами трезвенника поглядывает на них сквозь свои громадные очки, попивает молоко из глечика. Он сидит на деревянной жесткой кровати, усиленной рядом, сидит по-турецки, скрестив крупные босые ступни, и мне как-то неловко, что он словно демонстрирует плоские, давно не стриженные желтые ногти.

Он позволяет себе быть босым и в расстегнутом кителе, как бы подчеркивая главенство в этой компании».

Будучи на службе у немцев, А.А. Власов в открытом письме «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом», мягко говоря, приврал, высоко оценивая себя в роли командира мехкорпуса: «Мой корпус в Перемышле и Львове принял на себя удар, выдержал его и был готов перейти в наступление, но мои предложения были отвергнуты», — напишет он.

17 июля 1941 года Власова вызвали в Киев.

Никита Сергеевич Хрущев, находясь на заслуженном отдыхе, вспоминал: «Для защиты Киева мы решили создать новую армию и назвали ее 37-й. Стали искать командующего. Нам с Кирпоносом предложили ряд генералов, которые уже потеряли свои войска и находились в нашем распоряжении. Среди них очень хорошее впечатление производил Власов. И мы с командующим решили назначить именно Власова. Отдел кадров КОВО тоже его

рекомендовал и дал преимущественную перед другими характеристику. Я лично не знал Власова, ни других “свободных” генералов, даже не помню сейчас их фамилии».

По свидетельству того же Хрущева, рекомендация кадровиков его не сильно устроила, и он обратился в Москву к Маленкову. Вопрос касался компрометирующих документов на Власова: доверять ли новому командующему новой армии, которая должна защищать Киев?

— Какую характеристику можно получить на Власова?

— Ты просто не представляешь, что здесь делается, — ответил Маленков. — Нет никого и ничего. Ни от кого и ничего нельзя узнать. Поэтому бери на себя всю ответственность и решай сам!

Так Власова назначили командующим 37-й армией. Это назначение датируется 23 июля. Хотя записи ни в личном деле, ни в учетно-послужной карте об этом факте нет.

Катастрофы под Киевом советскому командованию удалось избежать только благодаря вводу в бой свежих формирований.

Для усиления войск укрепрайона передавались 284-я и 295-я стрелковые дивизии, 3-й воздушно-десантный корпус, 2-й отряд моряков Пинской флотилии, отряды народного ополчения киевлян. Таким образом, силы защитников города удалось довести до 120 тысяч человек.

8 августа 1941 года командующий армией подписал боевой приказ № 010 о переходе в контрнаступление в южном секторе КиУРа. А 10 августа части 37-й армии вступили в бой.

О том, как это происходило, в письме своим близким сообщал немецкий офицер: «...С расстояния в 600 метров мы открыли огонь, и целые отделения в первой волне атакующих повалились на землю... Уцелевшие одиночки тупо шли вперед. Это было жутко, невероятно, бесчеловечно. Ни один из наших солдат не стал бы двигаться вперед. Вторая волна тоже понесла потери, но сомкнула ряды над трупами своих товарищей, павших в первой волне. Затем, как по сигналу, цепи людей начали бежать. С их приближением доносилось нестройное раскатистое: “Ура-а-а!”... Первые три волны были уничтожены нашим огнем... Натиск четвертой волны был более медленный: люди прокладывали путь по ковру трупов... Пулеметы раскалились от непрерывного огня, и часто приходилось прекращать стрельбу для замены стволов... Количество, продолжительность и ярость этих атак совсем истощили нас и довели до оцепенения. Не буду скрывать, они испугали нас... Если Советы могут позволить себе тратить столько людей, пытаясь ликвидировать

даже незначительные результаты нашего наступления, то как же часто и каким числом они будут атаковать, если объект будет действительно очень важным?»

Уже спустя два дня от немцев были освобождены Жуляны. Затем их выбили из Гатного, Терешков, Новосёлок, Пирогово, Чабанов, Китаево, Мышеловки. Были деблокированы ДОТы КиУРа, которые в течение почти недели вели бой в окружении. На четвертый день наступления войска КиУРа достигли тех рубежей, с которых противник начал свое наступление на Киев. В оперативной сводке штаба 37-й армии за 15 августа сообщалось:

«...противник продолжает удерживать рубеж Юрьевка — Хатов — Вита — Литовская, а также накапливает силы в районе Будаевки». Командование армии предполагало перейти к обороне в центральном секторе КиУРа и продолжить наступление на флангах с целью окружения и уничтожения противника.

К 16 августа положение было полностью восстановлено, а обстановка стабилизировалась.

В воспоминаниях Хрущева есть еще как минимум два эпизода, которые могут дополнить несколько штрихов к портрету генерала Власова.

Первый. Когда Хрущев приехал с Кирпоносом в штаб 37-й армии на железобетонный командный пункт в Святошино, сделанный еще в мирное время для штаба КОВО, то там из командования находился один лишь начальник штаба Мартьянов.

«Почему-то отсутствовал командующий армией. Потом и он приехал. Власов доложил обстановку, говорил довольно спокойно, и мне это понравилось. Тон у него был вселяющий уверенность, и говорил он со знанием дела».

Второй. Хрущев поехал с Власовым проверять стрелковый корпус, после замены командира, не сумевшего предотвратить отступление необстрелянных частей. Вот что он запомнил: «Обстановка была такой: немцы вели артиллерийско-минометный огонь и бомбили этот район с воздуха. Когда мы подошли к командиру, он сидел на каком-то полевом стуле, а стол перед ним был накрыт кумачом. Стоял телефон. Тут же была вырыта щель-убежище. С ним были какие-то люди. Он стал докладывать нам обстановку. В это время немцы обстреляли нас из минометов и строчили их пулеметы, но их самих не было видно, только шел гул по лесу. Власов держался довольно спокойно (я поглядывал на него). У него была вырезана трость из орешника. Он этой тростью похлопывал себя по голенищу. Потом он предложил, во избежание неприятностей, залезть в щель».

«Основной задачей 37-й армии с 24 августа была борьба за окуниновский плацдарм, — пишет А. Исаев. — На фронте Киевского УР наступило затишье. В состав армии вошел 27-й стрелковый корпус (87-я, 171-я стрелковые и 28-я горнострелковая дивизии), из состава армии в резерв фронта убыли 1-й и 2-й воздушно-десантные корпуса; из 64-го стрелкового корпуса в состав армии А.А. Власова рокировалась 146-я стрелковая дивизия».

Исходя из группировки сил на Юго-Западном фронте, к 1 сентября против 5 советских армий действовали 45 дивизий. 5-й армии противостояло 16 дивизий вермахта, 40-й — 7, 26-й — 6, 38-й — 8, 37-й Власова — 8. При этом и во второй раз в подчинении Андрея Андреевича оказалась мощная военная сила фронта: 108 759 человек и 1116 орудий и минометов самой многочисленной армии Юго-Западного фронта!

Начиная с 19 августа попытки противника взять штурмом Киев прекратились. Поэтому «как со стороны советских войск, так и со стороны немцев в полосе Киевского УР и 64-го стрелкового корпуса боевых действий, кроме артиллерийской перестрелки, не предпринималось.

Вечером 7 сентября 1941 года. Военный совет ЮЗФ доложил главкому Юго-Западного фронта и в Генеральный штаб о том, что обстановка на фронте осложнилась и обозначилась угроза окружения основной группировки 5-й армии. Военный совет просил разрешить отвести 5-ю армию и правый фланг 37-й армии на рубеж р. Десна.

9 сентября Ставка разрешила отход 5-й армии и правому флангу 37-й армии с обязательным удержанием Киевского плацдарма. 10 сентября 2-я танковая группа немцев прорвалась в район Ромны, а 17-я армия захватила плацдарм в районе Кременчуга. С него, после сосредоточения, должна была наносить удар на север 1-я танковая группа. 11 сентября главком Юго-Западного фронта обратился в Ставку с просьбой отвести войска фронта за р. Псел. Ставка запретила отход до создания фронтом обороны на этой реке, приказав удерживать Киев. Но достаточных сил для обороны и тем более для удара уже не было. 11—12 сентября 37-я армия в результате выхода противника в район Козелец и отхода 5-й армии оказалась в положении охвата справа, однако войска армии в упорных боях пока сдерживали наступление четырех дивизий противника.

12 сентября 1-я танковая группа немцев выдвинулась навстречу 2-й танковой группе на север. Уже 15-го они соединились в районе Лохвицы, окружив основные силы фронта. Только 17 сен-

тября Ставка разрешила оставить Киев. В тот же день, буквально за несколько минут до окончательной потери связи со штабами армий, генерал Кирпонос успел отдать приказ 5, 21, 26 и 37-й армиям на прорыв в восточном направлении. Находившимся вне котла силам 37-й и 40-й армий было приказано поддержать выход войск фронта из окружения ударом на Ромны и Лубны.

Но планомерного вывода не получилось. Отсутствие управления войсками, огромные потери и расчленение на части привели войска ЮЗФ к действиям разрозненным и беспорядочным. 5, 37, 26-я армии, часть сил 21-й и 38-й армий были окружены. Дольше всех сражались остатки 26-й армии — до 26 сентября. Припятская группа из войск 5-й и 21-й армий держалась до 25 сентября. 37-я армия Власова, оказавшись в двух районах (в 40—50 км юго-восточнее, другой — в 10—15 км северо-восточнее Киева), смогла продержаться до 21—23 сентября.

Судя по фактам, свидетельствам и документам, генерал Власов за два месяца в должности командующего 37-й армией ничем особенным себя не проявил. Ему, как всегда, достались самые мощные силы фронта. Ведь его армия была сформирована в основном из резервов Ставки ВГК. Находясь в Киевском укрепрайоне, она составляла основу обороны Киева.

Не проявил здесь Власов и каких-то выдающихся способностей, которые отличали бы его от других командующих.

Известно, что 20 сентября штаб 37-й армии оставил Киев и продвигался на восток на машинах за частями, прорывающими кольцо окружения. О том, как генерал Власов выходил из окружения, рассказала Агнесса Павловна Подмазенко, военврач 3-го ранга, младший врач медпункта штаба 37-й армии и походно-полевая жена Андрея Андреевича:

«Фактически об окружении немцами 37-й армии я узнала по прибытии в район села Семёновка близ города Яготина 26 или 27 сентября от бывшего командующего армией Власова, с которым вместе выехала из Киева.

Из-за сильного обстрела дороги, по которой следовала наша колонна, ехать на машинах стало невозможно, и по приказанию Власова все машины были уничтожены в лесу между Березанью и Семеновкой. Тут же мы разбились на небольшие группы, и каждая стала выходить из окружения самостоятельно. Я лично входила в группу примерно из 30 человек, возглавляемую лично Власовым.

Из-за сильного артиллерийского и минометного обстрела наша группа перешла лесом на небольшой островок среди болот,

находящийся недалеко от деревни Семеновка. На этом островке скопилось до полутора тысяч человек, и он вскоре также стал обстреливаться немцами.

На следующий день небольшая группа во главе с Власовым с этого островка переправилась в лесок, расположенный с другой стороны Семеновки. Отсюда мы ночью перебежали через обстреливаемое немцами поле в большой соседний лес.

По этому лесу мы шли около трех дней в составе группы из 10—15 человек — работников штаба 37-й армии...

В первых числах октября 1941 г. мы подошли к деревне Помокли, что в трех километрах от села Соснова.

В связи с тем, что у нас кончились продукты, а также с целью ориентации в обстановке я с согласия Власова пошла в деревню Помокли, переодев гимнастерку на свитер. Остальные остались в лесу.

От местных жителей я узнала, что на противоположном конце деревни находились немцы и что появляться посторонним здесь опасно, так как накануне в Помоклях были убиты два немецких солдата, за что немцы расстреляли несколько граждан. В деревне я пробыла около часа и, достав продукты, возвратилась обратно.

Придя к выводу, что передвигаться большой группой дальше рискованно, начальник разведотдела и ряд других лиц от нас отделились и решили выходить из окружения самостоятельно. Я осталась с Власовым и политруком Свердличенко.

Следуя по лесу к селу Соснова, мы догнали одного из жителей этого села. Мы попросили его помочь нам достать гражданскую одежду. О себе мы ничего не говорили, но он по нашему виду понял, что мы являемся командирами Красной армии. Не доходя до Сосновы, оставив Власова и Свердличенко, я зашла в село с этим человеком. Как затем я узнала, в селе находились немцы, занявшие школу в противоположном конце села, у дороги.

Встретившийся нам в лесу человек пригласил к себе домой местного старого партийного работника Любченко, которого я попросила оказать помощь в приобретении гражданской одежды для двух командиров Красной армии в обмен на принесенные мной кожаное пальто и гимнастерку. Я попросила также указать безопасный маршрут следования в расположение частей Красной армии.

Вскоре Любченко снабдил меня гражданской одеждой для Власова и Свердличенко, а в отношении маршрута предложил, чтобы они зашли к нему и он сам с ними переговорит.

Переодевшись, Власов и Свердличенко зашли в Соснову, где встретились с Любченко. Они представились ему как командиры Красной армии, при этом политрук показал Любченко свой партийный билет. Затем они стали разговаривать о маршруте следования к частям Красной армии. Любченко связал Власова с партизанским отрядом, находившимся близ Мосновы в лесу. Здесь Власов ознакомился с обстановкой, а также узнал, что менее опасным является путь на гор. Прилуки через село Черняховку, с обходом населенных пунктов, занятых немцами.

Из этого села мы ушли на следующий день, не будучи никем задержаны. Я и Власов ночевали здесь у одной старухи, имевшей сына и дочь, а Свердличенко ночевал у человека, которого мы накануне встретили в лесу. Перед уходом я и Власов отдали Любченко на хранение свои пистолеты и документы, за исключением удостоверений личности. Кроме того, Власов оставил себе партийный билет. Отдавал ли какие-нибудь документы Свердличенко, мне неизвестно, но я знаю, что при нем все время находился партийный билет...

Из Сосновы мы направились в дер. Черняховку, но в нее не заходили...

Примерно 10 октября 1941 г. мы подошли к селу Верхняя Журавка, близ гор. Прилуки...

Между 15 и 20 октября, вечером, мы подошли к городу Белополье...

Не доходя 80—100 км до Курска, в одном из сел, названия которого я не помню, мы узнали, что здесь находятся военнослужащие Красной армии. Оказалось, что это партизанский отряд, возглавляемый лейтенантом...

От командира отряда мы узнали, что части Красной армии находятся в Курске и что нам следует поторопиться, так как Курск готовят к эвакуации.

После встречи с партизанами шедший с нами работник склада 37-й армии ушел вперед, так как считал, что один выйдет быстрее к частям Красной армии. Близ Курска ушел вперед и Свердличенко, чтобы узнать, где лучше перейти линию фронта. К нам он больше не вернулся.

1 ноября 1941 г. Власов и я вошли в Курск, где встретились с частями Красной армии. В тот же день мы выехали в Воронеж...»

Из этого рассказа можно сделать только один-единственный вывод: несмотря на сложности выхода из окружения, генерал Власов целенаправленно шел на восток по тылам противника.

Попасть в плен он мог элементарно, но, судя по всему, совершенно об этом не помышлял. Но обратим внимание на такой штрих: выход из окружения Власов начинает со штабом армии, затем, после разделения на группы, лично сам возглавляет одну из таких численностью до 30 человек и в результате выходит к своим только с А.П. Подмазенко.

В двадцатых числах ноября 41-го Власова разыскивает Главное управление кадров, в связи с предполагаемым назначением, командующим вновь формируемой 20-й армии.

На запрос ГУКа из штаба Юго-Западного фронта по телеграфу ответили:

«Генерал-майор Власов сможет быть направлен не ранее 25—26 ноября в связи продолжающимся воспалительным процессом среднего уха.

Начальник штаба ЮЗФ Бодин

Зам. нач военсанупра ЮЗФ Бяляк-Васюкевич».

Начальником штаба 20-й армии был назначен полковник Л.М. Сандалов. 28 ноября 1941 года он прямо с аэродрома прибыл в Генеральный штаб для беседы. В кабинете Маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова Леонид Михайлович поинтересовался:

— А кто назначен командующим армией?

— Недавно вышедший из окружения командующий 37-й армией Юго-Западного фронта, — ответил Борис Михайлович и назвал фамилию не известного прежде Сандалову генерала. — Но учтите, что он сейчас болен. В ближайшее время вам придется обходиться без него. Однако все важные вопросы согласовывайте с ним. В штаб фронта ехать вам уже нет времени, да к тому же вас знают там по первым месяцам войны. Напутствие мое вам такое — быстрее сформировать армейское управление, развернуть армию, создать оборону и готовиться к наступлению.

Поздно вечером 29 ноября Ставка приняла решение о начале контрнаступления под Москвой, а уже утром 30-го Военный совет Западного фронта представил свои соображения, и план был утвержден.

20-я армия получила приказ нанести главный удар в направлении Солнечногорска и во взаимодействии с 1-й ударной и 16-й армиями овладеть городом.

В самый сложный период подготовки армии к боевым действиям генерал Власов так и не прибыл из госпиталя. Не появился он и в начале декабря...

8 декабря была взята Красная Поляна, 12 декабря — Солнечногорск и 20 декабря — Волоколамск.

Леонид Михайлович Сандалов в письме начальнику Генерального штаба Маршалу Советского Союза М.В. Захарову в декабре 1964 года писал: «Во время Московской битвы я — во второй половине ноября 1941 г. — стал начальником штаба новой только что сформированной 20-й армии. Это сильная полнокровная армия, вместе с такой же — 1-й ударной армией, возглавил наступление Западного фронта (Клин-Солнечногорская операция) под Москвой.

20-я армия освободила Красную Поляну, овладела городом Солнечногорском. А затем по распоряжению командования Западного фронта повернула на Волоколамск. Часть сил оставила для наступления по шоссе от Солнечногорска на Клин, в полосе 1-й ударной армии. 20-я армия от Солнечногорска с боями наступала на Чудоль, Чисмену, Волоколамск. Надо сказать, что назначенный командующим 20-й армии Власов... до освобождения Волоколамска армией, по существу, не командовал. Он объявил себя больным (плохо видит, плохо слышит, разламывается голова). До начала операции жил в гостинице ЦДКА, а затем его переводили с одного армейского КП на другой под охраной врача, медсестры и адъютанта. Подходить к нему не разрешали. Все документы для подписи я посылал Власову через его адъютанта, и он приносил их подписанными без единого исправления.

Впервые я, да и другие офицеры штаба, увидели Власова в Чисмене (под Волоколамском). А первый доклад я делал ему лишь в Волоколамске. Поэтому от начала операции до выхода армии в Волоколамск мне совместно с заместителем командующего армией полковником Лизюковым А.И. ...и членом ВС армии дивизионным комиссаром Куликовым П.Н. приходилось руководить действиями войск армии непосредственно самим».

Первая встреча Сандалова с Власовым была весьма любопытной: «В полдень 19 декабря в с. Чисмены начал разворачиваться армейский командный пункт. Когда я и член Военного совета Куликов уточняли на узле связи последнее положение войск, туда вошел адъютант командующего армией и доложил нам о его приезде. В окно было видно, как из остановившейся у дома машины вышел высокого роста генерал в темных очках. На нем была меховая бекеша с поднятым воротником, обут он был в бурки.

Это был генерал Власов. Он зашел на узел связи, и здесь состоялась наша первая с ним встреча. Показывая положение войск на карте, я доложил, что командование фронта очень недовольно

медленным наступлением армии и в помощь нам бросило на Волоколамск группу Катюкова из 16-й армии. Куликов дополнил мой доклад сообщением, что генерал армии Жуков указал на пассивную роль в руководстве войсками командующего армией и требует его личной подписи на оперативных документах. Молча, насупившись, слушал все это Власов. Несколько раз переспрашивал нас, ссылаясь, что из-за болезни ушей он плохо слышит. Потом с угрюмым видом буркнул, что чувствует себя лучше и через день-два возьмет управление армией в свои руки полностью. После этого разговора он тут же на ожидавшей его машине отправился в штаб армии, который переместился в Нудоль-Шарино».

Теперь, надеюсь, понятно, каким образом Андрей Андреевич «руководил» армией. Есть и другие свидетельства.

Именно за Волоколамскую операцию Л.М. Сандалову было присвоено звание «генерал-майора». Всю Клин-Солнечногорскую операцию, все телефонные переговоры с Жуковым, Шапошниковым и В.В. Курасовым (направленцем Генштаба) вел только Сандалов!

И еще. Леонид Михайлович Сандалов, в отличие от Власова, был образованным и опытным генералом, блестящим штабистом. В 1920 году он окончил Ивано-Вознесенские пехотные курсы. Командовал взводом, был адъютантом батальона (начальником штаба. — *Прим. автора*) на Туркестанском и Южном фронтах. С 1921 года — командир роты. В 1926-м окончил двухгодичную Киевскую объединенную школу командиров им. С.С. Каменева.

Три года службы — и вновь учеба, но только теперь в Военной академии им. М.В. Фрунзе. По окончании ее в 1934 году Сандалов служил в штабе Киевского округа, а в 1936 году по рекомендации И.Э. Якира поступил в академию Генерального штаба. С сентября 1937 года — он начальник оперативного отдела штаба Белорусского военного округа, с 1940 года — начальник штаба 4-й армии ЗОВО. С 30 июня по 23 июля — врид командующего 4-й армией Западного фронта. В августе — ноябре 1941 года — начальник штаба Центрального и Брянского фронтов.

Знания, приобретенные во время учебы, опыт службы, глубокий аналитический ум позволили Л.М. Сандалову выработать широкий оперативный кругозор, редкое умение точно обобщать военные события и подчас принимать смелые решения.

13 декабря 1941 года газета «Известия» поместила портреты девяти военачальников Западного фронта, чьи армии отличились в сражении на подступах к столице. Среди них — фотография

Власова. Сообщение «В последний час» рассказывало о «провале немецкого плана окружения и взятия Москвы». Так Андрей Андреевич стал «сталинским полководцем»! Спросите: почему? Потому что был официальным командующим:

«Этот человек умеет сражаться не только с решимостью, не только с мужеством, но и со страстью», — писала французская журналистка Ив Кюри. Что ж, генерал Власов умел пустить пыль в глаза...

2 января 1942 года Власова награждают орденом Красного Знамени (в учетной карточке награжденного стоит штамп «За бои с германским фашизмом». — *Прим. автора*), по итогам всего контрнаступления, а 24 января присваивают воинское звание «генерал-лейтенант».

11 февраля 1942 года Власова вызывает на прием Сталин. Наедине они находились целый час и 10 минут, с 22.15 до 23.25. Вторая встреча будет 8 марта.

Вступая в полемику с писателем В. Богомоловым, писатель Г. Владимов (автор книги «Генерал и его армия») сообщал: «В Германии Власов рассказывал, как в ноябре 1941-го Сталин вызвал его к себе, дал ему из своего резерва 15 танков и направил заместителем к командующему, который заново формировал 20-ю армию (расформированную после выхода из окружения под Вязьмой). Власов застал командующего тяжело больным — действительно с конца ноября, числа с 25-го, — и принял от него командование. Имени своего предшественника он не называл — либо из деликатности, либо из-за малой известности генерала Н.И. Кирюхина».

Но все было совершенно не так. Генерал-майор Николай Иванович Кирюхин действительно командовал 20-й армией. С октября 1942 года армия вела наступление на Сычевском направлении, но не имела успеха, за что Н.И. Кирюхин был отстранен от должности и в декабре 1942 года назначен заместителем командующего 29-й армией. В общем, Власов и тут, как обычно, мягко говоря, приврал. Не мог же он рассказать, что не формировал армию и не командовал ей аж до самого освобождения Волоколамска. Да и встреча со Сталиным, как известно, произошла в феврале.

«За воспаление среднего уха орденов не давали и в газетах бы про него не напечатали», — замечает Г. Владимов. Да, орден Власову дали за успехи армии, которой он командовал теоретически. Представление подавали списком. А Сандалов, хоть и командовал армией практически, тем не менее занимал должность начальника штаба.

Кстати сказать, в Центральном архиве Министерства обороны наградных листов ни на Власова, ни на некоторых других генералов нет. То есть их действительно представляли списком по указанию вождя.

В.О. Богомолов провел немало времени в Центральном архиве Министерства обороны. О его кропотливой работе мне рассказывали старожилы. Он очень скрупулезно разбирался с вопросом назначения Власова командующим 20-й армией.

«Назначенный командующим 20-й армией 30 ноября 1941 года Власов с конца этого месяца и до 21 декабря болел тяжелейшим гнойным воспалением среднего уха, от которого чуть не умер, и позднее страдал упадком слуха, а в первой половине декабря — вестибулярным нарушением. Болезнь Власова и его отсутствие в течение трех недель на командном пункте, в штабе и в войсках зафиксированы в переговорах начальника Генерального штаба маршала Б.М. Шапошникова и начальника штаба фронта генерала В.Д. Соколовского с начальником штаба 20-й армии Л.М. Сандаловым; отсутствие Власова зафиксировано в десятках боевых приказов и других документов, вплоть до 21 декабря подписываемых за командующего Л.М. Сандаловым и начальником оперативного отдела штаба армии комбригом Б.С. Антроповым».

И еще: «В сообщениях Совинформбюро в декабре 1941 года как “наиболее отличившиеся” в боях под Москвой армия К.К. Рокоссовского упоминалась четырежды, Д.Д. Лелюшенко — трижды, И.В. Болдина — дважды, Л.А. Говорова — один раз, армия же А.А. Власова, также как и армия Ф.И. Голикова и В.И. Кузнецова, не упоминалась ни разу. И награждены за бои под Москвой они были соответственно: Рокоссовский, Лелюшенко, Болдин и Говоров — орденами Ленина, а Власов, Голиков и Кузнецов — по второму разряду, т.е. орденами Красного Знамени (В. Богомолов «Срам имут и живые, и мертвые, и Россия»)). А это значит, что не нужно было описывать личные подвиги и заслуги каждого. Так Власову просто повезло. В истории Советской армии таких примеров было немало.

А по поводу газет — все еще проще. Власов оказался привлекательным благодаря своему росту, голосу, лицу. Но самое главное, благодаря умению производить впечатление своими простонародными речами. Не обошлось здесь и без теплых слов маршала Тимошенко. Ведь в карьере, как известно, многое зависит от того, как тебя преподнесут.

В конце февраля 42-го главный редактор «Красной Звезды» Давид Ортенберг вместе с писателем Александром Кривицким тоже направился к Власову в 20-ю. Десятилетия спустя он напишет: «За Волоколамском, у Лудиной горы, нашли командный пункт армии. Командовал ею человек, чье имя называешь с отворачиванием. Может быть, об этой встрече и не стоило бы писать, но нельзя уходить от всего, что тогда было — не только благодарное и хорошее, но и плохое, даже мерзкое.

В штабном блиндаже нас встретил мужчина высокого роста, худощавый, в очках с темной оправой на морщинистом лице. Это и был Власов. Посидели с ним два часа. На истрепанной карте с синими и красными пометками овалами и стрелами он показал путь, который прошла армия от знаменитой Красной Поляны, чуть ли не окраины Москвы, откуда немцы могли уже обстреливать из тяжелых пушек центр города. Рывок большой, быстрый совершила армия. Но сейчас наступление приостановлено.

Втроем на крестьянских санях через оголенный, расщепленный и казавшийся мертвым лес поехали в дивизию, оттуда в полк. Здесь идут бои местного значения: то берут какую-то безымянную высоту, то отдают, ночью ее снова будут атаковать. Очевидно, на многое рассчитывать не приходится.

Видели мы Власова в общении с бойцами на “передке” и в тылу, с прибывшим пополнением. Говорил он много, грубовато острил, сыпал прибаутками. При всем том часто оглядывался на нас, проверяя, какое производит впечатление. “Артист!” — подумал я. Ну что же, пришли мы к выводу: каждый ведет себя в соответствии с натурой, грех не самый большой.

Возвратились мы на КП армии вечером. Власов завел нас в свою избу. До позднего вечера мы беседовали с ним, потом, оставив Кривицкого здесь ночевать, ушли в штабной блиндаж. Ночью немцы открыли такой сильный артиллерийский огонь, что хаты ходуном ходили. И вот Власов звонит к себе в избу, будит Кривицкого и спрашивает:

— Вы что делаете?

— Сплю, — отвечает тот.

— Спите! И не беспокойтесь, я сейчас прикажу открыть контрбатареиную стрельбу...

Вот, подумали мы, какое внимание нашему брату-газетчику!..

Вспоминаю, что Власов то и дело употреблял имя Суворова к месту и не к месту. От этого тоже веяло театром, позерством.

Кстати, это заметили не только мы. Но могли ли мы подумать о худшем?»

Через неделю в 20-ю армию поехал писатель Илья Эренбург. Пробыл там двое суток. Встречался с Власовым. Впечатления совпали.

Еще один штрих к портрету Власова — это его письма, которые были изъяты чекистами.

«Поражает поразительная для офицера высокого ранга неграмотность, Власов писал со множеством грамматических и орфографических ошибок», — замечает Леонид Млечин.

ВТОРАЯ УДАРНАЯ И ПЛЕН

Илья Григорьевич Эренбург на фронт выехал 5 марта 1942 года по Волоколамскому шоссе. Сидя в машине, он впервые увидел развалины Истры и Ново-Иерусалимского монастыря. Проехав через Волоколамск, он остановился возле Лудиной горы. Там, в избе, где размещался командный пункт 20-й армии, он впервые встретился с Власовым.

Позднее Эренбург вспоминал: «Он меня изумил прежде всего ростом — метр девяносто, потом манерой разговаривать с бойцами — говорил он образно, порой нарочито грубо и вместе с тем сердечно. У меня было двойное чувство: я любовался, и меня в то же время коробило — было что-то актерское в оборотах речи, интонациях, жестах.

Вечером, когда Власов начал длинную беседу со мной, я понял истоки его поведения: часа два он говорил о Суворове, и в моей записной книжке среди другого я отметил: “Говорит о Суворове, как о человеке, с которым прожил годы...”»

Ровно через два дня, поздним вечером 8 марта 1942 года генерал Власов переступил порог кабинета Сталина. Это была та самая, вторая встреча с вождем. В этот раз его вызвали по случаю назначения на Волховский фронт заместителем командующего. Дела там шли неважно.

А 10 марта Андрей Андреевич вылетел на «Дугласе» из Москвы в Малую Вишеру.

Приезд генерала Власова на Волховский фронт весьма красочно описал в своем дневнике корреспондент газеты К. Токарев: «Генерал Власов, громадный, похожий на вздыбленного медведя, в окулярах на широком носу, со скуластым лицом “пещерюги” (так прозвали его солисты нашего ансамбля)...»

Было известно, что командующий фронтом К.А. Мерецков на совещании «пожаловался», что он не просил Власова к себе заместителем. Но Ставка настояла, прислав его для «применения опыта подмосковной победы». Отношения командующего со своим новым заместителем явно не сложились. Это были совершенно разные фигуры.

Вот что напишет о Власове Мерецков: «На этом же самолете на должность заместителя командующего войсками Волховского фронта прилетел генерал-лейтенант А.А. Власов. Его прислала Ставка... А пока скажу лишь, как он вел себя в течение тех полтора месяцев, когда являлся моим заместителем. По-видимому, Власов знал о своем предстоящем назначении. Этот авантюрист, начисто лишенный совести и чести, и не думал об улучшении дел на фронте. С недоумением наблюдал я за своим заместителем, отмалчивавшимся на совещаниях и не проявлявшим никакой инициативы. Мои распоряжения Власов выполнял очень вяло. Во мне росли раздражение и недовольство. В чем дело, мне тогда не было известно. Но создалось впечатление, что Власова тяготит должность заместителя командующего фронтом, лишенная ясно очерченного круга обязанностей, что он хочет получить “более осязаемый пост”».

Тогда-то Андрея Андреевича назначили тактическим советником (консультантом) 2-й ударной армии. Ему дали возможность и проявить себя, и наконец-то заняться делом.

В начале апреля Власов работает во главе комиссии фронта в этом объединении. Трое суток члены комиссии беседуют с командирами, политработниками и бойцами. 8 апреля он подписывает акт, после которого командующий армией Клыков скажет свое пророческое слово: «Все».

Пятидесятичетырехлетний генерал Николай Кузьмич Клыков принял 2-ю в ночь на 10 января 1942 года. К середине апреля в условиях крайнего напряжения на самом тяжелом участке фронта командарм серьезно заболел. Его отправили в тыл. Соответственно, встал вопрос о новом командующем на время болезни Клыкова. И вот тут-то Мерецков, что называется, «подсобил».

Из записи переговоров по прямому проводу командующего Волховским фронтом с командованием 2-й ударной армии:

Член Военного совета Зуев: «На эту должность кандидатур у нас нет. Считаю необходимым доложить Вам о целесообразности назначения командующим армией генерал-лейтенанта Власова».

Власов: «Временное исполнение должности командующего армией необходимо возложить на начальника штаба армии полковника Виноградова».

Мерецков и Запорожец (Власову): «Считаем предложение Зуева правильным. Как вы, товарищ Власов, относитесь к этому предложению?»

Власов: «Думаю, судя по обстановке, что, видимо, придется подольше остаться в этой армии. А в отношении назначения на постоянную должность, то, если на это будет ваше распоряжение, я его, конечно, выполняю».

Мерецков: «Хорошо, после нашего разговора последует приказ».

Так Власову «помогли» не вернуться в штаб фронта и показать себя на «привычной» и «хорошо освоенной» должности командующего армией, в командование которой он вступил 15 апреля, а с 20 апреля 1942 года Ставка своей директивой № 170282 «утвердила назначение заместителя командующего войсками Волховского фронта генерал-лейтенанта Власова командующим 2-й ударной армией по совместительству».

Несмотря на то что 2-я ударная армия находилась в весьма критическом положении и Власов знал об этом, все же он надеялся именно на временное командование до выздоровления Клыкова. Более того, не стесняясь, говорил, что в случае успешного наступления на Любань он станет командующим фронтом, а Мерецкова отзовут в Ставку.

Войска 2-й ударной армии к середине марта вклинились в оборону немцев на глубину 60—70 км и захватили большой лесистоболотистый район между железными дорогами Чудово — Новгород и Ленинград — Новгород. Передовые части армии подошли к оборонительной позиции немцев на подступах к Любани. Всего 15 км отделяло их от города и 30 км — от войск 54-й армии, наступавших с севера. Однако растянувшись на фронте до 140 км и не имея резервов, 2-я ударная армия практически оказалась не в состоянии развивать дальнейшее наступление. Скованная крупными силами противника, 2-я ударная была вынуждена перейти к обороне и отбивать контрудары противника на своих флангах. Кроме того, начавшееся в конце марта резкое потепление сильно затруднило маневр войсками. Таяли снежные дороги, портились грунтовые пути, проложенные через болотистые участки. Снова возникли перебои со снабжением, ощущался серьезный недостаток в боеприпасах, горюче-смазочных материалах, вооружении и продовольствии. Нарушилась связь и управление войсками.

Историческая справка

10 дней упорных и затяжных боев, начиная с 14 января, понеслось войскам 2-й ударной армии, чтобы овладеть Мясным Бором и отбросить противника к западу. 25 января на 12 километровой участке в образовавшуюся брешь командующий фронтом ввел 13-й кавалерийский корпус, который вскоре добился значительного успеха. Вместе с ним продвигались части 2-й ударной в сторону Любани, Глубочки, ст. Чолово и Глухой Керести, охватывая небольшой частью своих сил с юго-запада чудовскую группировку противника. С этого момента основные усилия фронта были перенесены к месту развивающегося прорыва. К Мясному Бору подошли внутренние фланги 52-й и 59-й армий, основной задачей которых теперь стали обеспечение горловины прорыва и расширение ее в сторону Чудова и Новгорода.

Войдя в прорыв, 13-й кавалерийский корпус быстро продвигался в северо-западном направлении. Обходя укрепленные позиции и опорные пункты противника, его дивизии все более приближались к Октябрьской железной дороге.

Войска 2-й ударной армии и 13-го кавалерийского корпуса, пройдя вперед до 50 километров на Любанском направлении, встретили ожесточенное сопротивление введенных в сражение резервов противника.

Ширина прорыва непосредственно по западному берегу реки Волхов достигала 25 км, но в районе Мясного Бора она равнялась всего лишь 3—4. За пять дней 13-й кавалерийский корпус и соединения 2-й ударной армии углубились в расположение противника на 40 км, перерезав железную дорогу Ленинград — Новгород.

Пока наступление велось в северо-западном направлении (где силы противника были незначительны), продвижение шло успешно. Но стоило кавалеристам повернуть на северо-восток на Любань, как тут же темпы наступления начали падать в связи с возрастающим сопротивлением противника. Возникшие трудности с управлением (район наших войск увеличивался, а плотность боевых порядков уменьшалась) заставили командующего фронтом создать временные оперативные группы.

В конце января 1942 года командованию Волховским фронтом стало ясно, что задача по разгрому основных сил 18-й армии противника на подступах к Ленинграду встречными ударами Волховского и Ленинградского фронтов перспективы не имеет.

Развивая наступление, 2-я ударная армия узким клином продвинулась на 70—75 км, глубоко охватив с юго-запада любанско-

чудовскую группировку противника. До Ленинграда оставалось 50 км, до 54-й армии Ленинградского фронта еще меньше — 44 км.

Трезво оценивая сложившуюся ситуацию, генерал Мерецков предложил Ставке все усилия Волховского фронта сосредоточить на овладении Любанью и Чудовом. Ставка согласилась с этим предложением.

И хотя большая операция в силу сложившейся обстановки превратилась в ограниченную Любанскую, однако и она имела важное значение для обороны Ленинграда.

В феврале 2-я ударная лишь увеличила ширину фронта вклинения с 12—15 км до 35—47 км. Успехи по расширению прорыва закончились. Наступление армии хоть и развивалось, но не в том направлении — удаляясь от железнодорожной линии на Ленинград. Враг усиливал оборону. Войска Ленинградского фронта из-за недостатка сил и вовсе не имели продвижения. Освободить Любань не удавалось.

21 апреля 1942 года Ставка приказала с 24 часов 23 числа объединить Ленинградский и Волховский фронты в единый Ленинградский фронт в составе двух групп — Ленинградского и волховского направлений.

А 24-го апреля генерал армии Мерецков докладывал в Ставке: «2-я ударная армия совершенно выдохлась. В имеющемся составе она не может ни наступать, ни обороняться. Ее коммуникации находятся под угрозой ударов немецких войск. Если ничего не предпринять, то катастрофа неминуема».

Уже 30 апреля наступление на Любанском направлении пришлось прекратить. Новый командующий Ленинградским фронтом генерал-лейтенант М.С. Хозин Любанскую операцию планировал провести во второй половине мая.

В мае же противник продолжал усиливать свои группировки на флангах прорыва 2-й ударной армии. В этих условиях Ставка приказала отвести 2-ю ударную армию из занимаемого ею района, однако Хозин был не согласен. У него имелся другой план. И это при том, что «...какие бы положения ни занимала армия во фронтовой операции, обеспечение флангов должно являться всегда предметом особого внимания со стороны командующего армией и его штаба...»

И когда с севера над 2-й ударной армией нависла крупная немецкая группировка, Ставка неоднократно требовала от генерала Хозина отвести войска армии на рубеж р. Волхов, но штаб фронта опоздал. Необходимые распоряжения были отданы лишь 25 мая, а через несколько дней основные коммуникации

снабжения армии оказались перерезаны. 30 мая 1942 года немцы заметили отход 2-й ударной армии и перешли в наступление, а 2 июня противник вторично закрыл коридор, осуществив полное окружение.

3 июня А.М. Василевский отправил командующему Ленинградским фронтом следующую телеграмму: «Действия по уничтожению противника в районе Спасская Полисть и Приютина проводятся Вами крайне медленно. Противник Вами не только не уничтожается, а, наоборот, перейдя к активным действиям, преградил пути отхода 2-й ударной армии, так как разгадал Ваш маневр по ее выводу. Попытки войск фронта пробить брешь в боевом порядке противника оказываются малоуспешными. Основной причиной этого нужно считать не только медлительность Ваших мероприятий, но и вывод сил по частям вместо удара всеми силами 2-й ударной армии...

Промедление и нерешительность в этом деле чрезвычайно опасны, ибо все это дает противнику возможность изо дня в день сильнее закрепляться на перехваченных им путях отвода 2-й ударной армии».

И все-таки, как получилось, что 2-я ударная армия оказалась в окружении?

Еще в апреле генерал Хозин вывел в резерв фронта три дивизии 6-го гвардейского стрелкового корпуса и 378-ю стрелковую дивизию. Немцы умело воспользовались этим. Они построили узкоколейную железную дорогу в лесу западнее Спасской Полисти и практически беспрепятственно стали накапливать войска для удара по коммуникациям 2-й ударной армии Мясной Бор — Новая Кереть. Штаб фронта оборону коммуникаций 2-й армии не усилил. Ее северную и южную дороги прикрывали слабые стрелковые дивизии 52-й и 59-й армий, вытянутые в линию без достаточных огневых средств на недостаточно подготовленных оборонительных рубежах.

Прикрывающая южную дорогу 372-я сд к этому времени занимала участок обороны с боевым составом в 2796 человек и протяженностью 12 км, а 65-я сд, прикрывающая северную дорогу, занимала с боевым составом в 3708 человек участок протяженностью 14 км. Именно против 372-й дивизии противник сосредотачивал свои главные силы, но, к сожалению, мер к усилению обороны принято не было, хотя резервы у фронта на тот момент имелись.

4 июня в 00 ч 45 мин командующий 2-й ударной армией генерал Власов докладывал: «Ударим с рубежа Полисть в 20.00

4 июня. Действия войск 59-й армии с востока не слышим, нет дальнего действия артогня».

До 4 июня горловина мешка существенно сузилась, а 5 июня встречными ударами 2-й и 59-й армий был пробит узкий коридор до 800 м, по которому и выходили войска 2-й ударной армии. Практически за сутки для окруженной армии успели подвезти продукты и эвакуировать часть раненых, а дальше противнику все же удалось смять боевые порядки 2-й ударной и ворваться в них с запада. 6 июня горловина мешка была перекрыта полностью. Семь дивизий и шесть бригад оказались в окружении.

8 июня Ставка приказала разделить войска Ленинградского фронта на два самостоятельных фронта. Мерецков снова вернулся на Волховский вместо Хозина.

К 21 июня соединения 2-й ударной армии (35—37 тыс. человек) в количестве восьми стрелковых дивизий и шести стрелковых бригад с тремя полками РГК (100 орудий), а также с 1000 автомобилей сосредоточились на площади 66 км.

С 21 на 22 июня части 59-й армии прорвали оборону противника в районе Мясного Бора и образовали коридор шириной до 800 м. Для удержания этого коридора части армии развернулись фронтом на юг и на север, заняли боевые участки вдоль узкоколейной железной дороги. 23 июня противник, форсировав р. Кереть, зашел во фланг, вклинился в наши боевые порядки и повел наступление на командный пункт армии в районе Дровяное поле.

На защиту КП армии в бой была брошена рота особого отдела в составе 150 человек.

Еще 22—23 июня командование 2-й ударной армии, организуя выход частей из окружения в образовавшийся коридор, почему-то не рассчитывало на выход с боем и не приняло мер к укреплению и расширению основной коммуникации у Спасской Полисти.

Чтобы обеспечить выход частей 2-й ударной армии, оставшихся за линией фронта, командование фронта подготовило новый встречный удар войск 59-й армии с востока и 2-й ударной армии с запада вдоль узкоколейной дороги. Атака готовилась на 23 часа 23 июня. Но из-за сильнейшей бомбардировки с воздуха боевые порядков войск и штаба 2-й ударной армии мероприятия по занятию исходного положения для атаки были сорваны.

В ночь на 24 июня в 23.30 войска 2-й ударной армии начали движение. Навстречу им вышли танки с десантом пехоты 29-й танковой бригады. Артиллерия 59-й и 52-й армий обрушилась на врага. Противник в ответ открыл ураганный артиллерий-

ский огонь, и над районом боевых действий заработала немецкая бомбардировочная авиация.

Как известно, командование 2-й ударной армией Власов принял в середине апреля. Однако уже в марте он стал ее тактическим советником. До трагедии во второй половине июня его командование войсками армии продолжалось три месяца. В сущности, за этот небольшой период времени он должен был суметь «врасти» в обстановку и владеть ею. Следовательно, он был обязан нести всю полноту ответственности за все принимаемые решения штаба 2-й ударной армии.

Но все дело в том, что Власов до определенного момента был совершенно спокоен. Он прекрасно понимал, что исполняет обязанности командующего армией временно, по совместительству.

Об уверенности Андрея Андреевича и его спокойствии говорят практически все написанные им письма. 26.4.1942 г.: «... Не поверишь, как я поправился, это, видимо, от старости, крепко поседел (много седины в башке стало) и полысел, а здоровье крепкое. Ничего не болит. Зубы в порядке. Одним словом, крепко поправился, пополнил и закалился».

17.5.1942 г.: «Одно скажу: ведь недаром я получил звание генерал-лейтенанта и орден Красного Знамени, и я два раза лично беседовал с нашим великим вождем. Это, конечно, так не дается. Тебе уже, наверно, известно, что я командовал армией, которая обороняла Киев. Тебе также известно, что я также командовал армией, которая разбила фашистов под Москвой и освободила Солнечногорск, Волоколамск и др. города и села, а теперь также командую еще большими войсками и честно выполняю задания правительства и партии и нашего любимого вождя тов. Сталина».

«Меня наш великий вождь послал на ответственное задание, и я его скоро, очень скоро выполню с честью... Скоро все же фашистам на этом участке конец».

То есть с возвращением Клыкова Власов надеялся вернуться к своим обязанностям заместителя командующего войсками фронта. Но он не думал о том, что это «временное состояние» приведет к трагедии не только его армии, но и личной. Сложная обстановка, которая ежечасно менялась в худшую сторону, деморализовала Андрея Андреевича. Он запаниковал, понимая всю трагедию случившегося. Об этом говорят все донесения его штаба. Это было третье его окружение. Казалось бы, можно привыкнуть. Но нет! Все дело было в должности, которую он потерял буквально из-за обстоятельств...

«Власов был человек природного ума, достаточно компетентный в военных вопросах, честолюбивый и потому карьерный, льстивый с вышестоящими и безразличный к подчиненным», — писал В.О. Богомолов. Но я бы еще добавил — начитанный. Именно начитанность придавала ему в глазах окружающих компетентность. А как иначе?

Профессор Павел Завлин о генерале Власове услышал из уст своего покойного тестя, полковника запаса Зиновия Марковича Гутина, умершего в 1968 году. В апреле 1942 года его назначили в разведотдел 2-й ударной армии.

«В течение двух с половиной месяцев мой тесть непосредственно общался с этим человеком и хорошо его изучил. (...) Итак, каким человеком был Власов по воспоминаниям моего тестя?

Он был честолюбив и идеологически беспринципным, заботился только о себе, о своей карьере. Каждое утро тесть докладывал военную обстановку. Командующий частенько был небрежно одет (пуговицы мундира расстегнуты или мундир накинут на плечи), а перед ним стоял подчиненный по стойке «смирно». Быт у него был организован со вкусом, имел личного повара — молодую симпатичную женщину, по совместительству «фронтую жену». Когда его армия попала в окружение, он как-то сразу растерялся и сник, практически потерял управление войсками. К этому времени стало известно, что немцы перешли в мощное наступление на юге страны. Военная обстановка была крайне тревожная, по рассказам тестя, еще более сложной и опасной, чем летом — осенью 1941 года. Власов часто заводил разговоры с тестем о положении дел на фронтах, и чувствовалось его упадническое настроение, которое тесть не разделял. Но перед другими людьми он держался, не делился своими мыслями. Власов понимал, что его военная карьера у Сталина закончена. Второй раз Сталин его не простит...»

Кстати сказать, адъютант Власова Кузин отмечал у своего командующего вспыльчивость и грубость к своим подчиненным. «Бывали случаи, когда не только он изругает начальника отдела, а форменным образом выгонял из кабинета, — писал он на допросе в контрразведке. — Власов очень самолюбив, считал, что только он способен и может работать, а остальных командиров без стеснения называл лодырями и дармоедами, такое отношение было у него к командирам в 20-й армии и во 2-й ударной армии.

Власов очень щедрый на государственные средства для расходов на свои личные нужды и экономил свои личные средства.

Власов, работая в 20-й армии, считался, уважал и хорошо отзывался как о военном работнике только о начальнике штаба армии генерал-майоре Сандалове.

Успехи 20-й армии под Москвой по разгрому немцев вскружили ему голову и особенно после того, как он был вызван в Москву. После приезда из Москвы при встрече с командирами дивизий, а также тем, кто к нему приезжал, он рассказывал, что был у тов. Сталина, что его приняли хорошо и что он внес ряд предложений, которые тов. Сталин одобрил. Этим самым разговором он давал понять, что с ним считаются, что слово его закон, и при крупных разговорах с подчиненными он употреблял выражение, что он может “с землей смешать”. К подчиненным Власов был очень требовательный, а иногда жесток, это создавало видимость, что он дисциплинированный, но всему этому противоречило его отношение к начальникам, вышестоящим над ним.

Я слышал разговор Власова по прямому проводу с командующим фронтом тов. Жуковым. По разговору я понял, что тов. Жуков ругал Власова. Власов разговаривал вызывающе и бросил реплику: “Может, армию прикажете сдать?” — а потом добавил, что он лично назначен тов. Сталиным, и когда кончился разговор, он свою злобу вылил в форме мата по адресу тов. Жукова.

Кроме того, когда поступали распоряжения из фронта и их докладывали Власову, то он смотрел поверхностно и вставлял слова, что, сидя от фронта за 100 км, можно рассуждать, а здесь надо думать. В феврале 1942 г. в 20-ю армию прибыл тов. Жуков и после своей работы принял решение остаться ночевать, а потом изменил свое решение и ночью выехал. После отъезда тов. Жукова Власов в виде шутки высказывал, что он начальнику рассказал, что штаб армии подвергается артобстрелу каждой ночью, и начальство не замедлило с отъездом.

Несколько раз я слышал, что Власов рассказывал тов. Сандалову и другим о тов. Жукове, что тов. Жуков просто выскочка, что он способностей имеет меньше, чем занимает положение, и что Власов знает тов. Жукова по работе в дивизии. Когда Власова наградили, тов. Жуков прислал поздравительную телеграмму, Власов прочел и высказал, что тов. Жуков не ходатайствовал о награждении, это помимо его сделано, что тов. Жуков помнит Власову за инспекцию дивизии».

Таким образом, вина Власова заключается прежде всего не в том, что он, как командующий 2-й ударной, сделал не все во избежание котла, а в том, что в решающий момент он потерял управление, растерялся, раскис и опустил руки!

По воспоминаниям очевидцев известно: несмотря на то что 21 июня штаб 2-й ударной армии оставил КП армии в связи с обстрелом и перешел на КП бригады в районе Мясного Бора, до 20—22 июня 1942 года 2-я ударная армия, находясь в окружении, сохранила полный боевой порядок. Соединения и части, несмотря на свою малочисленность, сдерживали натиск противника. Войска умело использовали главное преимущество окруженных: быстро маневрировали, имели организованное гибкое управление огнем и в короткие сроки создавали группировки для прорыва кольца окружения.

В окруженной армии обеспечивалась внутренняя организованность войск. Строгий контроль за соблюдением правил передвижения поддерживал дисциплину и порядок.

Все это было до тех пор, пока Военный совет, штаб и сам командующий верили в то, что окружение будет прорвано. Но боязнь, что с потерей времени неудача по деблокированию и прорыву повлечет за собой значительно более пагубные последствия и противник, нарушивший сплошной фронт обороны, на решающем направлении уничтожит армию по частям, сыграла свою роль. Генерал Власов вконец впал в состояние прострации. Внешнее спокойствие перед войсками сменялось отчаянием, банальной паникой в докладах и донесениях наверх.

«В военных архивах я отыскал и внимательно изучил 89 объяснений, рапортов и показаний бойцов и командиров — от рядовых роты охраны и штабных шоферов до полковников и генералов. Из анализа всех материалов становится несомненным, что всю последнюю, роковую для него, неделю Власов находился в полной прострации, — считал В.О. Богомолов. — Причиной этого, полагаю, явилось то, что, когда на Военном совете было оглашено предложение немцев окруженным частям капитулировать, Власов тотчас сослался на недомогание и, предложив: “Решайте без меня!” — ушел и не показывался до утра следующего дня.

Военный совет отклонил капитуляцию без обсуждения, а Власов вскоре наверняка осознал, что этими тремя словами он не просто сломал свою карьеру, но фактически подписал себе смертный приговор».

На этот счет Г. Владимов отвечал: «Однако все это было — и заседание Совета, и “Решайте без меня!” — только повестка другая. Авиационной поддержки 2-я ударная не имела, тут прав Богомолов, но, когда надо было, самолеты и прорывались, и приземлялись. Несколько их прислал Мерецков, командующий Волховским фронтом, по приказу Сталина, — эвакуировать Власова

и его штаб. Насчет себя Власов решение принял, но не считал возможным приказывать штабу — ни улететь, ни остаться. Поэтому и ушел, чтобы своим присутствием ни на кого не повлиять. Решение, которое принял Совет, должно было и обрадовать его, и опечалить, как всегда бывает, когда твои коллеги показали себя людьми, но и обрекли на гибель».

Известно, что с 30 мая 1942 года питание 2-й ударной армии боеприпасами и продовольствием начало осуществляться воздухом.

Из докладной записки начальника особого отдела НКВД Волховского фронта старшего майора госбезопасности Мельникова «О срыве боевой операции по выводу войск 2-й ударной армии из вражеского окружения»: «Питание и боеприпасы в армии вышли, подвоз их воздухом из-за белых ночей и потери посадочной площадки у дер. Финев Луг, по существу, был невозможен».

Как факт, на оборонительном рубеже в районе Финева Луга 327-я стрелковая дивизия вела бои до середины июня.

Из показаний шофера генерала Власова Н.В. Конькова: «Если в первые дни окружения самолеты могли приземляться в расположении армии, то в последние дни такой возможности не стало. Самолеты “Дуглас” и У-2 обычно прилетали в ночное время и сбрасывали груз — в основном продовольствие — на парашютах. Как днем, так и ночью господство в воздухе было за немцами. Наша истребительная авиация появлялась лишь изредка, да и то с опозданием, когда немецкие бомбардировщики, закончив бомбежку нашего расположения, скрывались».

Я дважды видел ночью, как самолеты У-2, не имея прикрытия, попадали под огонь “мессершмиттов” и расстреливались в воздухе. В один раз было сбито два самолета, в другой — три».

И еще: всю вторую половину дня 22 июня немецкие бомбардировщики не улетали вообще. В воздухе безнаказанно висел разведчик противника, и войска 2-й ударной армии жестоко обстреливала артиллерия. В ночь с 22 на 23 июня немцы сбили шесть наших самолетов, пытавшихся прорваться с продовольствием и медикаментами».

Так могли ли в такой обстановке вывезти самолетом генерала Власова из окружения? Практически нет!

О том, как Власов и остатки его армии выходили из окружения, сохранилось множество свидетельств очевидцев и документов. Остановимся на некоторых из них.

Личный шофер генерала Власова Н.В. Коньков: «22 июня 1942 г. командование армии издало приказ — всеми имеющимися

силами идти на штурм обороны немцев в районе Мясного Бора. Этот штурм намечался на вечер того же дня. В штурме принимали участие все: рядовой состав, шоферы, командующий армией, начальник особого отдела армии, работники штаба армии... Штурм начался часов в 9—10 вечера, но успеха не имел, так как наши части были встречены сильным минометным огнем, в результате чего штурм был отбит, а части 2-й ударной армии рассеяны.

Поэтому впоследствии организованных боевых действий уже не проводилось, и оставшиеся группы бойцов и командиров выходили из окружения самостоятельно. В штурме принимало участие 150—200 работников штаба. После того как штурм был отбит, в группе работников штаба осталось не более ста человек...

Утром 23 июня к нашей группе присоединились бойцы и командиры из частей 2-й ударной армии, в том числе генерал-майор Антюфеев и командир одной из бригад полковник Черный.

Генерал-лейтенант Власов дал распоряжение — всем оставшимся идти одной группой на север, вглубь немецкого тыла, в направлении Финев Луг, с тем чтобы лесами выйти из окружения. Как я слышал от командиров, вечером 23 июня, продвигаясь лесом на Финев Луг, мы прошли немецкую оборону и вышли в немецкий тыл.

Вечером 24 июня в лесу генерал-лейтенант Власов собрал всех бойцов и командиров и объявил, что предстоит долгий и трудный путь, придется пройти не менее 100 км по лесам и болотам, продуктов никаких не имеется и придется питаться травой и тем, что удастся отбить у немцев. Тут же Власов объявил, что, кто чувствует себя слабым, может оставаться на месте и принимать меры по своему желанию.

В тот же вечер разведка доложила, что впереди лежит большая дорога, вдоль которой идет река. После возвращения разведки генерал-лейтенант Власов провел совещание с работниками штаба, в результате которого было принято решение продвигаться небольшими группами, по 20—30 человек.

Было организовано около десяти таких групп, в каждой был назначен старший...

При организации групп генерал-лейтенант Власов взял с собой только работников штаба армии и военного совета, военврача 2-го ранга и офицантку Марию Игнатьевну и, оставив всех адъютантов, посыльных и шоферов, ушел вперед, после чего его больше не видели.

С ним ушли: начальник штаба армии полковник Виноградов, комиссар Свиридов, генерал-майор Антюфеев, полковник Чер-

ный, официантка Мария Игнатьевна, генерал-майор артиллерии и военврач 2-го ранга, фамилий которых я не знаю. Кроме этих лиц с Власовым ушли и работники штаба, но кто именно, я не знаю. Выходивший из окружения командный состав был вооружен пистолетами, наганами и автоматами...»

Начальник связи 2-й ударной армии генерал-майор Афанасьев:

«Все вышли ночью с 24 на 25 июня на КП 46-й сд, и в момент перехода в 2 часа ночи вся группа попадает под артиллерийско-минометный заградительный огонь. Группы в дыму теряются. Одна группа во главе с Зуевым и начальником особого отдела с отрядом автоматчиков в 70 человек скрылась в районе реки Полисть в направлении на высоту 40,5 (со слов тов. Виноградова), т.е. ушла от нас вправо, а мы с группой Власова, Виноградова, Белишева, Афанасьева и других ушли сквозь дым артиллерийско-минометных разрывов влево; организовали поиски Зуева и Шашкова, но успеха не имели. Пройти вперед не смогли. И мы решили идти обратно на КП 46-й сд, куда вернулся и штаб 46-й сд. Ждали момента затишья, но, увы, в этот период с запада противник прорвал фронт и двигался к нам по просеке во взводных колоннах и кричал: “Рус, сдавайся!” Мне было приказано организовать оборону КП и встретить фрицев организованным огнем, отбросить их в лесную местность. Я собрал 50 человек бойцов, вместе с комиссаром штаба тов. Свиридовым встретили фрицев ружейно-пулеметным огнем, рассеяли их, но противник продолжал нажимать, увеличивая свои силы, усилился огонь по КП».

Далее начальник связи армии пишет: «Нужно отметить, что тов. Власов, несмотря на обстрел, продолжал стоять на месте, не применяясь к местности, чувствовалась какая-то растерянность или забывчивость. Когда я стал предупреждать — “надо укрываться”, то все же он остался на месте. Заметно было потрясение чувств. Было немедленно принято решение, и Виноградов взялся за организацию отхода в тыл противника с выходом через фронт опять к своим. Нужно откровенно признаться, что все делалось конспиративно.

Но несмотря на эти условия, вольно или невольно группа добровольно сама влилась в единую группу до 45 человек. Видно было, что это его [Виноградова] не устраивало. Но остановить поток было уже поздно. Плюс к этому прибавилась группа полковника Чёрного в количестве 40 человек. Получилась изрядная большая группа».

«Тов. Власов был безразличен, общим командиром был назначен, предложил свои услуги Виноградов. Меня тов. Власов предложил комиссаром. Составили список отряда. Разбили его на отделения: охраны, разведки и истребителей. Пошли дальше на север, где в лесу по дороге около Большого Апрелевского Моха встретили три группы Ларичева, отделились от нас Черный и командование 259-й сд, которые двигались на север».

Начальник политотдела 46-й стрелковой дивизии майор Зубов: «...в 12 часов дня 25 июня штаб 2-й ударной армии и штаб 46-й сд находились в лесу в одном месте.

Командир 46-й сд тов. Черный мне сообщил, что мы сейчас пойдем на прорыв противника, но командующий Власов предупредил, чтобы не было лишних людей... Таким образом, нас оказалось из штаба 2-й ударной армии 28 человек и не менее — из штаба 46-й сд. Не имея питания, мы пошли в Замошское, шли день 25 и 26. Вечером мы обнаружили убитого лося, поели, а утром 27-го начальник штаба 2-й ударной армии, посоветовавшись с Власовым, принял решение разбиться на две группы, так как таким количеством ходить невозможно».

Итак, в ночь с 24 на 25 июня колонна Военного совета и штаба 2-й ударной армии вышла из штаба 57-й стрелковой бригады (между реками Глушица и Полисть) в район 46-й стрелковой бригады, а уже оттуда в коридор выхода на восток. Впереди головное охранение под командой заместителя начальника особого отдела 2-й ударной армии старшего лейтенанта госбезопасности Горбова, затем Военный совет армии и тыловое охранение.

При подходе к р. Полисть в 2 часа ночи колонна попала под минометно-артиллерийский огонь. В пути выяснилось, что никто толком не знал маршрута. Двигались наугад. Возглавляющий передовое боевое охранение Горбов, согласно приказу командования, боя не принял и, отклонившись вправо, продолжал двигаться вперед к выходу, в то время как члены Военного совета армии и группа командиров залегли в воронке и остались на месте на западном берегу реки Полисть. В дыму все рассеялись. И когда стихла стрельба, одна группа (Зуев и Лебедев, начальник политотдела бригадный комиссар Гарус, замначальника особого отдела Соколов, нач. особого отдела Шашков, плюс 70 автоматчиков) ушла вправо, а позже примкнула к остаткам бойцов 382-й сд, которыми командовал командир полка полковник Болотов.

Другая группа (Власов, Виноградов, Белишев, Афанасьев) ушла влево. Но так как впереди (якобы) проход был закрыт, они вернулись на КП 46-й стрелковой дивизии, где встретились с ее

штабом во главе с командиром дивизии полковником Черным. Все ждали затишья, но с запада противник прорвал фронт, и им пришлось организовать оборону командного пункта.

В этот же день начальник разведотдела армии полковник А.С. Рогов выдвинулся немного позже колонны Военного совета 2-й ударной армии. Он также наткнулся на заградительный огонь противника и вынужден был остановиться. Через некоторое время огонь противника стал ослабевать и перемещаться в направлении узкоколейки. Предполагая, что там образовался прорыв, полковник Рогов двинулся туда и вышел из окружения...

Все документы и свидетельства очевидцев говорят о том, что организация вывода 2-й ударной армии из окружения страдала серьезными недостатками. Частично виноват в этом штаб Волховского фронта, который не смог организовать взаимодействие 59-й армии и 2-й ударной армии. Но — несомненно и то, что большая вина лежит на штабе 2-й ударной армии, а конкретно на ее командующем, который растерялся и потерял управление не только войсками, но и своим штабом.

Дело в том, что коридор для выхода окруженных войск был открыт примерно с 2 часов до 8.00, а оборона противника была сломлена к 3 часам 15 минутам. При этом Власов лично сам просил содействия штаба фронта именно с 3-х часов, но выход почему-то начал гораздо раньше...

Вообще, в этом деле очень и очень много вопросов. Естественно, Власову.

В ночь на 9 или 10 июля группа Власова вышла на деревянную узкоколейную железную дорогу на перекрестке в 2 км восточнее Поддубья. «Здесь была сделана длительная остановка, — вспоминал генерал Афанасьев. — Тов. Виноградов договорился с тов. Власовым, что надо группу разбить на маленькие группы, которые должны сами себе избрать маршрут движения и план своих действий, составили списки и предложили нам двигаться. Я лично возражал против данного мероприятия, рассказал свой план, т.е. двигаться всем до реки Оредежь. Заняться на месте ловлей рыбы на озере Черное и, если удастся, на реке, а остальная группа, со мной во главе, пойдет искать партизан, где найдем радиостанцию, и мы будем связаны с нашими частями на востоке, и нам окажут помощь. Мое предложение не было принято. Я тогда спросил, кто еще желает со мной идти, хотел идти один политрук, который был в списках намечен вместе с Власовым, тогда меня тов. Виноградов обвинил, что я якобы его переманил к себе, и этим дело кончилось. Я им рассказал свое решение. Наступило

время моего выступления. Я в составе четырех человек ушел по своему маршруту.

Перед уходом стал спрашивать группы, кто куда пойдет, никто еще не принял решения, стал спрашивать Власова и Виноградова, они мне сказали, что они еще не приняли решения и что пойдут после всех...»

Власова начали искать уже с 25 июня, с того самого дня, когда он не вышел из окружения.

25-го Мерецков направил за Власовым танковую роту с десантом пехоты, во главе со своим адъютантом капитаном М.Г. Бородай. Тот вернулся ни с чем.

28 июня разведотдел фронта выслал две радиофицированные группы, которые были рассеяны огнем противника. Со 2 по 13 июля с самолета были сброшены на поиски Власова 6 групп по три-четыре человека в каждой. Одна из них была рассеяна и частью вернулась обратно. Две, успешно выброшенные, необходимых данных не дали. Три регулярно давали сообщения о движениях мелких групп командиров и бойцов 2-й ударной армии в тылу противника, но о Власове — ничего.

Искали Власова и партизаны. Искали Власова и немцы.

«На что мог надеяться Власов, обладавший незаурядной внешностью и ростом 196 сантиметров, к тому же знавший, что его ищут и наши, чтобы уберечь от пленения, и немцы, контролирующие радиозфир? — задавался вопросом В.О. Богомолв. — Он прятался от немцев, даже находясь на захваченной ими территории, пока 12 июля в староверческой деревушке Туховежи в момент обмена ручных часов на продукты у местной жительницы его и шеф-повара Воронову не заметил и не задержал деревенский староста, доложивший об этом немецкому офицеру, оказавшемуся там случайно. Все факты и документы говорят, что Власов, если бы хотел, мог перейти на сторону немцев на две недели раньше, все имеющиеся материалы свидетельствуют, что по крайней мере эти две недели Власов прятался и скрывался как от своих, так и от немцев...»

Мария Воронова рассказала:

«Примерно в июне 1942 г., под Новгородом, нас немцы обнаружили в лесу и навязали бой, после которого Власов, я, солдат Котов и шофер Погибко вырвались в бегое, перешли его и вышли к деревням. Погибко с раненым бойцом Котовым пошли в одну деревню, а мы с Власовым пошли в другую. Когда мы зашли в деревню, названия ее не знаю, зашли мы в один дом, где нас приняли за партизан, местная “самооборона” дом окружила,

и нас арестовали. Нас посадили в колхозный амбар, а на другой день приехали немцы, предъявили Власову вырезанный из газеты его портрет в генеральской форме, и Власов был вынужден признаться, что он действительно генерал-лейтенант Власов».

Несколько иначе поведал о пленении Власова К.А. Токарев: «Власова случайно “нашел” староста русской староверческой деревушки. Он задержал высокого человека в очках и гимнастерке без знаков различия, в стоптанных сапогах, и его спутницу — они в деревне меняли ручные часы на продукты. Староста запер их в сарае и сообщил об этом немцам. Власова со спутницей в тот же день — это было 12 июля — отправили к командующему 18-й немецкой армией генералу Линдеманну. Староста за проявленную им бдительность получил от немецких властей вознаграждение — корову, 10 пачек табаку, две бутылки тминной водки и почетную грамоту».

А вот что рассказал бывший начальник связи 4-й германской аиадивизии капитан Ульрих Гард: «Власов в одежде без знаков различия скрывался в баньке близ деревни Мостки, южнее Чудова. Его обнаружил староста деревни и сообщил проезжавшему через деревню немецкому офицеру. Когда открыли дверь и командовали “руки вверх!”, Власов крикнул: “Не стреляйте, я генерал Власов — командующий второй ударной армией”».

Сомневаться в достоверности всех этих источников нет оснований, они различаются лишь незначительными деталями.

14 июля 1942 года пленного генерала Власова доставили на автомашине на станцию Сиверская к командующему германской 18-й армией генерал-полковнику Линдеманну.

Сначала Власова отправили в Летцен, а потом уже в Винницу, где находились Ставка верховного командования германской армии и лагерь военнопленных, представляющих особый интерес для Верховного штаба сухопутных сил (ОКХ).

Винницкий лагерь «Проминет» находился в ведении разведотдела германской армии.

Сначала в лагере оказались Власов и военнопленный полковник Боярский — бывший командир дивизии, а затем стали прибывать другие военнопленные. К концу июля их насчитывалось около 100 человек.

В Винницком лагере немцы вели работу по разложению военнопленных и привлечению их к службе в германской армии. Хозяином здесь являлся начальник «Группы III» (трофейный пункт) отдела генерального штаба «Иностранные войска Востока (ФХО)» при ОКХ, руководимого генерал-майором Рейнхардом

Геленом, — полковник генерального штаба барон Алексис фон Ронне. Уроженец Курляндии, барон хорошо владел русским языком, как и все сотрудники группы — прибалтийские и русские немцы: инженеры, пасторы, адвокаты, коммерсанты, профессора, музыканты, журналисты и учителя. Люди высокообразованные, опытные. Комендантом лагеря был пожилой немец из США, не понимавший по-русски.

По прибытии в лагерь Власов отказался выйти на проверку вместе с пленными солдатами, настаивая, чтобы проверка офицеров проводилась отдельно. И порядок проверки был изменен. Возможно, что данный факт чрезвычайно понравился немецким хозяевам, так как подобные претензии очень не походили на представителя Рабоче-крестьянской Красной армии. А слова Власова «если вы хотите таким манером завоевать и переделать мир, то вы заблуждаетесь», видимо, понравились еще больше. Даже «американский» комендант заулыбался.

Ежедневно Андрей Андреевич должен был отвечать на вопросы немецких офицеров. Их было двое, а третий унтер-офицер отстукивал на машинке протоколы.

Из показаний А.А. Власова на допросе 25 мая 1945 года: «Первым ко мне стал обращаться майор Сахаров, который, находясь уже на службе у немцев, предлагал мне взять в свое подчинение воинскую часть из военнопленных Красной армии и начать борьбу против советской власти. Позже меня и полковника Боярского вызвали к себе представители разведотдела при Ставке верховного командования германской армии полковник Ронне и отдела пропаганды верховного командования Штрикфельд, которые заявили, что на стороне немцев уже воюет большое число добровольцев из советских военнопленных и нам следует также принять участие в борьбе против Красной армии.

Я высказал Ронне и Штрикфельду мысль, что для русских, которые хотят воевать против советской власти, нужно дать какое-то политическое обоснование их действиям, чтобы они не казались наемниками Германии. Ронне ответил, что немцы согласны создать из русских правительство, к которому перейдет власть после поражения советских войск. Я заявил Ронне, что подумую над его предложением и позже дам ответ.

После этой беседы 10 августа 1942 г. в лагерь приехал советник министра иностранных дел Германии Хильгер — бывший советник германского посольства в Москве, свободно владеющий русским языком, который, вызвав меня к себе, спросил, согласен

ли я участвовать в создаваемом русском правительстве и какие в связи с этим у меня имеются предложения.

Высказав Хильгеру мысль о том, что надо подождать конца войны, я тем не менее стал обсуждать с ним, какие территории Советского Союза следует передать Германии. Хильгер говорил, что Украина и Советская Прибалтика должны будут войти в состав Германии».

Здесь Власов несколько путает события. Вот что значит в «Записке о допросах военнопленных советских офицеров» Хильгера: «7 августа 1942 г. военные организации доставили мне возможность побеседовать с военнопленными советскими офицерами.

Это были:

1. Генерал Андрей Власов, командующий советской армией, уничтоженной нашими в Волховском котле.

2. Полковник Владимир Боярский, командир одной из советских дивизий, взят в плен под Харьковом 25.V.42.

3. Полковой комиссар Иосиф Кернесс, перешел на нашу сторону под Харьковом 18.VI.42.

Подробности бесед приведены ниже.

1. Генерал Власов родился в 1901 г. в Центральной России. Он производит впечатление сильной и прямой личности. Его суждения спокойны и обдуманно. По вопросу о намерении Сталина напасть на Германию Власов заявил, что такие намерения, несомненно, существовали. Концентрация войск в районе Львова указывает на то, что удар против Румынии намечался в направлении нефтяных источников. Собранные в районе Минска соединения были предназначены для того, чтобы принять на себя неизбежное контрнаступление немцев.

К немецкому наступлению Красная армия подготовлена не была. Несмотря на все слухи о проводимых Германией соответствующих мероприятиях, в Советском Союзе никто не верил в такую возможность. При подготовке русские имели в виду только собственное наступление, на оборонительные мероприятия не обращали внимания. Эти обстоятельства, а также «идиотское» руководство явились причиной первых крупных поражений. Сталин считает себя великим полководцем и думает, что знает все лучше, чем другие.

Военное руководство состоит из посредственностей, среди которых Тимошенко лучше, чем другие. Ворошилов бездарен, Шапошников стар и истрепан, Мережков безграмотен.

Генерал Власов в последний раз видел Сталина в марте на совещании в Кремле, во время которого он сделал несколько бес-

тактных замечаний по адресу двух полководцев Красной армии (Кирпоноса и Жукова). Однако никто не осмелился возразить ему.

В течение своей 22-летней военной карьеры генерал Власов продвигался по службе с трудом, так как окончил духовную семинарию и был принят в партию только в 1930 г. Несмотря на свое высокое положение в Красной армии, он в глубине души никогда не мог согласиться с существующей в Советском Союзе политической системой и методами ее властителей. Ход войны и сделанные Сталиным ошибки окончательно открыли ему глаза на то, что существующая система ведет страну в пропасть. Несмотря на это, Власов не допускает, что Красная армия уже разбита, а Советское правительство в связи с потерей важных индустриальных и сельскохозяйственных областей не окажет больше никакого сопротивления. Власов, видимо, действительно убежден в том, что ни сила Красной армии, ни экономический потенциал Советского Союза еще до конца не исчерпаны. Несмотря на то что Власов знает о бедственном положении в области снабжения продовольствием и о растущей усталости населения в связи с войной, он считает, что Сталин никогда не сдастся и не будет свергнут изнутри.

Проводимой Советским правительством пропаганде удалось добиться того, что каждый русский уверен в том, что Германия хочет уничтожить Россию и свести ее на положение колонии. По его мнению, сила сопротивления русского народа может быть сломлена только указанием на то, что Германия не преследует подобных целей и намерена предоставить России и Украине существование в форме протектората. На этой основе многие русские военнопленные вступят под руководством Германии в борьбу против ненавистного сталинского режима.

Для него, Власова, а также для большинства военнопленных советских офицеров победа Германии предоставляет предпосылку для дальнейшего существования, в то время как со стороны Советского правительства их ожидает только смерть. Они не мечтают ни о чем другом, кроме падения Советского правительства и победы германского оружия. С другой стороны, они не могут себе представить, чтобы эта победа могла быть достигнута посредством только немецких военных сил.

В связи с этим генерал Власов и особенно полковник Боярский высказали преувеличенные представления о военных и экономических возможностях США и Англии. Это представление является прямым следствием соответствующей советской пропаганды и

является показательным в смысле того, как интенсивно действует эта пропаганда даже на расположенные к критике натуры.

Чтобы добиться победы над Сталиным, нужно, по мнению обоих офицеров, ввести в бой против Красной армии русских военнопленных. Ничего не подействует на красноармейцев более сильно, чем выступление русских соединений на стороне немецких войск. Для осуществления этого необходимо создание соответствующего русского центра, призванного для того, чтобы рассеять царящие в широких кругах и среди командования Красной армии опасения относительно намеченных Германией целей войны, а также для того, чтобы убедить эти круги в беспечности дальнейшего сопротивления и тем самым помешать Сталину продолжать войну. На обломках Советского Союза возникнет новое русское государство, которое в тесном союзе с Германией и ее вождями будет работать над созданием нового порядка в Европе.

Он ясно сказал советским офицерам, что не разделяет их убеждений. Россия в течение ста лет являлась постоянной угрозой Германии, вне зависимости от того, было ли это при царском или при большевистском режиме.

Германия вовсе не заинтересована в возрождении русского государства на великорусской основе.

Советские офицеры возразили, что между самостоятельным русским государством и колонией имеются еще различные промежуточные решения, как, например, создание доминиона, протектората с временным или постоянным введением оккупационных войск. В настоящее время решающим является вопрос относительно того, возможно ли освободить русских от представления, будто Германия намерена превратить их в колонию, а их самих в рабов. Пока живы подобные опасения, сопротивление Красной армии будет продолжаться, пока не будут исчерпаны имеющиеся в ее распоряжении средства.

На замечание, что указанные средства уже на исходе, оба офицера заявили, что Германия не имеет правильного представления о военно-экономических возможностях Урала и Сибири. Недостаток в бакинской нефти, по их убеждению, будет возмещен добычей нефти между Уралом и Волгой, причем ее будет вполне достаточно для ведения оборонительной войны.

Генерал Власов и полковник Боярский изложили вышеприведенные соображения в меморандуме, который был представлен в мое распоряжение полковником генштаба фон Ронне».

То, что Власов говорил о намерениях Сталина напасть на Германию, не более чем личное мнение Андрея Андреевича. Весной

45-го на допросе следователю он же признавался в сообщении немцам откровенной неправды, стараясь придать себе больший вес «знанием секретной информации». Собственно, откуда мог знать такие подробности командир корпуса?

Лично я глубоко сомневаюсь в истинных намерениях Власова в отношении использования против Красной армии русских военнопленных. Это не более чем торговля: Власов пытался заинтересовать своих хозяев, поучая министерство иностранных дел фашистской Германии. Разве он не понимал, что Германия изначально воюет против России не с целью возрождения русского государства? А борьба с большевиками — не более чем обыкновенная пропаганда?

Самое главное в вышеприведенной записке и, на мой взгляд, искреннее заявление, сделанное Власовым, выглядит следующим образом: «Для него, Власова, а также для большинства военнопленных советских офицеров победа Германии представляет предпосылку для дальнейшего существования, в то время как со стороны Советского правительства их ожидает только смерть». Таким образом, речь идет о собственной жизни Андрея Андреевича. А так как он ею дорожит особенно, то ему ничего не остается, как работать на немцев.

В Виннице по приказу полковника фон Ронне с Власовым встретился капитан Штрик-Штрикфельдт. Несколько слов об этом офицере германской армии.

Вильфрид Карлович родился в 1897 году в Риге и был старше Власова всего на четыре года. В 1915 году он окончил гимназию в Петербурге. До конца Первой мировой войны служил офицером в русской армии. С 1918 по 1920 год участвовал в Белом движении. Затем четыре года работал по мандату Международного Красного Креста и Нансеновской службы по оказанию помощи голодающим в России. С 1924 по 1939 год представлял в Риге германские и английские предприятия. С 1941 года — переводчик и офицер вермахта.

О первой встрече с Власовым капитан Штрик-Штрикфельдт вспоминал: «Власов произвел на меня положительное впечатление своей скромностью и в то же время сознанием собственного достоинства, своим умом, спокойствием и сдержанностью, а особенно той трудно определяемой чертой характера, в которой чувствовалась скрытая сила его личности. Это впечатление еще усиливалось всей его внешностью: бросающимся в глаза ростом худого широкоплечего мужчины, внимательным взглядом через толстые стекла очков, звучным басом, которым он не спеша, чет-

ко излагал свои мысли. Иногда в его словах проскальзывали нотки легкого юмора. Он рассказывал мне о своей жизни».

Андрей Андреевич, как известно, очень любил поговорить, пофилософствовать. Бесспорно, сказывалось и его духовное образование. При этом он часто выдавал желаемое за действительное. Например, он рассказывал Вильфриду, что за короткое время стал командиром полка. Но это не более чем вымысел, что называется, «от автора».

Основной стержень в данной беседе — это прозрение Власова в плену. Это отметил Штрик-Штрикфельдт: «Первоначальное недоверие Власова рассеялось благодаря тактичному обращению с разбитым противником со стороны немецких офицеров и рыцарскому отношению его врага в боях у Волхова генерал-полковника Линдемманна. Этим подтвердилось то, во что он, в сущности, хотел верить: что немцы были не чудовищами, а людьми и, как солдаты, уважали противника...»

При следующем моем посещении генерала Власова я должен был много рассказывать ему о Германии. Его интересовало все. Но прежде всего он хотел знать больше о германских целях войны. Надо сказать, что знал он уже поразительно много».

Вскоре капитан поставил решающий вопрос пленному генералу: «Не является ли борьба против Сталина делом не одних только немцев, но также, и в гораздо большей степени, делом русских и других народов Советского Союза?» Власов задумался. Потом он рассказал мне о долголетней борьбе за свободу, которую вели крестьяне и рабочие, офицеры и студенты, мужчины и женщины. А мир наблюдал и молчал. Из экономических и иных корыстных побуждений с советской властью, держащейся на крови, заключались договоры и союзы. «Может ли все это одобрить народ, чтобы он взял в свои руки свою судьбу?» — спросил он.

Вопрос на вопрос — показатель сомнения. Видимо, у Власова оно еще было. С одной стороны, Власов считал: «В Советском Союзе не только народные массы, но и многие военные, даже ответственные работники, настроены хотя и не против советской системы, но против Сталина. Террор подавляет в России всякую попытку к созданию организованного движения сопротивления».

С другой стороны, он спрашивал: «И как вы представляете себе практическое участие русских в борьбе против Сталина?»

Снова вопрос на вопрос!

Штрик-Штрикфельдт: «Я сказал, что мы сами в начале похода верили в освободительную войну, в освобождение России от

большевизма. Я говорил о бедственном положении военнопленных, которое, к сожалению, нам изменить не удалось. Я сказал ему и о том, что вожди национал-социалистов одержимы высокомерием, а потому слепы и не склонны разработать разумную политическую концепцию. Следствие этого прежде всего катастрофическое положение 50—70 млн людей в занятых областях. Позиция же германского офицерского корпуса иная».

— Что же все-таки мы можем сделать? — спросил Андрей Андреевич. — И что думает об этом ваш фюрер?

— Ну, фюрер, к сожалению, все еще окружен пораженными слепотой людьми. Но фельдмаршалы и крупные офицеры здесь, в генеральном штабе, делают что могут в сторону изменения политических целей войны и пересмотра наших отношений к русскому народу. Готовы ли вы сотрудничать с теми, кто хочет бороться против Сталина?

— Против Сталина — да! Но за что и за кого? И как?

— Сотни тысяч русских уже помогают немцам в этой войне против Сталина, многие даже с оружием в руках. Но у них нет своего лица.

— Дадут ли нам офицеры, о которых вы говорите, возможность выставить против Сталина русскую армию? Не армию наемников. Она должна получить свое задание от национального русского правительства. Только высшая идея может оправдать выступление с оружием в руках против правительства своей страны.

В конце разговора капитан Штрик-Штрикфельдт попросил изложить свои мысли в письменной форме. При этом в своей книге «Против Сталина и Гитлера» он отметил: «Момент был благоприятный: начальник генерального штаба Гальдер ждал от Гелена возможно более полной информации, исходящей из советских офицерских кругов, о реакции в Красной армии на только что проведенное упразднение института комиссаров».

В общем — обыкновенная работа разведки.

При разговорах с Власовым иногда присутствовал пленный полковник Владимир Ильич Боярский, который в отличие от Власова был настроен более резко антисталински.

Андрей Андреевич часто советовался с ним. В результате обсужденных в беседах соображений они подготовили доклад в виде плана. В своих воспоминаниях Штрик-Штрикфельдт написал: «Набросок плана был хорош, но, увы, слишком многословен. Из моего опыта я уже знал, что “пруссакам” следует все давать в сжатом, сухом изложении».

После получения указаний начальника Ронне Вильфрид Карлович добросовестно сократил и переработал доклад, который получил чисто немецкое название «меморандум».

Вот выдержки из него:

«1. Правительство Сталина в связи с потрясающими военными поражениями, нанесенными немецкими войсками, а также в силу его неспособности организовать военные действия и тыл (например, голод в стране, расстройство народного хозяйства) потеряло свою популярность среди населения и особенно в армии...

2. В ведущих кругах армии и народа все яснее пробуждается сознание бесполезности и бесперспективности дальнейшего ведения войны, которое приводит лишь к уничтожению миллионов людей и разрушению материальных ценностей...

3. Офицерский корпус Советской Армии, особенно попавшие в плен офицеры, которые могут свободно обмениваться мыслями, стоят перед вопросом: каким путем может быть свергнуто правительство Сталина и создана новая Россия. Всех объединяет желание свергнуть правительство Сталина и изменить государственную форму...

4. Сталин, используя особенности России (бесконечные просторы, огромные потенциальные возможности) и патриотизм народа, поддерживаемый террором, никогда не отступит и не пойдет на компромисс. Он станет вести войну, пока не будут исчерпаны все силы и возможности...

5. Если принять во внимание миллионное население оккупированных областей и огромное количество военнопленных и учесть их враждебное отношение к правительству Сталина, то можно допустить, что эти людские массы составят ядро внутренних сил, которые под руководством Германского правительства ускорят давно назревающее возникновение нового политического порядка в России, что должно произойти параллельно осуществляемому немцами созданию новой Европы... Исходя из вышеизложенного, мы передаем на ваше рассмотрение следующее предложение:

— Создать центр формирования русской армии и приступить к ее созданию.

— Независимо от своих военных качеств эта русская армия придаст оппозиционному движению характер законности и одним ударом устраним ряд сомнений и колебаний, существующих в оккупированных и неоккупированных областях и тормозящих дело создания нового порядка.

— Это мероприятие легализует выступление против России и устранил мысль о предательстве, тяготящую всех военнопленных, а также людей, находящихся в неоккупированных областях...

Бывший командующий 2-й армией

Генерал-лейтенант Власов

Бывший командир 41-й стрелковой дивизии

Полковник Боярский

Винница 8.8.1942 г.».

Полковник Ронне остался вполне доволен докладом. Он несколько раз беседовал с Власовым и в заключение процесса вербовки сказал Штрик-Штрикфельдту: «В случае совместной работы с русскими я отдал бы генералу Андрею Андреевичу Власову предпочтение перед всеми другими».

И что бы ни говорили кураторы Власова, а потом и историки об этом предпочтении, ясно одно: в целях немецкой пропаганды фигура Власова была наиболее приемлемой и целесообразной.

Среди военнопленных советских генералов Власов имел самую высокую должность — заместителя командующего фронтом и звание «генерал-лейтенанта». Таких чинов у немцев были единицы.

Внешний облик Власова: рост, заметная худощавая фигура, народные корни и духовное образование. Умение говорить и говорить много, философствуя. Знание народа, народной жизни. Умение преподнести себя, умение поторговаться. Независимость... На все это и было обращено внимание немецких хозяев. По их единодушному мнению, глава Русского освободительного движения должен быть именно таким.

Интересно, что бы они подумали, если бы прочитали одно из его писем жене с фронта: «Пиши, что тебе необходимо. Пришлю посылкой. У меня все есть, обо мне не беспокойся. Одет я очень тепло. Шуба, кожанка, валенки — все есть, не беспокойся. Кормят очень хорошо. Вообще наша жизнь теперь стала веселее — главное, бьем фашистов и гоним их без оглядки. Прошли уже те времена, когда они считали себя непобедимыми. Сейчас так удирают, что не поспеваем иногда их догнать. Посмотрела бы ты, как они одеты — в женские платья, панталоны, чулки, шубки и в другое разное барахло (11.12.42 г.)».

Несколько слов о Боярском (Баерском Владимире Геляровиче). Владимир Ильич был ровесником Власова. Поляк по национальности, он родился в 1901 году в селе Киевской губернии. В 1922 году окончил рабфак. В Красной армии с 1920 года. Вес-

ной 1922 года зачислен курсантом на 4-е пехотные курсы, а в 1923-м — курсантом во 2-ю пехотную школу в Тифлисе.

В 1925 году — слушатель высших стрелково-тактических курсов усовершенствования комсостава РККА в Москве. Затем командир роты. С декабря 1928 года — помощник командира батальона, с октября 1929 года — командир батальона, с января 1930-го — помощник начальника штаба полка. В июле 1930 года — начальник штаба. Осенью 1932 года временно исполнял должность командира полка.

С 1934 года — слушатель Военной академии имени Фрунзе. В 1937 году — преподаватель на курсах «Выстрел», майор. Осенью 1938 года приказом НКО СССР № 1621 уволен в запас. Весной 1939 года призван из запаса и назначен помощником начальника штаба дивизии.

С лета 1940 года — заместитель начальника штаба стрелково-го корпуса, подполковник. В 1941 году — полковник, начальник оперативного отдела стрелкового корпуса. С 26 марта — начальник штаба корпуса. 13 сентября 1941 года назначен командиром 41-й стрелковой дивизии. Весной 42-го дивизия была отправлена на фронт и разбита. В плену с 25 мая, где принял псевдоним «Владимир Ильич Боярский». Приказом ГУК НКО СССР № 0627 — 43 года объявлен пропавшим без вести.

После меморандума его освободили из лагеря и 1 сентября назначили командиром экспериментальной части РННА в группе армий «Центр» в районе Смоленска для воплощения в жизнь идеи формирования русской армии. А Власова 17 сентября привезли в Берлин, в так называемый «штаб» русских сотрудников отдела пропаганды Верховного командования на Викториаштрассе, 10.

Как говорится, процесс пошел! 1 сентября Боярский принял под свое командование Русскую национальную народную армию. Начальником организационно-пропагандистского отдела штаба РННА был назначен бывший бригадный комиссар РККА Г.Н. Жиленков (17 августа 1942 г.).

Жиленков Георгий Николаевич родился в 1910 году в Воронеже. Русский. Из крестьян. Член ВКП (б) с 1929 года. С 1925 по 1929 год работал подручным слесаря и слесарем. С августа 1929 года на комсомольской работе. С февраля 1930 года — заведующий производственным сектором Воронежского ОК ВЛКСМ. В 1931 году окончил индустриально-технический техникум в Москве. С октября по февраль 1934 года — ответственный секретарь партийного комитета техникума. С февраля по июль 1938 года — директор ФЗУ завода «Калибр», затем секретарь парткома этого

завода. С января 1940 года — 2-й секретарь Ростокинского РК ВКП (б) Москвы. 16 апреля 1939 года награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В июне 1941 года — член Военного совета 32-й армии, бригадный комиссар. 14 октября взят в плен под Вязьмой. Скрыл должность, звание, фамилию. До мая 1942 года служил шофером в транспортной колонне 252-й пехотной дивизии вермахта под фамилией Максимов. 23 мая выдан лесником Гжатского лесничества и арестован. На допросах дал правдивые показания и высказал желание бороться против советской власти. Переведен в Берлин в отдел пропаганды особого назначения, где находился до августа.

При Жиленкове и Боярском численность РННА выросла до 8000 человек. Некоторые батальоны были сведены в полки, и РННА расширилась до бригады. Жиленков организовал собственную газету «Родина» и библиотеку. Осенью 1942 года части бригады использовались для ведения антипартизанских операций. В районе Березино проверялась боевая выучка двух батальонов, а чуть позже под Великими Луками три батальона РННА прорывали кольцо советского окружения. Все они не смогли выполнить поставленные перед ними задачи. Более того, были рассеяны и практически полностью уничтожены советскими частями.

В октябре 1942 года РННА посетил генерал-фельдмаршал фон Клюге и приказал разоружить бригаду, всех переодеть в немецкую форму, разделить на отдельные батальоны и передать вермахту. Боярский с Жиленковым отказались выполнить этот приказ, за что были арестованы и отправлены в Берлин. Той же ночью 300 человек с оружием в руках ушли в лес к партизанам. По факту неповиновения было проведено расследование, и «недоразумение» выяснилось. Оружие бойцам вернули, а командиром бригады назначили начальника штаба РННА майора Рилья.

Риль Рудольф Фридрихович (он же Кабанов Владимир Федорович). Родился в 1907 году в Самаре. Немец. Из служащих. В 1921 году окончил сельскую школу, в 1925 году — семилетнюю школу. Член ВКП (б) с 1931 года. В РККА с 1928 года — курсант полковой школы младшего командного состава артиллерийского полка, курсант Московской артиллерийской школы. С сентября 1933 года по март 1934 года обучался на вечернем отделении комвуза. С 1934 года курсовой командир школы. С 1935 года — помощник командира батареи школы. В 1936 году — старший лейтенант, слушатель Военной академии имени Фрунзе. В 1938 году — капитан.

В 1939 году окончил академию и был назначен помощником по строевой командира полка, затем начальником штаба корпусного артиллерийского полка. Помощник командира по строевой части. В 1940 году — майор, начальник 1-го (оперативного) отдела артиллерийского управления Уральского ВО. 14 сентября 1941 года — начальник оперативного отделения артиллерийского управления 22-й армии Западного фронта. В плену с осени 1941 года. С конца года — сотрудник одного из подразделений абвера в Витебске.

В ноябре 1942 года на сторону партизан перешло еще 600 человек из РННА. Риль был отстранен от должности и арестован. Так перестала существовать РННА, а эксперимент не удался. Личный состав переделали в немецкую форму и переименовали в 700-й добровольческий полк. Сначала он участвовал в боях с партизанами в районе Шклова и Могилева, а в 1943 году был переброшен во Францию.

В конце августа 1942 года капитан Штрик-Штрикфельдт приехал в Берлин.

«Так называемый штаб русских сотрудников отдела Военной пропаганды (ВПр) ОКВ находился на Викториаштрассе, 10, в помещениях отдела, но под замками и запорами, — вспомнит он поразившую его картину. — Решетки на окнах, убогие деревянные топчаны, на них мешки с соломой. Запрет выхода в город. Вечером запирались и двери комнат. Я был потрясен: значит, даже ОКВ в Берлине не смог добиться для своих работников ничего лучшего. Скучную еду приносили ежедневно из какой-то столовой на Потсдамерплац, а солдаты из охраны часто добавляли кое-что из собственного пайка, чтобы несколько улучшить питание русских. Они считали, что тот, кто работает с нами, должен быть, по крайней мере, сыт. Не были ли они лучшими политиками, чем их высокое начальство?

Старший лейтенант Дюрксен дружественно встретил меня. Моим непосредственным начальником стал капитан Гроте. Начальником отделения ВПр/IV, к которому принадлежали Гроте и Дюрксен, а теперь и я, был полковник Марти».

Капитан Николай фон Гроте происходил из балтийских немцев. По профессии журналист, он с началом войны стал сотрудником отдела армейской пропаганды.

Старший лейтенант Дюрксен был чистокровным немцем. Именно он по приказанию отдела пропаганды ОКВ был командирован ОКХ с целью уговорить Власова подписать листовку, которую Гроте должен был размножить и организовать ее рас-

пространение за линией фронта. Идея была такова, что если эта листовка увеличит число перебежчиков, то, значит, ОКХ и отдел пропаганды не зря едят свой хлеб. Эта листовка и стала для Власова дорогой в Берлин.

Еще до приезда Дюрксена полковник фон Ронне спрашивал Власова:

— Готовы ли вы подписать обращение к Красной армии, призывающее солдат прекратить сопротивление и переходить на германскую сторону?

Сначала Андрей Андреевич категорически отказался. Но это диктовала не его совесть, а трезвый расчет. Ведь был уже меморандум — первый шаг.

А Ронне продолжал упрашивать Власова:

— Вы поймите, без явных успехов трудно заставить начальство согласиться на следующий шаг. Этот явный успех в глазах высшего командования был бы очевиден из роста числа перебежчиков после вашего призыва к красноармейцам.

— Они будут переходить и без моего призыва нарушить свой долг, — немного помолчав, заметил Власов.

Возможно, Власов боялся продешевить. Нужно было поломаться.

После Ронне к уговорам Власова приступил Штрик-Штрикфельдт:

— Генерал, ваше обращение нужно нам, чтобы доказать политикам, что офицеры и солдаты Красной армии готовы слушать вас и следовать за вами, как за русским и патриотом. Когда они это поймут, мы приблизимся к нашей цели. А до тех пор, дорогой Андрей Андреевич, нам не остается ничего иного, как идти тернистым путем борьбы против Сталина и против...

— Против этих слепых идиотов вокруг Гитлера.

— Совершенно верно!

— Здесь все совсем иначе, чем в Москве! Вы берете на себя ответственность и действуете по вашей совести. Такое у нас немыслимо. Малейший намек диктатора — и все падают ниц.

— Так вы поможете нам? — решительно спросил Вильфрид Карлович.

Власов попросил сутки на размышление, и первая листовка появилась. Текст был составлен Боярским и дополнен Власовым.

Штрик-Штрикфельдт вспоминал: «В своем заношенном обмундировании военнопленных с большими буквами “SU” на спине русские “сотрудники” ОКВ могли выходить в город лишь

строем в сопровождении конвоя. Власов отказался участвовать в этих “прогулках” для увеселения гуляющих в Тиргартене берлинцев. Он оставался в своей комнате.

Время от времени этих “сотрудников” привлекали некоторые министерства для консультаций, в качестве знатоков по различным специальным вопросам (например, по сельскому хозяйству). Из этого сама собой возникла необходимость в ослаблении их изоляции. Мы решили прежде всего добыть гражданскую одежду и улучшить общие условия жизни и работы пленных».

На Викториаштрассе Власов знакомится с Мелентием Александровичем Зыковым. Ему тогда было 40 лет. О своем прошлом он рассказывал достаточно много. Но всегда по-разному. Сначала он представлялся как Милентий Евлампиевич, а чуть позже вдруг стал Мелентием Александровичем.

Во время Гражданской войны Зыков якобы был комиссаром, а после литературным критиком, преподавал в Москве в Институте имени Герцена и публиковал статьи о русской литературе XVIII века. Он же говорил, что в качестве журналиста сотрудничал в «Известиях» при Бухарине. А в качестве зятя наркома просвещения А.С. Бубнова Зыков сблизился с Н.И. Бухариным, став марксистом до мозга костей.

По словам Зыкова, Сталина он ненавидел за тот еврейский погром, который Сталин учинил в ЦК ВКП (б), в НКВД и в правительстве. После ареста и расстрела Бухарина Зыков сам загремел в лагерь. Война спасла его. Он попросился на фронт и вскоре стал батальонным комиссаром. Мало что известно и о том, как Зыков попал в плен к немцам. Вроде бы он сдался под Батайском Ростовской области в 1942 году.

В плену он успел написать меморандум о политическом аспекте военных действий, и его, кажется, заметил сам Геббельс.

Мелентия Александровича выдавали типично еврейские черты лица и упорное нежелание пользоваться общей баней. Он очень много говорил. Но, по воспоминаниям участников «Власовского движения», относиться к его словам с абсолютным доверием было нельзя, потому что неизвестно, что придумывал про себя сам Зыков, а что напутали авторы воспоминаний. Однако в одном все были убеждены: Зыков — еврей.

По одним данным, его настоящая фамилия — Мосивич, по другим — Вольпе (известный литературный критик).

Как бы то ни было, личность Зыкова до сих пор остается таинственной. По мнению Штрик-Штрикфельдта, он был человеком подкупающего ума и исключительно обширных знаний.

Однажды Власов спросил:

— Сумеет ли мы сохранить Зыкова в штабе, поскольку он, видимо, еврей?

— За безопасность Зыкова поручился Гроте, которому подчиняется «штаб русских сотрудников». Но когда будет сформировано наше собственное русское воинское соединение и начальником станете вы, то нам вместе придется отстаивать Зыкова, — ответил Вильфрид Карлович.

— Зыков — единственный такой из всех, встреченных здесь мною до сих пор; второго Зыкова мы так легко не найдем. Да и в Советском Союзе мало людей такого калибра — всех их отправил на тот свет товарищ Сталин.

Приступая к созданию так называемого «своего штаба», Власов вместе со Штрик-Штрикфельдтом посетили ряд лагерей военнопленных в ближайших окрестностях Берлина.

Вильфрид Карлович вспоминал: «При наших посещениях лагерей военнопленных мы видели, что настроение было подавленное. Советские генералы в большинстве своем становились просоветскими, вернее, стали думать в отчетливо национально-русских категориях. Во всяком случае, враждебность к немцам росла. Разочарованы и озлоблены были те офицеры, которые, попав в плен, еще год назад были готовы бороться против коммунистической диктатуры на стороне немцев...

Власов ездил из лагеря в лагерь и спрашивал, спрашивал. Лишь немногие генералы сами узнавали Власова. Остальным он скромно называл свое имя. Свои разговоры с пленными товарищами он обычно начинал со слов о долге помочь, по добровольному решению, страдающим соотечественникам. При этом он подчеркивал, что это служение народу становится тем более высшим долгом бывших советских штаб-офицеров, что национал-социалисты следят за всем с недоверием и стараются подавить каждое проявление этого осознанного долга. В такой тяжелой обстановке надо помогать друг другу и быть примером. Это были простые и в то же время необычные слова...»

В Берлинском лагере, так называемом «штабе Власова», при отделе пропаганды состоялось знакомство Власова с генералом Малышкиным, который пошел на сотрудничество после заверений Власова, что он не получает от немцев никаких субсидий:

— Я — русский, один из миллионов пленных. Я не изменник, что бы Сталин ни говорил о военнопленных. Я люблю свой народ и хочу ему служить. Я могу это делать, только выступая за свободу и благополучие каждого. Пока что я больше ничего не

могу. Я могу достичь каких-то успехов в борьбе за улучшение положения в лагерях военнопленных, если я твердо встану на защиту свободы и человеческого достоинства русского человека. Я не немецкий наемник! Многие немецкие офицеры искренне хотят помочь русским людям. Они предложили мне поддержку. Я решил сотрудничать с ними. Будущее покажет, что надо делать дальше.

Малышкин Василий Федорович, родился в 1896 году, русский, из служащих. С 1908 по 1916 год учился в гимназии. В 1916 году рядовой запасного пехотного полка. В 1917 году учился в Чугуевском военном училище. Прапорщик. Участник Гражданской войны. В 1918 году дважды ранен. Награжден орденами Красного Знамени и «Знак Почета». Член ВКП (б) с 1919 года.

Командир роты, батальона, помощник командира полка. До 1924 года — командир стрелкового полка. Учился в Военной академии РККА, по окончании которой был назначен начальником штаба дивизии в Могилеве. В октябре 1930 года — начальник штаба курсов усовершенствования комсостава «Выстрел».

С ноября 1931 года — начальник сектора Управления военно-учебных заведений. С декабря 1933 года — начальник пехотной школы в Киеве. В мае 1935 года назначен военным комиссаром и командиром 99-й стрелковой дивизии. С декабря 1936 года — заместитель начальника штаба ЗабВО. С августа 1937 года — начальник штаба 57-го особого корпуса в Улан-Удэ.

9 августа 1938 года он был арестован как «враг народа». На следствии признал себя виновным, но на заседании суда от своих показаний отказался. Реабилитирован в декабре 1939 года и назначен старшим преподавателем в Академию Генерального штаба. С 12 июля 1941 года комбриг Малышкин — начальник штаба 19-й армии Западного фронта.

В октябре 41-го ему было присвоено звание «генерал-майор». 24 октября в окружении под Вязьмой, во время ночевки у костра, взят в плен. В этот момент был одет в гражданскую одежду и представился рядовым. В лагере военнопленных под Вязьмой был опознан и выдан одним из сотрудников штаба.

Находился в лагерях под Смоленском, в Фюрстенберге на Одере. В плену голодал, перенес дизентерию и тиф, испытал на себе жестокое обращение немцев.

...Работать с Власовым согласился и генерал Благовещенский.

Благовещенский Иван Алексеевич родился в 1893 году, русский, из семьи священника. В 1914 году окончил Виленское пе-

хотное училище. Участвовал в Первой мировой — штабс-капитан. Участник Гражданской войны. Член ВКП (б) с 1921 года.

В 1924—1926 годах — помощник начальника курса Военно-морского училища им. Фрунзе. С 1926 года — начальник курса. С 1929 года — начальник строевого отдела ВМУ им. Дзержинского. С 1931 года — преподаватель ВМУ связи. В мае 1934 года окончил вечернее отделение Военной академии им. Фрунзе. 2 декабря 1935 года — присвоено звание «майор». С 1936 года — начальник штаба Южно-Кавказского УРа Черноморского флота, с 1938 года — начальник курсов усовершенствования командного состава запаса Черноморского флота. 4 марта 1938 года Благоещенскому присвоено звание «полковник». 10 июня 1939 года он награжден орденом Красного Знамени, а 3 ноября ему присвоено воинское звание «комбриг».

С 1939 по 1940 год — он начальник учебно-строевого отдела штаба учебного отряда подводного плавания в Ленинградском ВМУ им. Кирова. В 1940—1941 годах — начальник курсов подготовки начсостава. В апреле 1941 года — начальник училища ПВО ВМФ в Либаве, с 21 мая — генерал-майор береговой службы. В конце июня — начальник обороны северо-восточного участка блокированной Либавы.

6 июля при попытке выйти из окружения взят в плен. Доставлен в Шяуляй, а затем этапирован в Тильзитский лагерь военнопленных. С конца июля содержался в офлаге XIII-D в Хаммельбурге. Пошел на сотрудничество с немцами добровольно. Подписал обращение к германскому командованию о создании боевых частей из военнопленных. В ноябре 1941 года вступил в Русскую трудовую народную партию и впоследствии являлся членом комитета этой организации и председателем партийного суда.

...25 мая 1945 года следователь спросил Власова:

«Стало быть, вы вступили на путь вооруженной борьбы против советской власти?»

Власов: Да, по предложению Штрикфельдта я написал антисоветскую листовку, в которой указал, что война проиграна Россией из-за неумелого руководства со стороны Советского правительства, которое не способно руководить страной, и призывал русский народ свергнуть это правительство. В октябре 1942 года немцы предложили мне выехать в Берлин.

Следователь: Для чего?

Власов: Для того, чтобы иметь возможность встретиться с находившимися в плену генералами Красной армии и использовать их для антисоветской работы, о чем в свое время я просил Хиль-

гера. В Берлине я был помещен в лагерь при отделе пропаганды вооруженных сил Германии. В этом же лагере находились генералы Малышкин и Благовещенский, а также бывший сотрудник редакции газеты “Известия” — Зыков.

Им я рассказал о своем намерении начать борьбу против большевиков, создать русское национальное правительство и приступить к формированию добровольческой армии для ведения вооруженной борьбы с Советской властью.

Малышкин, Благовещенский и Зыков поддержали меня и высказали свою готовность принять участие в борьбе против Советской власти, причем Зыков заявил, что он уже ведет антисоветскую работу, сотрудничая в издаваемой немцами для советских военнопленных газете “Заря”...»

В декабре 1942 года капитан Штрик-Штрикфельдт организовал встречу Власова в отделе пропаганды с генерал-лейтенантом Понеделиным, бывшим командующим 12-й армией. На предложение Власова принять участие в работе по созданию Русской добровольческой армии Понеделин наотрез отказался. Он заявил, что немцы только обещают сформировать русские части, а на самом же деле им нужно только имя, которое они могли бы использовать в целях пропаганды.

Следующая встреча была с генерал-майором Снеговым, бывшим командиром 8-го стрелкового корпуса. Он также отказался, но по другим мотивам. Снегов боялся за судьбу своих родственников, проживающих в Советском Союзе.

Штрик-Штрикфельдт отвез Власова в один из лагерей под Берлином, Власов встретился с генерал-лейтенантом Лукиным, бывшим командующим 19-й армией, у которого после ранения была ампутирована нога и не действовала правая рука.

Власов рассказывал следователю: «В присутствии немцев Лукин высказался враждебно по отношению к Советскому правительству, однако после того, как я изложил ему цель своего приезда, он наедине со мной сказал, что немцам не верит, служить у них не будет, и мое предложение не принял».

...В отделе пропаганды ОКВ служил некий Александр Степанович Казанцев, член русской эмигрантской организации НТС (Национально-трудовой союз). Сразу же после приезда Власова в Берлин он был введен в его окружение. Это не было случайностью: Казанцев считался одним из идеологов этого эмигрантского союза.

Прошли месяцы, прежде чем Штрик-Штрикфельдту и его начальникам удалось приступить к созданию «русского центра ге-

нерала Власова». Был создан «Отдел Восточной пропаганды особого назначения». Его начальником стал Вильфрид Карлович.

Отдел приравняли к батальону. Первоначальный штат предполагался из 40—50 человек, но Штрик-Штрикфельдт попросил разрешение на 1200 человек. Начальник отдела пропаганды полковник Мартин подписал бумагу.

«Отделу Восточной пропаганды особого назначения» был выделен барачный лагерь неподалеку от деревушки Дабендорф, к югу от Берлина.

Дабендорф, используемый раньше для французских военнопленных, был подчинен в области управления 3-му военному округу (Берлин), в части заданий — Отделу пропаганды ОКВ, ФХО — Гелену и «генералу добровольческих частей».

Этот лагерь, расположенный на опушке леса (с траншеями на случай воздушной бомбардировки), был маленьким барачным городком с собственным снабжением. Бюджет по русскому персоналу включал: содержание восьми генералов, 60 старших офицеров и нескольких сотен младших. Соглашение с отделом «Иностранные армии Востока» предусматривало размещение русского персонала при ста фронтовых дивизиях и специальных частях, а также назначение русского связного персонала при комендатурах лагерей военнопленных, находившихся в ведении ОКВ, в прифронтовой полосе и в Германии. В будущем штатное расписание должно было охватить 3600 плановых офицерских должностей. Штат немецкого личного состава включал 21 офицерскую должность.

Только после этого Власов и его сотрудники, а также и весь редакционный штаб на Викториаштрассе были формально освобождены из плена и переведены на бюджет Дабендорфа. А в нем разместились русская редакция, которая готовила регулярные выпуски обеих русских газет — «Заря» (для военнопленных) и «Доброволец» (для добровольцев и «хиви»).

А что было дальше? Об этом Власов рассказал на допросе советскому следователю: «В декабре 1942 г. я поставил перед Штрик-Штрикфельдтом вопрос о передаче под мое командование всех сформированных русских частей и объединении их в армию. Штрикфельдт ответил, что передача мне всей работы по формированию русских частей задерживается из-за отсутствия русского политического центра. Украинцы, белорусы, кавказцы, как заявил Штрикфельдт, имеют в Германии свои руководящие политические организации и в связи с этим получили возможность формировать свои национальные части, а поэтому и я, если

хочу добиться успеха в своем начинании, должен прежде создать какой-то русский политический центр. Понимая серьезность доводов, выдвигаемых Штрикфельдтом, я обсудил этот вопрос с Малышкиным и Зыковым, и при участии Штрикфельдта мы выпустили от себя документ, в котором объявили о создании “Русского комитета”».

Все дело в том, что план деятельности «Русского освободительного комитета в Смоленске» родился в недрах отдела Генерального штаба «Иностранные войска Востока» (ФХО). В августе 1942 года штаб группы одобрил этот план. По согласованию между отделами ФХО и ОКВ/ВПр воззвание комитета решено было отпечатать и распространить на Сталинградском фронте в количестве миллиона экземпляров. В воззвании предполагалось ясно обозначить политические цели. Прошло время, но ничего не было сделано. Получивший разрешение на издание листовки, включавшей политическую программу, капитан фон Гроте подготовил такой документ, но публикация его также не состоялась.

Тем не менее Штрик-Штрикфельдт передал его Власову. Зыков переработал все 13 пунктов, внося туда призыв к населению, а Вильфрид Карлович добился разрешения на публикацию через своего знакомого военного врача СС у министра по делам Востока Розенберга. Буквально за несколько часов ротационные машины отпечатали миллионы листовок со «Смоленским воззванием».

Оно стало третьим шагом генерала Власова на проклятом пути. В 45-м следователь спросил Власова: «Почему в написанном вами обращении указывалось, что местом пребывания “Русского комитета” являлся город Смоленск, в то время как вы находились в Берлине?»

Власов: В связи с тем, что “Русский комитет” брал на себя функции правительства России, я и Малышкин считали политически невыгодным указывать, что комитет находится на германской территории».

После выпуска воззвания Власов посетил Дабендорф, где были открыты курсы по подготовке пропагандистов для работы среди военнопленных. Русским руководителем учебной части Власов назначил сперва генерала Благовещенского, но вскоре заменил его более энергичным Трухиным.

Иван Алексеевич Трухин родился в 1896 году — в Костроме. Из дворян, русский. В 1906 году окончил начальную школу, в 1914 году — 2-ю костромскую гимназию, в 1916 году — первые

два курса юридического факультета МГУ и 2-ю Московскую школу прапорщиков. Беспартийный. В РККА — с 1918 года Участник Гражданской войны: командир отделения, командир роты. С июля 1920 года — командир батальона, а в октябре назначен командиром стрелкового полка. С января 1921 года — командир батальона, затем находился в отпуске по болезни. С августа 1921 года — командир роты на Костромских пехотных курсах. В сентябре 1922 года зачислен слушателем в Военную академию им. Фрунзе. В 1924 году награжден орденом Красного Знамени. По окончании академии, в августе 1925 года, назначен начальником штаба и исполняющим должность командира 133-го стрелкового полка 45-й стрелковой дивизии Уральского ВО. С сентября 1926 года — начальник штаба 7-й стрелковой дивизии. В январе 1931 года назначен начальником штаба 12-го стрелкового корпуса ПриВО. С февраля 1932 года — преподаватель в Военной академии им. Фрунзе, а с апреля 1934 года — начальник кафедры методики боевой подготовки. В 1935 году — полковник. В октябре 1936 года — слушатель Академии Генерального штаба. В октябре 1937 года — старший руководитель курса, с ноября 1939 года — старший преподаватель кафедры оперативного искусства.

В 1940 году присвоено воинское звание «генерал-майор». С августа — заместитель начальника 2-го отдела Управления боевой подготовки РККА. С 28 января 1941 года — начальник оперативного отдела и заместитель начальника штаба ПрибВО, с 28 июня — заместитель начальника штаба Северо-Западного фронта. Был ранен и захвачен в плен. 30 июня доставлен в сборный лагерь в Шталуленен, а затем в Хаммельсбург. В октябре дал письменное согласие на борьбу с советской властью.

Вместе с Трухиным в Дабендорф прибыли и представители НТС. Началась совместная работа эмигрантов с бывшими советскими гражданами.

А тем временем в Восточной Пруссии в Летцене было организовано учреждение генерала Восточных войск, подчиненного ОКХ. Так в рамках «германской организации» немцы попытались охватить всех «хиви» и «добровольцев».

Генералом Восточных войск по просьбе полковника Ронне был назначен генерал-майор Гельмих. Теперь все русские, украинцы, прибалтийцы, кавказцы и другие народы, находящиеся на службе у немцев, стали считаться «восточными».

Генерал Гельмих, как и большинство его офицеров, не говорил по-русски. Более того, он совершенно ничего не знал об этом народе. При первой встрече с этим генералом Власов просил о

выделении русских подразделений из немецких воинских частей и быстром сведении в национальные русские дивизии.

Власов пытался убедить Гельмиха таким доводом:

— Это то, что, может быть, еще сможет нанести Сталину смертельный удар!

Немецкий генерал соглашался на изменение наименования «восточные войска» на «добровольцы», но при этом подчеркнул, что подчинение добровольцев русскому главному командованию — дело политическое.

— Тут решают политики, — говорил он. — И я ничего не могу сделать. Моя задача — сперва учесть всех добровольцев, а затем заботиться о том, чтобы они, как каждый германский солдат, получали свое жалованье и были приравнены в правах к немецким военнослужащим.

— И когда вы думаете закончить учет и снаряжение всех добровольцев? — поинтересовался Власов.

— Несмотря на все мои усилия, я пока не получил от командиров немецких частей достоверных цифр об имеющихся у них «хиви».

После доклада Гельмиха наверх, в ОКХ, о разговоре с Власовым он получил следующий ответ как руководство к действию: «Власов должен пока что ограничиваться ролью пропагандистской фигуры для солдат Красной армии».

После официального признания «добровольцев» встал вопрос о формулировке присяги. «Русские добровольцы других национальностей, по нашему мнению, не должны были, да и не хотели присягать Третьему рейху, — говорил Штрик-Штрикфельдт. — Сошлись на том, что присяга должна приноситься своему «свободному народу и Родине». Но Розенберг требовал одновременно и присяги на верность Гитлеру. Русские спрашивали: «Почему такое требование не ставится румынам, итальянцам, венграм и другим союзникам?»

В конце концов более гибкие русские при поддержке Гроте нашли «переходную формулировку», как они ее называли, отвечающую требованиям обеих сторон: русские должны были присягать на верность русскому народу (другие национальности — соответственно своим народам), и в то же время все добровольцы скрепляли присягой подчинение «Гитлеру как верховному главнокомандующему всех антибольшевистских вооруженных сил».

Само собой разумеется, не все могли примириться и с такой формулировкой, и многие русские офицеры из лагеря Дабендорф предпочли возвратиться в лагеря военнопленных».

Отметим «многие», но не Власов. Хотя, с другой стороны, куда же ему было возвращаться, когда так много было сделано на службе новому хозяину.

После получения согласия от фельдмаршала фон Клюге Власова стали готовить к поездке на средний участок фронта. Инициатором этой акции стало Восточное министерство. Удивительно, но только теперь, после воззвания «Русского комитета» и поражения Германии под Сталинградом, особенно резко встал вопрос об укреплении фронта и обеспечении безопасности тыла. Для сопровождения Власова выделили офицера штаба генерала фон Шенкендорфа, подполковника Шубута и капитана Петерсона.

Итак, Белосток — Минск — Смоленск. Подготовку поездки взял на себя отдел пропаганды штаба группы армий «Центр», возглавляемый майором Костом. Майор даже добился разрешения в штабе группы, чтобы Власову была предоставлена радиостанция в Бобруйске для обращения к населению. Но ОКВ запретило это радиообращение. Тем не менее руководитель радиостанции объявил, что в данный момент в радиостудии находится почетный гость: «Генерал Власов совершает инспекционную поездку по освобожденным областям и передает свои лучшие пожелания всем искренним русским патриотам...»

А вот как об этой поездке рассказывал следователю Власов: «Я в сопровождении представителя отдела пропаганды германской армии подполковника Шубута и капитана Петерсона выехал в Смоленск, где ознакомился с деятельностью созданных немцами из советских военнопленных батальонов пропаганды и добровольческого отряда.

Там же, в Смоленске, по инициативе городского самоуправления мне была устроена встреча с представителями местной интеллигенции. Я выступил с сообщением о создании «Русского комитета» и переговорах, которые ведутся с немецким командованием, о формировании русских вооруженных сил для борьбы против советской власти».

Была и вторая поездка на северный фронт: «В том же, 1943 г., я посетил Псков, где осмотрел батальон добровольческих войск и был на приеме у командующего германскими войсками, действовавшими под Ленинградом, генерал-фельдмаршалом Бушем, который попросил меня рассказать на собрании германских офицеров о целях и задачах «Русского комитета». Выступая на этом собрании, я заявил, что «Русский комитет» ведет активную борьбу против советской власти и что немцы без помощи русских

уничтожить большевизм не смогут. Мое выступление явно не понравилось генерал-фельдмаршалу Бушу.

Возвращаясь в Берлин, я остановился в Риге и выступил с антисоветским докладом перед русской интеллигенцией города, а также имел беседу с проживавшим в Риге митрополитом Сергием.

Встреча с митрополитом Сергием мне была организована немецким офицером, который ведал пропагандой в Риге, с целью установления контакта с русской православной церковью и использования духовенства для совместной борьбы с Советской властью.

Сергий, согласившись со мной о необходимости усилить борьбу против Советской власти, сказал, что он намерен создать святейший синод в областях, оккупированных немцами. При этом Сергий говорил, что только священники, выехавшие из Советского Союза, знают положение населения и смогут найти с ним общий язык, в то время как эмигрантские священники оторвались от советской действительности и авторитетом среди населения не пользуются.

Я порекомендовал Сергию не торопиться с созданием синода, а прежде объединить духовенство для борьбы против большевизма и выяснить отношение населения к церкви».

Во вторую поездку Власов поехал по приглашению фельдмаршала фон Кюхлера и генерала Линдемманна. Она состоялась с середины апреля до начала мая 1943 года.

По мнению Штрик-Штрикфельдта, эта поездка была полным личным триумфом Власова, но в то же время она нанесла их движению страшный удар.

В феврале 1943 года перед отъездом Власова в ОКВ к Штрик-Штрикфельдту прибыл Сергей Фрелих. Этот бывший инженер и сын владельца большого коммерческого предприятия Риги предъявил документы от центрального штаба СА. Из них следовало, что Фрелих командирован в качестве связного офицера между штабом СА и штабом Власова. Фрелих — немец, русский и латыш одновременно — в дальнейшем станет опекать Андрея Андреевича и частенько заменять ему переводчика. По словам Фрелиха, генерал умел сразу почувствовать сущность обсуждаемого вопроса, и в результате собеседники быстро воодушевлялись и усваивали его идеи...

Однажды после выступления Власова в театре Смоленска к нему подошел заместитель германского начальника Смоленского района Никитин и начал спрашивать: правда ли, что немцы соби-

раются делать из России колонию, а из русского народа рабочий скот? Почему немцы не вводят русское самоуправление в занятых областях?

Что мог ответить ему Власов? Следовали общие слова, общие фразы: «Уже одно мое выступление в этом театре доказывает, что немцы начинают понимать настроения и проблемы русских. Недоверие привело ко многим и тяжелым ошибкам. Теперь эти ошибки признаются немцами... К сожалению, свергнуть большевизм можно только с помощью немцев. Принять эту помощь — не измена... Чтобы добиться от немцев того, что должно было быть сделано уже давно, мне нужно доверие и помощь народа».

Власов лгал не только людям, но и самому себе. Его спросили: «Господин генерал, почему после воззвания Смоленского комитета ничего не слышно об этом комитете и о вас лично?»

— Обо мне вы вскоре будете слышать больше и чаще. Ведь мы только начинаем.

Никакого триумфа у него и быть не могло. Это был триумф капитана Штрик-Штрикфельдта и его начальников, а также всей немецкой пропаганды ОКВ. Сделано было немало. А как благодарят собаку за ее верную службу? Ей бросают кусок мяса.

Отблагодарили и Власова: из Дабендорфа, лежащего вне Берлина и находившегося на положении лагеря с установленным распорядком жизни, перевели в скромную виллу на Кибицвег в одном из районов Берлина — Далеме. Здесь он поселился вместе с двумя главными помощниками — Малышкиным и Жиленковым, под охраной русской команды.

После возвращения Власов со своими сподвижниками разработал план операции по захвату еще не занятой германской армией полосы между бывшими царскими летними резиденциями Ораниенбаумом и Петергофом, а также по овладению Кронштадтом. Власов, по воспоминаниям Вильфрида Карловича, предлагал провести эту операцию сам с русскими добровольцами в составе двух дивизий. Его целью было удержать за собой Ораниенбаум и Кронштадт.

Пока доклады об этом через генерала Гелена пошли наверх, готовилась пропагандистская акция под кодовым названием «Просвет». Задача этой акции заключалась в распространении по ту сторону Восточного фронта информации о том, что против советских войск стоят не только немцы, но и борющиеся за свободу России бывшие советские воины, и что при переходе на немецкую сторону советских солдат будут рассматривать не как военнопленных, а как равноправных соратников в рядах русской

национальной части, если они этого захотят. Или же они смогут мирно работать.

Штрик-Штрикфельдт вспоминал: «Гелен возглавлял большие надежды на эту операцию, при условии, что она будет проводиться в сотрудничестве с Власовым и в связи с освободительным движением. Санкции на это у него еще не было. Но уже было дано согласие на то, чтобы придать каждой фронтовой дивизии вермахта специальные группы русских, состоящие из пяти офицеров и пятнадцати иных чинов. Эти русские группы должны были пройти в Дабендорфе краткосрочные курсы, чтобы к концу апреля было подготовлено полторы тысячи человек. Их должны были прислать на Дабендорфские курсы из существующих добровольческих частей при генерале восточных войск. Авторы проекта надеялись, что специальные группы в результате переходов красноармейцев всюду вырастут до батальонов или даже до полков».

Но случилось так, что фельдмаршал Кейтель отдал приказ о запрещении Власову какой бы то ни было политической деятельности, вследствие его «наглых» высказываний во время поездки в группу армий «Север».

А.А. Власов: «После возвращения из поездки я имел в городе Летцене встречу с командующим добровольческими частями генерал-лейтенантом Хельмигом.

Хельмиг предложил мне остаться у него в штабе и помогать ему руководить сформированными русскими частями. Я отказался от этого предложения, заявив Хельмигу, что до тех пор, пока русские военнопленные будут находиться на службе в немецких частях, они воевать против большевиков как следует не будут. Я просил Хельмига всю работу по созданию русских частей передать мне, с тем чтобы сформировать из них несколько дивизий, подчинив их «Русскому комитету». Не договорившись с Хельмигом, я возвратился в Берлин и от Штрикфельдта узнал, что о моем выступлении у фельдмаршала Буша стало известно Гиммлеру.

Гиммлер на одном из узких совещаний высших начальников германской армии заявил, что отдел пропаганды вооруженных сил Германии возится с каким-то военнопленным генералом и позволяет ему выступать перед офицерским составом с такими заявлениями, которые подрывают уверенность у немцев в том, что они одни могут разбить Советский Союз.

Гиммлер предложил прекратить такую пропаганду и использовать тех военнопленных, которые заявляют о своем согласии служить в немецкой армии.

После этого выступления Гимmlера я некоторый период не проявлял активности и до 1944 г. никуда из Берлина не выезжал...»

Соответственно, срывалась и акция «Просвет», так как она планировалась при участии Власова. И все же немцы провели ее и без него. Об этом написал Вильфрид Карлович: «Наши специальные группы и отдельные пропагандисты продолжали говорить о русской освободительной армии в своих обращениях, но разрыв между обещаниями пропаганды и реальностью лишил их призывы искренности.

Несколько позже я получил возможность просмотреть сводку результатов всей операции, составленную на основании донесений дивизионных штабов. «Группы перехвата» были всего в 130 дивизиях, из них 97 сообщали о хороших, 9 — о посредственных и остальные 24 — о слабых или ничтожных результатах.

Честно говоря, даже этим цифрам поверить сложно, потому что Вильфрид Карлович Штрик-Штрикфельдт работал все-таки в ведомстве Гелена. Но где же истина?

Например, Штрик-Штрикфельдт в своей книге называет 17 апреля — дату, когда фельдмаршал Кейтель отдал приказ о запрещении политической деятельности Власова. Приводит он и сам приказ: «Ввиду неправомочных, наглых высказываний военнопленного русского генерала Власова во время его поездки в группу армий «Север», осуществленную без доклада фюреру и мне, приказываю немедленно перевести русского генерала Власова под особым конвоем обратно в лагерь военнопленных, где и содержать безвыходно...»

Но тот же Вильфрид Карлович до этого писал, что вторая поездка Власова состоялась с середины апреля до начала мая 1943 года. А документ был подписан 1 июля и содержал угрозы возвращения Власова в лагерь:

«Перевод с немецкого,

Начальник штаба Вооруженных сил

I.VII — 1943 года

1. Начальник отдела пропаганды вооруженных сил доложил мне в Берлине о совершенной им по моему приказанию фронтовой поездке (Восточный фронт).

Согласно его сообщению, власовская пропаганда и параллельно с этим разветвление «освободительной армии» сведены к масштабам, предусмотренным фюрером, и направлены в желаемое фюрером русло.

2. Министр по делам Востока отклонил использование Власова. Фюрер согласился с доложенным мной предложением полковника фон Ведела об использовании его в целях пропаганды.

3. Сегодня я беседовал с фюрером по поводу обоих предложений, переданных полковником фон Веделем. Фюрер согласен с таким раздроблением и связанной с этим отменой великорусской идеи Власова.

4. Начальник отдела пропаганды вооруженных сил мною проинформирован.

Подписал КЕЙТЕЛЬ».

Так немецкие хозяева поставили Власова на место, напомнив ему очевидную истину: инициатива наказуема! Власов действительно переборщил. Но пользоваться им немцы продолжали.

Между этими двумя поездками родилось письмо Власова под заглавием «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом». Этот новый шаг был не менее важен в целях агитации и пропаганды, чем «Обращение Русского комитета».

Известно, что Власов рассказывал, а Зыков записывал и редактировал текст. Затем немцы отпечатали листовки. После того как Гитлер запретил Власову проявлять всякую активность и уточнил, что он «не нуждается во Власове в тылу фронта», генерал Гелен задал Штрик-Штрикфельдту вопрос:

— Как будет реагировать Власов?

— Я должен переговорить с ним открыто. Это принципиальное и, может быть, окончательное решение, которое выбивает почву из-под соглашения, заключенного между мною и Власовым.

— Фюреру Власов не нужен, но нам всем он очень нужен. Скажите ему это, — заключил Гелен.

Известно, что Власов был потрясен и подавлен. Еще в апреле он был уверен в успехе, ведь ему выдали военный билет, поставили на довольствие и наградили медалью «За отвагу» для граждан восточных народов 2-го класса.

Гораздо серьезнее Власова пострадал Малышкин. Выступая на собрании русских эмигрантов в Париже, он попытался доказать необходимость объединения всех русских формирований под руководством Власова и высказал отрицательное отношение к деятельности созданного немцами казачьего управления. Сразу же после выступления Малышкина арестовали и в сопровождении немецкого офицера доставили в Берлин. Власов так излагал ситуацию: «В июле 1943 г. генерал Белой армии Краснов заключил договор с генерал-фельдмаршалом Кейтелем и Розенбергом в том, что казаки обязуются бороться на стороне немецкой армии против советских войск, за что германское правительство предоставит им казачьи земли на Востоке и места для поселения в других странах Европы. К концу 1943 г. немцы, выслев из ряда

районов Северной Италии местных жителей, организовали там казачьи поселения. Выступление же Малышкина шло вразрез с политикой германского правительства, что и привело к его аресту. По моему ходатайству Малышкин вскоре немцами из-под стражи был освобожден».

Однако бездеятельность Власова не была полной. Сначала Власова вывезли в Магдебург, где он познакомился с условиями жизни и работы немецких промышленных рабочих. Следующие поездки также были ознакомительного характера. Власов оказался в Вене. Там он осмотрел достопримечательности старого имперского города и его окрестности. В программу вошли венская опера, бега, осмотр промышленных предприятий и посещение школы испанской верховой езды в одном из поместий.

В Мюнхене, в киоске при входе в отель Власов увидел журнал «Унтерменш» («Недочеловек»), который изображал русских как преступников и кретин. Чтобы не портить Власову поездку, жена организовавшего ее писателя госпожа Двингер тут же скупил все экземпляры этого бульварного листка. Однако через час, когда все выходили из отеля, на том же самом месте появилось еще пятьдесят экземпляров «Унтерменша».

Путешествуя по Баварии, Власов имел возможность заходить в крестьянские дворы, замечал там чистоту, опрятность и приметы благосостояния. Ему показывали стада на пастбищах, шкафы и комоды крестьян, полные одежды, обуви, шерстяных одеял и фарфоровой посуды.

После возвращения из поездки Власов сказал Штрик-Штрикфельдту:

— Эта война может быть выиграна только теми, кто способен принести лучший порядок. Нацисты пришли к власти в Германии в час ее нужды, потому что обещали лучший порядок. Мне трудно понять, как те же самые национал-социалисты отказались от своих собственных принципов. Высшая миссия не должна быть эгоистичной, но вы, немцы, не только эгоистичны, вы хотите отнять у нас нашу землю и наши богатства. И поэтому войну вы проиграете.

По мнению Штрик-Штрикфельдта, «по возвращении из поездки по Германии обнаружилось, что положение Власова, вопреки всем неуспехам и враждебности “сверху”, стало более прочным, чем нам казалось возможным. Без сомнения, это было следствием выдвижения его как пропагандной фигуры после запрета Кейтелем его активной политической деятельности и отказа Гитлера от создания национальной русской армии. Личность Власова,

в двойственном свете противоречивых указаний различных ведомств, начала настолько заинтересовывать, что скачкообразно стало расти число лиц, искавших с ним контакта».

Хотя Вильфрид Карлович считает, что этому немало способствовала разъяснительная деятельность его ближайших сотрудников и работа Дабендорфа, но скорее здесь главную и решающую роль сыграла германская военная пропагандистская машина генерала Гелена. К Власову устремился поток посетителей — немцев и русских. Если к первым относились его старые знакомые из числа германских офицеров, знавших его с 1942 года (плена), или же новые, интересовавшиеся им и представляемым им «русским освободительным движением», а также представители прессы, хозяйственных кругов, то ко вторым — русские эмигранты, офицеры с фронта, представители русского православного духовенства.

Наиболее сложно складывались отношения с эмигрантами, в том числе с казаками под командованием генерала Краснова, которые не принимали «красного генерала» в качестве руководителя всего движения.

Бывший политработник и бригадный комиссар Жиленков говорил: «Если мы не двигаемся с места, действуя через армейцев, мы должны пытаться пробиваться через партийцев».

Зыков добавлял: «Мы должны бороться на всех возможных фронтах».

Первые переговоры о создании денежного фонда велись с референтом начальника Главного управления железа и стали в министерстве Шпеера Клаусом Боррьером и членом правления Дрезденского банка Раше. Бывший офицер, воевавший на разных участках фронта и демобилизованный по ранению, Боррьер под свою ответственность стал действовать в пользу так называемого движения Власова. Он же организовал в Берлине на Унтер ден Линден фонд «Деловое сотрудничество с Востоком», во главе которого встал Раше.

По инициативе Боррьера и Раше удалось организовать переговоры при участии министра финансов графа Шверин-Крозига о предоставлении «Русскому освободительному движению» первоначального кредита в размере полутора миллионов рейхсмарок. Но Соглашение о займе было подписано только в январе 1945 года.

Благодаря офицеру военной пропаганды Дюрксену к власовскому движению была привлечена Мелита Видеманн, главный редактор антикоммунистического журнала «Акция». Ее зада-

чей было установление связи с офицерами войск СС. Ее усилия были направлены на привлечение бывших офицеров войск СС на сторону освободительного движения. Власова свели с Робертом Леем, другом Гитлера со времен возникновения национал-социализма, его заместителем, главным руководителем высшего партийного обучения и начальником управления кадров партии.

Интересен вопрос, заданный Леем Власову:

— Почему генерал, награжденный орденом Ленина и другими советскими орденами, теперь борется с большевизмом?

Власов стал что-то говорить про период Гражданской войны и свое отношение к ней, но Лей был непреклонен:

— Это все меня не интересует: то, что вы рассказываете, было давно.

Власов продолжил свой рассказ, объясняя, как складывалась его карьера и как произошло вступление в партию. Лей прервал его второй раз:

— Это тоже меня не интересует. Я знаю ваше открытое письмо, но ведь оно написано для дураков, то есть для быдла. Меня интересуют действительные причины перемены ваших взглядов.

Власов буквально рассердился на Лея, но чего он ждал от друга Гитлера — сострадания?

Самое интересное, что Лей сделал такое заключение:

— Я думаю, что этот человек рассорился со Сталиным потому, что тот его обидел.

Лей многого не понимал:

— Если бы вы, генерал, сказали мне просто, что ненавидите жидов и что вы боретесь против Сталина потому, что он окружил себя жидами, я бы вас понял. Особенно если, как вы сказали, вы лично не обижены Сталиным.

Лей посчитал все сказанное Власовым напыщенным. Власов после беседы с ним был в мрачном настроении.

Положение на Восточном фронте в апреле 1944 года с каждым днем становилось для немцев все более угрожающим. Власовцы в узком кругу стали обсуждать планы действий на случай крушения Третьего рейха.

— Думаю, что единственный выход — всеми силами стараться сохранить и по возможности растить русскую «живую силу». Только если мы станем фактором силы, мы вместе с чехами, поляками, югославами, благоразумными немцами и другими народами Европы можем рассчитывать, что рано или поздно англосаксы признают нас.

В январе 1944 года Штрик-Штрикфельдт изложил генералу Гелену беседу с Власовым и свои мысли о крахе Германии. Он, в частности, предложил отправиться в Португалию, чтобы там установить связь со старым школьным другом, занимавшим до 1929 года видное положение на британской службе.

— Подобные контакты немцами по разным линиям недавно уже намечены, так что надо подождать результатов. Если же будет нужно, я вернусь к вашему предложению, — успокоил капитана генерал.

Весной Гроте свел Штрик-Штрикфельдта с молодым издателем журнала СС «Черный корпус» Гюнтером д'Алькеном. Ему каким-то образом удалось добиться согласия Гиммлера на участие нескольких офицеров в пропагандной акции СС на Восточном фронте с целью привлечения перебежчиков. Штадартенфюрер д'Алькен руководил пропагандой СС.

Судя по всему, СС меняла свою политическую концепцию. Так, наряду с бельгийскими, голландскими и норвежскими частями СС были созданы эстонские и латышские части. В процессе организации находились галицийские формирования.

Вопрос стоял и о создании русских частей. Готовилась акция под названием «Скорпион», которая должна была повлиять на изменение курса на всем Восточном фронте.

Но не все складывалось удачно для Власова.

Во-первых, до начала этой акции бесследно исчез М.А. Зыков вместе со своим адъютантом Ножиным. Под Берлином, в местечке Рюдерсдорф, где обычно они бывали по воскресеньям, их схватили люди в штатском.

Во-вторых, д'Алькен предложил Жиленкову возглавить «движение» вместо Власова. Жиленков отказался, не желая брать на себя непосильную ношу, чем, по сути, спас своего шефа. Его могло ожидать то же самое, что и еврея Зыкова!

С обнародованием политических целей «Русского освободительного движения» появилась надежда расшатать мощь Красной армии. По воспоминаниям Штрик-Штрикфельдта, часть руководящих эсэсовцев начала понимать критическое положение: «Меня бомбардировали телефонными звонками и просьбами об информативных встречах с разных сторон, включая промышленников и министерство Шпеера. Мне говорили: “Это очень важно и срочно. Дело идет о том, чтобы получить информацию о «Власовском движении» из первых рук. Власову, может быть, удастся помочь и нам тоже!”»

В результате случилось невероятное.

Власов: «10 июня 1944 г. ко мне приехал представитель от-дела пропаганды вооруженных сил Германии на Востоке капитан Гроте, который предложил мне срочно поехать с ним на прием к Гиммлеру, но в связи с покушением на Гитлера, происшедшим в этот день, встреча с Гиммлером была отложена и состоялась лишь 18 сентября 1944 г. ...»

Заговор окончательно убедил Гитлера, что он не может дове-рять армии. С августа 1944 года Гиммлер стал одной из самых могущественных фигур рейха. Вследствие неудавшегося поку-шения на фюрера в июле 1944 года его назначили командующим группой армий. С этого момента он имел гораздо больше титулов и должностей в рейхе: министр внутренних дел, министр здраво-охранения, высший руководитель всех полицейских служб, раз-ведки, гражданских и военных спецслужб.

Как командующий войсками СС, он имел в своем подчинении целую армию, включавшую в начале 1945 года 38 дивизий, 4 бри-гады, 10 легионов, 10 специальных групп — командос штабных сил и 35 отдельных корпусных частей.

Штрик-Штрикфельдт вспоминал:

«Вскоре мы получили более полные сведения о покушении на Гитлера и о смерти графа фон Штауфенберга. Постепенно стали известны имена офицеров, ставших жертвами нацист-ского режима. Это были имена тех наших друзей, которые с 1942 г. стремились к изменению политики в отношении России и к ведению войны политическими методами. У них, вероятно, были различные конечные цели, и не все из них были готовы, безусловно, поддерживать планы Власова. Но, несомненно, эта группа делала все возможное в отношении Русского освободи-тельного движения».

Это личный взгляд Вильфрида Карловича. Однако летом 1944 года никакого «Русского освободительного движения» не было и в помине. Был только русский предатель — генерал Вла-сов, его окружение, собранное не без участия немцев, и какие-то отдельные подразделения русских «добровольцев», большей частью находящихся на Западе. Власов был в плену уже целых два года, но его деятельность ограничивалась лишь военной про-пагандой.

Провал заговора немецких офицеров стал роковым событием, ведь возможность договориться с западными державами о пере-мирии и возобновлении войны с новыми союзниками против Со-ветского Союза теперь исключалась. Спасительной нитью для Власова оказалась лишь связь с ведомством Гиммлера.

В связи с отложенной встречей с Гиммлером у начальника Главного управления СС Бергера Власову удалось получить разрешение на отдых в Баварии, в местечке Рупольдинг, где для него была забронирована квартира в доме отдыха для выздоравливающих после ранения чинов боевых частей СС. С ним поехали Фрелих и Штрик-Штрикфельдт. Там Андрей Андреевич познакомился с Хейди Биленберг — заведующей домом отдыха СС и вдовой эзэсовского офицера.

Ее муж погиб в 1943 году на Кубани, а его брат являлся приближенным Гиммлера.

Симпатичная госпожа Хейди также была близко знакома с Гиммлером. Через Хеди Власов получил долгожданный прием у Гиммлера.

Об этой встрече шла речь на допросе Власова:

«Вопрос: Где вы встретились с Гиммлером?»

Ответ: В Ставке верховного командования вооруженных сил Германии, в лесу, близ города Растенберг (Восточная Пруссия).

Вопрос: Кто присутствовал при вашей встрече с Гиммлером?

Ответ: В поезде вместе со мной для встречи с Гиммлером ехали: Штрикфельдт, представитель СС оберштумбаннфюрер Крегер и командир полка пропаганды СС полковник д'Алькен.

В приемной Гиммлера нас встретил обергруппенфюрер Бергер, который объявил, что Штрикфельдт на приеме присутствовать не будет.

Вопрос: О чем вы разговаривали с Гиммлером?

Ответ: Гиммлер мне заявил, что отдел пропаганды вооруженных сил Германии не смог организовать русских военнопленных для борьбы против большевиков, в связи с чем этой работой он будет руководить лично.

Всеми русскими делами, как сказал Гиммлер, будет заниматься его заместитель Бергер, и своим представителем при мне он назначает Крегера.

Для успешной борьбы против Советской власти Гиммлер предложил объединить все существующие на оккупированной немцами территории и внутри Германии белогвардейские, националистические и другие антисоветские организации и для руководства их деятельностью создать политический центр, предоставив мне свободу выбора именовать этот центр правительством или комитетом.

Приняв предложение Гиммлера, я спросил его разрешить мне создать комитет под названием “Комитет освобождения народов России” и сформировать армию в составе 10 дивизий из числа

военнопленных для использования их в борьбе против Красной армии.

Гиммлер согласился с созданием “комитета” и разрешил сформировать из военнопленных пока 5 дивизий, обещав обеспечить их вооружением.

Тогда же Гиммлер дал мне указание разработать “Манифест комитета” и предоставить ему на утверждение.

В дальнейшей беседе Гиммлер подробно интересовался событиями в Советском Союзе в 1937 году. Он расспрашивал, был ли военный заговор в действительности, имел ли он сторонников. Желая показать, что внутри Советского Союза есть противники правительства, которые ведут борьбу с Советской властью, я ответил Гиммлеру, что заговор действительно существовал. На самом же деле я всегда считал, что никакого заговора не было и органы НКВД расправились с невинными людьми.

Гиммлер задал мне вопрос, был ли я знаком с Тухачевским и знал ли других участников военного заговора. Я ответил, что в тот период я был еще маленьким человеком, занимал небольшую должность и никаких связей с Тухачевским и другими заговорщиками не имел.

Гиммлер спросил, остались ли в Советском Союзе люди, на которых в настоящее время германское правительство могло бы рассчитывать и которые могут организовать в России переворот. Я сказал свое мнение, что такие люди, безусловно, в России должны быть, но мне они неизвестны.

Тогда Гиммлер поинтересовался, как я считаю, может ли Шапошников организовать переворот, как один из офицеров старой армии и занимающий видное положение в СССР.

Я на этот вопрос не ответил, сославшись на то, что с Шапошниковым близко знаком не был и только представлялся ему в 1942 году, как начальнику Генерального штаба.

После этого Гиммлер спросил, как я знаю Сталина, Берия, Кагановича, Жданова. Особенно Гиммлер интересовался личной жизнью Сталина, расспрашивал, где Сталин живет, из кого состоит семья и есть ли евреи в семье и близком окружении Сталина.

Я клеветал на Сталина, но каких-либо подробностей Гиммлеру о личной жизни Сталина рассказать не мог, так как в действительности ничего не знал.

В отношении Берии, Кагановича и Жданова я также ничего Гиммлеру не сумел сказать, ибо мне ничего о них не было известно.

Тогда же Гиммлер задал вопрос, кто может быть преемником Сталина. На мое заявление, что это трудно предположить, Гиммлер высказал свое мнение, что по военным вопросам преемником Сталина, очевидно, будет Жуков, а по гражданским делам — Жданов. Я сказал, что Жуков в прошлом был моим начальником. Я его знаю как волевого и энергичного, но грубого человека.

Перед тем как отпустить меня, Гиммлер спросил, смогу ли я справиться со столь ответственной задачей, как объединение антисоветских организаций всех национальностей. Я заверил Гиммлера, что с этой задачей справлюсь, так как за два года пребывания в Германии я приобрел необходимые связи среди белоэмигрантов и националистов, а также что в ближайшие дни представлю ему проект “манифеста”».

А через некоторое время Власов получил телеграмму рейхсфюрера СС следующего содержания:

«Составлено по указанию обергруппенфюрера Бергера.

Фюрер назначил вас со дня подписания этого приказа Верховным командующим русскими 600-й и 700-й дивизиями. Одновременно на вас будет возложено верховное командование всеми новыми формирующимися и перегруппирующимися русскими соединениями.

За вами будет признано дисциплинарное право Верховного главнокомандующего и одновременно право производства в офицерские чины вплоть до подполковника.

Производство в полковники и генералы происходит по согласованию с начальником Главного управления СС, по существующим для Великогерманской империи положениям.

Г. Гиммлер.

Просмотрено и согласен доктор Кальтенбруннер».

Екатерина Андреева в своей работе «Генерал Власов и Русское освободительное движение» отметила, что «рассказы о том, как составлялся Пражский манифест, разнятся между собой». И вот почему: «Когда Гиммлер дал разрешение опубликовать программу Русского освободительного движения, Жиленков в конце сентября 1944 г. собрал вместе редактора “Зари”, бывшего языкового заместителя Ковальчука, старшего дабендорфского преподавателя Зайцева, сотрудника отдела печати Дабендорфа Норейкиса и приказал им составить манифест. Жиленков, в качестве главы отдела пропаганды Русского освободительного движения, видимо, осуществлял переговоры с немецкими властями.

Двое из вышеупомянутых, оставшиеся в живых, описывают процесс составления манифеста по-разному. Норейкис вспоминает, что Жиленков, созвав всех троих, потребовал, чтобы они спешно составили манифест, и прибавил, что не отпустит их, пока не получит удовлетворительного текста. Тогда Норейкис написал проект декларации, который Жиленков раскритиковал за журналистский подход. Защищая Норейкиса, Зайцев сказал, что при поставленных условиях можно и ожидать только лишь журналистики. Тогда проект был унесен и о нем больше не говорили.

К этому рассказу Зайцев прибавляет некоторые подробности и вносит оговорки. Например, когда Жиленков просил составить текст, который мог бы служить официальным манифестом, он прибавил, что ему нужен проект политической декларации и что Власов хочет получить его, чтобы внести туда историческое обоснование. Зайцев ответил, что он не может работать в коллективе и под давлением, но только самостоятельно. Было решено, что Ковальчук напишет введение, Зайцев — статьи программы, а Норейкис — заключение.

Норейкис в своем рассказе отвергает версию разделения труда. Зайцев заявил, что не может составлять программу без подготовки, и покинул остальных, с тем чтобы достать программу НТС и другие документы, которые считал необходимыми. Следующей ночью он составил четырнадцать пунктов программы, которые его будущая жена печатала под его диктовку. На следующее утро он передал свой вариант Жиленкову, и последний остался им доволен».

Однако Власов в 1945 году на вопрос следователя: «Кто участвовал в составлении манифеста, написанного по предложению Гимmlера?», отвечал несколько иначе. «Проект манифеста, который нами разрабатывался по предложению Гимmlера, составляли я, Малышкин, Трухин, Жиленков и работавший в ведомстве Геббельса генерал-майор Закутный — бывший начальник штаба 21-го стрелкового корпуса Красной армии».

Остановимся на биографии этого генерала.

Дмитрий Ефимович Закутный родился в 1897 году на Дону. В 1911 году окончил сельскую школу, а в 1914 году экстерном сдал экзамен за 5 классов реального училища. В РККА с 1918 года. С сентября — помощник командира батареи, с ноября — в штабной роте штаба южного боевого участка Царицынского фронта.

1 февраля 1919 года — адъютант отдельного артдивизиона, затем адъютант артдивизионов ряда соединений. С 26 мая

1921 года — исполняющий должность порученца в инспекции артиллерии 2-го Кавказского корпуса. С 21 августа — пом. адъютанта стрелкового полка, с 16 марта 1922 года — командир взвода конной разведки стрелкового полка, с 25 июня — пом. начальника штаба стрелкового полка, с 25 июля — пом. нач. пулеметной команды, с 30 октября — пом. начальника штаба корпуса. Осенью 1923 года зачислен слушателем на курсы усовершенствования при разведуправлении РККА, после окончания которых — заведующий разведотделом штаба корпуса. В 1925 году — пом. нач. разведотдела штаба СКВО. В 1928 году зачислен слушателем в Военную академию имени Фрунзе. В 1931 году — начальник 1-й части штаба стрелкового корпуса. С марта 1932 года помощник начальника 1-го сектора оперативного отдела Генштаба РККА, затем — замначальника сектора. С 1935 года — начальник 1-го отделения оперативного отдела Генштаба РККА, полковник. В 1936 году зачислен слушателем в Академию Генерального штаба. В 1938 году — ассистент кафедры службы штабов Военной академии имени Фрунзе. С 1939 года — начальник штаба Горьковского стрелкового корпуса, комбриг. В 1940 году ему присвоено звание «генерал-майор». 21 июля 1941 года назначен командиром 21-го стрелкового корпуса. 26 июля в Гомельской области взят в плен. До конца лета содержался в особом опросном лагере в Лодзи. Осенью переведен в Хаммельбург. В контакт с Власовым вступил в августе 1944 года.

А теперь вернемся к Власову.

«В манифесте в антисоветском духе излагалось положение в Советском Союзе, возводилась клевета на руководителей Советского государства, которые якобы своей неправильной политикой привели страну к войне, и сейчас народы России проливают кровь за империалистов Англии и США. Доказывалась необходимость борьбы с большевизмом и сообщалось о создании для этой цели Комитета освобождения народов России.

В манифесте декларировалось, что комитет создан для освобождения народов России от большевистской системы, заключения мира с Германией и создания Российского государства без большевиков. После этого проект манифеста через Крегера был передан Гиммлеру, который внес в него ряд поправок и утвердил».

Манифест подписали 37 членов и 12 кандидатов в члены Комитета освобождения народов России.

14 ноября 1944 года в Праге, во дворце Градчаны прошло торжественное собрание так называемого Комитета освобождения народов России (КОНР).

Собрание открыл профессор С.М. Руднев. Очевидцы утверждают, что он плакал, произнося речь. Затем, стоя за столом, Власов прочитал доклад...

После заседания министр Богемии и Моравии во дворце Черни дал торжественный банкет на шестьдесят человек. Для рядовых членов КОНРа вечер устроили в Пражском автомобильном клубе, который очень быстро превратился в банальную пьянку.

Пражское торжество было продолжено в Берлинском доме Европы. 18 ноября там состоялся торжественный вечер по случаю создания КОНРа. Зал, вмещавший около полутора тысяч человек, был заполнен почти исключительно русскими. Духовенство заняло первые ряды. Вместе со всеми расположились военнопленные, доставленные прямо из лагерей.

В этот день Власов еще раз зачитал манифест. Произнес пламенную речь и протоиерей Александр Киселёв. И, видимо, действительно, в игру «в комитет» поверили многие!

В частности, священник сказал: «Вы, глубокочтимый генерал Андрей Андреевич, вы, члены Комитета спасения народов России, и мы все, рядовые работники своего великого и многострадального народа, станем единодушно и смело на святое дело спасения отчизны. Не гордо, потому что “Бог гордым противится, а смиренным дает благодать”, но мужественно и смело, потому что “не в силе Бог, а в правде”. Помните, как говорил отец былинного богатыря Ильи Муромца в своем наставлении сыну — “на добрые дела благословление дам, а на плохие дела благословления нет”.

Еще до провозглашения КОНРа немцы проверяли Власова. Для нас представляет интерес следующий документ:

«Главное управление имперской безопасности
Тайная государственная полиция
Берлинское отделение, секция 4 Н
26 октября 1944 года
Сведения № 6

Касается: генерал-лейтенанта Андрея А. Власова, 1901 г. рождения из села Ломакино Гангинского района Горьковской области.

У него русско-народнический характер, он умен, с легким душком крестьянской хитрости. Он грубый и резкий, но в состоянии владеть собой. Оскорблений не забывает. Очень эгоистичен, самолюбив, легко обижается. В момент личной опасности несколько труслив и боязлив.

Телом здоров и вынослив. Не особенно чистоплотен. Любит выпить. Переносит много алкоголя, но и тогда может владеть собой. Любит играть в карты. К женщинам не привязан. Дружбы с мужчинами не имеет. Человеческая жизнь для него малозначительна. Способен преспокойно выдать на повешение своих ближайших сотрудников. Особым вкусом не отличается. Одеваться не может. Может только отличать старую и новую одежду. Способностей и интереса к иностранному языку не имеет.

Очень любит спорить, а войдя в азарт, может разболтать секреты. Однако это случается весьма редко. Может быть коварным, любит задавать заковыристые вопросы. Философию не любит. Его типично советское образование является поверхностным. К религиозным вопросам относится иронически и сам совершенно неверующ. К поставленной цели идет неумолимо, в средствах при этом не стесняется. По тактическим соображениям может отказать на некоторое время от проведения своих идей. К евреям относится не враждебно, ценит их как людей умных и проницательных. Большой русский националист и шовинист. Принципиально настроен против разделения Великой России.

Его изречение: “Хоть по шею в грязи, но зато хозяин”.

Против коммунизма не по убеждению, а из личного безысходного положения и потому что потерял личные позиции. Придерживается мнения, что русский народ очень благодарен большевизму за многое хорошее. Советское воспитание оказало на него влияние. Будучи в Советском Союзе сравнительно неизвестен, получил отказ других советских пленных генералов сотрудничать с ним. Как командир хорош на средних постах (комдив), а на более высоких постах считается сравнительно слабым. Хороший тактик, средний стратег. Так как в его распоряжении мало хороших офицеров, то большинство должностей занимается случайными людьми. Поэтому он сравнительно равнодушен к своим сотрудникам. Но уже начинает верить в свою новую миссию. К измене — соглашательству с Советами, — по всей вероятности, уже не способен.

Ценит, по-видимому, только генерал-майора Трухина как умного человека. Вероятно, заметил отсутствие пользовавшегося дурной славой капитана Зыкова (бывший ответственный редактор изданий “Заря” и “Доброволец”) после того, как тот исчез. Раньше он говорил: “Хотя Зыков и еврей, но пока он нам нужен, пусть работает”.

К генерал-майору Благовещенскому питает антипатию и как интеллигента немного презирает. Офицеров своей среды, кото-

рые имеют личные отношения с немцами, не любит и с ними не дружит...»

До конца войны оставалось полгода. Поэтому создание комитета, или точнее, его провозглашение, не что иное, как предсмертные конвульсии фашистского режима.

Целых два с лишним года Власова использовала немецкая военная пропаганда, и все это время его всего лишь рассматривали на роль «российского вождя» в интересах Германии.

Судя по документам, были и другие кандидатуры. Например, Шаповалов и Жиленков.

На судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР Власов показал:

«До 1944 г. немцы делали все сами, а нас использовали лишь как выгодную для них вывеску. Даже в 1943 г. немцы не разрешали нам писать русских слов в этих листовках. Наше участие, вернее, наша инициатива во всех этих делах даже в 1945 г. едва ли превышала 5 процентов».

Когда Власова на том же заседании спросили: «Имели ли вы попытку попасть на прием к Гитлеру?», он ответил:

«Да, я пытался, чтобы Гитлер принял меня, но через Штрикфельдта я узнал, что Гитлер не желает видеть меня потому, что он поручил принять меня Гиммлеру. Гиммлер действительно меня принял, и в разговоре я узнал, что Розенберг не обеспечил им русского вопроса, и что теперь Гиммлер все русские дела взял на себя и будет лично руководить мной и моими организациями.

По предложению Гиммлера предстояло создать КОНР и разработать текст Манифеста. В составлении участвовали Жиленков и работники его отдела. Редактировал манифест лично я сам при участии Жиленкова, Закутного, Малышкина. Написанный нами проект манифеста был передан на утверждение Гиммлеру. Последний внес в него свои поправки. После этого манифест был переведен на немецкий язык, и Гиммлер снова проверял его. Постоянным уполномоченным от Гиммлера лично при мне был некто Трегер. Положение о комитете было разработано, но утверждения не получило, и вообще оно в жизнь не проводилось».

Таким образом, создание так называемого «Комитета освобождения народов России» было обыкновенной филькиной грамотой или фактом, к которому относиться серьезно не следует.

Во-первых, Комитет (КОНР) возник по предложению рейхсфюрера СС Гиммлера. Текст манифеста он же своей рукой дважды правил и утверждал.

Во-вторых, в манифесте было указано, что некоторые члены КОНРа не поставили своей подписи на этом документе в связи с тем, что они находятся в СССР. В действительности такую запись придумал не кто иной, как Жиленков, для того чтобы создать видимость, что представители комитета действуют также и на территории СССР.

В-третьих, роль комитета и его манифеста можно рассматривать не иначе как очередную пропагандистскую акцию фашистской Германии с целью привлечения под знамена Власова больше военнопленных и «добровольцев».

Речь шла о спасении Третьего рейха, при этом ни о каком освобождении народов России от большевизма, ни о каком заключении мира с Германией и создании Российского государства без большевиков под патронажем ведомства Гиммлера говорить не приходится.

В-четвертых, можно допустить, что сам Власов и его коллеги прекрасно понимали все эти моменты и все же надеялись сохранить и преумножить русскую «живую силу» до полного краха Германии, чтобы затем войти в контакт с англичанами и американцами и рассчитывать на их признание.

Весьма любопытно мнение о генерале Власове самого Бориса Алексеевича Смысловского (он же Артур Хольмстон, он же фон Регенау). Но прежде несколько слов об этой колоритной фигуре из белой эмиграции, находившейся на германской службе.

Смысловский (1897—1988) родился в Финляндии. После окончания 1-го Московского кадетского корпуса и Михайловского артиллерийского училища проходил службу в лейб-гвардии 3-й артиллерийской бригады. Участник Первой мировой войны. В 1917 году сдал экзамены в Академию Генерального штаба. Кавалер русских орденов, контужен. В 1918 году — в Добровольческой армии, участник 2-го Кубанского похода и десантной операции в Крыму. Начальник разведотдела штаба 11-й Русской армии в Польше. Капитан.

В эмиграции окончил курсы Генштаба Германии. Служил зондерфюрером в АСТ «Кёнигсберг». В начале боевых действий против СССР — в штабе северной группировки немецких войск. Начальник «Зондерштаба-Р» при штабе «Валли». Награжден всеми орденами для восточных народов, учрежденными в Германии. После войны в эмиграции. Жил в Аргентине, затем в Лихтенштейне. Основал антисоветскую организацию «Суворовский Союз».

Состоялось три встречи Смысловского с Власовым.

Встреча первая: «Первый раз я встретился с ген. Власовым по поручению Немецкой Главной Квартиры (ОКН), и мы поговорили около 2 х часов. Разговор, как принято говорить, совершенно не клеился.

Власов — он был тогда в форме советского генерала и, если память мне не изменяет, в лампадах, но без погон. Я же — в форме немецкого полковника. Власов говорил со мной с тем хорошо укрытым недоверием, с каким привыкли говорить подсоветские люди, прошедшие полную школу революционного коммунизма. Старался больше слушать, чем высказывать свое собственное мнение. В моей манере говорить, как он мне потом сказал, была сдержанность и обдуманность каждого слова, воспитанная суровой дисциплиной Германского Генерального Штаба. Я приехал слушать Власова, а не говорить сам. Он же не хотел говорить, а только слушал, а потому, как я уже сказал, в течение нашего первого двухчасового свидания мы так и не смогли найти общего языка. Власов сухо, очень сухо относился к возможности говорить с кем-нибудь, кто носил германскую форму, и, конечно, с особенным подозрением, если носящий эту форму был по происхождению русским. У ген. Власова во всем еще сказывалась привычка на многое смотреть сквозь очки советского воспитания, а на немцев, как на исторических врагов России. Мне чрезвычайно трудно было перейти Рубикон не столько русско-немецкий, сколько бело-красный.

Мысль, что я говорю с крупным советским генералом, в молодости воевавшим против нас, белых, сыгравшим большую или меньшую роль в причине нашего великого исхода и 22-летней эмиграции, а потом долго и успешно строившим Советскую армию, — мысль эта камнем стояла поперек горла, и мне было очень трудно взять себя в руки и скользить по той объективной политической плоскости, по которой мне было приказано. Мы оба пробовали и хотели, но нам это ни в какой мере не удалось. Мы расстались еще суше, чем встретились, и несколько месяцев об этом свидании не думали, тем более что носило оно исключительно секретный и военный характер. Власов, прощаясь со мной очень вежливо, думал: что же, в конце концов, хотел от него узнать этот полковник и где кончается его германский мундир и начинается русское сердце? А я унес с собой горечь неудавшегося выполнения задачи и неразрешимую проблему: как глубоко сидит во Власове пройденная им коммунистическая школа и где же начинается его русская душа? Это было в конце 1942 года в Охотничьем домике, вблизи города Н. в Восточной Пруссии.

Свидание это определило до известной степени взаимоотношения генерала Власова с Вермахтом. Впоследствии ген. Власов, установив контакт с политическими кругами Германии, начал строить свое Освободительное движение, непосредственно опираясь на Германское Правительство».

Встреча вторая: «Второй раз я виделся с ним, кажется, в апреле или мае 1943 г., во время его объезда участка северного фронта, т.е. Пскова и Риги.

Этот раз, после хорошего ужина, мы поговорили до 4-х часов утра. Разговор с официального тона сорвался следующим эпизодом. Власов долго и интересно рассказывал мне о некоторых своих боевых операциях против немцев и, увлекшись, показывая на карте ход боя, воскликнул:

“Вот здесь мы вам здорово наклали!”

“Кому вам?” — спросил я холодно.

“Ну конечно, немцам”, — ответил генерал.

“Ах так? Значит, вы — коммунисты — разбили здесь кровавых фашистов?”

Андрей Андреевич спохватился и рассмеялся.

“Нет, я думаю иначе, — сказал он, — здесь русские разбили немцев”.

“Русские всегда были непобедимы!” — возразил я.

“Ну ясно!” — сказал Власов, и мы, оставив фашистско-коммунистическую тему, перешли на чисто русскую и, таким образом, нашли язык, который позволил нам весьма интересно поговорить всю ночь.

Власов говорил некрасиво, но удивительно просто и, я бы сказал, очень ясно. Много было логики и веры в то, о чем он говорил. Власов не любил пустословить и говорить вот так, зря, на любые темы. Он брал жизнь и относился к исполнению долга весьма серьезно. Рассказывал только то, что, по его мнению, заслуживало внимания, и задерживался только на темах, которые его интересовали или в которых, по его личному убеждению, он хорошо разобрался.

Там, где он чувствовал себя не компетентным, он избегал задерживаться и переходил на другую тему. Зато там, где он считал себя специалистом, он говорил весьма интересно, авторитетно и с большим знанием дела. Чувствовалась хорошая военная и политическая школа, а также навык разбираться в крупных вопросах, в особенности — вопросах организационного характера. Он был, безусловно, прекрасным организатором и отлично знал военное дело. Ему, конечно, трудно было разобрататься во всей сложности

немецкого государственного аппарата, да и в общей политической обстановке.

Взаимоотношения между отдельными западными державами были ему неизвестны и малопонятны. В этом отношении сидение “за чертополохом” сказывалось на каждом шагу. Многое, о чем я говорил ему, его искренне удивляло, а многому он просто не поверил.

В его отношении к Германии просвечивало на каждом шагу недоверие. Зато по отношению к западным демократиям он обнаруживал иногда наивно детскую доверчивость. Чувствовалось, однако, что он все больше и больше сбрасывает с себя “премудрости” политграмоты и начинает вставать во весь свой большой русский рост.

Одной из характерных черт Власова была чисто русская способность глубокого анализа. Власов был русским, насквозь русским. Плоть и кровь русского хлебопашца, а потому он не только знал, но понимал и чувствовал чаяния и нужды русского народа удивительно ясно, больше того — резко. Революция и партия, конечно, наложили на него сильный отпечаток. Он плохо разбирался в вопросах государственной стратегии и исторической политики. История тысячелетней динамики российского народа была совершенно чужда ему, и ему безусловно нужно было побывать в Европе, чтобы на многое взглянуть иначе, значительно шире, глубже и с иной точки зрения. Проще — он не знал жизни по ту сторону “чертополоха”, т.е. политических, военных, социальных и исторических взаимоотношений, а также техники и метода западной демократии.

В военном отношении он был превосходный тактик, но не глубокий стратег. Ему нужно было еще поучиться, чтобы проникнуть в “тайну магии” вышеупомянутых наук и вопросов, а также русских исторических задач, геополитических законов и доктрин государственной стратегии. Зато, повторяю, во всех иных вопросах, касающихся тактики военного дела, организации, политической сноровки, понимания психологии народов России, их быта и стремлений — Власов, безусловно, стоял на высоте того исторического задания, которое ему пришлось выполнять.

Психологически он “разгрызал” людей замечательно, и, например, мне он указал на целый ряд моих личных недочетов, которых я сам в себе не замечал. В этом отношении я был ему очень благодарен, ибо впоследствии, когда мне пришлось формировать Первую Русскую Армию и ко мне пришло приблизительно 20 % старых, а 80 % новых, критика генерала Власова моей

психологии мне пригодилась. “Вы, полковник, широко охватываете стратегические и государственные вопросы, — говорил ген. Власов, — но вы слишком узко сидите в казарме. Я верю вам, что вы любите Россию, вернее, вы влюблены в ее историю, но вам слишком импонирует германская сила и германский удар. Вы не хотите понять, что русского вопроса нельзя разрешить только продолжением народной революции, т.е. тем, чего вы так не любите и мысль о чем приводит вас в содрогание”.

“Вы мечтаете о возрождении России, но прежде всего вы думаете о возрождении Марсового поля, красивых полков, крепкой казармы и славы старых знамен. А потом уже вы думаете о воле народа, о государственном образе правления, о парламенте и проведении всех тех хозяйственных и социальных реформ, которые так необходимы нашему измученному народу”.

“Вы — солдат не только по профессии, а и по натуре, да еще развращенный прусским милитаризмом. Я тоже солдат, но только по профессии, а не по натуре, и не вышел, как вы, из сугубо военной касты. Я не оторвался от поля и от фабрики, и все это — для меня живое тело, а для вас — это только изучаемая абстракция”.

Я не остался в долгу и говорил ему о его недостатках.

“Вы не были вне советской России и вам непонятна европейская обстановка и западные методы работы. Революционная Россия не нужна. Она от всех этих социалистических экспериментов устала. Партизанщиной и восстанием вы ничего не делаете. На Запад так же мало надежды, как и на розенберговскую политику”.

“Победа германских армий должна привести нас в Москву и постепенно передать власть в наши руки. Немцам, даже после частичного разгрома Советской России, долго придется воевать против англо-саксонского мира. Время будет работать в нашу пользу, и им будет не до нас. Наше значение, как союзника, будет возрастать, и мы получим полную свободу политического действия”.

Генерал Власов не соглашался со мной. Он считал, что РОА — это только точка опоры для национально-революционного пожара, для организации крупнейшего партизанского движения, саботажа и новой гражданской войны. Нельзя допускать немцев слишком глубоко в Россию.

“Вы поймите, — говорил он, — что мы живем в эпоху не профессиональных войн, а революционных движений. Народ — это не статист, а активный участник исторических событий”. Я не соглашался с ним и пробовал доказать ему, что личности делают

историю. Толпа остается всегда толпою и, в конце концов, идет за победителем. Андрей Андреевич возмущался. “Позвольте, — говорил он, — ведь вот, большевики победили, однако русский народ не воспринял коммунизма”.

“Воспринял или не воспринял, а потом изжил — все это не играет никакой роли. Исторический факт налицо, что в Москве сидит коммунистическое правительство и управляет двухсотмиллионной массой”, — возражал я. “Вы слишком заражены германским фюрер-принципом”, — нападал Власов.

“А вы, генерал, слишком тонете в доктринах революции”, — парировал я.

В конце концов мы оба решили, что без водки этого дела не разберешь, и уходя от Власова под утро, я чувствовал, как говорят моряки, что слишком ложусь на борт, но что Андрей Андреевич Власов, безусловно, большой и умный человек. Часто потом, вспоминая наш интересный разговор, я думал: прав ли Власов, что Белое движение захлебнулось от того, что не сумело продолжить революции Керенского против активно выступившего большевизма, или был прав я, когда доказывал ему, что Белое движение проиграло, ибо в критический момент на решающем Орловском операционном направлении ген. Деникину не хватило десяти хороших дивизий? Ведь были в Советской России потом всевозможные восстания и народные движения? — Все они тоже кончились полной неудачей...»

Встреча третья: «Мое третье свидание с Власовым состоялось в одной из пригородных вилл Берлина в конце 1944 года. Мы не виделись больше года, и взаимоотношения испортились, как принято говорить, вконец. Мы были разные люди и по характеру, и по воспитанию. Военное образование получили в диаметрально-противоположных школах, а потому вполне понятно, что нашим врагам, вернее друзьям, легко было начать грязнейшую интригу и вырыть между нами, как потом оказалось, непроходимую пропасть. Свидание тщательно подготавливалось нач. штаба Власова ген. Трухиным и командиром третьей формирующейся дивизии ген. Шаповаловым. Разговор продолжался около четырех часов. Мы не сговорились. Сегодня, когда я пишу эти заметки для истории, я считаю своим долгом передать чистую правду, даже тогда, когда она может сделаться обвинительным актом против покойного Власова или, вернее, против меня самого. Я знаю, что всем не угодишь. Поклонники Власова в обиде на меня за то, что я слишком мало воспеваю его и созданное им Движение, а его враги, наоборот, не могут простить мне того, что я, говоря историческую прав-

ду, часто хвалю Власова, подчеркиваю его таланты и бесспорную значительность Русского освободительного движения.

Мы не сговорились и расстались очень сухо с оттенком неприязненности. Не сговорились мы по трем следующим вопросам: политически — я не разделял его взглядов и выдвинутой им программы в т.н. Пражском Манифесте. Мне казалось, что с этим идти в Россию нельзя. Она сильно устала от всяких социалистических экспериментов, и что лучше всего нести исключительно военную акцию, не предрешая никаких политических вопросов и не навязывая народу приготовленных в эмиграции программ и форм.

Второе. Я считал, что мы должны воевать только на Востоке. Поэтому я был против того, чтобы ген. Власов написал бы воззвание, призывающее русских солдат бороться не только против коммунистического, но и против западнокапиталистического мира. Я считал, что этим он сжигал мосты к будущим разговорам с англосаксонцами.

Третий вопрос, на котором мы расходились, — это было отношение РОА к Германии. Конечно, германская восточная политика была самоубийством. Это историческая правда, благодаря чему Германия проиграла войну. Наряду с этим я считал, что германская армия была нашим союзником, снабжавшим нас оружием, деньгами и военным снаряжением. Мне казалось, что мы, русские офицеры, должны быть лояльными по отношению к германской армии до конца.

Доведенный моим упорством почти до бешенства, Андрей Андреевич воскликнул: “Это преступление — русскому думать так, как думаете вы”.

... По каким-то причинам Смысловский умолчал о предложении Власова возглавить его штаб, то есть штаб РОА. Смысловский отказался. Произошло это именно в последнюю их встречу, которая закончилась полным разрывом.

До последних дней войны Смысловский считал власовскую идеологию социалистической и не мог согласиться с призывами к борьбе в союзе с Англией и Америкой. Впоследствии Смысловский признавался, что при другой обстановке «Власовское движение могло бы сыграть свою роль как один из сильнейших факторов, способных дестабилизировать советскую государственную машину». В отличие от Власова, Смысловский подчеркивал, что целью борьбы может быть только победа над СССР, а до борьбы Германии против «западных плутократий» ему никакого дела нет.

ИЗ ПЛЕНА В ПЛЕН

В конце января 1944 года Власов стал официально именоваться главнокомандующим вооруженными силами «Комитета освобождения народов России», а 16 февраля он принимал парад первой дивизии РОА.

Так называемые «добровольцы» торжественно присягали: «Я, как верный сын моей Родины, вступая добровольно в ряды бойцов Вооруженных сил народов России, перед лицом соотечественников присягаю — для блага моего народа, под главным командованием генерала Власова бороться против большевизма до последней капли крови.

Эта борьба ведется всеми свободолюбивыми народами в союзе с Германией под главным командованием Адольфа Гитлера.

Я клянусь быть верным этому союзу.

Во исполнение этой клятвы я готов отдать свою жизнь».

Верили ли они в то, что произносили вслух? Вряд ли!

Первая пехотная дивизия (по немецкой нумерации — 600-я) начала свое формирование 23 ноября 1944 года в Мюнзингене. Основу соединения составили 29-я гренадерская дивизия СС РОНА (бригада Каминского), личный состав 30-й гренадерской дивизии СС, 308, 601, 618, 621, 628, 630, 654, 663, 666, 675 и 681-го отдельных русских батальонов, 582-го и 752-го русских артиллерийских дивизионов, некоторых подразделений, 1604-го русского пехотного полка, а также добровольцы из лагерей военнопленных.

Как сообщает С. Чуев в книге «Проклятые солдаты», «в ноябре 1944 года было принято решение о включении каминцев в состав 1-й дивизии РОА. Командира дивизии полковника С.К. Буянченко едва не хватил удар, когда он встречал в Мюнзингене эшелоны

с пополнением. Из вагонов высыпала орда мародеров, мало чем напоминающая солдат. Одетые и обутые кто во что, с женщинами явно “не тяжелого” поведения, увешанные “трофеями” — на руках у солдат и офицеров было надето по несколько часов.

Однако к внешнему виду и анархизму этих людей был еще добавлен и огромный боевой опыт. В 1-ю дивизию было включено более 50 % солдат и десятая часть офицеров бригады. Они составили основу 2-го полка 1-й дивизии, танковую роту (танки Т-34) и тяжелый эскадрон дивизионного разведотряда, командиром которого был назначен бывший начальник разведотдела штаба РОНА майор Костенко.

“Боевое содружество” окрепло не сразу. Солдаты 1-й дивизии, до этого служившие в других восточных частях, плохо относились к каминцам, и порою дело доходило до стычек. Для оздоровления ситуации был даже издан приказ по 1-й дивизии с призывом относиться к каминцам как к боевым друзьям и последовательным борцам с коммунизмом».

Организационная структура дивизии включала: штаб, штабную роту, полевую жандармерию, топографическое отделение, саперный батальон, отдел связи, истребительно-противотанковый дивизион, запасной батальон, отдельный разведотряд, пять пехотных полков, артиллерийский полк и полк снабжения.

Дивизия на вооружении имела 10 танков Т-34, 10 САУ, 12 тяжелых полевых гаубиц 150 мм, 42 орудия 75 мм, 6 тяжелых и 29 легких пехотных орудий, 31 противотанковое орудие 75 мм, 10 зенитных орудий 37 мм, 79 гранатометов, 563 станковых и ручных пулеметов и 20 огнеметов. Общая численность достигала 20 000 человек.

Командир дивизии Буняченко Сергей Кузьмич родился в 1902 году в Курской губернии. Украинец. В РККА с 1918 года. В 1920 году обучался на курсах младшего комсостава в Харькове. С октября — комвзвода на 51-х пехотных курсах, с 1921 года — помощник командира роты на 78-х пехотных курсах, с 1921 по 1923 год — слушатель Киевской военной школы. По окончании — помощник командира роты.

С декабря 1925 по 1926 год — временный помощник командира полка, затем помощник начальника полковой школы. С 1926 по 1930 год — помощник командира роты, заместитель командира батареи. С 1930 года — командир полка, с декабря — командир учебной роты. В марте 1931 года — начальник полковой школы, а в мае 1932 года — слушатель Военной академии им. Фрунзе. До 1938 года — начальник штаба 78-го отдельного полка. В мае

ПЛЕН. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В НЕМЕЦКИХ ЛАГЕРЯХ

1938 года — начальник 1-й части штаба 26-й стрелковой дивизии. Через два месяца — помощник начальника штаба 39-го стрелкового корпуса.

В 1938 году участвовал в боях у озера Хасан (помощник командира стрелковой дивизии, полковник). С 11 февраля 1940 года — начальник штаба корпуса. С 30 марта 1942 года — командир стрелковой дивизии.

2 сентября Военным трибуналом Северной группы войск Западного фронта Буняченко осужден к расстрелу. 24 сентября расстрел заменили 10 годами исправительно-трудовых лагерей с отбыванием после окончания войны и с отправкой командиром действующей части на фронт.

10 октября вступил в командование 59-й отдельной стрелковой бригадой, а 16 декабря взят в плен. С января по июнь 1943 года содержался в лагерях военнопленных в районах Керчи, Джанкоя и Херсона.

В мае 1943 года изъявил желание вступить в РОА. С сентября 1943 года — офицер связи РОА при 7-й армии вермахта во Франции. В начале апреля 1944 года проверял боеготовность всех добровольческих батальонов.

В период с 26 июня по 7 июля на западном побережье Франции в районе Сен-Ло в прифронтовой полосе направлял работу двух батальонов, занимавшихся разведкой.

10 ноября 1944 года назначен командиром 1-й дивизии, а 27 февраля 1945 года произведен в генерал-майоры.

Вторая пехотная дивизия (650-я по немецкой нумерации) начала свое формирование 17 января 1945 года в Хойберге. Основу соединения составили 427, 600, 642, 667 и 851-й отдельные русские батальоны, 3-й батальон 714-го русского пехотного полка, 621-й русский артиллерийский дивизион и другие подразделения.

Общая численность около 12 тысяч человек.

Командир дивизии Зверев Григорий Александрович. Родился в 1900 году в Донецкой губернии. Русский. Окончил двухклассное городское училище, в 1922 году — 44-е Екатеринославские курсы и в 1924 году выдержал экзамен за курс пехотной школы.

С 1926 года — командир роты. В декабре 1928 года зачислен слушателем на стрелково-тактические курсы усовершенствования «Выстрел». С октября 1931 года — начальник 2-го отдела штаба УРа. В мае 1933 года — начальник штаба стрелкового полка, а в феврале 1936 года — командир полка, майор.

С сентября 1937 года — начальник штаба 19-го стрелкового полка. В 1939 году ему присвоено воинское звание «полковник».

Весной 1940 года окончил Военную академию им. Фрунзе и был назначен начальником пехоты 146-й стрелковой дивизии Киевского ОВО. С 14 марта 1941 года — командир 190-й стрелковой дивизии.

В боях 7—11 августа Зверев был взят в плен, но представился рядовым. Вскоре, как украинец, был освобожден. Вернулся к своим и после проверки в начале 1942 года был назначен командиром 8-й стрелковой дивизии, а с 1-го февраля — командиром 323-й стрелковой бригады. С осени 1942 года Зверев — заместитель командира 127-й стрелковой дивизии, а с 13 марта 1943 года — командир 350-й стрелковой дивизии и военный коммендант Харькова. 22 марта во второй раз взят в плен.

С 28 марта по июль 1943 года содержался в лагерях военнопленных, затем освобожден и направлен в Дабендорфскую школу РОА. 27 февраля 1945 года произведен в генерал-майоры. 21 февраля вступил в командование 2-й дивизией.

Третья дивизия (700-я по немецкой нумерации) начала свое формирование 12 февраля 1945 года, но так и не закончила из-за отсутствия вооружения. Генерал-майору Шаповалову удалось собрать лишь штаб и набрать около 10 000 бойцов.

Шаповалов Михаил Михайлович. Родился в январе 1898 года в Курской губернии. Русский. Окончил 7 классов реального училища. В мае 1915 года вступил вольноопределяющимся в 9-й уланский полк. В РККА с апреля 1918 года. Командир эскадрона. Был в плену у петлюровцев. В 1919 году учился на Московских кавалерийских курсах. В феврале 1920-го — командир эскадрона в 22-м Киевском кавалерийском полку 1-й Конной армии. В августе — временный командир полка. С сентября 1921 года — помощник командира эскадрона на Харьковских кавалерийских курсах. С декабря командир 2-го эскадрона курсов. 2 февраля 1922 года зачислен курсантом кавалерийского отделения Киевской высшей педагогической военной школы. С ноября — адъютант 63-х пехотных курсов. С января 1923 года в строевых частях.

С октября 1924 года — слушатель химических курсов КУКС РККА. С сентября 1925 года — на учебе в Московской высшей военно-химической школе РККА. Без перерыва в учебе с 1926 года по октябрь 1927 года возглавлял химическую службу 651-го кавалерийского полка. По окончании школы прошел дополнительный специализированный химический курс усовершенствования на-

чальствующего состава РККА, с апреля 1932 года — начальник химической службы Владивостокского УРа. В 1936 году присвоено воинское звание «майор», а в 1937 году — «полковник». В этом же году назначен начальником штаба Владивостокского УРа и вскоре арестован как участник «антисоветского заговора». После освобождения через 8 месяцев был назначен начальником артиллерийской школы в Севастополе. В 1939—1941 годах — слушатель Военной академии им. Фрунзе.

В августе 1941 года — командир 320-й стрелковой дивизии под Феодосией, затем моторизованной группой у Керчи. В июне 1942 года — заместитель командира 1-го отдельного стрелкового корпуса Особой армии. В июле — командир корпуса.

30 июля корпус был переброшен на Кубань и в начале августа разбит под Армавиром.

14 августа Шаповалов сдался в плен, а 1 октября 1942 года постановлением СНК СССР ему было присвоено воинское звание «генерал-майор».

С 1943 года — начальник оперативного отдела Зондерштаба «Р» абвера в Варшаве. После его расформирования занимал должность начальника лагеря в городе Торн (Польша), в котором находились советские инженерно-технические работники. В декабре 1944 года формировал истребительно-противотанковую русскую добровольческую бригаду для обороны Берлина.

...Отдельная противотанковая бригада майора Второва. Начала свое формирование 1 февраля 1945 года в Мюнзингене и состояла из четырех противотанковых дивизионов. По штату имела штурмовые орудия и 2400 фаустпатронов. Численность — 1240 человек.

...Учебно-запасная бригада полковника Койды. Начала свое формирование в январе 1945 года в Мюнзингене, как резервная для подвижных частей РОА из военнопленных и остарбайтеров. В состав бригады входили: штаб, взвод полевой жандармерии, военный оркестр, пехотный полк, артиллерийский дивизион, моторизованный батальон, батальон истребителей танков, кавалерийский эскадрон, отдел связи, саперный батальон, батальон артиллерийско-технического снабжения, школа младших командиров и батальон выздоравливающих. Численность — 7000 человек.

Первая Объединенная офицерская школа. Возникла в ноябре 1944 года при 1-й дивизии РОА в Мюнзингене и позднее преобразована в самостоятельное военно-учебное заведение. В январе 1945 года эта школа была объединена со школой вермахта для

подготовки командиров народов Востока. Численность — 785 человек.

Управление штаба, службы обеспечения и части армейского подчинения РОА составили еще — 5000 человек.

Военно-воздушные силы РОА генерал-майора В.И. Мальцева.

В состав ВВС входили: управление штаба, взвод охраны, взвод особого назначения, 1-й авиационный полк, 9-й полк зенитной артиллерии, 12-й полк (строительства, телеграфной и воздушной связи), парашютно-десантный батальон, 6-я рота связи. В ВВС насчитывалось: 16 истребителей Ме-109, 12 легких бомбардировщиков Ю-88, 3 самолета-разведчика Фи-158, 1 истребитель Ме-262, 2 транспортных самолета Ю-52. В состав учебно-тренировочного парка входили по два Ме-109, Ю-88, Фи-156 и У-2 и по одному Хе-111 и До-17. Общая численность — 5000.

Мальцев Виктор Иванович. Родился в 1895 году в Ивановской губернии. Русский. Участник Гражданской войны. В РККА с 1918 года. В 1919 году окончил Егорьевскую школу военных летчиков. В апреле 1925 года назначен начальником Центрального аэродрома. В 1927 году — помощник начальника Управления ВВС СибВО. В 1931 году — начальник ВВС СибВО.

В 1936 году присвоено воинское звание «полковник». В 1937 году назначен начальником Туркменского управления Гражданского воздушного флота СССР. В марте 1938-го арестован как участник «антисоветского военного заговора». В сентябре 1939 года освобожден и реабилитирован.

1 декабря Мальцев назначен начальником санатория Аэрофлота в Ялте.

Осенью 1941 года из Ялты эвакуироваться не стал. 8 ноября явился в немецкую комендатуру и предложил сформировать антисталинское соединение под своим командованием. Несколько дней содержался в лагере военнопленных, затем освобожден за выявление советского и партийного актива в Ялте. С марта 1942 года — бургомистр Ялты, а с октября — мировой судья Ялты. До июня 1943 года формировал 6 небольших подразделений из крымских татар и другого местного населения, после чего участвовал в создании восточного батальона из карачаевцев, крымских татар, азербайджанцев и русских.

В конце сентября прибыл в Морицфельд для набора добровольцев в группу Холтерса из числа пленных летчиков, а в октябре занялся подбором личного состава и формированием Русской восточной авиационной группы. В январе 1944 года вместе

с эскадрилей убыл в Двинск, где участвовал в боевых вылетах против партизанских подразделений и отрядов Армии людовой.

По возвращении формировал группы из летчиков-военнопленных для перегона самолетов с заводов на полевые аэродромы, вербовал летчиков-военнопленных в лагерях Польши и Германии и выступал по радио с пропагандистскими речами. В конце сентября приступил к формированию 1-го авиационного полка.

...На параде 16 февраля в Мюзингене присутствовали генерал Кёстринг, командующий 5-м военным округом в Штуттгарте Файель, начальник полигона в Мюзингене генерал Веннигер и другие лица. Парад начался с обхода войск Власовым. Буняченко поднял руку в арийском приветствии и доложил рапорт. Закончив обход, Власов поднялся на трибуну. Начался парад 1-й дивизии. Шли три полка с винтовками наперевес, артиллерийский полк, истребительный противотанковый дивизион, батальоны саперов и связи. Шествие замыкала колонна танков и САУ.

Известно, что так называемый «Комитет освобождения народов России» Власова претендовал на представительство всех народов России. Однако ряд национальных лидеров высказали недовольство идеями генерала. Так, например, 18 ноября 1944 года ими был составлен и подан на имя Розенберга открытый протест. Как пишет Искандер Гилязов в своей монографии «Идель-Урал», «это был редкий случай политического единодушия — подписавшие протест заявили о своем несогласии с Власовым, который выступал от имени всех народов СССР. Они считали, что в данном случае речь вновь идет о “русском господстве”. Они (от народов Идель-Урала — Шафи Алмас, от армян — Армик Джамалян, от азербайджанцев — Аббас бей Атам-Алибеков, от грузин — Михаил Кедия, от северокавказских народов — Али Хан Кантемир, от крымских татар — Эдиге Мустафа Кирималь, от среднеазиатских народов — Карими, от украинцев — Мельник, от белорусов — Островский) предложили германскому правительству:

1. Воспрепятствовать любой попытке генерала Власова руководить нашими народами.

2. Признать права наших народов на самостоятельные государства и окончательно заявить о признании национальных представительств.

3. Разрешить создание наших национальных формирований под собственным руководством в оперативном подчинении вермахта и передать политическое руководство внутри этих формирований нашим национальным представительством.

В заключение составители протеста посчитали своим долгом заявить, как о самом важнейшем моменте, — если попытки генерала Власова руководить нашими народами не будут пресечены с полной решительностью, ни одно из национальных представительств наших народов не берет на себя ответственности за последствия, к которым в результате может привести власовская акция».

Сам же Власов ставил своей целью «объединение усилий всех народов СССР в борьбе против сталинской тирании» как абсолютно необходимое условие для успеха созданного им движения.

Уже в декабре 1944 года появляются в свет статья капитана фон Гроте о единении народов России и Востока в «общей борьбе» и публикация Р. Креца «Власовское движение и национальный вопрос». В последней «автор воспевал «мудрость» власовского руководства, «гарантировавшего право народов на самоопределение, самостоятельность и суверенность».

«13 января 1945 г. генерал добровольческих соединений дал “пропагандные указания” по поводу взаимоотношений национальных представительств с генералом Власовым, — пишет И. Гилязов. — Главной целью пропагандистской работы в данном вопросе провозглашалось — “убедить добровольцев нерусской национальности в том, что их национальные представительства (комитеты) не будут затронуты, их национальные части не будут ликвидированы или поставлены под русское командование. Национальные формирования должны воспринимать русское освободительное движение как железного союзника в борьбе против большевизма”».

После таких инструкций некоторые национальные лидеры очень быстро сменили свое отрицательное отношение к Власову и в том же 1944-м приветствовали «Пражский манифест». Кроме того, из штаба Власова периодически отправлялись к националам его представители, имеющие цель привлечь их на свою сторону.

«Однако ни пропагандистские призывы, ни практические шаги реально не смогли сблизить позиции русских и нерусских коллаборационистов, — подчеркивал И. Гилязов. — Численность “националов” в Русской освободительной армии Власова была очень невелика (число поволжско-приуральских татар в ней, по неточным данным “Союза борьбы”, достигало примерно тысячи человек). Не особенно стремились к сближению национальные представительства, которые декларировали в качестве своей глав-

ной цели создание “независимых, самостоятельных государств” и, несмотря на заверения Власова, не видели в нем своего союзника в достижении цели. Национальные лидеры воспринимали его в первую очередь как русского военного и политика, который в их понимании мог представлять лишь великодержавную, шовинистическую позицию».

Как утверждает Джон Армстронг, «части РОА, находившиеся на различных стадиях интеграции в это формирование, насчитывали к январю 1945 года 300 тысяч человек, из которых от 35 до 40 процентов были украинцами». При этом Армстронг ссылается на украинские источники.

Были сделаны и другие усилия для единения.

Например, 9 октября 1944 года состоялось собрание двадцати эмигрантов (среди участников были также начальник управления по делам русской эмиграции в Германии генерал от кавалерии В.В. Бискупский и начальник 2-го отдела РОВС в Германии генерал-майор А.А. фон Лампе) в Берлине.

Власов пришел последним и практически сразу же объяснил всем присутствующим цель собрания: предстоящее объединение всех русских частей под его командованием.

Он заявил, что ему представлено на рассмотрение несколько проектов об учреждении Комитета освобождения народов России, из которых он выбрал составленный Жиленковым, и прочел готовый текст. Затем предложил высказаться. Генерал Бискупский возражал только против пункта, в котором вина за происшедшее возлагалась на Николая II. Он просил убрать этот пункт, так как эмигранты в большинстве своем были монархистами.

6 декабря 1944-го Власов на двух автомобилях в сопровождении охраны приехал на переговоры в Берлин к казачьему генералу В.Г. Науменко. Под бутылку вина Андрей Андреевич вел разговор об отношении к нему генерала Краснова. Власова смущало то, что Краснов держится по отношению к нему неприязненно, хотя он ему зла не желает и воевать с ним не собирается. Далее они говорили о казаках, которые пишут Власову и просят служить и воевать под его командой. Андрей Андреевич предложил образовать казачье управление, чтобы дать возможность самим казакам решить свою судьбу.

20 декабря 1944 года вышел очередной номер газеты «Воля народа». В ней было опубликовано официальное информационное сообщение Комитета освобождения народов России от 17 декабря, где говорилось об учреждении Советов — Русском национальном, Белорусском национальном, Национальном Совете

народов Кавказа, Национальном маслахате народов Туркестана, Главном управлении Казачьих войск.

Представители национальных советов, избираемые ими, образовывали при Комитете освобождения народов России постоянное совещание по делам национальностей.

7 января 1945 года Власов наконец-таки встретился с Красновым. Андрей Андреевич говорил о своей единоличной власти, да так настойчиво, что его еле сдерживал начальник штаба. И все же соглашение о совместной работе было практически достигнуто. Был решен вопрос и о представительстве казачьих войск при ВС КОНР. Краснов и Власов поцеловались.

9 января Власов, читая проект Краснова, согласно кивал головой, пока не дошел до того места, где говорилось о совместной борьбе под германским командованием. Андрей Андреевич решительно возражал против этого, считая, что казаки должны быть подчинены только ему. При этом Краснов на это не соглашался и считал, что говорить о подчинении еще рано. Впоследствии Краснов сильно переживал, что немцы не могли определить свою линию между казаками и Власовым. О Власове же он всегда отзывался только нелестно.

Он не доверял «большевичку», думая, что тот намерен уничтожить казачество, послав его на передовые линии.

Вернувшись домой, Краснов набросал проект соглашения, в котором обосновал, почему казаки должны быть самостоятельны, и сказал о совместной работе с «большевиками» (власовцами). Переговоры продолжились.

22 марта 1945 года в 22 часа 15 минут в передаче по радио Комитета освобождения народов России сообщалось, что Кубанский войсковой атаман генерального штаба генерал-майор Науменко отдал приказ о включении Кубанского казачьего войска в ряды освободительного движения народов России под водительством Главнокомандующего Вооруженными силами Освободительной армии генерал-лейтенанта Власова.

На следующий день начальник Главного управления казачьих войск генерал от кавалерии Краснов подписал свой приказ за № 12, в котором осудил Науменко за его своеволие в отношении подчинения Власову. В частности, Краснов писал: «Наша сила — в единстве. Не уходом из своих частей в какие-то иные части, не прислушиванием к заманчивым словам лиц, не заслуживших кровью и борьбой права распоряжаться казаками, но твердой дисциплиной, полным повиновением своим боевым начальникам и указаниям моим, как начальника Главного управления казачьих

войск, вы, казаки, достигнете этого единства, а с ним вместе и подлинного признания ваших прав на землю и самобытное существование. Мы со своего казачьего пути не сойдем, но пойдем по нему вместе с германской армией, генерал-лейтенантом А.А. Власовым...»

Даже весной 45-го генерал Краснов оставался наиболее решительным и влиятельным противником объединения с РОА. В своей политической концепции П.Н. Краснов писал:

«Во власовское движение не следует вмешиваться: если окажется, что власовцы абсолютно преданные союзники гитлеровской Германии, тогда можно будет говорить о союзе с ними. А пока расчет только на вооруженные силы немцев».

И Краснов ничуть не ошибался. Как и многие другие, Власов прекрасно понимал, что наступление Красной армии остановить было уже невозможно. Поэтому он говорил одно, а делал совершенно другое. Например, осенью 1944 года Андрей Андреевич утверждал: «Признавая независимость каждого народа, национал-социализм представляет всем народам Европы возможность по-своему строить собственную жизнь. Для этого каждый народ нуждается в жизненном пространстве.

Обладание им Гитлер считает основным правом каждого народа. Поэтому оккупация русской территории немецкими войсками не направлена к уничтожению русских, а наоборот — победа над Сталиным возвратит русским их отечество в рамках семьи Новой Европы».

В то же время Власов и его «армия» смотрели в сторону Запада. По свидетельству Ю.С. Жеребкова, в январе 1945 года Власов начал переговоры с министерством иностранных дел, оберфюрером СС Крэггером, чтобы получить разрешение на непосредственные переговоры КОНРа с Международным Красным Крестом о защите интересов русских добровольцев, попавших в плен к западным союзникам. К тому же имелся обоснованный страх быть выданным Советам.

Эти переговоры были не чем иным, как прощупыванием почвы на ближайшее будущее. Нужно было спасти свою шкуру, и именно с этой целью велась переписка с Женевой и переговоры через Жеребкова с представителем Международного Красного Креста в Берлине.

Юрий Жеребков числился у Власова начальником управления внешних сношений Комитета освобождения народов России. Русский эмигрант, он лучше других знал, как нужно действовать.

В конце января 1945 года Жеребков встретился в Берлине с журналистом из Швейцарии Георгием Брюшвейлером, родившимся в Москве, который очень просил представить его Власову. До посещения Власова Жеребков имел с ним конфиденциальный разговор и получил от него обещание помочь Освободительному движению. По возвращении в Швейцарию он должен был, при посредстве своих крупных связей, переправить англо-американскому Главному командованию меморандум о «движении» и, кроме того, подготовить почву для непосредственного контакта КОНРа с западными союзниками.

На приеме у Власова Брюшвейлер обещал поместить ряд статей в «Нойе Цюрихер Цайтунг», правильно освещающих Освободительное движение. В первых числах февраля журналист с полученным от Власова материалом выехал в Швейцарию. Но публикации статей власовцы так и не увидели.

В марте 1945 года Жеребкову удалось отправить два письма: одно — Густаву Нобелю, которое он вручил шведскому военному атташе в Берлине полковнику Данфельду, и второе — генералу графу Ф.М. Нироду через испанского дипломата, летевшего в Мадрид.

В конце месяца в Праге Жеребков вел переговоры о предполагаемом съезде русских ученых. Там он встретился с профессором Вышеславцевым, у которого были хорошие связи в швейцарских научных и политических кругах. Он дал согласие, используя связи, помочь Освободительному движению. Инструкции профессор получил лично от Власова при встрече в Карлсбаде.

В апреле Международный Красный Крест дал ответ на письменное обращение КОНРа. Он выглядел примерно так: по получении письменного обращения КОНРа М.К.К. предпринял все нужные шаги перед англо-американскими правительствами. Однако ввиду деликатности и сложности положения КОНРа, благодаря его сотрудничеству с Германией, защита интересов добровольцев, попавших в плен к западным союзникам, очень нелегка.

В это же время высказывалась иллюзорная надежда, что именно Власов каким-то образом может изменить катастрофическое положение Германии. По свидетельству Жеребкова, многие политические и военные руководители считали, что «с помощью Власова и Русского освободительного движения, как экспонентов в борьбе против большевизма и Сталина, Германия сможет сговориться с союзниками и совместно продолжать войну против Советского Союза». Более того, «идея возможного сговора с англо-американцами при использовании имени Власова была

руководящей нитью всех последних германских решений и действий, связанных с Освободительным движением».

6 апреля 1945 года в Карлсбаде около половины одиннадцатого Власов и Науменко встретились в очередной раз. После двух рюмок и закуски Власов сказал, что дела немцев плохи и, видимо, Германия будет перерезана на две части — Юг и Север.

Науменко позднее вспоминал слова Власова: «“Если бы кто из нас попался в руки англичан, то унывать не надо, так как он имеет определенные данные, что те Советам нас выдавать не будут. На той стороне известно о формировании нашей армии и что там на это смотрят благожелательно. Во Франции Деникину разрешено формирование русских”. Со слов Власова видно, что он зондировал почву и насчет Швейцарии и что возможна посылка туда нашей делегации. Кемптен явится центром сосредоточения не только казаков, но и духовенства, а может быть, всей организации Власова.

Нам, казакам, Власов дает средства для того, чтобы мы могли развить там организационную работу, — считал Науменко. — Он сказал, чтобы мы написали ему, сколько нам надо денег, а он делает соответствующее распоряжение».

Генерал-майор А.В. Туркул (из белоэмигрантов) начал формирование своего корпуса из личного состава русских подразделений в составе вермахта и войск СС в конце 1944 года в районе Зальцбурга (Австрия). Опираясь при этом Туркул на участников Белого движения. Известно, что в состав корпуса вошли отдельный русский пехотный полк полковника Кржижановского, Особый русский полк СС «Варяг» полковника М.А. Семёнова и отдельный Донской казачий полк генерал-майора С.К. Бородина. Численность — 5200.

В январе 1945 года генерал-лейтенант Б.А. Штейфон, командир Русского корпуса, заявил о готовности подчинить свой корпус Власову и «его армии». Но только 25 марта 1945 года. Русский корпус официально перешел в подчинение генералу Туркулу. Власов надеялся соединить эти два корпуса. Но 30 апреля Штейфон скоропостижно скончался. Корпус насчитывал всего 5584 человека.

XV казачий кавалерийский корпус группенфюрера СС Х. фон Паннвица насчитывал в своих рядах не менее 32 000 человек, без военнослужащих вермахта и войск СС.

1 апреля 1945 года генерал Власов своим решением назначил И.Н. Кононова походным атаманом всех казачьих войск ВС КОНР, командиром 15-го корпуса и самолично произвел в генера-

лы. Что, впрочем, противоречило договоренностям с немецкими хозяевами. Кононов же в командование вступить и не смог бы, потому как его немецкий командир Х. фон Паннвиц вряд ли бы освободил свое законное место командира. Да, с назначением Кононова, в прошлом майора РККА и командира 436-го стрелкового полка, походным атаманом Власов тоже перестарался. Все эти решения вряд ли имели какую-либо законную силу.

Отдельный казачий корпус в Северной Италии (Казачий Стан) генерал-майора Т.И. Доманова насчитывал 18 395 человек. Сам Доманов, несмотря на протесты генерала Краснова, признал Власова главнокомандующим и заявил о подчинении Отдельного казачьего корпуса в Северной Италии ВС КОНР.

Общую численность ВС КОНР К.М. Александров определяет более чем в 124 000 человек. По его мнению, она могла быть гораздо больше, если немцы передали бы Власову «большую часть восточных добровольческих подразделений». А это русская гренадерская бригада, четыре полка, 25 отдельных русских и украинских формирований численностью от дивизиона до батальона. Впрочем, по подсчетам Хоффмана, личный состав Русской освободительной армии достигал пятидесяти тысяч человек.

«Боевое использование власовцев себя оправдало, — пишет К. Александров в книге «Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова». (...)

26 марта 1945 г. на место дислокации 5-го горнопехотного корпуса СС 9-й армии вермахта прибыла 1-я пехотная дивизия ВС КОНР генерал-майора С.К. Буняченко. Соединение заняло позицию в районах полигона «Кумрак» и монастырского леса Нейцелле по соседству с 391-й охранной дивизией вермахта. 12 апреля дивизия выдвинулась на исходные позиции в полосе предместного укрепления 119-го УРа 33-й армии 1-го Белорусского фронта. Генерал пехоты Т. Буссе предложил Буняченко уничтожить советское укрепление на западном берегу Одера и отбросить противника на восточный. Власовцы действовали полностью самостоятельно, используя лишь поддержку нескольких германских батарей при артподготовке. 13 апреля в 4.45 начался огневой налет. В 5.15 2-й полк подполковника ВС КОНР В.П. Артемьева и 3-й полк подполковника ВС КОНР Г.П. Александрова перешли в наступление. К 8 утра власовцы прорвали первую линию обороны, потеснив обороняющихся на 500 м и захватив ряд огневых точек. Однако нарастающий заградительный огонь с восточного берега и глубоко эшелонированная оборона заставили Буняченко к 10.00 остановить наступление. Позднее В.П. Артемьев возму-

ценно писал, что немцы специально организовали данную операцию, чтобы обескровить дивизию и лишить ее боеприпасов, т.к. добиться успеха в тех условиях не представлялось реальным. 14 апреля 1945 г. в дневнике ОКВ появилась запись о том, что “русские силы показали готовность к наступлению”. По некоторым данным, только безвозвратные потери Буняченко в операции “Апрельский ветер” составили до 400 человек. На следующий день после наступления командир дивизии собрал всех старших офицеров и предложил обсудить вопрос об уходе соединения с Одерского фронта. 15 апреля, самовольно покинув позиции, 1-я пехотная дивизия ВС КОНР двинулась в Чехию, фактически перестав подчиняться германскому командованию».

В журнале боевых действий 33-й армии о появлении на фронте 1-й дивизии РОА зафиксировано буквально следующее: «... До 7.20 утра 13.4.45 г. противник вел мощный артиллерийский и минометный огонь, главным образом обстреливая плацдарм южнее Фюрстенберга.

Авиация противника парами и одиночными самолетами в полосу армии вела разведку и бомбометание в районах Геппен, Кунерсдорф.

В 7.20 13.4.45 г. противник после мощной артиллерийской подготовки атаковал подразделения 119 УР силою до двух батальонов с двух направлений — роща южнее Фюрстенберга и севернее отм. 30.7. Завязался упорный бой. Подразделения 16 ОПАБ встретили противника огнем из всех видов стрелкового оружия. Бой вскоре перешел в рукопашную схватку. После продолжительного упорного боя атака противника в роще южнее Фюрстенберга была полностью отбита с большими потерями для врага. Бой в районе севернее отм. 30.7 принял несколько иной характер. Противник дополнительно бросил на поддержку своей атакующей пехоте 12 танков и несколько самоходных орудий, и в результате противнику двумя взводами удалось ворваться в первую линию наших траншей и взять временно под контроль переправу на плацдарм. Бой продолжался до исхода дня 13.4.45 г.

[...]

14.4.45. Ворвавшийся вчера противник в первую траншею 415 ОПАБ 119 УР сегодня после короткого удара был выбит и с большими потерями для него отброшен в исходное положение. При этом было взято два пленных, принадлежащие 1603 пп 600 пд (Власова)».

А это уже из разведсводки № 100 штаба 33-й армии за 14 апреля: «...Пленные 2-й роты 1603-го гр[енадерского] п[олка],

приданного 600-й пд РОА, на допросе показали: дивизия сформирована в период с 1.12.44 по 10.2.45 г. в Мюнзингене (45 км юго-восточнее Штуттгарта) в составе трех пехотных и артиллерийских полков, разведотряда, батальона связи, саперного батальона. Формирование происходило под командованием немецких офицеров из бывших русских военнопленных и мобилизованных в оккупированных районах. [...]

10.2. в честь окончания формирования дивизии и передачи ее Власову в Мюнзингене состоялся парад, на котором участвовали две дивизии. Генерал-лейтенант Власов, принимая дивизию, указывал, что он принимает две дивизии — 600 и 605 пд, из которых формирование 605 пд еще не закончено.

В период с 11 по 28.3 дивизия пешим порядком и по железной дороге перебросена в район юго-западнее Фюрстенберга и сосредоточена в лесу западнее Дило, западнее Мебискруге.

Дивизия подчинена 9-й армии.

До 10.4. 1—1 батальон 1603-го гренадерского полка занимался отрыванием окопов в лесу западнее Мебискруге и боевой подготовкой.

В 1603-м гр[енадерском] п[олку] — три батальона по три стрелковых и пулеметной роте в каждом, во второй роте 135 человек, 9 ручных пулеметов.

12.4. 2-я рота 1603-го гр[енадерского] п[олка] была придана 2-му батальону предположительно 1602-го гр[енадерского] п[олка] для участия в атаке в районе севернее отм. 30.7 [...]

Командир этого батальона, ставя задачу на атаку, указывал, что из района Стад (южнее Фюрстенберга) должны атаковать подразделения одного из полков этой дивизии с задачей — одновременной атакой выбить русских с западного берега р. Одер южнее Фюрстенберга и после подхода немецких подразделений, обороняющихся на этом участке, отойти обратно.

Солдатам зачитывались, и сами пленные видели приказы по 1603-му гр[енадерскому] п[олку] 600-й пд. Ранее зачитывались приказы, по которым полк принадлежал 1-й дивизии РОА.

Командир 1603-го гр[енадерского] п[олка] подполковник Александров.

Штаб дивизии в лесу 10—11 км, западнее Мебискруге, солдаты 9 и 11 апреля в штабе видели Власова, который вызывал их к себе на беседу...»

Как видно из этих документов, боевое использование власовцев оказалось весьма неудачным и неэффективным. Более того, как показал сам командир 1-й дивизии РОА генерал Буныченко

на допросе 31 января 1945 года: «13 апреля по приказу генерала Власова я выделил по одному батальону из 2-го и 3-го пехотных полков, противотанковый и артиллерийский полк для участия в боевых операциях против Красной армии. Эти части дивизии по приказу немецкого штаба вели бой с Красной Армией на р. Одер... После поражения моих частей на реке Одер больше дивизию в бой с частями Красной армии я не вводил. При наступлении советских войск на Берлин я, поняв неизбежность поражения Германии, увел свои части на территорию Чехословакии с тем, чтобы после перейти на сторону англо-американских войск».

Кстати сказать, сама идея проведения пробного боя РОА принадлежала инспектору Восточных войск генералу Кёстрингу. Дабы убедить верховное командование и лично Гимmlера в эффективности РОА, как пишет Н. Толстой в книге «Жертвы Ялты», «Буняченко воспринял эту идею в штыки, заявив, что не позволит своим формированиям участвовать в бою до окончания обучения и получения полного боекомплекта. Тогда из русских, находящихся в Штеттине (ныне Щецин), была набрана группа добровольцев под командованием двух белоэмигрантов, полковника Сахарова и графа Ламсдорфа, и они отважно атаковали укрепленный плацдарм в Нейловине, на Одере».

Речь идет об ударной группе (противотанковом отряде) из трех пехотных взводов, укомплектованной добровольцами батальона охраны штаба Власова и курсантами Дабендорфской школы.

6 февраля подразделение прибыло в оперативное подчинение 303-й пехотной дивизии «Деберитц» 9-й армии генерала пехоты Т. Буссе.

9 февраля в 20.00 при поддержке двух батальонов пехоты, 10 танков и артиллерии из района Ней-Левин эта группа Сахарова атаковала плацдарм, занятый подразделениями 230-й стрелковой дивизии. Первая атака была отбита. В 00.00 атаку повторили. 10 февраля к 2.00 власовцы захватили южную часть Карлсбизе и Керстенбруха, населенный пункт Ней-Левин, обеспечив успешный ввод немецких резервов.

Но стоит ли обращать внимание на действия всего лишь сборного подразделения, отдувающегося за всю РОА. Тем более что успех был незначительным, временным, а самое главное, он уже не мог изменить хода войны...

О выступлении 1-й дивизии Н. Толстой сообщает следующее: «Вермахт не предоставил им никакого моторизованного транспорта, а бомбежки союзников вывели из строя железнодорожную линию между Ульмом и Нюрнбергом, так что первые 200 киломе-

тров дивизия со всем снаряжением проделала пешком. По пути к ним присоединялись группы русских “восточных рабочих” и военнопленных, и когда 19 марта они достигли Нюрнберга, состав дивизии возрос примерно на три тысячи человек.

На время погрузки в поезда Буняченко устроил себе штаб-квартиру в соседней деревне, и здесь случился один довольно неприятный инцидент. Генерал Власов, как обычно в сопровождении доктора Крегера, явился смотреть уходящие на фронт войска. Было 8 часов утра, и никто не доложил Буняченко о появлении генерала и оберфюрера. Адьютант смущенно объяснил, что Буняченко не может принять их, так как мучается зубной болью. Когда же они стали настаивать, он попытался попросту загородить путь, но Власов, человек недюжинной силы и почти двухметрового роста, отстранил его и вошел в комнату. За столом, уставленным бутылками и стаканами, сидели вдрызг пьяные Буняченко и его начальник штаба, а также два младших офицера и парочка полуодетых девиц явно не военного вида. Поскольку Буняченко в это самое время должен был заниматься отправкой своей дивизии на фронт, Власов, естественно, пришел в ярость».

Словом, не хотели ни Буняченко, ни его солдаты и офицеры воевать за Германию...

А вот что показал сам Власов: «1-ю дивизию РОА, находившуюся в районе Берлина, где она по указанию Гимmlера отдельными частями участвовала в боях против Красной армии, я, воспользовавшись тем, что Гимmlер сложил с себя командование северо-восточной группой войск, перебросил на территорию Чехословакии, имея в виду, что в этом направлении наступают англо-американские войска. Туда же я намеревался стянуть и остальные силы Русской освободительной армии».

Командир 2-й дивизии РОА генерал Зверев своими показаниями дополнил общую картину бегства: «В первой половине апреля 1945 г. я получил приказание от Трухина двигаться со своей дивизией из Мюнзингена в район города Каплиц (на границе Германии с Чехословакией). В этот же район по приказу штаба армии должны были прибыть: офицерское училище, запасная бригада, строительный батальон, а также из района города Прага 1-я дивизия, из Италии — казачий корпус и из Сербии — русский охранный корпус, сформированный немцами из белогвардейцев. По сути дела, в районе города Каплиц должны были сосредоточиться все вооруженные силы РОА...

Как только части южной группы войск РОА двинулись к месту сосредоточения, в связи с создавшейся тяжелой для немцев

обстановкой на фронтах связь с Власовым была потеряна. Трухин неоднократно пытался связаться с ним, но безрезультатно, и только вблизи пункта сосредоточения в районе гор[ода] Каплица я получил через Шаповалова приказ Власова, согласно которому мне предлагалось немедленно направить дивизию на север к Праге для соединения с первой дивизией, которая в начале марта 1945 г. под командованием... Буняченко находилась в районе Берлина, где один из ее батальонов и арtpолк по приказу Власова принимали участие в боях против Красной армии... Полученный приказ Власова о соединении с первой дивизией мной выполнен не был. 9 мая 1945 г. в районе г. Линц я был американцами задержан».

Таким образом, когда до окончания войны оставалось совсем немного времени, солдаты и офицеры РОА вполне осознавали, что их может ожидать, попади они в плен к своим соотечественникам. Возмездие было неотвратимым. Совсем недавний ужас и страх плена немецкого теперь сменился мучительным страхом за свою судьбу и ужасом ее ожидания.

Разложение власовской армии и всех добровольческих восточных частей остановить было уже невозможно. Пьянство, разврат, обмен обмундирования на водку, золотые украшения и огромные суммы денег, выигранные в карты, доносы, потеря духа и паника — все это лишь частично характеризовало так называемое «освободительное движение» и «армию Власова».

В данной ситуации стояла вполне главная задача — успеть сдать англо-американским войскам большей частью РОА, ибо только в этом случае можно было говорить о каком-либо «освободительном движении».

Удивительно, но Власов каким-то образом сохранял присутствие духа. 13 апреля 1945 года, в день, когда бойцы 1-й дивизии РОА атаковали позиции 119-го укрепрайона 33-й армии 1-го Белорусского фронта, в отеле «Ричмонд» в Карлсбаде состоялось официальное бракосочетание Власова с фрау Биленберг, вдовой эсэсовца...

Через четыре дня Андрей Андреевич в последний раз встретился с Штрик-Штрикфельдтом. Один на один он сообщил Вильфриду Карловичу о своем согласии на боевое применение в районе Одера своей единственной полностью сформированной и вооруженной дивизии, чтобы показать немцам надежность добровольцев даже в условиях развала фронта и краха Германии.

Первая дивизия и все наличные добровольческие части должны были быть сконцентрированы на линии Прага — Линц.

Это «составляло часть плана, направленного на создание сильного военного соединения, в конце концов — на территории Югославии — из российских, чешских, югославских и даже немецких добровольцев. Этот интернациональный корпус должен был составить ядро военно-политического сопротивления вторгающемуся в Европу сталинскому большевизму», — вспоминал Штрик-Штрикфельдт.

В разговоре Власов также упомянул, что еще несколько месяцев назад уполномочил Ю.С. Жеребкова войти в контакт с англичанами и американцами через посредничество Международного Красного Креста в Женеве. Целью Власова было добиться признания всех добровольцев политическими противниками сталинского режима, имеющими право на политическое убежище.

В конце апреля 1945 года немцы объявили Прагу открытым городом, что означало отказ от уличных боев.

«Статус открытого лазаретного города предполагал вывод из него всех войск и учреждений, кроме госпиталей. В связи с этим немцы были уверены, что и войска союзников не будут туда входить, — рассказывал А. Мелленберг в статье «Двое из двадцати семи миллионов». — И действительно, даже по советским послевоенным картам освобождения Праги в мае 1945 г. видно, что группа армий «Центр» не обороняла чешскую столицу. Большой своей частью она находилась восточнее и юго-восточнее Праги, сдерживая наступление двух Украинских фронтов и давая возможность остальным соединениям, обтекая Прагу, уходить в западном направлении для сдачи в плен американцам.

Из показаний Власова: «Прибывшая на территорию Чехословакии 1-я дивизия под влиянием местного населения стала разлагаться и разоружать немцев, а в начале мая 1945 г. в районе Праги имела вооруженные столкновения с германскими войсками».

1—2 мая Власов выехал в 1-ю дивизию, а 4 мая там его застал Шаповалов. В Сухомасте, в штабе находился комдив Буняченко. Немцы вызвали Власова в свой штаб и в буквальном смысле устроили ему разнос за разложение русской дивизии.

Власов: «В связи с этим меня вызвал командующий германской группой войск генерал-фельдмаршал Шернер и потребовал объяснений. Я заявил, что немедленно выеду на место и наведу порядок. Тогда же он узнал о сдаче в плен американцам принятой от Геринга воинской части Мальцева».

Еще 24 апреля Мальцев по совету генерала Ашенбреннера принял решение о вступлении в совместные переговоры с начальником штаба 12-го корпуса 3-й американской армии бригадным

генералом Р.Д. Кенином. 25 апреля отдал приказ своим частям двигаться на Цвизель, а 30 апреля между Цвизелем и Регеном в местечке Лангдорф сдался представителям 12-го американского корпуса 3-й американской армии, не сумев соединиться с Южной группой.

В донесении Шаповалова от 5 мая говорилось: «Генерал Мальцев с 3000 своих солдат, на одну треть вооруженных, 1.5.45 г. после переговоров с американским командованием перешел на сторону американцев. Таким образом, его здесь уже нет.

Сдача-переход произошли в городе Цвисель, что 90 км южнее Пильен или 110—120 км юго-восточнее Мариенбада. Генерал Мальцев переговоры вел вместе с германским генералом...

Результаты переговоров никому не известны, сообщения с той стороны о том, как с ними поступили, нет. Американцы будто бы обещают невыдачу Советам.

Что касается летного и технического состава, то он остался здесь в Дейч Вроде и сейчас, оставляя машины в Дейч Вродя, сами идут на присоединение к 600-й сд. Самолеты немецкие, их не дают».

По одним источникам, в Праге все началось с того, что партизаны в ночь на 5 мая совершили ряд нападений на немецкие лазареты. В ответ на это эсэсовцы жестоко обошлись с местным населением города. Видимо, это и стало началом «пражского национального восстания».

По другим, восстание в Праге намечалось на 7 мая, но стихийные выступления в Прешерове, в Подебрадах и других городах начались 1—4 мая. 5 мая центром восстания стала сама Прага. На подавление восстания немцы бросили изрядно потрепанные в боях за Будапешт и Вену соединения 6-й армии СС, отступающие перед 3-м Украинским фронтом на запад для сдачи в плен американцам (2-я танковая дивизия СС «Рейх», 5-я танковая дивизия СС «Викинг» и 44-я мотопехотная дивизия СС «Валленштейн»).

Войдя в город утром 6 мая с севера, востока и юга, немцы перешли в наступление против повстанцев. Ситуация стала критической...

Ночью 6 мая Чешский Национальный Совет обратился по радио за помощью:

«На Прагу наступают немцы со всех сторон. В действии германские танки, артиллерия и пехота. Прага настоятельно нуждается в помощи. Пошлите самолеты, танки и оружие. Помогите, помогите, быстро помогите!»

Боевые действия 1-й дивизии РОА начались во второй половине дня 6 мая 1945 года с попытки захватить расположенный северо-западнее Праги аэродром Рузыне, где дислоцировалась 6-я немецкая бомбардировочная эскадра, усиленная реактивными истребителями Me-262. Власовцам нужны были самолеты.

При наступлении на аэродром власовцами был захвачен и расстрелян парламентар, начальник штаба 8-го авиакорпуса. В ответ немцы подняли реактивную авиацию, атаковавшую власовцев на бреющем полете. Третий полк дивизии понес потери, а немцы сумели передислоцировать технику и после этого оставили аэродром. На его территории власовцы обнаружили запасы метилового спирта, от которого, получив многочисленные отравления, некоторые скончались.

На пути стояла Прага. Ее можно было обойти, но необходимость в продовольствии и боеприпасах вынудила 1-ю дивизию войти в город. Тем более что никто не исключал занятия Праги американцами. Впрочем, бытует и другое мнение. Оно отличается только по времени и датам.

«Вечером 2 мая в штаб 1-й дивизии РОА прибыла делегация восставших чешских партизан. Они попросили власовцев помочь им. Командир дивизии Буняченко ухватился за эту идею. Он убеждал Власова: будущее чехословацкое правительство в знак благодарности предоставит РОА политическое убежище и замолвит за них слово перед союзниками. 5 мая дивизия Буняченко достигла соглашения с партизанами о «совместной борьбе с национал-социализмом и большевизмом». Вечером передовые части РОА вошли в Прагу, где продолжались тяжелые бои», — утверждает Л. Млечин.

«4 мая 1945 г. командир 1-й пехотной дивизии генерал-майор ВС КОНР С.К. Буняченко, начальник штаба подполковник ВС КОНР Н.П. Николаев и командир 4-го пехотного полка полковник ВС КОНР И.К. Сахаров в селении Сухомасты подписали соглашение с делегатами подпольной чешской военной комендатуры «Бартош» генерала Ф. Култвашра о совместной борьбе против нацизма и большевизма. 5 мая в полдень части СС и Пражского гарнизона по приказу генерал-губернатора Чехии и Моравии К.Г. Франка открыли ответный огонь по начавшим боевые действия группам Сопротивления. Уже к вечеру восстание оказалось на краю гибели из-за подавляющего превосходства немцев. В этот же день дивизия Буняченко двинулась из Сухомаст на Прагу. Власов, находившийся в районе дислокации дивизии, в события не вмешивался», — констатирует К. Александров.

Из донесения генерала Шаповалова генералу Трухину от 5 мая 1945 года 08.45: «...Генерала А.А. Власова и 600-ю сд нашел и лично в 22 ч.00 м. 4.5.45 г. с генералом Власовым и генералом Буныченко связался.

Местонахождение А.А. Власова вместе со штабом 600 сд...

Штаб дивизии — Сухомаст.

Сегодня 5.5.45 и завтра 6.5.45 дивизия будет находиться здесь, штаб Сухомаст.

В ночь с 6 на 7 мая генерал Буныченко с дивизией перейдет несколько южнее с целью приблизиться к нам... штаб будет располагаться Пибранс.

Генерал Власов приказал вам передать:

а) все части, находящиеся под вашим командованием, немедленно двигать на север для скорейшего соединения с 600-й сд;

б) никаких других приказов, откуда бы они ни исходили, не выполнять, сейчас главнейшая цель соединиться в единый кулак;

в) никого и нигде не признавать;

г) всеми способами получить продовольствие, сколько только возможно везти с собой, для чего мобилизовать подводы через местные власти или жандармами штаба, соблюдая при этом корректность, исключая боязнь за последствия при случае взятия транспорта самочинно;

д) там же есть возможность применять акты самовооружения;

е) кроме мобилизации подвод для транспортировки продовольствия подводы мобилизовать для подвозки отстающих и больных;

ж) в случае возражения германского офицера связи по поводу невыполнения приказа командующего “Зюд” ему сказать, что имеется устный приказ А.А. Власова выполнять более серьезную задачу вместе с 600-й сд;

з) добиться от Херре всеми способами, путем расспросов, где имеются по пути движения или в ближайших тыловых пунктах склады продовольственные, вещевые, вооружения;

и) о результатах переговоров Асберга и Позднякова донести генералу Власову;

к) главные условия переговоров с англо-американцами:

1) невыдача нас СССР;

2) признание нас как политического фактора в будущем сильного и в военном смысле...»

Только один этот документ чрезвычайно точно и красочно говорит о том, какие задачи и проблемы стояли перед власовцами в

эти майские дни. Прага действительно стала для первой дивизии случайностью.

Утром 7 мая 1-й полк 1-й дивизии (600) беспрепятственно продвинулся от Смихова до Страшница и Панкраца. 1604-й полк, продвигаясь с севера, занял центр города и высоту близ Петржина. 3-й полк занял излучину Влтавы у Градчан, а 2-й полк противодействовал продвижению с юга частей дивизии «Валленштейн». Их действия поддерживались артиллерийским полком, ведущим огонь по городу.

По мнению историков, наиболее крупным успехом дивизии РОА явилось разоружение 500 немецких солдат в районе Лобковицкой площади. При этом надо учитывать, что немцы постоянно высылали к Буняченко парламентаров, надеясь ликвидировать недоразумение. Именно «недоразумением» и воспользовались власовцы, пополнив себя вооружением, боеприпасами и продовольствием.

Вечером 7 мая 1-я дивизия фактически поделила город на две части, затрудняя маневр немцев с севера на юг. Однако их опорные пункты в районе Градчины, стадиона в Страхове, в Дейвице и других частях города продолжали действовать и представлять большую опасность для повстанцев.

Вскоре осложнились взаимоотношения между повстанцами и власовцами. Началась перестрелка на вокзале Вршовицы. К тому же стало известно, что 6 мая генерал Эйзенхауэр запретил продвижение американских войск за линию Карловы Вары — Пльзень — Ческо — Будеевице.

7 мая, пробыв в Праге несколько часов, 1-я дивизия оставила город. Нетронутыми остались и опорные пункты немцев, и их части.

«Когда поступило известие о безоговорочной капитуляции Германии, Буняченко получил от Временного (патриотического) чешского правительства разрешение вывести дивизию из города. Не желая терять такую редкую добычу, чешские коммунисты попытались помешать отступлению. И солдаты РОА вновь оказались союзниками немцев: они вместе старались уйти от Красной армии и с помощью двух рот танковых войск СС 9 мая пробились через окружение к своей базе под Прагой», — писал Толстой.

7 мая мастер горной войны генерал-фельдмаршал Ф. Шернер (его группа армий «Центр» и группа армий «Австрия» под командованием Л. Рендулича насчитывали более миллиона человек) отдал приказ: «Неприятельская пропаганда распространяет ложные слухи о капитуляции Германии перед союзниками.

Предупреждаю войска, что война Советского Союза будет продолжаться».

В этот день англо-американское командование приняло от немцев капитуляцию в Реймсе. Тем не менее Шернер со своими войсками не только сопротивлялся, но и пытался подавить восстание в Праге. Он саботировал капитуляцию, официально прикрываясь тем, что ему мешают чешские повстанцы. Они, мол, постоянно нарушают телефонные линии, перехватывают посылных, передающих приказы войскам, и тем самым делают невозможным проведение планомерной капитуляции.

В связи с этим 8 мая немцы уведомили Эйзенхауэра в том, что капитуляция в Чехословакии затруднена, и просили радиостанции, находящиеся в руках восставших, использовать для передачи приказов войскам.

Сам Шернер в этот момент разрабатывал план прорыва группы армий «Центр» в зону американцев, чтобы там сложить оружие. Утром 8 мая он получил приказ направиться в район Рудных гор для проведения капитуляции.

Однако, выдвинувшись в ночь с 7 на 8 мая, утром 8-го штаб Шернера был полностью уничтожен при танковом прорыве советских частей. А ведь 7-го вечером фронт еще существовал. Шернер чудом избежал плена и, переодевшись в штатский костюм, скрылся в лесах.

Тем временем группа армий «Центр», не имея приказа от Шернера сдаваться в плен Красной армии и продолжая надеяться на относительно благополучный отход за линию американцев, заполучив в Праге соглашение на это с Чешским Национальным Советом, продолжала оказывать сопротивление.

9 мая в 4 часа утра в Прагу вошли части войск 1-го Украинского фронта. Но полностью Прага была очищена только к 10 часам утра. В час дня в 35 км юго-восточнее Праги с частями 1-го Украинского фронта соединились войска 2-го Украинского фронта, а вечером к Праге вышла подвижная группа 4-го Украинского фронта. Даже 10 мая 2-й гвардейский мехкорпус в районе Часлава встретил серьезное сопротивление противника.

Командование же отходившими из Праги остатками трех эсэсовских дивизий принял на себя начальник пражской полиции обергруппенфюрер СС граф Карл фон Пюклер-Бургхаус. Как пишет А. Меленберг, «попытка немцев сдаться американцам не удалась. Они уже выполняли условия советской стороны. Тогда невдалеке от чешского городка Пршибрам, в районе деревень Милин и Сливице, используя сильно пересеченную местность,

эсэсовцы создали систему окопов и пулеметных гнезд, закопали в землю оставшиеся у них орудия и танки. Заняли круговую оборону. (...)

Утром 11 мая 2-й гвардейский механизированный корпус генерал-лейтенанта Карпа Свиридова из состава 6-й гвардейской танковой армии получил задачу выдвинуться в город Пршибрам, где-то в 60-ти км от Праги в юго-западном направлении с целью не давать возможности отдельным немецким частям уходить в плен к американцам.

В тот же день первыми в бой с эсэсовцами вступили чехословацкие партизаны... Но, понеся потери, вынуждены были просить о помощи. Первым к месту боя подошел 99-й отдельный мотоциклетный батальон, шедший в авангарде 2-го гвардейского мехкорпуса... Всего 56 солдат погибли в этом бою, количество погибших партизан до сих пор составляет тайну (по чешским источникам — 46 человек).

С рассветом 12 мая, подтянув за ночь всю артиллерию корпуса, наши открыли ураганный огонь. Реактивные установки “катюша” били, не переставая, до наступления темноты. “Яки” 112-го гвардейского истребительного авиаполка весь день висели над позициями противника. По словам ветерана-летчика, садились, только чтобы пополнить боекомплект, и снова взлетали. Ночью опять пошла в атаку пехота. Графа Пюклера нашли в его штабном окопе застрелившимся. Оставшиеся эсэсовцы также предпочли смерть плену, но дрались до последнего патрона, стреляя в уже победивших солдат...» По сводкам 2-го Украинского фронта прослеживается ликвидация отдельных, оказывавших сопротивление групп противника до 19 мая.

В ходе Пражской операции 860 тысяч немецких солдат и офицеров были взяты в плен. Безвозвратные потери советских войск в Чехословакии составили 139 918 человек, в том числе 122 392 было убито и умерло от ран и болезней.

В 1993 году 6 мая на Ольшанском кладбище в Праге над холмом, где лежали триста павших в бою солдат и офицеров армии Власова, был водружен деревянный крест...

Но разве могла 1-я дивизия РОА освободить Прагу?

Прочитируем Н. Толстого по его книге «Жертвы Ялты»: «В конце апреля Зверев со своей дивизией вышел из Линца на север, к Праге. С ним шел Федор Трухин, начальник власовского штаба. Никто из них не знал о намерениях Буняченко помочь чехам, и 5 мая они начали с американцами переговоры о сдаче в плен. Американцы дали им тридцать шесть часов, после чего они

должны были прийти в назначенное место и сложить оружие. Получив такой ответ, Трухин послал генерала Боярского сообщить Власову и Буначенко о предстоящей капитуляции и посоветовать им, пока не поздно, последовать их примеру. Трухин ждал — но ответа не было, а срок, поставленный американцами, приближался. Тогда Трухин решил сам идти на север вместе с еще одним генералом и своим адъютантом, Ромашкиным».

Трухин успел предварительно договориться с командованием 11-й танковой и 26-й пехотной дивизий 3-й американской армии о капитуляции Южной группы. Получив известие о местонахождении Власова, послал к нему для уточнения дальнейших действий Боярского. А когда тот не вернулся, вечером 7 мая выехал к Власову вместе с Шаповаловым. Утром 8 мая у Пршибрама их захватили чешские партизаны. Шаповалова расстреляли, а Трухина 9 мая передали советскому командованию.

А в это время генерал Зверев впал в депрессию и не выполнял приказы. Сначала он не выполнил приказ Трухина 5 мая — собрать дивизию в кулак у деревни Липнице, где размещался штаб. Затем в ночь с 6 на 7 не выполнил приказ о переводе дивизии в район дислокации штаба и офицерской школы. 8 мая он пообещал выполнить третий приказ, но не выполнил и его. Его дивизия осталась на месте. 9 мая он просил оружие у начальника немецкой группы связи майора З. Кайлинга, чтобы атаковать подходящие части 297-й стрелковой дивизии. Но теперь его 2-я дивизия не только потеряла боеспособность, но и дезертировала. Он пытался покончить собой, а ночью был захвачен в плен советскими войсками вместе со своими людьми. Известно, что спастись удалось только одному полку дивизии, успевшему продвинуться на запад.

Генерал Жиленков еще 27 марта предлагал членам КОНРа эвакуироваться в Испанию, пользуясь симпатиями генерала Ф. Франко. Но большинство членов Комитета по каким-то причинам отвергло это предложение. В конце апреля он выехал в сторону швейцарской границы, чтобы возобновить переговоры с англо-американскими союзниками о спасении КОНРа.

6 мая Жиленков распустил роту охраны, оставив при себе взвод солдат и нескольких офицеров.

7 мая установил связь с представителями временного австрийского правительства, добившись гарантий о политическом убежище. 16 мая направил своего представителя на переговоры с американцами, а через два дня был вызван на переговоры сам и интернирован.

Генерал Закутный 26 апреля по поручению Власова остался в Фюссенне вместе с группой членов КОНРа для связи с англо-американцами. 20 мая 1945 года он был задержан немецкой полицией...

Генерал Благовещенский в апреле 45-го был назначен Власовым представителем КОНРа для связи с союзными войсками. В конце мая он встретился с советскими офицерами в Пльзене и оставил им свой адрес...

Генерал Малышкин в апреле получил задание и полномочия от генерала Власова вступить в контакт с американским командованием для переговоров о предоставлении РОА политического убежища. 29 апреля вступил в переговоры с начальником отдела армейской разведки штаба 7-й американской армии, а 4 мая отправлен в лагерь Аугсбург.

Только 9 мая Малышкин был американцами интернирован.

Как писал А. Александров: «Большая часть группы генерал-майора А.В. Туркула сдалась союзникам в Зальцбурге, а полк М.А. Семенова “Варяг” — в Любляне. 12 мая 1945 г. в Клагенфурте Русский корпус полковника А.И. Рогожкина, принявшего командование после смерти генерал-лейтенанта Штейфона, сдался представителям 5-го английского корпуса генерал-лейтенанта Ч. Китли. 8 мая 1945 г. между Лиенцем и Обердраубургом 36-я английская моторизованная пехотная бригада приняла капитуляцию отдельного казачьего корпуса в Северной Италии генерал-майора Т.И. Доманова и казачьих беженцев (Казачий Стан). 9 мая 1945 г. в районе Каплице — Крумау сдались 26-й американской пехотной дивизии штаб и службы штаба ВС КОНРа, офицерский резерв, офицерская школа ВС КОНРа и мелкие части Южной группы власовцев. За сутки до этого, 8 мая 1945 г., не дождав-шись приказа из штаба, перешел в Каплице в американскую зону оккупации полковник С.Т. Койда с учебно-запасной бригадой в полном составе».

Отметим лишь, что большая часть «генералов» так называемого «КОНРа» или РОА занимались исключительно вопросами своего спасения.

Факты говорят только об этом и ни о чем больше.

В «Открытом письме правительствам Соединенных Штатов Америки и Великобритании», подготовленном «борцами со сталинским режимом» 11 мая 1945 года, говорилось: «Мы, солдаты и офицеры 600-й дивизии Русской освободительной армии Комитета Освобождения народов России, обращаемся к Верховному командованию англо-американских вооруженных сил

и просим его довести это открытое письмо до сведения своих правительств.

Вооруженные силы Комитета Освобождения народов России состоят в основном из идейных борцов за освобождение своей Родины — России от большевизма, поработившего ее в 1917 г. Среди нас есть много солдат и офицеров, которые не прекращали борьбы против большевизма, начатой еще на полях Гражданской войны.

Но большевики своими политическими трюками и невиданным в мире сыском и террором давили все вооруженные восстания в Советском Союзе. Благодаря этому свержение власти захватчиков внутри страны оказалось невозможным.

Война между Германией и Советским Союзом всколыхнула народные массы.

Народ в виде протеста в начале войны переходил на сторону врага сотнями тысяч как из армии, так и мирное население.

Мы включились в борьбу совместно с Германией только потому, что она оказалась единственной страной, борющейся против СССР.

Мы пытались свергнуть власть московских захватчиков и, идя на борьбу совместно с Германией, мы нисколько не боялись поражения нашей Родины национал-социалистической Германией, ибо последняя своей звериной политикой восстановила против себя весь русский народ, и мы прекрасно понимали, что при ненависти к немцам они, как внешняя сила, не удержатся в случае победы на наших необъятных просторах. Ненависть к национал-социалистической Германии появилась не только у находящихся в рядах РККА и гражданского населения СССР, но в еще большей степени была у тех, кто непосредственно побывал под их пятой в Германии. Эта ненависть как нельзя лучше была продемонстрирована в боях под Прагой и в Праге 6 и 7 мая сего года...»

Даже по этим строкам нетрудно понять, как легко люди могут менять свое мнение, свои слова, да и политические аргументы. Вчера они предали свою родину, сегодня предали своих хозяев, ну а завтра могли бы предать и новых.

Из Праги 1-я дивизия РОА двигалась по направлению на Пльзень в американскую оккупационную зону. С 8 по 11 мая Власов пытался договориться с командованием 3-й американской армии в Пльзене о предоставлении политического убежища.

«Вечером Власов и его группа достигли ближайших американских постов, и дружелюбный майор проводил их в Пльзень, где их приветливо встретил полковник, уверенный, что принима-

ет делегацию Красной армии — о существовании РОА он просто ничего не знал, — пишет Н. Толстой. — Впрочем, недоразумение скоро выяснилось. Генерал, к которому наутро отвели Власова, отказался дать гарантии, что офицеры и солдаты РОА не будут выданы советским властям, и заявил, что американцы примут их только в том случае, если Власов и дивизия Буняченко готовы сдать без всяких условий. Пока Власов решал, что делать, появился американский офицер. Он сообщил, что 1-я дивизия РОА прибыла в близлежащий город Шлюссельбург, и предложил Власову присоединиться к Буняченко, осведомившись, достаточно ли бензина в генеральской машине».

Как сообщает далее Н. Толстой, 11 мая Власов узнал, что 1-я дивизия стоит лагерем в нескольких километрах от города. По распоряжению американцев она сдала оружие, но в войсках сохранялся образцовый военный порядок. Власову объяснили, что войска США завтра должны покинуть этот район и пройти назад, за демаркационную линию, о которой договорились Эйзенхауэр и Жуков. Никаких инструкций по поводу сдавшихся русских не поступило.

Власову предложили самостоятельно пробраться к англичанам и попробовать вступить с ними в переговоры. Власов испытывал сильное искушение согласиться. В Шлюссельбурге уже начали появляться советские офицеры и чешские партизанские вожди, и он понимал, что промедление смерти подобно. Приехав в штаб к Буняченко, он разъяснил положение и предложил дивизии разделиться на небольшие группы и отойти назад вместе с американцами (как дивизию, американцы их в свою зону не пустили бы). Когда Власов вернулся в замок, ему сообщили, что из генерального штаба пришел запрос о местонахождении Власова.

— Так вы здесь или нет? — многозначительно спросил американец.

Вполне оценив его намек, Власов равнодушно ответил: «Я здесь».

В тот вечер, в семь часов, жители города услышали, как советские танки продвигаются через мелколесье. Буняченко приказал срочно уйти из деревни Гвоздяны, где расположилась дивизия, в окрестные леса. Советская танковая бригада остановилась всего в трех километрах от американской линии фронта, дорога была каждая минута. Сев в свой штабной автомобиль, Буняченко на огромной скорости понесся по дорогам...

Итак, 11 мая личный состав 1-й дивизии сдал оружие и расположился в районе Шлюссельбурга, что в 50 км от Пльзена.

Власов все еще на что-то надеялся. 12 мая все сомнения были рассеяны: американское командование оставило Шлюссельбург, так как город передавался советским войскам, а переход демаркационной линии власовцам был запрещен. Оставалось одно: разойтись и пробиваться мелкими группами самостоятельно. В 12 часов Буняченко распустил дивизию, после чего колонна из семи автомашин в сопровождении американцев отправилась в Пльзень.

Власов и Буняченко не теряли надежды уйти, но через 3 км колонна была остановлена...

25-й танковый корпус действовал западнее Праги из района Горжовице на юг и юго-запад, преследуя части разгромленных войск СС и части РОА.

11 мая к 12 часам передовой отряд корпуса вышел на западную окраину г. Клатови, а главные силы — в район г. Непомук. Глубоко вклинившись в расположение американских войск, корпус создал затруднительную обстановку для всех частей противника, стремившихся скорее сдаться в плен американским войскам. После встречи с американскими частями командир корпуса гвардии генерал-майор Фоминых принял решение остановиться и на основных направлениях и узлах дорог выставить засады, пикеты, вести разведку с задачей: в случае обнаружения частей СС и власовцев их уничтожить или пленить.

11 мая 1945 года разведка установила, что дивизия Власова и штаб Власова находятся в Брежи и окрестностях Брежи.

12 мая в 16.00 командир 162-й танковой бригады полковник Мищенко поставил задачу командиру танкового батальона — выехать в расположение 1-й дивизии РОА и взять в плен Власова с его штабом и командиром дивизии Буняченко.

Капитан Якушов тут же выехал в американскую зону, где южнее 2 км Брежи встретил группу людей в немецкой форме и подошел к ним. В группе оказался командир 2-го батальона 3-го полка 1-й дивизии РОА капитан Кучинский, который рассказал, что впереди идет колонна легковых автомобилей штаба дивизии в сопровождении двух американских «виллисов», где находится Власов. Комбат бросился в погоню и минут через сорок обогнал колонну и, развернувшись поперек дороги, вынул ее из строя.

Из воспоминаний Михаила Ивановича Якушова: «Из одной машины вылез печально известный генерал Буняченко, командир 1-й дивизии власовцев. Увидев Кучинского, обложил его матом и сказал: “Подлец, уже перемертнулся...”»

Кучинский подсказал мне, что вместе со штабом 1-й дивизии часто ездит сам генерал Власов. Я несколько раз прошелся вдоль колонны, агитируя водителей ехать сдаваться Красной армии. Один из них посоветовал обратить внимание на громадную черную “шкоду”. Подойдя к ней, я увидел в салоне, не считая водителя, одну женщину и двух мужчин. Про женщину я позднее узнал, что она была “фронтowej женой” генерала Власова, а мужчины оказались начальниками контрразведки 1-й дивизии власовцев — Михальчуком и личным переводчиком Власова Росслером.

Я открыл заднюю боковую дверь и вывел переводчика из машины, намереваясь осмотреть салон. В этот момент из-под груды одеял высунулся человек в очках, без погон. На вопрос, кто он такой, ответил: “Генерал Власов”. От неожиданности я обратился к нему “товарищ генерал”, хотя какой он товарищ...

Власов тоже явно оторопел. Однако вскоре пришел в себя, вылез из автомобиля и, игнорируя меня, направился к американцам — просить их связаться по радиции со штабом армии. Вскоре к нашей колонне подъехал еще один “виллис”, где сидели американские офицеры. Я сказал им то же самое, что сказал бы и сейчас кому угодно: генерал Власов нарушил воинскую присягу, поэтому он должен предстать перед нашим судом.

На мое счастье, американцы оказались общевойсковыми офицерами, а не офицерами контрразведки — иначе история могла бы получить иное развитие. Видя, что со стороны американцев сопротивления не будет, я сделал вид, что еду вместе с Власовым назад — в штаб американской дивизии. Сев позади Власова в его “шкоду”, я приказал водителю разворачиваться и гнать вперед. Пока разворачивались остальные машины колонны, мы успели отехать довольно далеко.

Власов пытался приказывать водителю, куда ехать, но водитель, смекнув, что к чему, уже его не слушал. Генерал почувствовал неладное и на берегу красивого озера, где машина немного сбавила скорость, пытался выпрыгнуть на ходу. Однако я успел схватить его за воротник и, приставив пистолет к виску, сказал: “Еще одно движение, и я вас застрелю”. После этого он вел себя спокойно».

12 мая 1945 года в 18.00 Власова доставили к командиру корпуса, где ему предложили написать приказ всем частям о сдаче оружия и переходе на сторону Красной армии.

Приказ Власова был отпечатан в четырех экземплярах и подписан Власовым.

Вот его текст: «ПРИКАЗ КОМАНДУЮЩЕГО РУССКОЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ АРМИЕЙ ВСЕМУ ЛИЧНОМУ СОСТАВУ О НЕМЕДЛЕННОМ ПЕРЕХОДЕ НА СТОРОНУ КРАСНОЙ АРМИИ

12 мая 1945 г. 20.15

Я нахожусь при командире 25-го танкового корпуса генерала Фоминых. Всем моим солдатам и офицерам, которые верят в меня, приказываю немедленно переходить на сторону Красной армии.

Военнослужащим 1-й Русской дивизии генерал-майора Буняченко, находящимся в распоряжении танковой бригады полковника Мищенко, немедленно перейти в его распоряжение.

Всем гарантирую жизнь и возвращение на Родину без репрессий.

Генерал-лейтенант Власов».

В очередной раз Андрей Андреевич совершил предательство. Только теперь он предал своих солдат.

В 22 часа Власова направили в штаб 13-й армии, где 13 мая передали в отдел контрразведки «СМЕРШ».

В результате пленения Власова 13 и 14 мая были задержаны 9 тысяч солдат и офицеров 1-й дивизии РОА. В качестве трофеев от нее достались: 5 танков, 5 самоходных орудий, 2 бронетранспортера, 3 бронемшины, 30 легковых автомашин, 64 грузовые автомашины и 1378 лошадей. Через два дня, 15 мая, был взят командир 1-й дивизии Буняченко, начальник штаба этой же дивизии Николаев, офицер по особым поручениям Ольховик и личный переводчик Власова Росслер.

Согласно протоколу обыска, который составили в «СМЕРШ» 13-й армии 13 мая 1945 года, у Власова изъяли: расчетную книжку начальствующего состава РККА, удостоверение личности генерала Красной армии № 431, выданное 13 февраля 1941 года, партийный билет члена ВКП (б) № 2123998 на имя Андрея Андреевича Власова.

Кроме этих документов у Власова при себе имелась немецкая солдатская книжка, временное удостоверение о награждении добровольческой медалью, датские кроны, золотой нательный крест, золотое обручальное кольцо и «Открытое письмо правительствам Соединенных Штатов Америки и Великобритании».

А теперь зададимся вопросом: зачем Власов носил с собой советские документы, бережно храня их в кармане своего кителя? Думается, что не просто на память, а это еще одно подтвержде-

ние его амбиций: потому как в Красной армии он был генералом, а у немцев всего лишь предателем.

...Ко времени окончания Второй мировой войны на территории Германии и Австрии, частично во Франции, Италии, Чехословакии и в некоторых государствах Западной Европы находилось до 110 тысяч казаков. Из них не менее 20 тысяч в «Казачьем Стане» и до 45 тысяч — в кавалерийском корпусе Гельмута фон Паннвица. Большинство из них было выдано Советскому Союзу союзниками. Сегодня это называют трагической страницей жизни казаков. Но в 1942 году, когда немцы вступили на их земли, они встречали иноземных захватчиков хлебом и солью, а потом сотрудничали и воевали на их стороне против своих же соотечественников. Именно это стало главной причиной их эвакуации.

Казаки сражались с оружием в руках и в форме немецкой армии не только против большевиков и Сталина, но и против союзников во Франции и против антигитлеровского Сопротивления в Европе. Казаки также входили в состав войск СС — организации, объявленной на Нюрнбергском процессе преступной...

Поэтому их выдача была обоснованной и морально и юридически.

А своих детей и жен они не пожалели прежде всего сами, сделав их своими заложниками...

ЯЛТИНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ, СОЮЗНИКИ И ПОСЛЕДНЯЯ ОПЕРАЦИЯ

Первое предложение о необходимости очередной встречи глав трех государств поступило от президента США Рузвельта. «Поскольку события развиваются так стремительно и так успешно, я думаю, что в возможно скором времени следовало бы устроить встречу между Вами, премьер-министром и мною», — говорилось в послании Рузвельта Сталину.

На следующий день точно такое же предложение поступило и от Черчилля. 24 июля 1944 года он сообщает Сталину некоторые детали предстоящей встречи: «Вы, несомненно, уже получили телеграмму Президента с предложением об еще одной встрече между нами тремя на севере Шотландии приблизительно во второй неделе сентября. Мне нет необходимости говорить о том, как искренне Правительство Его Величества и я лично надеемся на то, что Вы сможете приехать. Я хорошо знаю Ваши трудности, а также то, насколько Ваши передвижения должны зависеть от обстановки на фронте, но я прошу Вас принять во внимание, что тройственная встреча имела бы большие преимущества и упростила бы ведение всех наших дел, как это случилось после Тегерана.

В сентябре на севере и на северо-западе Шотландии погода часто бывает самой хорошей. Однако в этом деле я не могу дать Вам никакой гарантии. Тем временем я веду подготовку для Президента и для самого себя, поскольку он уже сообщил мне о своем намерении приехать. Пожалуйста, сообщите мне Ваши сообщения и пожелания».

Уже 26-го Сталин ответил отрицательно: «Я с удовольствием узнал из Вашего послания об августовском конвое, за которым

должен последовать, как Вы пишете, новый цикл конвоев, в которых мы, действительно, серьезно нуждаемся.

Что касается встречи между Вами, г-ном Рузвельтом и мною, о которой Вы пишете также в послании от 24 июля, то и я считал бы такую встречу желательной. Но в данное время, когда советские армии ведут бои по такому широкому фронту, все более развивая свое наступление, я лишен возможности выехать из Советского Союза и оставить руководство армиями даже на самое короткое время. По мнению всех моих коллег, это совершенно не представляется возможным».

Далее последовала переписка между членами «большой тройки», пока они не договорились встретиться в Крыму в Ялте 3 февраля 1945 года.

«Советская штаб-квартира в Ялте была расположена в Юсуповском дворце, — вспоминал У. Черчилль. — Из этого центра Сталин, Молотов и их генералы управляли Россией и руководили своим колоссальным фронтом, на котором в это время шли ожесточенные бои. Президенту Рузвельту предоставили еще более роскошный Ливадийский дворец, расположенный поблизости, и именно здесь, чтобы избавить его от физических неудобств, проходили все пленарные заседания. Это были единственные неразрушенные здания в Ялте. Меня и ведущих членов английской делегации поселили в пяти милях отсюда на огромной вилле, построенной в начале XIX столетия английским архитектором для русского графа Воронцова, который некогда был послом российского императора при английском дворе. Остальных членов нашей делегации разместили в двух домах отдыха, примерно в 20 минутах ходьбы от нас, где они, включая высокопоставленных офицеров, спали по 5—6 человек в комнате, хотя на это никто, похоже, не обращал внимания. Немцы эвакуировали окружающий район всего за 10 месяцев до нашего приезда, все дома в округе были сильно разрушены. Нас предупредили, что территория не полностью разминирована, за исключением участка возле виллы, который как обычно прекрасно охранялся русскими. Более тысячи человек изрядно здесь потрудились перед нашим прибытием. Окна и двери были отремонтированы, а оборудование и провизия доставлены из Москвы.

Нас окружал удивительный ландшафт. За виллой, построенной в полуготическом, полумавританском стиле, возвышались горы, покрытые снегом, с самой вершиной в Крыму. Перед нами раскинулось огромное Черное море, суровое, но все же приятное и теплое даже в это время года. (...)

Первое пленарное заседание открылось днем 5 февраля, в 16.15. Переговоры начались с обсуждения вопроса о будущем Германии...»

В течение восьми дней главы государств рассматривали такие политические вопросы, как: судьба Германии после ее поражения, о создании Организации Объединенных Наций для поддержания мира и безопасности, о создании свободной, независимой Польши. Был решен вопрос о Югославии. Но был и еще один, рассмотрение которого завершилось подписанием соглашения. А именно, о выдаче военнопленных странам по их принадлежности.

То же самое касалось и репатриации заключенных из немецких лагерей. «На Крымской конференции имели место переговоры между британской и советской делегациями для заключения исчерпывающего соглашения относительно мероприятий для защиты, содержания и репатриации военнопленных и гражданских лиц Великобритании, Советского Союза и Соединенных Штатов, освобожденных союзными вооруженными силами, вступающими сейчас в Германию, — сообщалось в «Известиях» 14 февраля 1945 года по поводу подписанного Соглашения в Ялте. Соглашение между Советским Союзом и Великобританией было подписано В.М. Молотовым и г-ном Иденом. Соглашение между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки подписали генерал-лейтенант Грызлов и генерал Дин.

В соответствии с этими Соглашениями, до тех пор, пока не будут выделены транспортные средства для репатриации граждан союзников, каждый союзник будет предоставлять питание, одежду, медицинское обслуживание и удовлетворять другие нужды граждан других союзников. Советские офицеры будут помогать британским и американским властям в их задаче обслуживания советских граждан, освобожденных британскими и американскими вооруженными силами в течение периода времени, когда будут находиться на континенте Европы или в Соединенном Королевстве, ожидая транспорта для перевозки их домой.

В обслуживании британских подданных и американских граждан Советскому Правительству будут помогать британские и американские офицеры.

Поскольку теперь достигнуто соглашение, три Правительства обязуются оказывать всяческую помощь, совместимую с требованиями ведения военных операций, в целях обеспечения быстрой репатриации всех этих военнопленных и гражданских лиц».

В этом документе содержится ряд статей:

Статья 1

Все советские граждане, освобожденные войсками, действующими под Британским Командованием, и все британские подданные, освобожденные войсками, действующими под Советским Командованием, будут, незамедлительно после их освобождения, отделяться от вражеских военнопленных и содержаться отдельно от них в лагерях или сборных пунктах до момента передачи их соответственно советским или британским властям в пунктах, согласованных между этими властями.

Британские и советские военные власти примут необходимые меры для защиты лагерей и сборных пунктов от вражеских бомбардировок, артиллерийских обстрелов и т.п.

Статья 2

Договаривающиеся Стороны обеспечат, чтобы их военные власти незамедлительно сообщали компетентным властям другой Стороны об обнаруженных ими гражданах или подданных другой Договаривающейся Стороны, принимая одновременно меры для выполнения условий настоящего Соглашения. Советские и британские уполномоченные по репатриации будут немедленно допускаться в сборные лагеря и пункты размещения граждан или подданных своей страны, и они будут иметь право назначить там внутреннюю администрацию и устанавливать внутренний распорядок и управление в соответствии с воинскими порядками и законодательством их страны.

Будет предоставлена возможность для отправки или перевода офицеров соответствующей национальности в те лагеря или сборные пункты, в которых содержатся освобожденные военнослужащие соответствующих войск и где будет недоставать офицеров. Наружная охрана и охрана доступа в лагеря и сборные пункты и выхода из них будет установлена в соответствии с инструкциями военного начальника, в зоне которого расположены эти лагеря или сборные пункты, и этот военный начальник будет также назначать коменданта, который будет нести ответственность за общую администрацию и дисциплину в соответствующем лагере или сборном пункте.

Перемещение лагерей, равно как и перевод из одного лагеря в другой освобожденных граждан или подданных, будет производиться по договоренности между компетентными советскими и британскими властями. Перемещение лагерей и перевод освобожденных граждан или подданных может, в исключительных случаях, производиться и без предварительной договоренности, однако с немедленным уведомлением компетентных властей о

таком перемещении с изложением мотивов. Враждебная пропаганда, направленная против Договаривающихся Сторон или против любой из Объединенных Наций, не будет разрешаться.

Статья 3

Компетентные британские и советские власти будут снабжать освобожденных граждан или подданных соответствующим питанием, одеждой, жилищем и медицинским обслуживанием как в лагерях или сборных пунктах, так в пути следования, а также транспортом до момента передачи их соответственно советским или британским властям в пунктах, установленных по договоренности между этими властями. Такое обеспечение питанием, одеждой, жилищем и медицинским обслуживанием должно быть, с учетом положений статьи 8, установлено по нормам для рядовых, младшего командного состава и офицеров. Нормы обеспечения гражданских лиц должны быть, насколько это возможно, такими же, как и нормы для солдат.

Договаривающиеся Стороны не будут требовать компенсации за эти и другие аналогичные услуги, которые их власти могут предоставить освобожденным гражданам или подданным другой Договаривающейся Стороны.

Статья 4

Каждая из Договаривающихся Сторон будет иметь право использовать, по согласованию с другой Стороной, такие из ее собственных средств транспорта, которые окажутся доступными для репатриации своих граждан или подданных, содержащихся у другой Договаривающейся Стороны. Точно так же, каждая из Договаривающихся Сторон будет иметь право использовать, по согласованию с другой Стороной, свои собственные средства для доставки снабжения своим гражданам или подданным, содержащимся у другой Договаривающейся Стороны.

Статья 5

Советские и британские военные власти будут выдавать от имени их соответствующих Правительств освобожденным гражданам или подданным другой Договаривающейся Стороны такие ссуды, о которых компетентные советские и британские власти предварительно договорятся.

Ссуды, выданные в валюте какой-либо вражеской территории или в валюте советских или британских оккупационных властей, не будут подлежать возмещению.

В случае выдачи ссуд в валюте освобожденной невражеской территории, Советское и Британское Правительства произведут, каждое по ссудам, выданным его гражданам или подданным, необходимое урегулирование с правительствами соответственных территорий, которые будут информированы о количестве их валюты, выданной для этой цели.

Статья 6

Бывшие военнопленные и гражданские лица каждой из Договаривающихся Сторон могут, до их репатриации, быть использованы для управления и поддержания в порядке лагерей или сборных пунктов, в которых они находятся.

Они также могут быть использованы на добровольных началах, в целях содействия объединенным военным усилиям, на таких работах вблизи их лагерей, о которых договорятся между собой компетентные советские и британские власти. Вопросы оплаты и другие условия труда должны определяться по соглашению между этими властями. Понимается, что использование освобожденных членов соответствующих вооруженных сил будет осуществляться в соответствии с военными порядками и под наблюдением своих офицеров.

Статья 7

Договаривающиеся Стороны каждый раз, когда это будет необходимо, используют все возможные средства для того, чтобы обеспечить эвакуацию в тыл этих освобожденных граждан и подданных. Они также обязуются использовать все доступные средства для перевозки освобожденных граждан и подданных в установленные по согласованию пункты, где они могут быть переданы соответственно советским или британским властям. Передача этих освобожденных граждан или подданных никоим образом не может быть задержана или отложена вследствие требований их временного использования.

Статья 8

Договаривающиеся Стороны будут применять возможно более эффективно вышеизложенные положения настоящего Соглашения, допуская при этом ограничения временного порядка и лишь в отношении деталей, которые, время от времени, будут вызываться оперативной обстановкой или условиями снабжения и транспорта на различных театрах операций.

Статья 9

Настоящее Соглашение вступает в силу немедленно по подписании.

Составлено в Крыму в двух экземплярах, каждый на русском и английском языках. Оба текста являются аутентичными...

Из «Соглашения между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Соединенного Королевства». Желая определить положение советских граждан, освобождаемых союзными войсками и пребывающих в Соединенном Королевстве в течение периода до их репатриации, решили заключить настоящее Соглашение, в силу которого все эти лица как свободные граждане союзной державы могли бы быть организованы в советские соединения и группы. В соответствии с этим уполномоченные Правительства Союза ССР и Правительства Соединенного Королевства согласились о нижеследующем:

Статья 1

Все советские граждане, освобожденные союзными войсками, будут незамедлительно после их освобождения отделяться от немецких военнопленных и содержаться отдельно от них. В случае их прибытия в Соединенное Королевство, о чем компетентные советские власти в Соединенном Королевстве будут, насколько это возможно, заблаговременно ставиться в известность соответствующими британскими властями, эти советские граждане будут собраны в определенных местах и лагерях, куда советские представители по репатриации будут немедленно допускаться.

Британские и советские военные власти соответственно примут необходимые меры для защиты лагерей и сборных пунктов от вражеских бомбардировок, артиллерийских обстрелов и т.п.

Статья 2

Для целей внутреннего управления и дисциплины эти советские граждане будут организованы в соединения и группы, которые будут подчинены советским законам. Внутреннее управление и поддержание дисциплины в советских соединениях, местах и лагерях, о которых говорится в статье 1, будут осуществляться советскими офицерами, согласно условиям Приложения 1 к этому Соглашению.

Перемещение лагерей, равно как и перевод из одного лагеря в другой освобожденных советских граждан, будет производиться по договоренности с компетентными советскими властями.

В исключительных случаях возможно перемещение и без предварительного согласования, однако с немедленным уведомлением компетентных советских властей о таком перемещении с изложением мотивов. Не будет допускаться проведение среди освобожденных советских граждан враждебной пропаганды, направленной против Договаривающихся Сторон или против Объединенных Наций.

Статья 3

Освобожденные советские граждане до их возвращения в Советский Союз могут быть использованы на работах по управлению и поддержанию лагерей или сборных пунктов, в которых они находятся. Они также могут быть использованы на добровольных началах, в целях содействия объединенным военным усилиям, на таких работах вблизи их лагерей, о которых договорятся между собой компетентные советские и британские власти. Вопросы оплаты и другие условия труда будут определяться по соглашению между этими властями. Понимается, что использование освобожденных советских граждан будет осуществляться в соответствии с советскими военными порядками и под наблюдением советских офицеров.

Статья 4

Компетентные британские власти будут снабжать всех этих советских граждан, без каких бы то ни было исключений, пищей, одеждой, жилищем и медицинским обслуживанием по нормам, установленным соответственно для солдат, младшего командного состава и офицеров. Финансовые положения, регулирующие обеспечение этого снабжения, определяются в статье 2 й Приложения второго к этому Соглашению.

Статья 5

Правительство Соединенного Королевства будет выдавать такие ссуды этим советским гражданам от имени Советского Правительства, о которых договорятся между собой компетентные британские и советские власти. Финансовое положение, регулирующее эти ссуды, определяется в статье 1 Приложения второго к этому Соглашению.

Статья 6

Компетентные британские власти будут сотрудничать с соответствующими советскими властями в Соединенном Королевстве

в деле установления личности освобожденных советских граждан, которые могут прибыть в Соединенное Королевство. Они будут обеспечивать таких освобожденных советских граждан до момента передачи их советским властям в пунктах, установленных по договоренности между компетентными советскими и британскими властями. Компетентные британские власти будут оказывать практически возможную помощь, принимая во внимание наличные ресурсы, в предоставлении средств транспорта для скорейшей перевозки этих советских граждан в Советский Союз. Компетентные советские власти в Соединенном Королевстве во всякое время будут оказывать компетентным британским властям такую помощь, о которой последние просят при выполнении условий этой статьи...

Из «Приложения 1 к Соглашению относительно юрисдикции в Соединенном Королевстве над членами советских соединений»:

Статья 1

Поскольку это не противоречит условиям статьи 2 настоящего Приложения, юрисдикция в вопросах дисциплины и внутреннего управления над членами советских соединений и групп в Соединенном Королевстве будет осуществляться в соответствии с советским законом, и проступки дисциплинарные будут рассматриваться и наказываться соответствующим образом советскими судами и властями.

Статья 2

Дела о мелких нарушениях, которые не влекут за собой по британским законам судебного разбирательства, будут передаваться на рассмотрение соответствующих советских властей. Дела о преступлениях, которые по британским законам требуют судебного разбирательства, будут рассматриваться общегражданскими судами Соединенного Королевства.

Статья 3

В случае какого-либо преступления, которое, согласно вышеозначенной статье 2, подлежит рассмотрению судов Соединенного Королевства, факты о нем должны быть незамедлительно сообщены в соответствии с договоренностью, которая должна быть достигнута между компетентными британскими и советскими властями, старшим офицером советского соединения или группы заинтересованным властям Соединенного Королевства, если правонарушитель еще не задержан гражданскими властями.

Статья 4

Когда член советского соединения или группы должен быть судим судом Соединенного Королевства, ответственные власти соответствующего советского соединения или группы окажут соответствующим гражданским властям Соединенного Королевства такое содействие, которое может оказаться необходимым для проведения судебного разбирательства.

Из «Приложения 2 к Соглашению относительно финансовых мероприятий, регулирующих выдачи ссуд, производимых Правительством Соединенного Королевства освобожденным советским гражданам как членам советских соединений, и обеспечение припасами и снабжением этих соединений»:

Статья 1

Ссуды, выданные в стерлингах Правительством Соединенного Королевства этим советским гражданам как членам советских соединений в соответствии со статьей 5 этого Соглашения, будут возмещены в стерлингах Правительством СССР по представлении требования компетентными британскими властями. В случае, если выдача ссуды Правительством Соединенного Королевства произведена в валюте освобожденной невражеской территории, то Правительство СССР произведет необходимое урегулирование с правительством соответствующей территории, которое будет уведомлено о количестве ее валюты, выданной для этой цели. Не подлежат возмещению ссуды, выданные Правительством Соединенного Королевства в валюте какой-либо вражеской территории.

Всякая выдача ссуды в валюте британских военных властей, которая может быть использована на освобожденной невражеской территории или на вражеской территории, будет рассматриваться с целью урегулирования согласно этой статье, как если бы это была выдача ссуды, сделанная в местной валюте соответствующей территории.

Статья 2

Правительство Соединенного Королевства не будет требовать возмещения стоимости питания, одежды, помещения и медицинского обслуживания, предоставляемых компетентными британскими властями этим советским гражданам, в соответствии с данным Соглашением

«Из Ноты министра иностранных дел Великобритании на имя народного комиссара иностранных дел СССР...

Ваше превосходительство,

Во время подписания между нашими двумя Правительствами Соглашения относительно советских граждан, освобожденных союзными войсками и размещенных в Соединенном Королевстве, между нами была достигнута договоренность, которую, пользуясь этим случаем, я хотел бы отметить.

По мнению Правительства Соединенного Королевства, вышеуказанные освобожденные советские граждане будут, во время их пребывания в Соединенном Королевстве или на другой британской территории, подчинены советскому военному закону, и, если это необходимо, компетентные советские власти будут готовы выдавать об этом удостоверения во всех тех случаях, когда возникает спор о статусе любого отдельного советского гражданина.

Я был бы признателен, если бы Ваше Превосходительство подтвердило, что это понимание правильно.

Имею честь, Сэр, быть покорным слугой Вашего Превосходительства.

Антонин Иден...»

«Из Ноты народного комиссара иностранных дел СССР на имя министра иностранных дел Великобритании...

Уважаемый г-н Иден,

Я получил Вашу ноту от 11 февраля относительно освобожденных советских граждан, находящихся в Соединенном Королевстве, следующего содержания: (...)

Настоящим подтверждаю правильность изложенного в Вашей ноте понимания нашей договоренности.

С искренним уважением

В. Молотов...»

«Из Соглашения относительно военнопленных и гражданских лиц, освобожденных войсками, находящимися под Советским Командованием, и войсками, находящимися под Командованием Соединенных Штатов Америки»:

Правительство Союза Советских Социалистических Республик, с одной стороны, и Правительство Соединенных Штатов Америки, с другой стороны, желая договориться об обращении с советскими гражданами, освобожденными войсками, находящимися под Командованием Соединенных Штатов, и об их репатрии-

ации, а также об обращении с гражданами Соединенных Штатов, освобожденных войсками, находящимися под Советским командованием, и об их репатриации, условились о нижеследующем:

Статья 1

Все советские граждане, освобожденные войсками, действующими под Командованием Соединенных Штатов, и все граждане Соединенных Штатов, освобожденные войсками, действующими под Советским Командованием, будут, незамедлительно после их освобождения, отделяться от вражеских военнопленных и содержаться отдельно от них в лагерях или сборных пунктах до момента передачи их соответственно советским или американским властям в пунктах, согласованных между этими властями.

Американские и советские военные власти примут необходимые меры для защиты лагерей и сборных пунктов от вражеских бомбардировок, артиллерийских обстрелов и т.п.

Статья 2

Договаривающиеся Стороны обеспечат, чтобы их военные власти незамедлительно сообщали компетентным властям другой Стороны об обнаруженных ими гражданах другой Договаривающейся Стороны, принимая одновременно меры для выполнения условий настоящего Соглашения. Советские и американские уполномоченные по репатриации будут немедленно допускаться в сборные лагеря и пункты размещения граждан своей страны, и они будут иметь право назначить там внутреннюю администрацию и устанавливать внутренний распорядок и управление в соответствии с воинскими порядками и законодательством их страны.

Будет предоставлена возможность для отправки или перевода офицеров соответствующей национальности в те лагеря или сборные пункты, в которых содержатся освобожденные военнослужащие соответствующих войск и где будет недоставать офицеров. Наружная охрана и охрана доступа в лагеря и сборные пункты и выхода из них будет установлена в соответствии с инструкциями военного начальника, в зоне которого расположены эти лагеря или сборные пункты, и этот военный начальник будет также назначать коменданта, который будет нести ответственность за общую администрацию и дисциплину в соответствующем лагере или сборном пункте.

Перемещение лагерей, равно как и перевод из одного лагеря в другой освобожденных граждан, будет производиться по дого-

воренности между компетентными советскими и американскими властями. Перемещение лагерей и перевод освобожденных граждан может, в исключительных случаях, производиться и без предварительной договоренности, однако с немедленным уведомлением компетентных властей о таком перемещении с изложением мотивов. Враждебная пропаганда, направленная против Договаривающихся Сторон или против любой из Объединенных Наций, не будет разрешаться.

Статья 3

Компетентные американские и советские власти будут снабжать освобожденных граждан соответствующим питанием, одеждой, жилищем и медицинским обслуживанием как в лагерях или сборных пунктах, так и в пути следования, а также транспортом до момента передачи их соответственно советским или американским властям в пунктах, установленных по договоренности между этими властями. Такое обеспечение питанием, одеждой, жилищем и медицинским обслуживанием должно быть, с учетом положений статьи 8, установлено по нормам для рядовых, младшего командного состава и офицеров. Нормы обеспечения гражданских лиц должны быть, насколько это возможно, такими же, как и нормы для солдат.

Договаривающиеся Стороны не будут требовать компенсации за эти или другие аналогичные услуги, которые их власти могут предоставить освобожденным гражданам другой Договаривающейся Стороны.

Статья 4

Каждая из Договаривающихся Сторон будет иметь право использовать, по согласованию с другой Стороной, такие из ее собственных средств транспорта, которые окажутся доступными для репатриации своих граждан, содержащихся у другой Договаривающейся Стороны. Точно так же каждая из Договаривающихся Сторон будет именно использовать, по согласованию с другой Стороной, свои собственные средства для доставки снабжения своим гражданам, содержащейся другой Договаривающейся Стороны.

Статья 5

Советские и американские военные власти будут выдавать от их соответствующих Правительств освобожденным гражданам Договаривающейся Стороны такие ссуды, о которых ком-

петентные советские и американские власти предварительно договорятся.

Ссуды, выданные в валюте какой-либо вражеской территории и в валюте советских или американских оккупационных властей, не подлежат возмещению.

В случае выдачи ссуд в валюте освобожденной невражеской территории, Советское Правительство и Правительство Соединенных Штатов произведут, каждое по ссудам, выданным его гражданам, необходимое урегулирование с правительствами соответственных территорий, которые будут информированы о количестве их валюты, выданной для этой цели.

Статья 6

Бывшие военнопленные и гражданские лица каждой из Договаривающихся Сторон могут, до их репатриации, быть использованы для управления и поддержания в порядке лагерей или сборных пунктов, на которых они находятся. Они также могут быть использованы на добровольных началах, в целях содействия объединенным военным усилиям, в таких работах вблизи их лагерей, о которых договорятся между собой компетентные советские и американские власти. Вопросы оплаты и другие условия труда должны определяться по соглашению со всеми этими властями. Понимается, что использование освобожденных членов соответствующих вооруженных сил будет осуществляться в соответствии с военными порядками и под наблюдением своих офицеров.

Статья 7

Договаривающиеся Стороны каждый раз, когда это будет необходимо, используют все возможные средства для того, чтобы обеспечить эвакуацию в тыл этих освобожденных граждан. Они также обязуются использовать все доступные средства для перевозки освобожденных граждан в установленные по согласованию пункты, где они могут быть переданы соответственно советским или американским властям. Передача этих освобожденных граждан никоим образом не может быть задержана или отложена вследствие требований их временного использования.

Статья 8

Договаривающиеся Стороны будут применять возможно более эффективно вышеизложенные положения настоящего Соглашения, допуская при этом ограничения временного порядка

и лишь в отношении деталей, которые, время от времени, будут вызываться оперативной обстановкой или условиями снабжения и транспорта на различных театрах операций...

Итак, союзники в преддверии окончания Второй мировой войны решили вопрос о выдаче военнопленных странам по их принадлежности, а также о репатриации заключенных из немецких лагерей.

За полгода до этого события, в июле 1944 года, МИД Англии впервые сообщил советскому послу о том, что в их стране находится 1114 военнопленных русского происхождения. Ровно через месяц, 20 августа, не получив никакого ответа, МИД Англии повторно обратился в советское посольство, сообщив, «что число русских пленных в Англии уже превысило 3 тысячи».

Впервые советские военнопленные попали в руки английской армии задолго до высадки в Нормандии. В 1942—1943 годах их, находящихся на строительных работах, захватили британские солдаты, продвигающиеся с боями с разных концов Северной Африки в Тунис. Других взяли в плен во время боев в Нормандии.

Только через месяц после высадки там союзников в Англии находилось не менее 1200 советских военнопленных. Все они были размещены в лагерях, где раньше находились войска, принявшие участие в операции «Оверлорд».

Через три дня после последнего запроса английского МИДа пришел ответ от посла Советского Союза, в котором тот потребовал «вернуть всех пленных при первой же возможности». При этом он просил выделить для этой цели необходимые транспортные средства и пообещал, что советская военная миссия вступит в контакт с английским военным министерством при первой же возможности.

В октябре 1944 года Черчилль и Иден принимали Сталина и Молотова на обеде в английском посольстве в Москве. В беседе Сталин сказал:

— Я был бы чрезвычайно признателен, если бы можно было устроить возвращение наших военнопленных в СССР.

Только после этой встречи Комитет начальников штабов Великобритании «получил приказ приступить к созданию условий для скорейшей репатриации русских пленных».

Уже 16 октября Иден, встретившись с Молотовым в Кремле, заявил об обеспечении англичанами условий для репатриации первых 11 тысяч советских граждан.

21 февраля 1944 года военная разведка Великобритании в совершенно секретном отчете «О занятости уроженцев России во Франции» докладывала первым лицам страны о том, что русских можно было бы разделить на три основные категории. «Прежде всего — “Восточные легионы”, то есть полки калмыков, грузин, азербайджанцев и других антисоветски настроенных меньшинств, которыми командовали немецкие офицеры. В эту же группу входили и казаки на Балканах, “которые, — как было сказано в отчете — сами по себе составляют особое сословие и для которых воевать за того, кто их наймет, так же естественно, как дышать”.

Затем шли бывшие русские военнопленные, записанные в Русскую освободительную армию под командованием Власова, существовавшую в основном на бумаге.

К этим двум категориям, говорилось в отчете, немцы относятся с подозрением, и командирами сюда назначают только своих. Последнюю категорию составляли батальоны организации Тодта, занятые на военном строительстве, но официально находившиеся под эгидой легионов и власовских частей.

В отчете отмечалось, что, по данным разведки, с прошлого года во Францию прибыло около 200 тысяч русских, относящихся к этим категориям, и, вероятно, ожидается прибытие значительно большего контингента. Всем им, очевидно, ясно, что крушение гитлеровской Германии — вопрос времени. Как подчеркивалось в отчете, они сожгли за собой все мосты, и какая бы сторона ни победила — ждать им нечего».

Всего же по оценкам англичан число таких лиц перед высадкой союзников достигало 470 тысяч человек.

В конце мая 1944 года посол Англии в Москве предложил советской стороне «амнистировать тех русских, которые были вынуждены (как молчаливо подразумевалось) служить немцам и которые сдадутся союзникам при первой же возможности. Специально оговаривалось, что эти условия не распространяются на предателей, добровольцев и членов отрядов СС».

Советская сторона заявила о том, что «число таких лиц незначительно, и с политической точки зрения специальное обращение к ним не может представить никакого интереса».

В сущности, кто еще, кроме Советского Союза, мог разбираться в степени ответственности своих соотечественников, оказавшихся на стороне врага?

После открытия второго фронта в руках американцев оказалось не менее 20 тысяч русских военнопленных. По их данным,

около пяти процентов захваченных немецких военнопленных оказались русскими гражданами. Примерно пять процентов этих русских нуждались в госпитальном лечении. Англичане после долгих переговоров и обмена посланиями были вынуждены во всем уступить советской стороне, но американцы продолжали дискутировать, ссылаясь на международное право. Они даже ввели понятие «освобожденный пленный или гражданин, подлежащий репатриации», то есть придумали такую схему, по которой могли освобождать тех, кто сам заявит о том, что он является гражданином США, или, соответственно, — гражданином СССР. При этом американская сторона подчеркивала, что договор не распространяется на граждан другой стороны, если они взяты в плен как члены вражеских сил или как их сопровождавшие.

Участь тех, кто заявил о своем советском гражданстве, решалась однозначно и бесповоротно. Зато те, «у кого хватило сообразительности назваться немецкими военнопленными, попадающими под Женевскую конвенцию, не подлежали выдаче в СССР».

Однако и тем и другим вскоре пришлось отказаться от всех этих условий по одной весьма серьезной причине. «Английские и американские военнослужащие, взятые в плен немцами, обычно размещались в лагерях в Восточной Германии, в Польше или на Балканах, — пишет Н. Толстой. — По данным союзной разведки, зимой 1944—45 годов в этих лагерях находилось около 40 тысяч англичан и 75 тысяч американцев, и было очевидно, что большинство их будет освобождено Красной армией по мере ее продвижения в Польшу и на Балканы. Союзные правительства считали быстрое и безопасное возвращение своих освобожденных граждан на родину делом первостепенной важности».

И действительно, военные власти Англии и США хотели как можно скорее получить своих военнопленных, которые освобождались частями Красной армии. При этом все, что могло помешать сотрудничеству с Советским генеральным штабом, они старались исключить. Более того, союзников пугало увеличение числа русских военнопленных по мере продолжения боевых действий. И единственным возможным решением проблемы им виделась скорейшая репатриация русских.

Н. Толстой отметил, что Сталин, еще до открытия конференции в Ялте, «выразил надежду, что военнопленных отошлют назад в СССР в кратчайшие сроки. Он спросил, хорошо ли с ними обращаются и отделены ли они от немцев, и сказал, что советское правительство считает всех их советскими гражданами, а также поинтересовался, не было ли попыток повлиять на них, чтобы за-

ставить отказаться от репатриации. Только после их возвращения в СССР можно было решить, что делать с теми, кто согласился воевать на немецкой стороне.

Почему Советское правительство было заинтересовано в возвращении советских военнопленных, вполне понятно. Но вот почему оно настойчиво требовало выдачи тех своих граждан или бывших граждан России, которые находились на немецкой службе в различных формированиях, понимают не все или же понимают не так, как это было на самом деле.

Дело в том, что 16 мая 1945 года в советских газетах была опубликована самая последняя сводка Советского информбюро. В ней говорилось о том, “что советские войска закончили прием сдавшихся в плен немецко-фашистских войск по всему советско-германскому фронту”».

«В английской же зоне, — отмечал В. Карпов, — не были сформированы и не переведены на положение военнопленных около 1 миллиона солдат и офицеров, с которыми даже проводились занятия по боевой подготовке. Кроме того, сохранили свой штаб и два корпуса, численностью более 100 тысяч человек каждый, армейская группа Мюллера, переименованная в группу “Норд”. Гитлеровцы ходили в своей форме, носили награды, приветствовали друг друга прежним нацистским вскидыванием руки. Единственное, что изменилось — это возглас, поскольку Гитлер был мертв, теперь осталось просто “Хайль”, а кое-кто уже добавлял “Хайль Дениц”».

Почему так поступили союзники? Прежде всего, они опасались победоносной Красной армии, считая, что «она без труда может промаршировать оставшуюся часть Европы и выйти к океану». Боялся этого Черчилль. Боялся этого и Трумэн.

Владимир Карпов в книге «Маршал Жуков. Опала» пишет:

«Черчилль позднее в мемуарах не скрывал своих предательских (как союзник) намерений по отношению к “русским”. Приведу лишь одну, хотя и широко известную цитату, из директивы, данной им Монтгомери:

“Тщательно собирать германское оружие и складывать его, чтобы его легко можно было раздать германским солдатам, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжилось”.

Монтгомери все понимал прекрасно и позднее в мемуарах писал: “Германские военные руководители, которые спаслись от русских, весьма охотно хотели стать друзьями англичан и выполняли бы что мы хотели. Однако в оплату за это сотрудничество

они ожидали, что с ними будут обращаться как с союзниками англичан против русских”.

В общем, все друг друга понимали, поэтому состоящая из англичан и американцев Союзная контрольная комиссия, прибывшая 13 мая во Фленсбург, вместо того чтобы выполнять свои прямые обязанности по реализации акта о капитуляции, превратилась (как определили сами немцы) в “связующий орган между союзниками и правительством Деница”».

15 мая маршал Жуков вызвал к себе в кабинет начальника разведывательного управления 1-го Белорусского фронта генерала Н.М. Трусова и утвердил представителем от советской стороны для ареста Деница. Утром 17 мая группа Трусова (были там и чекисты) в составе колонны из двенадцати автомобилей выехала на Запад.

Сам Николай Михайлович рассказывал писателю В. Карпову: «Оказавшись за Кильским каналом, мы как бы попали в довоенную фашистскую Германию: всюду видны старые названия улиц, фашистские указатели, кругом свастика, фашистское приветствие поднятием руки и масса немецких военных в сухопутной, эсэсовской и морской форме, все при орденах, со знаками различия.

Было очевидно: здесь в полной мере продолжал существовать гитлеровский порядок, действовали фашистские законы.

В городе Фленсбурге функционировал городской транспорт, работали магазины, оживленное уличное движение регулировали пожилые полицейские в форме, которую они носили при Гитлере.

Во Фленсбургском порту находилось много немецких вооруженных военных кораблей. Экипажи этих кораблей жили обычной жизнью, уходили на берег, возвращались из городского отпуска. На кораблях отбивались склянки и развевались немецкие флаги со свастикой.

Во Фленсбурге находилось и продолжало функционировать верховное командование фашистской германии (ОКВ) во главе с генерал-полковником Йодлем — начальником штаба оперативно-го руководства.

Как будто не было ни поражения, ни подписания 8 мая акта о безоговорочной капитуляции. Нам тогда показалось, что нацистам оставлена эта территория преднамеренно, дается возможность сохранить кадры, переждать “ненастье”. Это был какой-то музей не восковых, а живых фигур, и не только фигур, но и фашистских порядков, образа жизни.

Во Фленсбург раньше нас прибыли американская делегация, ее возглавлял генерал-майор Рукс, и английская делегация во главе с бригадным генералом Фордом.

Мы встретились с ними в день приезда — 17 мая и провели совещание по предстоящей работе. (...)

Бригадный генерал Форд пытался навязать нам такие мероприятия, которые отодвигали бы сроки ликвидации правительства Деница. Мне было известно, что Черчилль писал еще в конце апреля 1945 года Рузвельту: германские военные руководители, спасаясь от русских, охотно становятся друзьями англичан и делают все то, что от них мы требуем. Затем Черчилль 14 мая 1945 года послал записку в МИД Англии, в которой он поставил вопрос о возможности использования правительства Деница, как полезного для западных держав инструмента».

Очевидно поэтому бригадный генерал Форд пугал советскую и американскую делегации, что если немедленно приступить к ликвидации правительства Деница, то не исключены вооруженные выступления во Фленсбурге морских немецких школ, мятежных действий эсэсовских подразделений.

Бригадный генерал Форд, на правах хорошо осведомленного хозяина в этой английской зоне оккупации, пытался представить дело так, что итогом работы во Фленсбурге должно быть «разъяснение своим правительствам того положения, что группа Деница полезна на данной стадии управления Германией и ее пока не надо ликвидировать».

По словам Н.М. Трусова, нам приступать к выполнению задания немедленно действительно было невозможно, следовало сориентироваться, найти выход. Англичане, как хозяева, предложили нашей делегации несколько вариантов для размещения: в гостинице, в отдельном доме в городе или за городом. Учитывая обстановку и то, что местные газеты уже сообщили о нашем прибытии, причем явно недружелюбно, приходилось располагать группу с учетом безопасности и даже по возможности защитить себя в случае нападения. «Поэтому я решил поселить нашу группу на пассажирском корабле “Патрия”, — сообщил Трусов. — Он стоял у пирса, был связан с землей только трапом, и в случае опасности мы сможем или отплыть в море, или своими силами отстреливаться, не пуская на трап нападающих.

Несколько неожиданным для нас было решение английской и американской делегаций тоже поселиться на этом корабле. Внешне они так поступали из чувства союзнической солидарности, удобства совместной работы, но я понимал: было здесь и намере-

ние постоянно держать нас в поле зрения, знать о передвижениях всех офицеров нашей группы».

В неимоверно тяжелых условиях начала свою работу советская делегация — в окружении немецких войск и при недоброжелательном отношении прежде всего англичан. Тем не менее Трусов постоянно и напрямую докладывал маршалу Жукову. Сначала он лично беседовал с генерал-полковником Йодлем, затем встречался с самим Деницем, который продолжал сидеть под портретом Гитлера.

«В течение всей “аудиенции” Дениц не спускал глаз с бригадного генерала Форда, как бы дожидаясь одобрения его ответов на мои вопросы, — продолжал свой рассказ генерал Трусов. — Я ушел от Деница с полным подтверждением ранее сложившегося мнения о том, что адмирал Дениц находился на службе у англичан, он знал о предстоящем роспуске его правительства и о том, что его лично ожидает: видимо, англичане информировали Деница и его окружение о предстоящих мероприятиях союзников.

Я понимал: пока у Деница и Йодля существует опора на реальную вооруженную силу, проведение нашей операции может не состояться. Поэтому я стал настоятельно требовать выполнения союзниками положений, зафиксированных в акте о безоговорочной капитуляции гитлеровцев, то есть разоружить их воинские части и корабли здесь, во Фленсбурге. После настойчивых и неотступных наших требований английская сторона все же приступила к разоружению фашистов.

Это уже создавало более благоприятные условия для осуществления нашей задачи. Стали выработать план действий по выполнению операции, возложенной на все три группы союзников. И тут опять генерал Форд начал процессуальные выкрутасы, он заявил свое несогласие проводить арест и вообще упоминать этот термин, он предлагал считать пленным Деница и его приближенных, или же называть их интернированными. Но я настаивал на аресте и по форме, и по существу, так как нет уже боевых действий и пленными членов правительства называть нельзя, мы осуществляем именно арест за незаконное их действие, за нарушение достигнутой союзниками договоренности в отношении Германии.

Кроме того, наша делегация настояла на том, чтобы арест провести одновременно, по утвержденному нами списку. А надо сказать, список был немалый — в него мы на совместном заседании включили более двухсот крупных нацистов. Наконец мы обо всем

договорились, арест был намечен на 23 мая 1945 года, операция проводится одновременно, по всем известным нам адресам».

Но все закончилось благополучно. Арест же правительства Деница поставил последнюю жирную точку в ликвидации нацистского правительства. Только теперь Третий рейх как государство перестал существовать юридически. Не получилось у англичан воспользоваться этой еще вполне ощутимой силой в своих весьма недвусмысленных планах.

Не потому ли офицеры союзнических армий нередко спасали от выдачи отдельные группы русских в немецкой военной форме, вывозя их вглубь оккупационной зоны, снабжая поддельными документами и продуктами. Например, только один бригадный генерал Р.Д. Кенин помог уйти не менее 3000 власовцев».

Принятые в Ялте территориальные решения в пользу СССР нам до сих пор пытаются представить результатом «экспансионизма» сталинского тоталитаризма. «Подлинная историческая память намеренно стирается: геополитический проект Гитлера — уничтожение целых государств и наций и лишение их национальной жизни — забыт, — считает доктор исторических наук Н.А. Нарочницкая. — Но если мы никогда не забываем страдания евреев, то почему же мировое сообщество и сами евреи парадоксально взирают с растущей лояльностью на наследников фашистских легионов Прибалтики, Украины, Белоруссии, руки которых обгарены кровью тысяч евреев и тысяч славян? Почему славяне вообще не упоминаются в качестве жертв гитлеровского геноцида? Уж не потому ли, что это дает возможность обвинять в фашизме тех, кто оказал гитлеровской агрессии наибольшее сопротивление и сделал невозможным повторение Освенцима?»

ФИЛЬТРАЦИЯ, РЕПАТРИАЦИЯ, ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ И РЕАБИЛИТАЦИЯ

Лейпцигское соглашение от 23 мая 1945 года стало дополнением к Ялтинскому. Именно в Лейпциге был определен механизм репатриации. Дополнение предусматривало создание одиннадцати контрольно-пропускных пунктов в Германии и двух в Австрии. Специально для репатриантов были предназначены 920 лагерей. Во все лагеря получили доступ представители Советской репатриационной комиссии (СРК) ...

Незадолго до этого, 11 мая 1945 года, И. Сталиным был подписан еще один документ. Ознакомимся с ним:

«Командующим войсками 1-го, 2-го Белорусских, 1, 2, 3, 4-го Украинских фронтов

Тов. Берия, тов. Меркулову, тов. Абакумову, тов. Голикову, тов. Хрулёву, тов. Голубеву

В целях организованного приема и содержания освобожденных союзными войсками на территории Западной Германии бывших советских военнопленных и советских граждан, а также передачи освобожденных Красной Армией бывших военнопленных и граждан союзных нам стран, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

Военным советам сформировать в тыловых районах лагеря для размещения и содержания бывших военнопленных и репатрируемых советских граждан на 10 000 человек каждый лагерь. Всего сформировать: во 2-м Белорусском фронте — 15, 1-м Белорусском фронте — 30, в 1-м Украинском фронте — 30, в 4-м Украинском фронте — 5, во 2-м Украинском фронте — 10 лагерей.

Размещение лагерей частично можно допускать и на территории Польши.

Проверку в формируемых лагерях бывших советских военнопленных и освобожденных граждан возложить: бывших военнослужащих — на органы контрразведки “СМЕРШ”; гражданских лиц — на проверочные комиссии представителей НКВД, НКГБ и “СМЕРШ”, под председательством представителя НКВД. Срок проверки не более 1—2 месяцев.

Передачу освобожденных Красной Армией бывших военнопленных и граждан союзных нам стран представителям союзного командования производить распоряжением военных советов и уполномоченного СНК СССР...»

Как уже говорилось выше, постановление ГКО СССР № 1069 сс, регламентирующее проверку и фильтрацию освобожденных из плена и вышедших из окружения «бывших военнослужащих Красной армии», стало самым первым документом такого рода в годы Великой Отечественной войны. «С этого момента все они направлялись в специальные лагеря НКВД. Обнесенные двумя рядами колючей проволоки, трехметровым забором, эти лагеря представляли собой военные тюрьмы строгого режима, — подчеркивал А. Яковлев в книжке “По мощам и елей”. — Заключение запрещалось выход из зоны, общение друг с другом, переписка и свидания с кем бы то ни было. На запросы семей о судьбе этих людей руководство НКВД отвечало, что сведений нет.

Характерно, что специальные лагеря находились в ведении Управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных. Иными словами, партийно-государственное руководство СССР относилось к вышедшим из плена или окружения советским военнослужащим как к пленным солдатам, воевавшим против Советского Союза.

Наименование “бывший военнослужащий Красной армии” не только унижало человеческое достоинство бойцов и командиров, совсем недавно воевавших за Родину, но и лишало их положенных по воинской службе прав и преимуществ. Их семьи официально лишались государственного пособия, зачастую — единственного средства к существованию.

Обитатели спецлагерей — “спецконтингент” — в обязательном порядке привлекались к тяжелому принудительному труду в шахтах, на рудниках, в металлургической промышленности, на стройках, лесозаготовках. Зачастую ослабевший от непосильной работы и плохой пищи “спецконтингент” для выполнения нормы

вынужден был оставаться в шахте или на руднике на вторую, а то и третью смену. За невыполнение нормы переводили на сниженное питание, а это грозило почти неминуемой смертью.

Вскоре обитателей спецлагерей полностью уравнивали в правах с заключенными — в конце 1943 года специальные лагеря были переданы в ведение ГУЛАГа.

В зависимости от положения на фронтах менялись названия лагерей, где осуществлялись проверка и фильтрация “бывших военнослужащих Красной армии”. Кроме специальных лагерей, появились проверочно-фильтрационные лагеря, специальные запасные воинские части. Но обитатели всех этих мест по-прежнему привлекались к тяжелому, поистине каторжному труду. (...)

Спустя два месяца после окончания Отечественной войны, 18 августа 1945 года было издано постановление ГКО СССР № 9871с, регламентировавшее новые отношения властей с бывшими советскими военнопленными и гражданскими репатриантами.

Теперь они должны были проходить проверку и фильтрацию в составе “рабочих батальонов” наркомата обороны, опять-таки с обязательным привлечением к тяжелому труду. Одновременно было принято решение о высылке на спецпоселение сроком на 6 лет всех захваченных немцами в ходе боевых действий, переданных союзниками и выявленных в процессе фильтрации “власовцев”, а также советских граждан, служивших в немецких вооруженных силах и полиции, общим числом до 145 тысяч человек.

Большевистское руководство СССР не видело никакой разницы между “власовцами” и ничем не запятнавшими себя бывшими военнопленными. Тех и других направляли на работы на Крайний Север, в Восточную Сибирь, Казахстан, в отдаленные и гибельные места.

Через “рабочие батальоны” прошли в общей сложности около полутора миллионов человек, из них до 660 тысяч — бывшие военнопленные. Остальные были гражданскими репатриантами из числа военнообязанных...»

Безусловно, отношение к своим бойцам и командирам, вернувшимся из плена или вышедшим из окружения, нередко носило несправедливый, или, в обычном представлении, предвзятый характер. Но и этому есть объяснение. Спецслужбы Третьего рейха, да и тот же абвер (военная разведка вермахта), как правило, на скорую руку вербовали всех тех советских военнопленных, кто им подходил, чтобы после скорейшей подготовки

забросить их в тылы Красной армии с различными шпионскими заданиями.

Вот как об этом вспоминал В. Шелленберг: «В лагерях для военнопленных отбирались тысячи русских, которых после обучения забрасывали на парашютах в глубь русской территории. Их основной задачей, наряду с передачей текущей информации, было политическое разложение населения и диверсии. Другие группы предназначались для борьбы с партизанами, для чего их забрасывали в качестве наших агентов к русским партизанам. Чтобы поскорее добиться успеха, мы начали набирать добровольцев из числа русских военнопленных прямо в прифронтовой полосе».

А сколько было трусов, дезертиров, паникеров? С каждым приходилось разбираться в отдельности, в установленные сроки. Но как это сделать, когда обстановка на фронтах быстро менялась, когда получить какую-либо информацию на того же бойца было просто невозможно. Уже не существовало многих частей, уже не было в живых многих товарищей и командиров. Оставались только оперативные мероприятия...

Поэтому мнение А. Яковлева представляется не самым объективным.

Возьмем тех же власовцев. В Уголовном кодексе России есть статья 275, которая называется «Государственная измена».

В комментарии к данной статье четко написано: «1. Государственная измена в общем понимании — это нарушение гражданином РФ верности своему государству путем участия в совместной с внешними силами враждебной деятельности против собственной страны. Изменник — предатель своего государства, пособник или подручный иностранных недружественных сил».

Юридически государственная измена означает нарушение гражданином РФ конституционных и других законодательно установленных обязанностей, вытекающих из российского гражданства, и выражается в нарушении уголовно-правового запрета путем оказания помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности РФ».

Есть в нашем Уголовном кодексе и статья «Наемничество» (359). В примечании к ней черным по белому указывается: «Наемником признается лицо, действующее с целью получения материального вознаграждения и не являющееся гражданином государства, участвующего в вооруженном конфликте или военных действиях, не проживающее постоянно на его территории, а также не являющееся лицом, направленным для исполнения

официальных обязанностей». Да только судим мы прошлое всегда почему-то по меркам настоящего.

«Начиная с 1944 года из освобожденных из плена или вышедших из окружения офицеров Красной армии начали формировать “штурмовые батальоны”, где независимо от воинского звания их использовали в качестве рядовых, — продолжает рассказ А. Яковлев.— Дабы искупить свою вину кровью — под виной понималось нахождение в плену или в окружении, при полном отсутствии других компрометирующих данных, — офицеры должны были прослужить в “штурмовых батальонах” либо до первого ранения, либо до награждения орденом или медалью. “Штурмовые батальоны” использовались в самых тяжелых ситуациях, когда остаться в живых было практически невозможно. Иными словами, бывших военнопленных из числа офицерского состава гнали на убой. Через “штурмовые батальоны” прошло в общей сложности более 25 тысяч офицеров».

Здесь тоже А. Яковлев банально перебарщивает. Офицеры, освобожденные из плена или вышедшие из окружения, действительно направлялись в штрафные части, но только тогда, когда военный трибунал осуждал их за тяжкие воинские преступления — с лишением воинского звания (убийство, дезертирство, хищение военного имущества, злостные нарушения воинской дисциплины т.д.), с отсрочкой исполнения приговора до окончания военных действий.

«Причины, по которым военнослужащие от рядового до полковника оказывались штрафниками, судя по архивным документам, были самыми различными, — пишет Ю.В. Рубцов. — Командир танкового взвода 204-го танкового полка 102-й отдельной танковой дивизии лейтенант П.Д. Матвиенко в районе Вязьмы в октябре 1941 г. попал в окружение. Будучи ранен в ногу, отстал от части. До момента прихода Красной армии в сентябре 1943 г. скрывался, проживая в своей семье на Полтавщине.

Младший лейтенант Д.Ф. Трифонов из 717-го гаубичного артиллерийского полка при отходе из-под Киева в сентябре 1941 г. был схвачен гитлеровцами и помещен в лагерь для военнопленных. Когда администрация разрешила лицам украинской национальности покинуть лагерь, воспользовался этой возможностью и добрался до места жительства своей жены, где и жил до момента освобождения Полтавской области от вражеской оккупации...

Старший лейтенант И.А. Джокло, воюя в составе 156-й стрелковой дивизии, в августе 1942 г. попал в окружение, а затем в плен. После побега как гражданское лицо проживал на оккупаци-

рованной территории на Кубани. Направленный немцами на работу в Германию, по дороге бежал и скрывался до прихода войск Красной армии...

Заместитель командира стрелкового батальона из состава 71-й стрелковой дивизии старший лейтенант М.Д. Павлюченко при выходе части из окружения весной 1944 г. от управления батальоном самоустранился. К своим выходил самостоятельно во главе группы красноармейцев, чем, по мнению командования, “грубо нарушил приказ № 227 и дискредитировал звание офицера Красной армии”».

Срок же пребывания в штрафной части не мог превышать срока, определенного в приговоре военного трибунала, на основании которого военнослужащий туда направлялся. Всех погибших в бою штрафников посмертно реабилитировали, а судимость автоматически снималась. Их семьям назначалась пенсия в размере оклада денежного содержания по должности, занимаемой до направления в штрафную часть. Также штрафники освобождались, получив ранение, независимо от срока пребывания в штрафной части, и за боевое отличие. Освобождались штрафники и по отбытии назначенного срока.

Цитирую А. Яковлева далее: «По мере продвижения линии фронта на запад резко увеличился поток возвращающихся в СССР бывших военнопленных и гражданских репатриантов. В августе 1944 года было принято постановление ГКО об организации сети проверочно-фильтрационных пунктов, расположенных в пограничной зоне. Через них должны были идти гражданские репатрианты: бывших военнопленных направляли в специальные проверочно-фильтрационные лагеря и специальные запасные воинские части. Туда же попадали и гражданские репатрианты призывных возрастов.

В статистической отчетности НКВД указывалось, что не вызывающие подозрений репатрианты непризывных возрастов направлялись к месту жительства, а лица призывных возрастов и “бывшие военнослужащие Красной армии” направлялись в военкоматы. Судьба же тех, кто вызывал подозрение, была ясна — их арестовывали или брали на оперативный учет, что означало неминуемый арест и осуждение».

К лету 1945 года на территории СССР действовало 43 спецлагеря и 26 проверочно-фильтрационных лагерей. На территории Германии и других стран Восточной Европы имелось еще 74 проверочно-фильтрационных лагеря и 22 сборно-пересылочных пункта. На 1 октября 1944 года через спецлагеря про-

шло 354 592 бывших военнослужащих Красной армии и вышедших из окружения и освобожденных из плена (в том числе офицеров — 50 441).

Из этого количества было проверено и передано в Красную армию 249 416 человек, в том числе: в воинские части — 231 034 (в том числе офицеров — 27 042); на формирование штурмовых батальонов — 18 382 (в том числе офицеров — 16 163); в промышленность — 30 749 (в том числе офицеров — 29); на формирование конвойных войск и охраны спецлагерей — 5924.

Органы «СМЕРШ» арестовали — 11 556 человек, из них агентов разведки и контрразведки противника — 2083 (в том числе офицеров — 1284). Убыли в госпитали, в лазареты и умерли — 5347 человек.

Находились в спецлагерях НКВД СССР на проверке 51 601 (в том числе офицеров — 5657).

В октябре 1944 года из числа оставшихся в лагерях офицеров сформировали четыре штурмовых батальона по 920 человек. Только на десяти СПП (сборно-пересылочных) пунктах Управлением Контрразведки «СМЕРШ» 3-го Украинского фронта было проверено с 1.02.45 года по 4.05.45 год 58 686 человек (16 456 — бывшие солдаты и офицеры Красной армии, а 12 160 человек — советские граждане призывного возраста, угнанные в Германию). Из них лишь 376 человек не смогли пройти через сито «СМЕР-Ша».

За 1944—1945 годы были осуждены свыше 98 тысяч репатриантов.

В ноябре 1944 года НКО принял постановление, в котором указал, чтобы освобожденные военнопленные и советские граждане призывного возраста вплоть до конца войны направлялись непосредственно в запасные воинские части, минуя спецлагеря. По сведениям А.А. Щабаева, «в их числе оказалось и более 83 тысяч офицеров. Из них после проверки 56 160 человек было уволено из армии, более 10 тысяч направлены в войска, 1567 лишены офицерских званий и разжалованы в рядовые, 15 241 переведены в рядовой и сержантский состав».

Фильтрацией в «СМЕРШе» занимался 2-й отдел контрразведки. Первичная проверка бывших военнослужащих Красной армии была одной из тех задач, которую решали три отделения 2 отделов управлений КР «СМЕРШ» фронтов. На армейских сборно-пересылочных и фронтовых проверочно-фильтрационных пунктах (ПФЛ) эта проверка проводилась путем личного досмотра и письменных объяснений об обстоятельствах пребывания в

плону. Только затем проводился допрос, в ходе и после которого оперативники контрразведки выявляли противоречия в ответах и организовывали агентурное изучение подозреваемых. На каждого проверяемого заводилось дело с протоколами допроса и заключением по результатам фильтрации. На подозреваемого заводилось дело-формуляр с приобщением материалов оперативного характера. Фильтрация завершалась во фронтовом ПФЛ, где соответствующая работа продолжалась в течение двух месяцев (соответственно, в СПП и ПФЛ — пять — десять дней). В ПФЛ работа велась в оперативном и следственном направлениях с учетом проведенной фильтрации на СПП и ПФП.

Следует отметить, что по масштабам и размаху, силам и средствам оперативно-розыскная и следственная работа по фильтрации военнопленных вражеских армий, бывших советских военнопленных, а также репатриантов из числа советских граждан не имела аналогов в истории спеслужб мира. Не потому ли случались перегибы?

«Об организации репатриационной комиссии было официально объявлено 24 октября 1944 года, то есть через неделю после того, как Иден на совещании в Москве пообещал Молотову лично проследить за возвращением всех потенциальных репатриантов на родину, — рассказывает Н. Толстой. — Главой комиссии был назначен генерал-полковник Филипп Голиков. Это назначение представляется весьма любопытным. Ведь с точки зрения советских руководителей, все советские солдаты, попавшие в плен, заслуживали сурового наказания — ибо в плен их могла привести либо трусость, либо нерадивость. Но тогда — не странно ли, что руководство репатриационными операциями Сталин поручил одному из самых трусливых и несостоятельных советских генералов? Более того, Голиков был из тех военачальников, на ком лежала главная вина за неподготовленность СССР к войне — за неукомплектованность армии, вследствие чего в первую очередь и попадало в 1941 году в плен большинство советских солдат. Будучи с июля 1940 года начальником Разведывательного управления генерального штаба, он совершил на этом посту множество непростительных ошибок. Позже, во время обороны Сталинграда, Хрущев подал рапорт о том, что Голиков панически боится немцев, и Голикова с поста сняли.

Под стать начальнику был заместитель Голикова по репатриационной комиссии — генерал К.Д. Голубев: настоящий гигант, но, по словам генерала Дина, “его умственные способности никак не соответствовали размерам его тела”.

Впрочем, роль Голикова и Голубева в реальной работе комиссии оказалась ничтожной, они являлись всего лишь представительными манекенами. Настоящую же работу выполняли Главное управление контрразведки (ГУКР) — за границей, и НКГБ — внутри страны».

Ни Голиков, ни Голубев, конечно же, не были ни идеальными людьми, ни выдающимися военачальниками. Тем не менее стоило бы Н. Толстому все же более подробно изучить биографии этих людей, прежде чем выставлять их трусами и дураками, да еще со слов Хрущева (эдакого «авторитетного полководца») и генерала Дина, не менее «авторитетного», потому что был из того же мира, где нас ненавидели и продолжают ненавидеть...

Филиппа Ивановича Голикова назначили на эту должность, потому что в самом начале Великой Отечественной войны он возглавлял советскую военную миссию в Англии и США, где вел переговоры о военных поставках для Советского Союза. С тех пор прошло не очень много времени. Контакты остались, и в новом назначении был определенный смысл. А между этими назначениями он командовал армиями и фронтами до апреля 1943 года, когда являлся начальником Главного управления кадров. Может, Голиков и боялся немцев, как сообщал Н.С. Хрущев, однако к ним не перебежал и в плен не попал.

Константин Дмитриевич Голубев действительно был у Голикова сначала заместителем, а потом и 1-м заместителем после тяжелого ранения, полученного в боях под Витебском в мае 1944 года. Генерал-лейтенант Голубев командовал тогда войсками 43-й армии. За свою службу этот военачальник, прошедший не одну войну, начиная с Первой мировой — офицером, прошел все командные должности, в 1926 году окончил Академию им. Фрунзе, а в 1938 году — Академию Генштаба. Он же командовал армией в оборонительных операциях на белостокском направлении, в Смоленском сражении. Выходил из окружения во главе небольшого отряда, а не один с походно-полевой женой, как Власов. Голубев умело руководил войсками армии при прорыве обороны противника и овладении городами Ярцево, Демидов и другими населенными пунктами.

Как происходила процедура регистрации, сбора советских граждан для их возвращения на родину и фильтрация, написано немало, особенно на Западе. Однако мне удалось найти воспоминания именно советских людей из числа военнопленных. Они писали «в стол», поэтому не верить им невозможно.

Юрий Владимирович Владимиров вспоминал: «Двое вооруженных часовых пропустили нас в городок, объяснив, где располагаются пункты регистрации, соответственно — для тех, кто имел военное звание не выше старшины, и для офицеров. После регистрации всем предоставлялось место для проживания в военном же городке, но офицерам — отдельно от рядовых.

Пришли в предназначенный для нас пункт регистрации и с удивлением узнали, что рядовых военнопленных будут регистрировать и содержать в дальнейшем месте с гражданскими лицами. Однако гражданских лиц мужского пола в возрасте от 18 до 60 лет, которых регистрировали и включали в одну и ту же компанию вместе с военнопленными, оказалось очень мало.

Итак, мы пришли на регистрационный пункт и получили там для заполнения соответствующий бланк, на котором написали основные сведения о себе: фамилию, имя, отчество; дату и место рождения, время призыва в армию; род и номер воинской части, в которой воевал; военное звание; дату, место и обстоятельства пленения; номер и место нахождения лагеря, где содержался; дату и место освобождения из плена; кем и каким образом освобожден и т.д. Затем в соседней комнате нам выдали талоны для ежедневного пищевого довольствия, а также обеда и ужина в столовой на территории военного городка.

Столовая была очень большой и практически неограниченно снабжалась мясом — в военном городке имелась бойня, куда красноармейцы ежедневно пригоняли из дворов местных крестьян коров, которых с ходу превращали в мясо. Поэтому после прохождения регистрации мы вдоволь поели очень вкусный мясной суп и гуляш с вермишелью. В этой же столовой мы получили хлеб и сахар на завтрак.

Мы поселились в отведенной нам большой комнате на втором этаже ближайшего к столовой трехэтажного дома. Там за большим столом уже пировали ранее поселившиеся обитатели...»

Иван Ксенофонтович Яковлев: «Нам, четырем холостякам, досталась удобная комната с койками и чистой постелью в квартире старой немки. В этом же городе, в центре, разместилась и наша репатриационная миссия из нескольких офицеров и взвода солдат. Сначала нас не беспокоили: зарегистрировали, выдали талоны на продукты, по которым можно было питаться в городских столовых или отовариваться в магазинах. Ждали, пока соберется большая часть репатриантов, зарегистрированных у американцев. Но не все из них спешили на сборный пункт. Иные пережидали, стремясь узнать возможные последствия возврата. Были

такие, кто боялся возмездия за предательство, жестокость в лагерях военнопленных или службу у немцев. Наши представители требовали от союзников репатриации всех советских граждан. У тех такого желания не было, поэтому наши офицеры мотались по всей округе, собирая своих соотечественников.

Всех прибывающих регистрировали, бывших военнопленных зачисляли в роты, батальоны, назначая из них же командиров подразделений. Гражданское население размещали по группам, с учетом их прежнего места жительства. Военные занимались строевыми учениями, политзанятиями, несли караульную службу, патрулировали улицы, следя за порядком в городе. В остальное время репатрианты были свободны, занимались своими делами. (...)

Вся ответственность за порядок и сохранность имущества немцев возлагалась на советскую миссию. Так был создан сборный пункт. Немцам ничего не оставалось, как выполнить требование союзников, разместить всех репатриантов в домах горожан и обеспечить им человеческое проживание. Была организована русская комендатура, коей подчинялись немецкие городские власти.

Таким образом, в западной части Германии, в городе Гревен, временно был образован оазис советской земли. Наша комендатура понимала политическое значение этого “оазиса”, поэтому создавала не только приличные условия проживания советских граждан, но и следила за дисциплиной и порядком в городе. Основная задача миссии состояла в том, чтобы как можно больше вернуть на родину советских людей и не дать союзникам возможности оставить их на Западе. К репатриантам относились доброжелательно. (...)

Проверка началась уже в этом сборном пункте. Занимался этим капитан особого отдела миссии, представитель “СМЕРШа”. Он при регистрации вызывал каждого в кабинет, заполнял анкету, заставлял подробно написать о пленении, концлагерях, работе в них и о своих товарищах, которые могли подтвердить эти данные. Хорошо, что у меня в маленьком блокнотике были отмечены даты и места проживания в концлагерях, а также фамилии и адреса моих товарищей по несчастью. Короче — на каждого репатрианта заводилось специальное дело, которое сопровождало его до самого места жительства, пополняясь новыми данными. Мы тогда думали, что проверка нас на этом закончится, но сильно ошибались. Более тщательной она была на родине, отправки куда мы с нетерпением ожидали».

«Лагерь посещали и эмиссары других стран. Приглашали в Канаду и в Австралию, обещая свободную и благоустроенную жизнь, показывали и раздавали богато иллюстрированные рекламные буклеты, — пишет неизвестный автор из бывших военнопленных. — ...В окрестностях городка Пархим был организован пересыльно-сортировочный пункт для приема “перемещенных лиц”, прибывающих из оккупированных союзниками частей Германии. Здесь нас довольно быстро рассортировали, снабдили временными проездными документами, продовольственными аттестатами и добравшись своим ходом направили на Восток по указанным в документах направлениям. Тех же, кто нуждался в медицинской помощи, в том числе и меня, опять посадили в американские студебеккеры, но уже с советскими армейскими номерами, и в сопровождении офицера с погонями капитана медицинской службы повезли в военный госпиталь, предназначенный для бывших военнопленных... Госпиталь находился в маленьком, не пострадавшем от войны городке на Востоке Германии — Виттштоке, сначала — прямо в центре города напротив здания городской ратуши, занятого советской комендатурой. Затем его перевели на окраину городка в несколько двухэтажных коттеджей напротив городского кладбища. Питание и медицинское обслуживание были очень хорошими, а бытовые условия в коттеджах со всеми удобствами — просто отличными. Никаких ограничений по выходу за пределы госпиталя не было, и, пользуясь этим, я на своих костылях много ходил по городку».

Ю.В. Владимиров о фильтрации вспоминает так: «Скоро мы подошли к Виттихенау и остановились на широком лугу, где был создан временный военный городок, окруженный колючей проволокой, внутри которого имелось множество палаток. Нас встретила группа военных во главе с полковником, которому майор доложил, что привел из Дрездена колонну бывших советских пленных. Нас было около 4 тысяч человек... Перед тем как лечь спать, мы отправились строем под командой какого-то старшины на кухню, где получили по 200 граммов черного хлеба, горячее картофельное пюре с говядиной и полусладкий чай. 23 мая нас разбудили в 6 часов утра и отправили на физзарядку, затем на беседу с представителями Особого отдела, который объяснил нам порядок предстоящей проверки военнопленных. (...)

...Самым важным событием для всех нас было собеседование в Особом отделе, где наши данные тщательно записали, чтобы затем проверить их достоверность путем запросов в соответствующие органы. Таким образом, все репатрианты прошли предва-

рительную фильтрацию, но она еще была не окончательной и закончилась лишь в первой декаде июня».

И.К. Яковлев: «Нас выгрузили из вагонов, построили в колонны и повели из Кёнигсберга в небольшой городок Рыбниц, по сути — в пригород столицы пруссаков... нас разместили в домах одного из кварталов города. Конечно, здесь не было того комфорта и обслуживания, но жить было можно — работал водопровод и канализация, баня, пункты питания. Комнаты, в которых нас разместили, были обшарпаны, но чистые, убранные, уставленные разнообразной спальней мебелью от мягких диванов до жестких кушеток.

Первым делом нам устроили хорошую баню с душем и парилкой, чтобы, как шутили, отмыть всю немецкую нечисть, затем покормили в столовой сытным обедом. Нас предупредили, что передвигаться в черте города можно свободно, предупредив своего командира об отлучке и намечаемом местонахождении.

Отлучка за пределы города запрещается и расценивается как самоволка. Не рекомендуется пока писать письма родным. В общем, наш город походил на своеобразную воинскую часть особого режима, что и было подтверждено названием нашей части — «Проверочно-фильтрационный пункт НКВД СССР, лагерь № 208, г. Рыбниц».

Здесь содержались и проверялись (фильтровались) репатрианты с Западной Германии, вывезенные от союзников. Судя по номеру, таких лагерей было много. Но, по воле случая или по чьему-то умыслу, сюда, где решались дальнейшие судьбы репатриантов, попал и я. К подобной проверке мы были готовы, считали ее необходимой и неизбежной, так как знали, что среди нашего брата — военнопленных — скрывались предатели, немецкие прислужники, власовцы и добровольцы национальных батальонов, пожелавших тихомолком вернуться на Родину, так как немецкий рай им тоже осточертел, а тяга к родной земле была велика. В этом лагере и отсеивали таких возвращенцев, поэтому и порядок был установлен особый: охрана осуществлялась войсками НКВД. (...)

Ранее приехавшие проходили «чистилище» у следователей, коих здесь было много, возвращались радостные, показывали удостоверения, что такой-то по прибытии из западной Германии, от союзников, с такого-то по такой день, содержался в лагере № 208, проверочно-фильтрационном пункте НКВД СССР, и следует к избранному пункту местожительства. Таких счастливец группировали в партии, выдавали на дорогу продукты, деньги,

литер (документ) на проезд, отправляли в Союз. Другие приходили понурые. Их тоже группировали в особые команды и уже под охраной отправляли в Россию, как говорили, отбывать срок наказания в советских лагерях за совершенные ими мелкие проступки против Советской власти. Была и третья категория людей: выявленные изменники и предатели, над которыми требовалось дополнительное расследование. Их уже в Союз отправляли как арестантов.

Мы еще не знали, с какими требованиями следователи подходили к своим подследственным. Говорили, что к простым солдатам они относились снисходительно, а командный состав, начиная с отдельного, допрашивали дотошно, с учетом его поведения при пленении и действий его подчиненных, требовали достоверных доказательств».

Из рассказа неизвестного автора: «В фильтрационный лагерь, в котором я уже побывал по прибытии в Торунь из Берлина, мы — группа выписанных после излечения, отправились пешком через город в сопровождении старшей медсестры. Разместились в бывших немецких казармах и стали ожидать вызова в “Спецотдел” на беседу к оперуполномоченному “СМЕРШа”.

Лагерь был переполнен. В нем находились не только бывшие военнопленные, но и очень много “цивильных”, вывезенных в Германию. Было множество женщин и молодых, часто очень симпатичных, девушек. Многие были очень доступны, естественно, завязались многочисленные скоротечные романы, и разговоры в бараках крутились в основном вокруг романтических приключений».

О судьбах некоторых военнопленных, воспоминания которых я цитировал в этой книге, говорят следующие факты.

Иван Алексеевич Шаров после плена, летом 1945 года благополучно прошел фильтрацию, был призван в армию и к осени того же года служил регулировщиком в Будапеште. 1 ноября того же года его демобилизовали, 28 ноября он приехал в Москву, а 13 декабря получил паспорт.

Юрий Владимирович Владимиров также прошел фильтрацию после плена, из которого освободился в мае 45-го. Затем с сентября работал на шахте в Донбассе. В октябре того же года получил военный билет, а потом и удостоверение личности, заменяющее паспорт.

В 1946 году Юрий Владимирович был зачислен в число студентов технологического факультета Института стали имени И.В. Сталина.

Иван Ксенофонович Яковлев после успешно пройденной фильтрации был призван в армию и проходил службу в отдельном мостостроительном батальоне. После выхода Указа Президиума Верховного Совета СССР от 25.09.45 года, как учитель по образованию, был досрочно демобилизован и вернулся на родину.

Петр Николаевич Кучинский, капитан РОА, опознавший Власова в колонне, с 13 мая 1945 года проходил спецпроверку при КР «СМЕРШ» 2-го Украинского фронта. 19 июня Указом Президиума Верховного Совета СССР «за успешное выполнение особого задания командования на фронте» награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

2 сентября направлен для прохождения дальнейшей службы в 28-й запасной стрелковый полк 12-й стрелковой дивизии в лагерь Алкино. 27 декабря отправлен в Москву в ГУКР «СМЕРШа». До весны 1946 года находился в 7-м отделении Подольского ПФЛ № 7, после чего был выслан в Тульскую область.

Александр Печерский, организовавший самое успешное восстание нацистских узников во время Второй мировой войны, после соединения партизанских отрядов с Красной армией прошел проверку и был направлен в штрафной батальон, который формировался в Подмосковье. В штрафбате Печерский был тяжело ранен, но выжил. Дошел до Германии. После войны жил в Ростове, работал администратором в Театре музыкальной комедии.

* * *

С 20 апреля по 9 мая 1945 года только 2-м Белорусским фронтом было освобождено военнопленных и гражданских лиц: бывших военнослужащих РККА — 26 480, граждан СССР — 8 628, военнопленных союзных и других стран — 45 292.

30 ноября 1945 года в своем донесении Уполномоченный СНК СССР по делам репатриации генерал-полковник Голиков докладывал начальнику Генерального штаба Красной армии о ходе репатриации граждан СССР и других государств:

«1. Установлено, что, по неполным данным, врагом было захвачено и уведено всего 6 810 547 (из них: граждан. населен. 4 794 087, военнопленных 2 016 460 (только выявленные и учтенные)).

2. Из этого числа выявлено и взято на учет 5 575 592 (из них: граждан. населен. — 3 559 132, военнопленных — 2 016 460).

3. Из числа выявленных уже репатриировано 5 289 630 (из них: граждан. населен. — 3 474 608, военнопленных — 1 815 022).

В том числе:

а) определены на место — 5 060 572 (из них: граждан. населен. — 3 319 624, военнопленных — 1 740 948),

б) находятся в зоне бывших фронтов — 229 058 (из них: граждан. населен. — 154 984, военнопленных — 74 074).

4. Подлежит репатриации из числа выявленных и учтенных из иностранных государств — 258 962 (из них: граждан. населен. — 84 524, военнопленных — 201 438).

5. Остается невыясненных из числа уведенных в фашистскую неволю, которых можно считать в основном погибшими — 1 234 955 (из них: граждан. населен. — 1 234 955, военнопленных — неизвестно)...»

Окончательные итоги проверки советских граждан и военнопленных были подведены в официальных документах на 1 марта 1946 года. К этому времени было репатрировано 4 199 488 советских граждан (2 660 013 гражданских и 1 539 475 военнопленных), из них 1 846 802 поступило из зон действия советских войск за границей и 2 352 686 принято от англичан и американцев и прибыло из других стран.

В том числе:

было направлено к месту жительства: 2 146 126 (80,68 %) гражданских лиц и 281 780 (18,31 %) военнопленных;

было призвано в армию: 141 962 (5,34 %) гражданских лиц и 659 190 (42,82 %) военнопленных;

было зачислено в рабочие батальоны: 263 647 (9,91 %) гражданских лиц и 344 448 (22,37 %) военнопленных;

было передано в распоряжение НКВД: 46 740 (1,76 %) гражданских лиц и 226 127 (14,69 %) военнопленных;

находилось на сборно-пересыльных пунктах и использовалось на работах при советских воинских частях и учреждениях за границей 61 538 (2,31 %) гражданских лиц и 27 930 (1,81 %) военнопленных.

Согласно инструкциям, которые получили начальники проверочных органов, из числа репатриантов аресту и суду подлежали:

во-первых, руководящий и командный состав органов полиции, «народной стражи», «народной милиции», Русской освободительной армии, национальных легионов и т.п.;

во-вторых, рядовые полицаи и рядовые члены вышеперечисленных организаций, принимавшие участие в карательных экспедициях или проявлявшие активность при исполнении обязанностей;

в-третьих, бывшие военнослужащие Красной армии, добровольно перешедшие на сторону противника;

в-четвертых, бургомистры, крупные фашистские чиновники, сотрудники гестапо и других немецких карательных органов;

в-пятых, сельские старосты, являвшиеся активными пособниками оккупантов.

«Какой же была дальнейшая судьба этих попавших в руки НКВД “борцов за свободу”? — задает вопрос и тут же отвечает историк И. Пыхалов в своей книге “Великая оболганная война”. — Большинству из них было объявлено, что они заслуживают самого сурового наказания, но в связи с победой над Германией Советское правительство проявило к ним снисхождение, освободив от уголовной ответственности за измену Родине и ограничились отправкой на спецпоселение сроком на 6 лет.

Такое проявление гуманизма явилось для пособников фашистов полной неожиданностью. Вот характерный эпизод. 6 ноября 1944 года в Мурманск прибыли два английских корабля, на борту которых находилось 9907 бывших советских военнослужащих, сражавшихся в рядах немецкой армии против англо-американских войск и взятых ими в плен. По статье 193 тогдашнего Уголовного кодекса РСФСР за переход военнослужащих на сторону противника в военное время предусматривалось только одно наказание — смертная казнь с конфискацией имущества. Поэтому многие ожидали, что их расстреляют сразу же на мурманской пристани. Больше года эти люди проходили проверку в спецлагере НКВД, а затем были направлены на 6-летнее спецпоселение. В 1952 г. большинство из них было освобождено, причем в их анкетах не значилось никакой судимости, а время работы на спецпоселении было зачтено в трудовой стаж.

Всего в 1946—1947 гг. на спецпоселение поступило 148 079 власовцев и других пособников оккупантов. На 1 января 1953 года на спецпоселении оставалось 56 746 власовцев, 93 446 были освобождены в 1951—1952 гг. по отбытии срока.

Что же касается пособников оккупантов, запятнавших себя конкретными преступлениями, то они были направлены в лагеря ГУЛАГа.

Пару слов следует сказать и о бывших советских военнопленных, зачисленных в рабочие батальоны. Многие недобросовестные исследователи и публицисты включают их в разряд репрессированных. Между тем это совершенно не так.

В 1945 году после увольнения в запас красноармейцев тех возрастов, на которые распространялся приказ о демобилизации,

были отпущены по домам и военнопленные рядового и сержантского состава соответствующих возрастов. Вполне естественно и справедливо, что остальных военнопленных, сверстники которых продолжали служить в армии, следовало восстановить на военной службе. Однако война уже кончилась, и теперь стране были нужны рабочие, а не солдаты. Поэтому в соответствии с постановлением ГКО от 18 августа 1945 г. часть из них была зачислена в рабочие батальоны.

По директиве Генерального штаба вооруженных сил СССР от 12 июля 1946 г. эти батальоны, являвшиеся аналогом современных стройбатов, были расформированы, а их личный состав получил статус “переведенные в постоянные кадры промышленности”. По Постановлению Совета Министров СССР от 30 сентября 1946 г. на них было полностью распространено действующее законодательство о труде, а также все права и льготы, которыми пользовались рабочие и служащие соответствующих предприятий и строек. Они сохраняли статус полноправных граждан СССР, но без права покинуть установленное государством место работы.

В 1946—1948 г. из Красной армии были демобилизованы военнослужащие ряда возрастов. Соответственно, их ровесники, ранее зачисленные в рабочие батальоны, получили разрешение вернуться в места, где они жили до войны».

По данным Генерального штаба Российской Федерации, из плена вернулся 1 миллион 836 тысяч человек. 180 тысяч военнопленных эмигрировали. В лагеря же, как пособники немцев, были направлены всего 234 тысячи, то есть каждый тринадцатый.

Н. Толстой в своей книге приводит данные бывшего офицера НКВД, который, по его словам, имел доступ к досье этой организации. Его цифры он называет более точными: «Всего из ранее оккупированных районов в 1943—47 годах было репатрировано около пяти с половиной миллионов русских. Из них:

20 % — расстреляны или осуждены на 25 лет лагерей (что по сути дела равносильно смертному приговору);

15—20 % — осуждены на 5—10 лет лагерей;

10 % — высланы в отдаленные районы Сибири не менее, чем на шесть лет;

15 % — посланы на принудительные работы в Донбасс, Кузбасс и другие районы, разрушенные немцами. Вернуться домой им разрешалось лишь по истечении срока работ;

15—20 % — разрешили вернуться в родные места, но им редко удавалось найти работу.

Эти весьма приблизительные данные не дают при сложении 100 %: вероятно, недостающие 15—25 % — это люди, скрывшиеся уже в СССР, умершие в дороге или бежавшие».

Не следует забывать и о том, что заведенные органами НКВД-НКГБ на каждого репатрианта досье использовались для их дальнейшей «разработки» и поисков компрометирующего материала. Особый интерес представляли те репатрианты, кто выполнял обязанности по бытовому обслуживанию военнопленных и «остарбайтеров» — их именовали «связанными с немецкими разведывательными и карательными органами». Тех, кто был освобожден из неволи союзными войсками или был вывезен в капиталистические государства, брали на учет как «агентуру западных разведорганов».

Досье, заведенные на бывших военнопленных и гражданских репатриантов, были широко использованы после 21 февраля 1948 года, когда был принят пакет документов, регламентирующих создание особых лагерей и особых тюрем, ужесточавших репрессии в отношении ранее осужденных троцкистов, правых, меньшевиков, эсэров, националистов, шпионов и диверсантов.

Была названа и новая категория государственных преступников — «лица, представляющие опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности». Эта формула имела прямое отношение к бывшим военнопленным и гражданским репатриантам.

...Михаил Михалков в Москву летел в одном самолете с пленными немецкими генералами, среди которых находился и Краснов...

Только в конце 1945 года его брат Сергей Владимирович Михалков получил неожиданное известие из Лефортовской тюрьмы: «Я здесь...»

Вспоминает Сергей Владимирович: «...он любил Отечество, Родину, как и все мы, Михалковы. И когда я в военной прокуратуре услышал эту формулировку — “измена родине”, — не поверил, нет, нисколько. Я пошел на прием к заместителю министра внутренних дел генералу Чернышеву. Со своим письмом и с письмами тех, кто писал о младшем брате в военные годы в мой адрес.

Меня встретил неторопливый, уравновешенный человек... Он сказал:

— Что я могу сделать? Даже если вы и правы... Ваш брат в руках “СМЕРШа”. Я же к этой организации не имею никакого отношения.

Я было приуныл. Но генерал добавил:

— Обещаю вам одну вещь: проверить данные, которые касаются его партизанского прошлого на территории Латвии.

Через некоторое время меня пригласили к Чернышеву, и я услышал:

— Подтвердилось: ваш брат действительно организовал партизанскую группу, которая действовала в тылу у немцев. Теперь я советую вам поговорить с Берией...

Проснулся в то утро под первые аккорды гимна, приободрился и спустя время набрал номер, который помню и доныне. Голос секретаря:

— Сейчас соединю...

— Товарищ Лаврентий Павлович...

Излагаю суть дела. Ответ короткий. В голосе с грузинским акцентом — властность и категоричность:

— Ваш брат — плохой человек. Но если вы сомневаетесь... ладно, я пришлю полковника, чтобы он все перепроверил...

Могу, конечно, написать, что я испытал, дожидаясь... Но не стану. Многим и многим пришлось в то время куда как тяжелей и безысходней...

Наконец меня вызвали телефонным звонком все туда же, к генералу Чернышеву. Там, в кабинете, находился и тот самый полковник из "СМЕРШа". Он спросил меня едва ли не с ходу:

— Почему ваш брат сразу не застрелился?

Для знающих поясню: сдаваться в плен советский воин не имел права, в крайнем случае он должен был кончить жизнь самоубийством... Я ответил:

— Он не сдавался в плен, если опираться на свидетельства очевидцев. Он попал в плен вместе с тысячами других солдат и офицеров, которые оказались в безвыходном положении. И не собирался засиживаться в плену — бежал из калининградского концлагеря. Подтверждение — в письмах.

— Настоящие патриоты стреляются! — сухо отозвался полковник...

То есть получалось: брат твой — враг твой, ибо не настоящий патриот... Впрочем, если ты горой стоишь за своего брата-непатриота, то, выходит, сам-то ты кто?

— Однако если пишут совсем незнакомые люди и рассказывают, как мой брат партизанил и как он под видом немца добывал важные разведанные... — не отступал я.

— Это все еще надо доказать! — был ответ. — Проверить-перепроверить! Займемся!

Разговор, что называется, не получался... Михаилу “влепили” пять лет. Из них целых три года он отсидел в одиночке, в лефортовской камере.

Чего же от него требовали? Подписать предъявленные обвинения в измене Родине. Таскали на допросы, пытались поймать, запутать... и опять: “Подпиши!”

— Нет! Не подпишу!

— Ах так! Иди в одиночку! Вызову через год!

Шел, куда сказали. Через год:

— Подпишешь?

— Что Родину не люблю и предал ее?

— Да.

— Не подпишу! (...)

Я сдался не сразу, нет, пошел “в бой” за Мишу к председателю Военной коллегии генералу Чепцову:

— За что ему дали пять лет? Он же не совершил никаких преступлений против Родины!

Ответ:

— Он надевал на себя форму офицера СС. Он не должен был этого делать.

Идиоты! Но я опять пытался убеждать:

— Так ведь он убил этого офицера! И эта форма служила ему камуфляжем! Он же руководил партизанской группой!

— Сергей Владимирович, — мягко, сердечно так, по-отечески произнес генерал. — Ему дали не “целых” пять лет, а “только” пять лет. В наше время это не срок, дорогой поэт, в наше время за измену Родине дают двадцать — двадцать пять лет, а то... и высшую меру.

Слава богу, после Лефортова Михаила отправили не в края не столь отдаленные, а в лагерь под Рязанью.

Не скрою, мой приезд в этот лагерь — с орденами Ленина, Красной Звезды, со значками лауреата Сталинской премии на пиджаке... со славой одного из авторов гимна — произвел определенное впечатление на лагерное начальство.

Я не узнал Мишу в первое мгновение... Он был в такой заношенной робе... Он так глядел на меня... Мы крепко обнялись и поцеловались... И остались одни, и он долго-долго рассказывал мне, как и что произошло с ним за многие-многие месяцы войны. А я смотрел на его голые руки, торчащие из коротких рукавов, на впалые, давно не бритые щеки, на разбитые ботинки... А он меня утешал:

— Я-то еще что! Здесь у многих даже ботинок нет, кто в чем, иногда и босые... по замерзшей земле... А чтобы хоть как-то спастись от голода — выкапываем из-под снега картошку... мелкая, промерзшая... но есть можно...

И после лагеря брату моему не разрешили вернуться в Москву. Он стал жить в Рязани, снимал комнату. Я навещал его, помогал... Потом, уже после смерти Сталина, Военная коллегия Верховного суда СССР пересмотрит дела осужденных и “за отсутствием состава преступления” снимет с Михаила все обвинения. Более того, он будет награжден орденом Славы.

И это только один эпизод. А сколько их было всего, кто теперь знает?!

26 мая 1945 года работниками Главного управления «СМЕРШ», действовавшими под видом сотрудников уполномоченного СНК СССР по репатриации, на двух самолетах из Парижа в Москву были доставлены 29 генералов Красной армии, 3 комбрига и 1 бригадный военврач, находившиеся в плену у немцев. Это без Власова и его товарищей по РОА. 31 августа из «СМЕРШа» в Государственный Комитет обороны (товарищу Сталину) поступило очередное сообщение за № 830/А: «В соответствии с Вашим указанием, при этом представляю список генералов Красной армии, освобожденных из германского плена и доставленных в Главное управление “СМЕРШ”».

Перечисленные в прилагаемом списке генералы Красной армии содержатся в специальном помещении близ Москвы под охраной и проверяются нашими органами.

В настоящее время проверкой установлено, что:

генерал-майор ПОНЕДЕЛИН П.Г. — бывший командующий войсками 12-й армии;

генерал-майор АРТЕМЕНКО П.Д. — бывший командир 27-го стрелкового корпуса;

генерал-майор ЕГОРОВ Е.А. — бывший командир 4-го стрелкового корпуса;

генерал-майор ЗЫБИН Е.С. — бывший командир 36-й кавалерийской дивизии;

генерал-майор КРУПЕННИКОВ И.П. — бывший начальник штаба 3-й гвардейской армии;

генерал-майор авиации БЕЛЕШЕВ М.А. — бывший командующий ВВС 2-й ударной армии;

генерал-майор САМОХИН А.Г. — бывший начальник 2-го управления Главного разведывательного управления Красной армии;

комбриг ЛАЗУТИН Н.Г. — бывший начальник артиллерии 61-го стрелкового корпуса, — вели себя предательски, проводили антисоветскую деятельность и, по моему мнению, их следует арестовать.

Что же касается генерал-лейтенанта ЛУКИНА М.Ф. — бывшего командующего 19-й армией, в отношении которого имеются материалы об его антисоветской деятельности, но, учитывая, что в результате ранения он остался калекой (парализована рука и ампутирована нога), а также

генерал-майора ЛЮБОВЦЕВА И.М. — бывшего командира 51-го стр(елкового) корпуса, у которого в результате ранения ампутирована рука;

генерал-майора МИХАЙЛОВА Н.Ф. — бывшего командира 5-й гвардейской танковой бригады (болен туберкулезом в тяжелой форме);

генерал-майора ЗОТОВА А.С. — бывшего командира 128-й стр(елковой) дивизии;

генерал-майора танковых войск ПАВЛОВА П.П. — бывшего командира 25-го танкового корпуса;

генерал-майора МЕЛЬНИКОВА И.И. — бывшего командира 246-й стр(елковой) дивизии;

генерал-майора ДОБРОСЕРДОВА К.Л. — бывшего начальника штаба 37-й армии;

генерал-майора СКУГАРЁВА И.М. — бывшего командира 219-й стр(елковой) дивизии;

генерал-майора КОРНИЛОВА И.А. — бывшего командира 49-го стр(елкового) корпуса,

на которых в процессе проверки каких-либо материалов пока не добыто, считал бы целесообразным этих лиц освободить и обеспечить агентурным наблюдением.

Остальных генералов, перечисленных в прилагаемом списке, продолжать проверять и результаты их проверки дополнительно Вам доложить.

Прошу Ваших указаний.

АБАКУМОВ».

21 декабря 1945 года, через семь месяцев после фильтрации, Сталину был направлен доклад о результатах проверки. В нем говорилось: «В соответствии с Вашим указанием, рассмотрев материалы на 36 генералов Красной армии, находившихся в германском плену и доставленных в мае — июне 1945 года в Главное управление «СМЕРШ», мы пришли к следующим выводам:

1. Направить в распоряжение Главного управления кадров НКО 25 генералов Красной армии (список прилагается).

С указанными генералами по прибытии их в НКО будет беседовать тов. Голиков, а с некоторыми из них — тт. Антонов и Булганин.

По линии Главного управления кадров НКО генералам будет оказана необходимая помощь в лечении и бытовом устройстве. В отношении каждого будет рассмотрен вопрос о направлении на военную учебу, а отдельные из них в связи с тяжелыми ранениями и плохим состоянием здоровья, возможно, будут уволены в отставку.

На время пребывания в Москве генералы будут размещены в гостинице и обеспечены питанием.

2. Арестовать и судить 11 генералов Красной армии, которые оказались предателями и, находясь в плену, вступили в созданные немцами вражеские организации и вели активную антисоветскую деятельность...»

Второй список генералов Красной армии, находившихся в германском плену и доставленных в мае — июне 1945 года в Главное управление «СМЕРШ», включал следующих лиц:

«1. ПОНЕДЕЛИН Павел Григорьевич, генерал-майор, бывший командующий 12-й армией бывшего Юго-Западного фронта, 1893 года рождения, уроженец деревни Парниково Ивановской области, русский, из семьи крупного кулака, бывший член ВКП (б) с 1918 года, в 1937 году за притупление партийной бдительности Дзержинским райкомом ВКП (б) гор. Ленинграда ему был объявлен строгий выговор, в Красной армии с 1918 года.

Признался, что 7 августа 1941 года в районе гор. Умань изменил Родине, сдавшись без сопротивления в плен к немцам.

После пленения допрашивался германскими офицерами и фельдмаршалом Клейстом, которым выдал известные ему секретные данные о личном составе и вооружении войск 12-й армии и ее соседей.

В период пребывания в плену немцы изъяли у Понеделина дневник, в котором он излагал свои антисоветские взгляды по вопросам политики ВКП (б) и Советского правительства.

Так, Понеделин писал, что колхозное крестьянство, лишившись частной собственности, обнищало, вследствие чего к Советскому правительству относится недоброжелательно и поддерживать его в войне с немцами не будет.

В своем дневнике Понеделин также записал, что в 1937—1938 гг. производилось очищение страны от старых кадров, ко-

торые не соглашались с генеральной линией партии, при этом Понеделин характеризовал эти кадры с положительной стороны и указывал, что мероприятия Советского правительства в отношении этих людей были неправильны.

Кроме того, Понеделин в этом же дневнике высказывал пораженческие настроения.

Узнав о приказе Ставки Верховного Главнокомандования Красной армии об объявлении его изменником Родины, Понеделин в дневнике сделал запись, содержащую резкий выпад против товарища Сталина.

Высказывание антисоветских взглядов со стороны Понеделина подтверждают находившиеся вместе с ним в немецком плену генерал-лейтенант Музыченко И.Н. — бывший командующий 6-й армией, генерал-майор Скугарев И.М. — бывший командир 219-й стр(елковой) дивизии и генерал-майор Кириллов Н.К. — бывший командир 13-го стрелкового корпуса.

Будучи допрошен, Понеделин показал, что антисоветские настроения у него возникли еще с 1929 года, вследствие несогласия с политикой партии и правительства в области коллективизации сельского хозяйства.

Однако материалами следствия устанавливается, что Понеделин еще ранее проводил антисоветскую деятельность.

В конце 1941 года, когда Понеделин находился в немецком лагере военнопленных в гор. Ровно, представители германского генштаба предлагали ему поступить на службу к немцам, но это предложение он якобы не принял.

Приказом Ставки Верховного Главного Командования Красной армии № 270 от 16 августа 1941 года Понеделин объявлен как злостный дезертир, нарушивший присягу и предавший свою Родину, а Военной коллегией Верховного суда Союза ССР от 13 октября 1941 года заочно осужден к расстрелу.

Жена Понеделина — Понеделина Н.М. и его отец Понеделин Г.В. решением Особого совещания при НКВД СССР 12 октября 1941 года, как члены семьи изменника Родины, осуждены к 5 годам исправительно-трудовых лагерей.

2. АРТЕМЕНКО Павел Данилович, генерал-майор, бывший командир 27-го стр(елкового) корпуса быв(шего) Юго-Западного фронта, 1896 года рождения, уроженец гор. Сумы, украинец, бывший член ВКП (б) с 1925 года, в Красной армии с 1917 года.

Признался, что, являясь командиром корпуса, не обеспечил руководство подчиненными ему войсками, в результате чего они в первый же месяц войны попали в окружение войск противника

и были разгромлены, а сам Артеменко 27 сентября 1941 года близ деревни Семеновка Берзаринского района УССР сдался противнику в плен, не оказав при этом никакого сопротивления.

Находясь в плену, как признал Артеменко, он выдал немцам известные ему данные о войсках Красной армии и планы командования Юго-Западного фронта. Вместе с этим он сообщил немцам сведения о новых видах вооружения Красной армии и свои предположения о людских резервах Советского Союза.

Артеменко советовал немцам, как лучше организовать действия германских войск в борьбе против Красной армии, клеветал на Советское правительство, политико-моральное состояние советского народа и военнослужащих Красной армии, а также заявлял о неизбежном поражении СССР в войне с Германией.

Преступная деятельность Артеменко подтверждается заочными показаниями органами «СМЕРШ» показаниями Артеменко, которые он давал немцам на допросах, а также показаниями арестованного генерал-майора Будыхо А.Е. — бывшего командира 71-й стр(елковой) дивизии и свидетелей: генерал-майора Добросердова К.Л. — бывшего начальника штаба 37-й армии; генерал-майора Кириллова Н.К. — бывшего командира 13-го стр(елкового) корпуса и генерал-майора Абрамидзе П.И. — бывшего командира 72-й горно-стрелковой дивизии.

За измену Родине Артеменко 10 апреля 1942 года военным трибуналом Юго-Западного фронта заочно осужден к расстрелу.

3. ЕГОРОВ Евгений Арсеньевич, генерал-майор, бывший командир 4-го стр(елкового) корпуса 3-й армии быв(шего) Западного фронта, 1891 года рождения, уроженец гор. Киева, русский, быв(ший) член ВКП (б) с 1920 года, в Красной армии с 1918 года.

Признался, что в первые дни войны между Германией и Советским Союзом растерял подчиненные ему части корпуса и 29 июня 1941 года сдался в плен к немцам без сопротивления.

После пленения Егоров был помещен немцами в Хаммельсбургский лагерь военнопленных, где установил связь с изменниками Родины генералами Красной армии Трухиным Ф.И. — быв(шим) начальник(ом) оперативного отдела штаба Прибалтийского военного округа и Благовещенским И.А. — быв(шим) начальник(ом) училища противовоздушной обороны ВМФ в Либаве и принимал активное участие в проводимой ими антисоветской деятельности.

Собираясь вместе, как показал Егоров, они с антисоветских позиций обсуждали положение на фронтах и клеветали на Совет-

ское правительство, обвиняя его в неспособности организовать отпор наступающему противнику.

Егоров также признал, что под влиянием Трухина и Благовещенского он в сентябре 1941 года вступил в созданную немцами в Хаммельсбургском лагере военнопленных антисоветскую организацию “Русская трудовая народная партия” и впоследствии являлся членом комитета этой организации и председателем партийного суда.

В ноябре 1941 года Егоров участвовал в составлении обращения к германскому командованию, в котором группа предателей — бывших военнослужащих Красной армии просила разрешить им сформировать из числа военнопленных “добровольческие отряды” для вооруженной борьбы против Советского Союза.

Впоследствии при “Русской трудовой народной партии” под руководством Егорова был создан специальный штаб, занимавшийся антисоветской обработкой военнопленных и вербовкой их в так называемые “добровольческие отряды”.

Егоров признал, что за период существования возглавляемого им штаба в “добровольческие отряды” было завербовано около 800 человек.

Враждебная деятельность, проводимая Егоровым в период пребывания в плену у немцев, подтверждается показаниями арестованных генерал-майора Трухина Ф.И. — быв(шего) начальника оперативного отдела штаба Прибалтийского военного округа и генерал-майора береговой службы Благовещенского И.А. — быв(шего) начальника училища противоздушной обороны ВМФ в Либаве, а также свидетелей: генерал-майора Потапова М.И. — бывшего командующего 5-й армией; генерал-майора Абрамидзе П.И. — бывшего командира 72-й горно-стр(елковой) дивизии; генерал-майора Кириллова М.К. — быв(шего) командира 13-го стр(елкового) корпуса и генерал-майора Скугарева И.М. — быв(шего) командира 219-й стр(елковой) дивизии.

4. ЗЫБИН Ефим Сергеевич, генерал-майор, бывший командир 36-й кавалерийской дивизии быв(шего) Юго-Западного фронта, 1894 года рождения, уроженец села Васильевка Боринского района Воронежской области, русский, бывший член ВКП(б) с 1927 года, в Красной армии с 1918 года.

В 1922 году арестовывался Орловской губЧК за должностные преступления, в 1938 году арестовывался органами НКВД по подозрению в антисоветском военном заговоре, но за недостаточностью собранных улик из-под стражи был освобожден. Признался, что в плен к немцам сдался без сопротивления 28 августа

1941 года в районе дер. Клетное Волковысского района БССР, после того как растерял подчиненные ему воинские части.

Оказавшись в плену, выдал немцам известные ему секретные данные о частях Красной армии и впоследствии перешел к ним на службу, получив должность коменданта Хаммельсбургского лагеря военнопленных.

Находясь в этом лагере, как показал Зыбин, он в конце 1941 года установил связь с изменниками Родины генералами Красной армии: Трухиным Ф.И. — бывши(м) начальник(ом) оперативного отдела штаба Прибалтийского военного округа и Благовещенским И.А. — бывши(м) начальник(ом) училища противоздушной обороны ВМФ в Либаве, и вместе с ними проводил антисоветскую работу среди военнопленных. Зыбин клеветал на советский строй и руководителей Советского правительства, обвиняя их в неподготовленности страны к войне.

В ноябре 1941 года под влиянием своих враждебных убеждений Зыбин вступил в созданную немцами в лагерях антисоветскую организацию “Русская трудовая народная партия” и являлся инициатором формирования из числа военнопленных так называемых “добровольческих отрядов” для борьбы против Красной армии.

Зыбин признал, что обработал и завербовал для вражеской деятельности против СССР около 40 военнопленных — бывших военнослужащих Красной армии.

Антисоветская деятельность Зыбина подтверждается показаниями арестованных генерал-майора Трухина Ф.И. — бывшего начальника оперативного отдела штаба Прибалтийского военного округа и генерал-майора береговой службы Благовещенского И.А. — бывшего начальника училища противоздушной обороны ВМФ в Либаве, а также свидетелей: генерал-майора Самохина А.Г. — бывшего начальника 2-го управления Главного разведывательного управления Генштаба Красной армии; генерал-майора Герасимова И.М. — бывшего командира 146-й стр(елковой) дивизии; генерал-майора Артеменко П.Д. — бывшего командира 27-го стр(елкового) корпуса и генерал-майора Егорова Е.А. — бывшего командира 4-го стр(елкового) корпуса.

За измену Родине Зыбин 13 октября 1942 года Военной коллегией Верховного суда Союза ССР заочно осужден к расстрелу.

Жена Зыбина — Зыбина В.А. Особым совещанием при НКВД СССР 26 июня 1943 года, как член семьи изменника Родины, осуждена на 5 лет ссылки в Омскую область.

5. **КРУПЕННИКОВ** Иван Павлович, генерал-майор, бывший начальник штаба 3-й гвардейской армии быв(шего) Юго-Западного фронта, 1896 года рождения, уроженец гор. Москвы, русский, кандидат в члены ВКП (б) с 1942 года, в Красной армии с 1918 года.

Признался, что в декабре 1942 года в результате потери ориентировки оказался в расположении войск противника и, не желая рисковать своей жизнью, добровольно сдался в плен к немцам.

На допросах выдал немцам известные ему данные о расположении войск 3-й гвардейской армии, их вооружении, а также о подготовке резервов Красной армии.

В начале 1943 года, находясь в Летценском лагере военнопленных, по собственной инициативе поступил на службу в качестве преподавателя на созданные немцами курсы офицерского состава и пропагандистов так называемой “Русской освободительной армии”.

Кроме того, показаниями арестованного Никитина В.С. — бывшего командира 11-го стр(елкового) корпуса Крупенников уличается как участник антисоветского заговора в Красной армии, а агентурными материалами — в проявлении в период 1937—1941 гг. антисоветских настроений и восхвалении врагов народа.

Арестованный Никитин от своих показаний отказался и 20 июля 1939 года Военной коллегией Верховного суда СССР осужден к 10 годам лишения свободы.

Преступная деятельность Крупенникова в период его пребывания у немцев подтверждается показаниями генерал-лейтенанта Мазанова Л.А. — бывшего начальника артиллерии 30-й армии и генерал-майора Борисова М.Д. — быв(шего) командира 7-го кавалерийского корпуса, а также показаниями арестованных подполковника Ткачева И.М. — бывшего начальника штаба 33-й гвардейской стр(елковой) дивизии, подполковника Вольвача И.М. — быв(шего) начальника отдела боевой подготовки штаба 47-й армии и Калимбета Д.Е. — бывшего библиотекаря Летценского лагеря военнопленных.

6. **ЛАЗУТИН** Николай Георгиевич, комбриг, бывший начальник артиллерии 61-го стрелкового корпуса 13-й армии быв(шего) Западного фронта, 1901 года рождения, уроженец гор. Ленинграда, русский, член ВКП (б) с 1920 года. В 1933 году исключен из ВКП (б) за сокрытие социального происхождения. В Красной армии с 1919 года.

Находясь в лагере военнопленных в гор. Замостье, Лазутин в конце 1941 года установил связь с немцами, после чего был назначен комендантом блока (отделения) лагеря, где руководил полицией и выполнял указания немцев по созданию тяжелых условий содержания военнопленных в лагере.

Впоследствии Лазутин использовался немцами в должности коменданта и в других лагерях военнопленных.

Лазутин признал, что в Хаммельсбургском лагере подчинявшаяся ему полиция издевалась над советскими военнопленными, но он лично участия в этом не принимал.

Однако показаниями свидетелей: генерал-майора Носкова А.А. — быв(шего) командира 6-го кав(алерийского) корпуса, Герасимова И.М. — быв(шего) командира 146-й стрелковой дивизии, Добросердова К.Л. — быв(шего) начальника штаба 37-й армии, Скугарёва И.М. — быв(шего) командира 219-й стрелковой дивизии, Жигунова В.Б. — быв(шего) командира взвода, Игнатенко И.Я. — быв(шего) интенданта 2-го ранга и Куклина П.О. — быв(шего) ст(аршего) лейтенанта Красной армии, Лазутин уличается в том, что лично избивал советских военнопленных.

Так, быв(ший) командир взвода мл(адший) лейтенант Жигунов В.В. показал:

“С комбригом Лазутиным я содержался в лагерях военнопленных в Белоподлянке и Хаммельсбурге, где Лазутин исполнял должность коменданта блока (часть лагеря).

Будучи ставленником немцев, Лазутин зверски относился к советским военнопленным, часто применял физическое воздействие, наносил удары кулаками, особенно при построении на работу. Как комендант, был тесно связан с гестапо и часто посещал его”.

7. САМОХИН Александр Георгиевич, генерал-майор, бывший начальник 2-го управления Главного разведывательного управления Красной армии, 1902 года рождения, уроженец станицы Сиротинской Сталинградской области, русский, член ВКП (б) с 1920 года, в Красной армии с 1919 года.

Показал, что, получив назначение на должность командующего 48-й армией, он 21 апреля 1942 года на самолете “ПР-5” вылетел в штаб бывш(его) Брянского фронта для получения указаний и вручения командующему фронтом пакета особой важности из Ставки Верховного Главного Командования.

В полете летчик Коновалов, потеряв ориентировку, уклонился от заданного маршрута, перелетел линию фронта и был сбит немцами перед передним краем их обороны.

После падения самолета Самохин пытался уничтожить пакет из Ставки, поджег его, но так как к нему приближались немцы, он бросил пакет в грязь, а поэтому не знает, попал ли он в руки противника.

Освобожденный из немецкого плена и допрошенный нами бортмеханик самолета, на котором летел Самохин, — воентехник 2-го ранга Корнилов Т.Н. подтвердил, что Самохин действительно жег какие-то документы.

После пленения Самохин был доставлен немцами в г. Орел, где у него были изъяты удостоверение личности, партийный билет, орденская книжка и написанная им брошюра “Тактика германской армии”.

Самохин показал, что по прибытии в г. Орел он был немцами подвергнут допросу, но никаких показаний о Красной армии якобы не дал.

Однако на следующий день после пленения Самохина командующий 2-й германской танковой армией (в районе которой был сбит самолет Самохина) генерал Шмидт издал приказ, в котором было сказано:

“За сбитие 21 апреля самолета и взятие в плен генерала Самохина я выражаю батальону благодарность.

Благодаря этому действию командование получило ценные данные, которые при известных обстоятельствах могут благоприятно повлиять на дальнейшее проведение операций”.

На последующих допросах в Главном управлении “СМЕРШ” Самохин сознался, что назвал немцам правильные фамилия ряда работников Генерального штаба Красной армии, как то: начальника Главного разведывательного управления генерал-майора Панфилова, начальника Оперативного управления Генштаба генерал-лейтенанта Бодина и начальника направления Оперативного управления Генштаба генерал-майора Шевченко. Кроме того, Самохин сообщил немцам структуру Главного разведывательного управления Красной армии, но, как он показал, эта структура не соответствовала действительности.

Самохин также показал, что, испугавшись возможных его допросов в гестапо, пытался подставить себя германской разведке для вербовки и последующей переброски в Советский Союз, где он имел намерение явиться с повинной, но немцы его предложение якобы отвергли.

На допросах Самохин ведет себя неискренне.

8. ПРИВАЛОВ Петр Фролович, генерал-майор, бывший командир 15-го стрелкового корпуса быв(шего) Юго-Западного

фронта, 1898 года рождения, уроженец села Смолевичи Клинцовского района Орловской области, русский, член ВКП (б) с 1919 года, в Красной армии с 1918 года.

На допросе показал, что 22 декабря 1942 года при поездке в дивизию в районе Кантемировка наскочил на немецкую засаду, был тяжело ранен и захвачен немцами в плен.

На допросе выдал немцам известные ему данные о формировании и организации химических войск Красной армии, а впоследствии якобы за антифашистские настроения был заключен немцами в тюрьму.

В марте 1943 года, находясь в Киевской тюрьме, изъявил добровольное согласие служить у немцев и получил назначение в немецкую особую кавалерийскую дивизию СС, где, по заявлению Привалова, якобы использован не был.

В июле 1943 года, как показал Привалов, при попытке к бегству он был арестован немцами и заключен в Берлинскую тюрьму, где подал на имя немецкой администрации заявление с просьбой освободить его из-под стражи, указав в своем заявлении, что “меня использовали, взяли, что нужно было, и бросили в тюрьму”.

Заявление Привалова на имя немцев изъято органами “СМЕРШ”.

Будучи допрошен по этому вопросу, Привалов заявил, что такое заявление он написал умышленно, с целью освобождения из немецкой тюрьмы.

9. БЕЛЕШЕВ Михаил Александрович, генерал-майор авиации, бывший командующий ВВС 2-й ударной армии быв(шего) Волховского фронта, 1900 года рождения, уроженец гор. Москвы, русский, член ВКП (б) с 1919 года, в Красной армии с 1919 года.

Показал, что в сентябре 1942 года, находясь в окружении войск противника, был захвачен немцами в плен.

После пленения Белешев был доставлен в лагерь военнопленных в гор. Винницу, где установил связь с изменником Родины Власовым и согласился служить в создававшейся немцами так называемой “Русской освободительной армии”, но, по неизвестным для него причинам, использован там не был.

Белешев сознался, что на допросе в разведотделе ставки германской армии он одобрил предложение немцев об использовании пленных советских летчиков для борьбы против Красной армии, после чего был назначен немцами на должность коменданта лагеря военнопленных в гор. Мариенфельд, где содержались военнослужащие частей ВВС Красной армии.

Арестованный бывш(ий) командир дивизии комбриг дивизии Бессонов показал, что в 1943 году при встрече с Белешевым в Мариенфельдском лагере последний высказывал пораженческие настроения и дал Бессонову согласие участвовать в подготавливаемом немцами авиационном десанте в тыл Советского Союза для проведения повстанческой деятельности.

Белешев показания Бессонова отрицает. Будучи комендантом этого лагеря, Белешев по заданию немцев вел антисоветскую обработку военнопленных и подготавливал их для участия в борьбе против Советской власти на стороне немцев.

В мае 1943 года, как показал Белешев, он якобы за попытку к бегству был снят с должности коменданта лагеря и заключен в крепость Вюрцбург, где содержался до дня освобождения его войсками союзников.

10. КИРИЛЛОВ Николай Кузьмич, генерал-майор, бывший командир 13-го стрелкового корпуса бывш(его) Юго-Западного фронта, 1897 года рождения, уроженец гор. Саратова, русский, бывший член ВКП (б) с 1931 года, в Красной армии с 1920 года, в прошлом депутат Верховного Совета УССР.

Показал, что 7 августа 1941 года в районе Умани попал в окружение войск противника и без сопротивления сдался в плен к немцам.

Находясь в плену, допрашивался германскими офицерами и, в частности, фельдмаршалом Клейстом, которые, как показал Кириллов, неоднократно предлагали ему подписать антисоветское обращение к военнослужащим Красной армии и вступить на службу в так называемую “Русскую освободительную армию”, но от этих предложений он якобы отказался.

Находившиеся вместе с Кирилловым в плену у немцев генерал-майор Абрамидзе — быв. командир 72-й горно-стрелковой дивизии, генерал-майор Герасимов И.М. — быв(ший) командир 146-й стр(елковой) дивизии, генерал-майор Скугарев И.М. — быв(ший) командир 219-й стр(елковой) дивизии, генерал-майор Добросердов К.Л. — быв(ший) начальник штаба 37-й армии и генерал-майор Потапов М.И. — быв(ший) командующий 5-й армией показали, что за время пребывания в лагерях Кириллов на службе у немцев не состоял.

Приказом Ставки Верховного Главного Командования Красной армии № 270 от 16 августа 1941 года Кириллов объявлен как злостный дезертир, нарушивший присягу и предавший свою Родину, а Военная коллегия Верховного суда Союза ССР 13 октября 1941 года заочно осудила к расстрелу.

Жена Кириллова — Кириллова Н.М., как член семьи изменника Родины, Военным трибуналом Приволжского военного округа 19 октября 1941 года осуждена на 5 лет ссылки в Красноярский край.

11. СИВАЕВ Максим Наумович, генерал-майор технических войск, бывш(ий) начальник военных сообщений 24-й армии бывшего Резервного фронта, 1891 года рождения, уроженец дер. Хлысты Ельнинского района Смоленской области, русский, член ВКП (б) с 1918 года, в Красной армии с того же года.

Показал, что 2 ноября 1941 года в районе дер. Старая Русса Сухиничского района, находясь в окружении войск противника, был захвачен немцами в плен.

На допросе в штабе германской воинской части Сиваев выдал немцам известные ему секретные данные о работе железнодорожного транспорта в СССР.

По показанию находившегося вместе с Сиваевым в германском плену генерал-майора Добросердова, — бывшего начальника штаба 37-й армии, устанавливается, что Сиваев, будучи в лагере военнопленных в Вульгайде, проходил обучение на курсах фашистских пропагандистов.

Будучи допрошен, Сиваев показал, что он действительно занимался на курсах фашистских пропагандистов.

21 декабря 1945 года. АБАКУМОВ».

Из названных 11 генералов 7 были необоснованно осуждены к расстрелу, один — к лишению свободы сроком на 25 лет, — пишет Н.Г. Смирнов в книге «Вплоть до высшей меры».

Понеделина и Кириллова «разместили» в тюрьме, в которой они, имея за плечами приговор о расстреле, в течение более пяти лет ожидали окончательного решения своей участи.

Формально по их делам проводилась дополнительная проверка. В результате этой проверки Главная военная прокуратура пришла к выводу, что имеются новые обстоятельства их преступной деятельности, которые не были учтены при вынесении им приговора 13 октября 1941 года.

2 августа 1950 года Военная коллегия Верховного суда СССР рассмотрела заключение Главного военного прокурора и приговор в отношении Понеделина и Кириллова отменила, а дело их направила на новое расследование, которое велось совсем недолго. Собственно, и расследовать-то было нечего. Уже 25 августа того же года Военная коллегия Верховного суда СССР рассмотрела по первой инстанции дело Понеделина и признала его виновным в том, что, оказавшись в окружении противника, он не проявил

необходимой настойчивости и воли к победе, поддался панике и 7 августа 1941 года, нарушив присягу, изменил Родине: без сопротивления сдался в плен немцам и на допросах сообщил им сведения о подчиненных ему войсках. Кроме того, Понеделину вменено в вину и то, что он в лагере военнопленных вел дневник, в котором делал записи клеветнического характера в отношении «одного из руководителей партии и Советского правительства» (имелся в виду, конечно же, Сталин).

В приговоре утверждалось, что Понеделин подвергал антисоветской критике политику советской власти в отношении коллективизации и делал в дневнике «другие подобные записи». Следует сказать, что многим арестованным вменялось в вину ведение дневников, в которых они выражали свое мнение и отношение к тем или иным событиям, давали им свою оценку. В тех же случаях, когда эти суждения и оценки не совпадали с официальной трактовкой соответствующих событий, авторы дневников признавались преступниками, по меньшей мере — лицами, ведущими антисоветскую агитацию.

В своем последнем слове в суде Понеделин сказал: «Я не был врагом народа и не способен им быть. Прошу вас вернуть меня к обществу, дать возможность работать и радоваться вместе с этим обществом». На основании ст. 58—1 «б» УК РСФСР он был приговорен к расстрелу и расстрелян.

В связи с жалобой жены Понеделина — Понеделиной Н.М. — вновь была проведена дополнительная проверка, которой установлено, что Понеделин сделал все возможное, чтобы прорваться из окружения. В плен он добровольно не сдавался.

Установлено также, что представители немецко-фашистского командования и действительные изменники Родины неоднократно пытались склонить Понеделина к борьбе против Советского Союза, но он постоянно отвергал эти предложения.

Так, небезызвестный генерал Власов на допросе 25 мая 1945 года показал: «В беседе Понеделин на мои предложения принять участие в работе по созданию русской добровольческой армии наотрез от этого отказался...»

29 февраля 1956 года Военная коллегия Верховного суда СССР отменила приговор от 25 августа 1950 года по вновь открывшимся обстоятельствам и дело в отношении Понеделина прекратила за отсутствием в его действиях состава преступления.

Генерал-майор Кириллов был также в 1956 году реабилитирован. По определению Военной коллегии Верховного суда СССР от 29 февраля 1956 года дело в отношении Н.К. Кириллова было

прекращено «за отсутствием состава преступления», поскольку находившиеся вместе с Кирилловым в плену пояснили, что Кириллов на службе у немцев не находился, ничем себя не скомпрометировал.

Единственным «доказательством» вины Кириллова явился приказ Ставки Верховного Главнокомандования Красной армии № 270 от 16 августа 1941 года, где он был объявлен злостным дезертиром, предателем.

Генерал-майор Привалов Петр Фролович до 27 ноября 1951 года содержался в тюрьме.

По его делу следствие велось почти 6 лет. 51 раз выносились постановления о продлении срока следствия, а с 1 января по 10 октября 1951 года он содержался под стражей без вынесения постановления о продлении срока следствия.

«27 ноября 1951 года Военная коллегия Верховного суда СССР, рассмотрев дело Привалова, признала его виновным в совершении указанных выше действий и на основании ст. 58—1 «б» УК РСФСР приговорила Привалова к расстрелу. Его ходатайство о помиловании было отклонено Президиумом Верховного Совета СССР, и 31 декабря 1951 года Привалов был расстрелян.

В судебном заседании Привалов не отрицал того, что он обращался к немецкому командованию с заявлением, в котором содержалась просьба направить его на службу в немецкую армию. Но делал он это с единственной целью: таким путем вырваться из плена и перейти на сторону Красной армии. В немецкой армии не служил, ни в каких карательных операциях не участвовал и других действий, вменявшихся ему в вину, не совершал. Он предпринимал попытки связаться с партизанами, пытался перейти к ним, но сделать этого не удавалось, потому что всякий раз его задерживали немцы и заключали в тюрьму.

В результате изучения дела Привалова в Верховном суде СССР в октябре 1967 года установлено, что показания, данные Приваловым в судебном заседании, ничем не опровергаются, напротив, они подтверждаются имеющимися в деле доказательствами. Был внесен протест в пленум Верховного суда СССР, который и был рассмотрен 18 марта 1968 года. Состоявшийся в отношении Привалова приговор отменен, и дело о нем прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления».

Генерал-майор Крупенников Иван Павлович был расстрелян на основании приговора Военной коллегии Верховного суда СССР от 28 августа 1950 года.

«Военная коллегия Верховного суда СССР признала Крупенникова виновным в измене Родине, выразившейся в том, что он сдался в плен противнику с имевшимися у него оперативными документами. На допросах у немецкого командования выдал данные о подготовке резервов Красной армии и давал советы, как лучше организовать управление на территории, оккупированной немецкими войсками. Кроме того, указывается в приговоре, Крупенников “возводил клевету на руководителя ВКП (б) и Советского правительства”, на внешнюю и внутреннюю политику Советского Союза.

Дополнительной проверкой, проведенной по делу Крупенникова, установлено, что в плен он не сдавался, а был пленен при обстоятельствах, лишивших его возможности оказать какое-либо сопротивление. Оперативные документы немцы забрали не у него, а у убитых начальника штаба Юго-Западного фронта генерал-майора Стельмаха и адъютанта последнего — лейтенанта Крупенникова Юрия (сына генерала Крупенникова).

После пленения Крупенников все время содержался в лагере военнопленных. Сколько-нибудь объективных, убедительных доказательств, свидетельствующих о совершении Крупенниковым вмененных ему в вину действий, которые бы давали основание квалифицировать их как измену Родине, по делу не установлено. Предварительное следствие проведено необъективно, с грубым нарушением норм уголовно-процессуального законодательства.

В своем последнем слове в судебном заседании Крупенников заявил: “Как был советским человеком, так и остался”.

Рассмотрев 8 июня 1957 года заключение Главного военного прокурора, Военная коллегия Верховного суда СССР состоявшийся в отношении Крупенникова приговор отменила по вновь открывшимся обстоятельствам и дело о нем прекратила за недоказанностью обвинения».

Генерал-майор технических войск Сиваев Максим Наумович, как было установлено дополнительной проверкой, был привлечен к уголовной ответственности, а затем и осужден необоснованно.

«В плен он не сдавался, а был пленен при обстоятельствах, исключавших возможность оказания сопротивления противнику. Не обучался он и на курсах пропагандистов. Установлено, что Сиваев, находясь в лагере военнопленных, по приказу немецкого командования посещал, как и другие военнопленные, лекции антисоветского содержания, но потом отказался, после чего был переведен в другой лагерь. Не подтверждено и обвинение Сивае-

ва в выдаче немцам секретных сведений, поскольку к моменту его допроса указанные выше сведения не являлись секретными.

Допрошенные в ходе дополнительной проверки генералы Музыченко И.Н., Лукин М.Ф., Прохоров И.П. и Мельников И.И., находящиеся вместе с Сиваевым в немецком плену, охарактеризовали его как преданного Советской Родине генерала.

19 января 1957 года Военная коллегия Верховного суда СССР, рассмотрев заключение, составленное в порядке ст. 373 УПК РСФСР, приговор в отношении Сиваева отменила по вновь открывшимся обстоятельствам и дело прекратила за отсутствием в его действиях состава преступления».

Комбриг Лазутин Николай Георгиевич был расстрелян на основании приговора Военной коллегии Верховного суда СССР от 26 августа 1950 года.

«После смерти Сталина было установлено, ...что Лазутин в плен не сдавался, никакого пособничества немцам в установлении жестокого режима в лагере советских военнопленных не оказывал, с гестапо не сотрудничал. Поэтому, рассмотрев 15 декабря 1956 года протест Генерального прокурора СССР, пленум Верховного суда СССР приговор в отношении Лазутина отменил и дело прекратил за отсутствием в его действиях состава преступления».

Генерал-майор Самохин Александр Георгиевич находился под следствием в течение 6 лет, и только 25 марта 1952 года дело по его обвинению было рассмотрено Военной коллегией Верховного суда СССР.

«Признав Самохина виновным в измене Родине, Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к лишению свободы сроком на 25 лет с конфискацией всего имущества. Самохина не расстреляли, но лишили свободы на максимальный срок, предусмотренный действовавшим в то время законодательством.

Немногим более чем через год заместитель Главного военного прокурора Советской Армии генерал-майор юстиции Китаев утвердил заключение, составленное в порядке, предусмотренном ст. 373 УПК РСФСР, в котором предлагалось приговор в отношении Самохина отменить и дело о нем прекратить ввиду необоснованного привлечения его к уголовной ответственности и осуждения.

В заключении отмечалось, что, оказавшись на территории, занятой немецкими войсками, Самохин принял все меры к уничтожению документов особой важности, пытался покончить жизнь самоубийством, но был захвачен немецкими солдатами. Эти об-

стоятельства подтвердили Коновалов — пилот подбитого самолета, на котором летел Самохин, борт-механик того же самолета Корнилов и плененный советскими войсками немецкий офицер Манн.

Относительно двух ответственных работников Генерального штаба Советской Армии Самохин лишь подтвердил то, что немцам уже было известно.

Плененные немецкие офицеры разведки и контрразведки обер-летенант Манн, полковники Пецольд и Шельдкнехт, которые в свое время допрашивали Самохина, рассказали, что он на допросах вел себя с достоинством, на их вопросы отвечал уклончиво, никаких данных, интересовавших немецкое командование, не сообщил, в момент пленения никаких оперативных документов у него не изымалось.

Ничем не опровергнуты утверждения Самохина о том, что предложение о сотрудничестве с немецкой разведкой он делал с единственной целью — таким путем перейти на сторону советских войск.

Военная коллегия Верховного суда СССР, рассмотрев 28 июля 1953 года указанное выше заключение и согласившись с содержащимися в нем предложениями, приговор в отношении Самохина отменила и дело, по которому он был осужден, прекратила.

29 мая 1953 года Самохину вручена справка о его реабилитации.

После реабилитации Самохин в августе 1953 года зачисляется слушателем Высших академических курсов при Высшей военной академии. После окончания этих курсов назначается старшим преподавателем общевойсковой подготовки военной кафедры МГУ имени М.В. Ломоносова».

А.Г. Самохин умер в 1955 году.

Генерал-майор авиации Белешев Михаил Александрович был приговорен к расстрелу Военной коллегией Верховного суда СССР на основании ст. 58—1 «б» УК РСФСР.

«Как потом было установлено, Белешев осужден по сфальсифицированному в отношении него делу. Поэтому определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 4 июля 1957 года состоявшийся в отношении Белешева приговор отменен по вновь открывшимся обстоятельствам и дело прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления».

Генерал-майор Артёменко Павел Данилович. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 2 августа 1950 года приговор Военного трибунала Юго-Западного фронта был от-

менен, и дело направлено на новое расследование. Повторно осужден Военной коллегией Верховного суда СССР 26 августа 1950 года и приговорен к высшей мере наказания. В тот же день расстрелян.

В докладной записке начальник отдела боевой подготовки 40-й армии полковник Н.А. Никитин 28 февраля 1942 года заместителю начальника Главного управления кадров Красной армии полковнику Свиридову подчеркивал: «О бывшем командире 27-го генерал-майоре Артёменко П.Д. мне известно следующее: 26 сентября 1941 г., попав в тактическое окружение в районе села Семеновка Березанского района Киевской области, он сдался в плен фашистам вместе с группой командиров и бойцов. Группа состояла из следующих лиц: сын генерал-майора Артеменко Михаил был его адъютантом, бывший начальник снабжения корпуса майор Терпугов, бывший заместитель военкома корпуса старший политрук Воронин, “сестра” Тамара, фамилии ее не знаю (всегда ездила в машине Артёменко) и 4 красноармейца — шофер и трое из личной охраны Артеменко. Причина сдачи в плен, по словам этих трусов и предателей, — бесполезность жертвовать собой и терпеть лишения, т.к. положение безвыходное, добровольная сдача в плен гарантирует жизнь».

По заключению Главной Военной прокуратуры от 9 февраля 2001 года в реабилитации Артёменко П.Д. отказано. Обвинение и осуждение его было признано законным.

Генерал-майор Егоров Евгений Арсентьевич под следствием находился до 15 июня 1950 года. 15 июня 1950 года по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР лишен воинского звания, государственных наград, приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

О чем говорят эти факты? Прежде все о том, что карательные органы в то время выражали политику государства.

Нередко происходили и ошибки. Немало зависело также и от личности самого оперативного работника или следователя. С одной стороны, к генералам, вернувшимся из плена, отношение было предвзятое. С другой стороны, критическое отношение к первым лицам государства по тем временам служило страшным государственным преступлением. А уж те, кто попал в приказ Ставки ВГК даже по ошибке, вообще не могли рассчитывать на снисхождение. Приказ обратной силы не имел!

Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» вышел 17 сентября

1955 года. А секретное постановление ЦК КПСС и СМ СССР № 898—490 с «Об устранении грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей» было подписано лишь 29 июня 1956 года. Спустя почти год!

В нем говорилось: «Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР отмечают, что во время Великой Отечественной войны и в послевоенный период были допущены грубые нарушения советской законности в отношении военнослужащих Советской Армии и Флота, оказавшихся в плену или в окружении противника.

Советские воины в Великой Отечественной войне героически сражались с фашистскими захватчиками, честно и самоотверженно выполнили свой долг перед Родиной. Однако в силу тяжелой обстановки, сложившейся в первый период войны, значительное количество советских военнослужащих, находясь в окружении и исчерпав все возможности к сопротивлению, оказалось в плену у противника. Многие военнослужащие попали ранеными, контуженными, сбитыми во время воздушных боев или при выполнении боевых заданий в тылу врага.

Советские воины, оказавшиеся в плену, сохранили верность Родине, вели себя мужественно и стойко переносили тяготы плена и издевательства гитлеровцев.

Многие из них, рискуя жизнью, бежали из плена и сражались с врагом в партизанских отрядах или пробивались через линию фронта к советским войскам. Несмотря на это и в нарушение советских законов по отношению к бывшим военнопленным проявлялось огульное политическое недоверие, широко применялись необоснованные репрессии и незаконно ограничивались их права.

Военнослужащие, вышедшие из окружения, бежавшие из плена и освобожденные советскими частями, направлялись для проверки в специальные лагеря НКВД, где содержались почти в таких условиях, как и лица, содержащиеся в исправительно-трудовых лагерях.

Наряду с разоблачением некоторого числа лиц, действительно совершивших преступления, в результате применения при проверке во многих случаях незаконных, провокационных методов следствия было необоснованно репрессировано большое количество военнослужащих, честно выполнивших свой воинский долг и ничем не запятнавших себя в плену.

Семьи военнослужащих, попавших в плен, неправильно лишались весь период войны денежных пособий и других льгот,

независимо от причин и обстоятельств пленения этих военнослужащих.

Серьезным нарушением законности являлась практика разжалования без суда в рядовые офицеров, бывших в плену или окружении противника, и направления их в штурмовые батальоны.

Военнослужащие, совершившие героический побег из плена или показавшие образцы мужества и стойкости в период пребывания в плену, никак не поощрялись.

С 1945 года все освобожденные и репатриированные военнопленные, даже если на них не было никаких компрометирующих данных, сводились в батальоны и в порядке наказания направлялись для постоянной работы на предприятия угольной и лесной промышленности, находящиеся в отдаленных районах.

Органы госбезопасности в послевоенный период продолжали необоснованно привлекать к уголовной ответственности бывших военнопленных, причем многие из них были незаконно репрессированы. Широкое распространение получили различные незаконные ограничения в отношении бывших военнопленных и их родственников в области трудового устройства, общественной деятельности, при поступлении на учебу, при перемене местожительства и т.д.

Неправильное отношение к бывшим военнопленным сказывалось также при решении вопроса об их партийности. Многим членам КПСС, проявившим мужество и стойкость в боях с врагом и ничем не запятнавшим себя в плену, отказывали и нередко отказывают и теперь в восстановлении в рядах КПСС.

Грубые нарушения советской законности, допущенные по отношению к бывшим военнопленным, имели место прежде всего в результате преступной деятельности Берии, Абакумова и их сообщников, насаждавших массовый произвол и репрессии. Нарушителям законности способствовали также и пробелы в советском законодательстве по вопросу о военнопленных.

Все это в корне противоречит основам нашего социалистического строя, советской Конституции, ленинским принципам внимательного и чуткого отношения к советским людям. Допущенные нарушения наносят большой морально-политический ущерб нашей партии и государству. Обстановка недоверия и подозрительности по отношению к бывшим военнопленным порождает среди них и членов их семей настроения обиды и недовольства. Такое отношение к бывшим военнопленным широко используется врагами нашего государства в пропаганде среди советских граждан, еще находящихся за границей, с целью удержания их

от возвращения на Родину и вовлечения их в антисоветскую деятельность.

В целях устранения грубых нарушений советской законности, допущенных в отношении бывших военнопленных и членов их семей, Центральный Комитет КПСС и Совет Министров Союза ССР постановляет:

1. Осудить практику огульного политического недоверия к бывшим советским военнослужащим, находившимся в плену или окружении противника, как противоречащую интересам Советского государства.

Обязать партийные, советские, профсоюзные, комсомольские и хозяйственные органы полностью устранить имеющие место в практике их работы разного рода ограничения в отношении бывших военнопленных и членов их семей, в частности:

а) рассмотреть вопрос о трудоустройстве указанных лиц и принять меры к предоставлению им работы по специальности;

б) не чинить им препятствий при поступлении в высшие и средние учебные заведения и на курсы.

2. ЦК компартий союзных республик, крайкомам, обкомам, горкомам, райкомам КПСС и Главному политическому управлению Министерства обороны СССР пересмотреть дела о партийной принадлежности бывших военнопленных, необоснованно исключенных из рядов КПСС в связи с пребыванием в плену.

3. Внести на рассмотрение Президиума Верховного Совета СССР вопрос о распространении действия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., на бывших военнослужащих Советской Армии и Флота, осужденных за сдачу в плен противнику, отбывших или отбывающих наказание.

4. Министерством юстиции союзных республик и Прокуратуре СССР при пересмотре судебных дел на бывших военнослужащих Советской Армии и Флота, находившихся в плену, выявить и обеспечить в законном порядке реабилитацию тех из них, которые попали в плен в условиях, вызванных боевой обстановкой, и необоснованно осуждены как изменники Родины.

5. Юридической Комиссии при Совете Министров СССР, Прокуратуре СССР и Министерству обороны СССР внести на рассмотрение Совета Министров СССР предложения о необходимых уточнениях и дополнениях статей Положения о воинских преступлениях, определяющих ответственность военнослужащего за сдачу в плен и за преступления, совершенные во время

пребывания в плену, не допуская при этом смягчения наказания за добровольную сдачу в плен.

6. Установить, что время пребывания в плену, в окружении и на спецпроверке, если пленение не было добровольным и если военнослужащий, находясь в плену, не совершил преступлений против Родины, засчитывается в срок службы в армии, а также в общий трудовой стаж работы.

7. Обязать Министерство внутренних дел СССР (т. Дудорова) и Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР (т. Серова) пересмотреть и отменить все ранее изданные НКГБ и НКВД приказы и инструкции в отношении бывших военнопленных, противоречащие настоящему Постановлению.

8. Министру обороны СССР (т. Жукову):

а) пересмотреть в персональном порядке все дела бывших военнопленных из числа офицеров, лишенных воинских званий без решения судебных органов, и во всех необходимых случаях восстановить их в офицерских званиях, а имеющим право на пенсионное обеспечение назначить пенсии;

б) представить к награждению бывших военнопленных, имеющих ранения или совершивших побег из плена, но не отмеченных правительственными наградами;

в) внести на рассмотрение Совета Министров СССР предложения о необходимых изменениях и дополнениях в Положение о денежном довольствии военнослужащих за время нахождения в плену, а также о пенсионном обеспечении этих военнослужащих и их семей;

г) рассмотреть вопрос о внесении в действующие уставы Советской Армии и Военно-Морского Флота соответствующих дополнений, определяющих отношение советского воина к плену.

9. Министерству культуры СССР (т. Михайлову) по согласованию с Министерством обороны СССР включить в тематические планы издательств, киностудий, театров и культурно-просветительных учреждений подготовку художественных произведений, посвященных героическому поведению советских воинов в фашистском плену, их смелым побегам из плена и борьбе с врагом в партизанских отрядах.

Публиковать в партийной, советской и военной печати статьи, рассказы и очерки о подвигах советских воинов в фашистском плену.

10. Обязать Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР через "Комитет за возвращение на Родину" и Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР

довести мероприятия Центрального Комитета КПСС и Советского Правительства, изложенные в настоящем Постановлении в отношении бывших военнопленных, до сведения советских граждан, находящихся за границей, с целью ускорения возвращения их на Родину...»

В сущности, этим постановлением советское правительство признало несправедливость и, если хотите, предвзятость, проявленные к бывшим военнопленным, большинство из которых действительно не сдавались в плен добровольно, да и в плену вели себя должным образом. Однако почему их тогда уравнили (амнистией) с участниками немецких формирований, с полицейскими карателями, которых амнистировали еще раньше, — непонятно. Все дело в том, что председатель КГБ генерал Серов однажды сообщил в ЦК КПСС, что находящиеся на Западе «невозвращенцы» из числа бывших военнопленных и «остарбайтеров» могут быть использованы в качестве боевой силы в войне против СССР.

Именно с учетом его предложений и был принят Указ «Об амнистии...»

К бывшим же военнопленным этот указ не имел никакого отношения. Сам же факт публикации этого указа вызвал огромный поток обращений в высшие партийные и правительственные инстанции.

Собственно, а когда вообще возник этот вопрос?

«Поднявшись на вершину власти в гигантской стране, Хрущев, однако, чувствовал, что тень Сталина все время была с ним рядом, — напишет в книге “Семь вождей” Д.А. Волкогонов. — Действовала (хотя и не так свирепо, как раньше, а с оглядкой) “карательная система”, созданная “вождем народов”, запретной была правда о множестве политических процессов, прокатившихся по стране накануне и после войны, на многих вопросах внутренней и внешней политики СССР лежало сталинское табу. Хрущев многое знал о прошлом (он был его активным участником). Теперь оно его страшило. Он, именно он, должен был или сказать обо всем минувшем правду, или оставить все без изменения, как сложилось за треть века существования большевистского государства.

Приближалось время очередного, XX съезда партии. На пленуме ЦК решили его провести в феврале 1956 года. Рассматривая на заседании Президиума рабочие вопросы подготовки к первому после смерти Сталина всесоюзному форуму коммунистов, Хрущев предложил создать ряд рабочих комиссий по его подготовке. Возражений не последовало. Но когда первый секретарь заявил,

что было бы правильным “образовать и комиссию по расследованию деятельности Сталина”, его бывшие близкие соратники Молотов, Каганович, Ворошилов стали бурно возражать. Особенно активен был Молотов:

— Расследовать деятельность Сталина — это ревизовать итоги всего огромного пути КПСС! Кому это выгодно? Что это даст? Зачем ворошить прошлое?

Ему вторил Каганович:

— Сталин олицетворяет множество побед советского народа. Рассмотрение возможных ошибок продолжателя Ленина поставит под сомнение правильность всего нашего курса. Да нам просто скажут: а где вы были? Кто дал вам право судить мертвого?

Схватка была бурной. Хрущев ее погасил обещанием, что будут в самом секретном порядке рассмотрены лишь “нарушения социалистической законности”, в которых основная доля вины лежит на Берии. Пусть комиссия поработает, мы рассмотрим ее выводы, а затем уж решим, что с ними делать... На том 31 декабря 1955 года и порешили».

На утреннем заседании 25 февраля 1956 года Хрущев произнесет сенсационный доклад «О культе личности и его последствиях», который длился более четырех часов...

Не отсюда ли, где говорилось о репрессиях и о том, что именно Сталин ввел понятие «враг народа» (впервые этот термин использовал Ленин, заимствовав его у французских революционеров), власти были вынуждены обратиться и к вопросу бывших военнопленных, тем более что уже амнистировали и предателей.

Несколько позже будет создана комиссия под председательством министра обороны.

Уже в мае 1956 года маршалу Советского Союза Г.К. Жукову подготовили соответствующую речь, которая по неизвестным причинам не была ни прочитана, ни опубликована. С ней он должен был выступить на предстоящем Пленуме ЦК КПСС, где предполагалось вновь обсудить вопрос о культе личности Сталина. Судя по всему, прославленный полководец, как и многие другие, после Хрущева тоже не мог не удержаться, чтобы не отдать дань установленной моде...

Состояние и задачи военно-идеологической работы, по его мнению или тех, кто писал речь, оказались напрямую связанными с культом личности Сталина. Досталось здесь Сталину и за подготовку страны к обороне накануне войны. Однако более половины доклада занял вопрос «Об устранении неправильного от-

ношения к бывшим военнопленным, возвратившимся на Родину из фашистского плена».

Остановимся на нем подробнее:

«В идеологической работе нам нанесен большой морально-политический вред произволом бериевской шайки в отношении советских военнослужащих, которые в период Отечественной войны находились в плену у наших противников.

В силу обстановки, сложившейся в начале войны на ряде фронтов, значительное число советских военнослужащих нередко попадало в составе целых подразделений и частей в окружение и, исчерпав все возможности к сопротивлению, вопреки своей воле, оказалось в плену.

Многие попадали в плен ранеными и контуженными.

Советские воины, попавшие в плен, как правило, сохраняли верность своей Родине, вели себя мужественно, стойко переносили лишения плена, издевательства гитлеровцев, нередко проявляли подлинный героизм. Многие советские военнослужащие с риском для жизни бежали из гитлеровских лагерей и продолжали сражаться с врагом в его тылу, в партизанских отрядах или пробивались через линию фронта к своим войскам.

Однако как во время войны, так и в послевоенный период в отношении бывших военнопленных были допущены грубейшие извращения советской законности, противоречащие ленинским принципам и самой природе советского строя. Эти извращения шли по линии создания по отношению к ним обстановки недоверия и подозрительности, а также ни на чем не основанных обвинений в тяжких преступлениях и массового применения репрессий.

При решении вопроса о судьбе бывших военнопленных не принимались во внимание ни обстоятельства пленения и поведения в плену, ни факт бегства из плена, участие в партизанской борьбе и другое. Наши офицеры, попавшие в плен ранеными, мужественно державшиеся в плену, огульно лишались офицерского звания и без суда посылались в штрафные батальоны, наравне с лицами, совершившими преступления.

Некоторые советские и партийные органы до сих пор продолжают проявлять неправильное отношение к бывшим военнопленным, ничем себя не запятнавшим, относятся к ним с недоверием, устанавливают незаконные ограничения в отношении продвижения по службе, использования на ответственной работе, избрания депутатами в Советы депутатов трудящихся, поступле-

ния в высшие учебные заведения и другие, ущемляя их права и достоинство советских граждан.

Наиболее грубые извращения нарушений законных прав военнопленных были связаны с необоснованным привлечением их к уголовной ответственности. Значительное количество военнопленных, возвратившихся на Родину, было подвергнуто различным наказаниям, начиная со ссылки на спецпереселение и кончая высшей мерой наказания.

Советское законодательство предусматривает суровую ответственность за преднамеренную сдачу в плен, за сотрудничество с врагом и за другие преступления, направленные против Советского государства. Однако из советских законов не вытекает, что военнопленный, попавший в плен вследствие ранения, контузии, внезапного захвата и при других обстоятельствах, не зависящих лично от военнопленного, должен нести уголовную ответственность.

Незаконным репрессиям подвергались и те военнопленные, которые, помимо своей воли попав в плен, руководствуясь чувством воинского долга, бежали затем из плена и возвратились на Родину, проявляя при этом нередко личный героизм, подвергая свою жизнь опасности.

Приведу лишь два примера.

Капитан Фурсов Д.Т., член КПСС, в Советской Армии служил с 1929 года, в августе 1946 года был осужден к 8-ми годам лишения свободы, с поражением в правах на 3 года, с конфискацией имущества и лишением воинского звания “гвардии капитан”. Его обвинили в том, что он, находясь с конца 1941 года в плену, в феврале 1943 года добровольно поступил на службу в организованную немцами “офицерскую казачью школу”.

Что же установлено теперь? Капитан Фурсов, попав в окружение немецких войск, пытался выйти из окружения, но был ранен и оказался в плену у немцев. Не имея возможности бежать из плена, он решил поступить в “казачью офицерскую школу” с тем, чтобы бежать к партизанам. Получив в школе оружие, Фурсов 17 июня 1943 года вместе с группой курсантов этой школы в количестве 69 человек с оружием перешел к партизанам, захватив с собой находившихся в опьяненном состоянии начальника школы и командира эскадрона.

В партизанском отряде Фурсов был командиром отделения, а затем командиром диверсионной группы и выбыл из отряда в связи с ранением. После излечения в госпитале Фурсов продол-

жал служить в Советской Армии и активно участвовал в боях, был три раза ранен и награжден двумя орденами и медалью.

И вот этого отважного патриота, возвратившегося на Родину с победой над врагом, в 1945 году осудили и посадили в тюрьму.

Старший лейтенант Анухин Е.С., член КПСС, 31 марта 1950 года был осужден к лишению свободы на 25 лет якобы за то, что 9 августа 1944 года при выполнении боевого задания, когда самолет Ил-2, управляемый Анухиным, был сбит противником, а Анухин пленен, он на допросе в румынском штабе выдал сведения, составляющие военную тайну, сообщив противнику о летно-технических свойствах самолета.

Как теперь установлено, Анухин в плену у румын был всего 11 дней, а затем вместе с другими нашими военнослужащими бежал из плена и прибыл в свою часть. До конца войны он принимал активное участие в боях летчиком-штурмовиком, совершил 160 боевых вылетов, из них 120 вылетов после побега из плена. Трофейными документами установлено, что Анухин при допросе румынами гордо заявил, что война кончится победой Советского Союза, а Румыния станет свободным государством.

Через пять лет после войны, в которой Анухин принимал самое активное участие, он был осужден и посажен в тюрьму.

Нет необходимости доказывать, что с точки зрения подлинной советской законности расценивать в подобных случаях советских военнослужащих, попавших в плен к врагу, как изменников Родины, не было абсолютно никаких оснований. Не было оснований и для применения к ним каких-либо репрессивных мер.

Более того, советские военнослужащие, по не зависящим от них обстоятельствам попавшие в плен и затем бежавшие из плена на Родину, — достойны поощрения и правительственных наград. Такой порядок существовал даже при царском режиме и имел большое значение для воспитания народа, солдат и офицеров.

Некоторая часть военнослужащих, попав в плен и зная о неизбежности для них репрессий на Родине, естественно, не проявляла стремления к тому, чтобы бежать из плена. А по окончании войны угроза незаслуженных репрессий могла заставить некоторых военнослужащих отказаться от репатриации на родину. Неправильные действия местных органов власти, создание по отношению к бывшим военнопленным атмосферы недоверия порождают среди них, членов их семей справедливые настроения обиды, бесперспективности, ощущение неправомерности, отрицательно сказываются на их производственной, общественной деятельности.

Воспитывая военнослужащих в духе высокой стойкости, ненависти к врагу и презрения к плену, мы недостаточно популяризуем примеры доблестного поведения советских воинов в плену, примеры смелых побегов наших людей из плена.

Нужно снять с бывших военнопленных моральный гнет недоверия, реабилитировать незаконно осужденных, ликвидировать ограничения в отношении бывших военнопленных.

Товарищи! Культ личности причинил большой ущерб нашей военно-идеологической работе...»

И это должен был прочитать человек, который, будучи командующим Ленинградским фронтом, отправил в войска и на флот шифрограмму за № 4976 следующего содержания: «...Разъяснить всему личному составу, что все семьи сдавшихся врагу будут расстреляны и по возвращении из плена они также будут все расстреляны». А ведь тогда особо не разбирались, каким образом человек попал в плен!

Когда Жукову писали этот доклад, делалось это по указке сверху и совсем по другим причинам, нежели говорилось в тексте... Тем не менее только теперь власть признала великую несправедливость по отношению к бывшим военнопленным и они наконец-таки получили не просто реабилитацию, а полное освобождение!

ВЛАСОВЩИНА И МОРАЛЬ

Александр Исаевич Солженицын их жалел. И, безусловно, когда он написал о них в «Архипелаге», то был не просто услышан, но был понят... Западом.

«Что русские против нас вправду есть и что они бьются круче всяких эсэсовцев, мы отведали вскоре. В июле 1943-го под Орлом взвод русских в немецкой форме защищал, например, Собакинские выселки. Они бились с таким отчаянием, будто эти выселки построили сами. Одного загнали в погреб, к нему туда бросали ручные гранаты, он замолкал; но едва совались спуститься — он снова сек автоматом. Лишь когда ухнули туда противотанковую гранату, узнали: еще в погребе у него была яма, и в ней он перепрыгивался от разрыва противопехотных гранат. Надо представить себе степень оглушенности, контузии и безнадежности, в которой он продолжал сражаться.

Защищали они, например, и несбиваемый днепровский плацдарм южнее Турска, там две недели шли безуспешные бои за сотни метров, и бои свирепые и морозы такие же (декабрь 1943). В этом осточертении многодневного зимнего боя в маскхалатах, скрывавших шинель и шапку, были и мы и они, и под Малыми Козловичами, рассказывали мне, был такой случай. В перебежках между сосен запутались и легли рядом двое, и уже не понимая точно, стреляли в кого-то и куда-то. Автоматы у обоих — советские. Патронами делились, друг друга похваливали, матерились на замерзающую смазку автомата. Наконец совсем перестало подавать, решили они закурить, сбросили с голов белые капюшоны и тут разглядели орла и звездочку на шапках друг у друга. Вскочили! Автоматы не стреляют! Схватили и, мордуя ими как дубинками, стали друг за другом гоняться: уж тут не политика и

не родина-мать, а простое пещерное недоверие: я его пожалею, а он меня убьет.

В Восточной Пруссии в нескольких шагах от меня провели по обочине тройку пленных власовцев, а по шоссе как раз грохотала Т-тридцатьчетверка. Вдруг один из пленных вывернулся, прыгнул и ласточкой шлепнулся под танк. Танк увильнул, но все же раздавил его краем гусеницы. Раздавленный еще извивался, красная пена шла на губы. И можно было его понять! Солдатскую смерть он предпочитал повешению в застенке.

Им не оставлено было выбора. Им нельзя было драться иначе. Им не оставлено было выхода биться как-нибудь побережливее к себе. Если один “чистый” плен уже признавался у нас непрощаемой изменой родине, то что ж о тех, кто взял оружие врага? Поведение этих людей с нашей пропагандной топорностью объяснялось: 1) предательством (биологическим? Текущим в крови?) и 2) трусостью. Вот уж только не трусостью! Трус ищет, где есть поблажка, снисхождение. Во “власовские” отряды вермахта их могла привести только крайность, запредельное отчаяние, невозможность дальше тянуть под большевистским режимом да презрение к собственной сохранности. Ибо знали они: здесь не мелькнет им ни полоски пощады! В нашем плену их расстреливали, едва только слышали первое разборчивое русское слово из рта. (Одну группу под Бобруйском, шедшую в плен, я успеваю остановить, предупредить — и чтоб они переоделись в крестьянское, разбежались по деревням примачками.) В русском плену, так же, как и в немецком, хуже всего приходилось русским.

Эта война вообще нам открыла, что хуже всего на земле быть русским.

Я со стыдом вспоминаю, как при освоении (то есть разграбе) бобруйского котла я шел по шоссе среди разбитых и поваленных немецких автомашин, рассыпанной трофейной роскоши, — и из низинки, где погрязли утопленные повозки и машины, потерянно бродили немецкие битюги и дымились костры из трофеев же, услышал вопль о помощи: “Господин капитан! Господин капитан!” Это чисто по-русски кричал мне о защите пеший в немецких брюках, выше пояса нагой, уже весь искровавленный — на лице, груди, плечах, спине, — а сержант-особист, сидя на лошади, погонял его перед собою кнутом и наседанием лошади. Он полосовал его по голому телу кнутом, не давая оборачиваться, не давая звать на помощь, гнал его и бил».

Но почему же тогда их не только не жалели, но и ненавидели сами военнопленные, в прошлом «товарищи» по несчастью?

О подобном отношении вспоминал Ю.В. Владимир: «Я услышал еще об одном событии, происшедшем на шоссе примерно в километре от городка Хайденау. Рассказчик и его товарищи присели отдохнуть на обочине шоссе, а мимо шла большая колонна пленных власовцев — солдат и офицеров РОА. Увидев их, сидевшие повскакивали с мест, крича: “Вот они, сволочи, предатели Родины!” и бросились на них с палками и камнями, а один из бывших пленных выхватил из вещевого мешка немецкую гранату и, вытащив чеку, бросил ее в колонну. Гранатой убило несколько власовцев, многих ранило, в том числе двух конвоиров. Товарищи этих конвоиров, разозлившись, до крови избili прикладами автоматов обезумевшего “патриота”. В те дни не раз случалось, что офицеров и солдат РОА наши военнослужащие расстреливали на месте».

Бывший офицер РОА А.Г. Алдан так говорил о своем пребывании в Германии: «Все русские, т.е. остовцы и военнопленные, не то что не любили немцев, а ненавидели их острой ненавистью. Да и было за что. Эти люди на собственной спине убедились, что немцы никогда не могут быть друзьями русских».

А ведь именно власовцы сами дали Сталину повод увидеть причины власовщины прежде всего в том, что не все «враги народа» были выявлены до войны. Факты перехода на сторону врага, факты предательства тысяч бойцов и командиров (неважно по какой причине) убеждали вождя в необходимости усиления карательных акций.

К слову сказать, до сих пор сохранилось немало документов, устных распоряжений Сталина, записанных исполнителями, об ужесточении контроля над выходящими из плена, проведении целого ряда специальных мероприятий в прифронтовой полосе.

Можно предположить, что не было бы ужесточения, если не было бы власовщины.

«Власовщина как политическое явление явилась результатом ряда причин, — считал Д.А. Волкогон, — крупные неудачи на фронтах, отрывки национализма и социальной неудовлетворенности некоторых представителей (и их детей) привилегированных классов, страх перед возмездием, после того как некоторые не по своей воле оказались в плену. По мере роста отпора захватчикам случаем добровольного перехода на сторону врага становилось все меньше, а в конце 1942 года и в 1943 году фактически не стало».

Олеся Николаева — поэт, прозаик, эссеист в своей книге «Почелуй Иуды» называет XX век веком массового предательства и

богротступничества. О феномене такого явления, как предательство, она говорит следующее:

«Вопрос о предательстве есть вопрос антропологический. По христианскому вероучению человеческая природа испорчена грехопадением, и воля, которая принадлежит этой падшей природе, также утратила свою первоначальную цельность. Еще апостол Павел за два тысячелетия до нынешних психоаналитиков сокрушался: “Не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю”.

Поэтому и грех есть прежде всего ложное избрание воли, как писали Святые Отцы, “удобопреклонной ко греху”.

А предательство — всегда следствие порочного выбора лукавой воли.

Если покопаться в каждой отдельной истории человеческого предательства, мы найдем ее корни в каком-нибудь грехе — это может быть гордость или зависть, или сребролюбие...»

Достаточно точно мотив перехода к немцам назвал генерал Ральф фон Хайгендорф, сам в прошлом один из руководителей Восточных легионов вермахта: «Совершенно ясно, что основным мотивом для перехода к немцам был не идеализм, а материализм». Исходя из этого, он разделил состав «добровольцев» на три части: «материалисты», «оппортунисты» и «чистые идеалисты». Если первые имели чисто материальный интерес, то вторые просто поняли силу немецкого оружия, а третьи шли бороться за «идею». Но именно они считались у немцев численно наименьшей группой.

Другой исследователь коллаборационизма Вернер Вармбрунн выделил также три группы мотивов: предательство, приспособление и «резонный» (т.е. сотрудничество с врагом во избежание худшего развития событий или выбор из всех зол наименьшего).

Военный историк В.И. Семиряга квалифицирует явление коллаборационизма как «разновидность фашизма и практику сотрудничества национальных предателей с гитлеровскими оккупационными властями в ущерб своему народу и Родине».

Историк из Санкт-Петербурга К.М. Александров называет измену нестандартным и непривычным поведением человека в экстремальной ситуации.

«Власов совершил действительно гражданский поступок, — считает Александров, — он нашел в себе силы нарушить данную им присягу богоборческой и антинациональной сталинщине и стать знаменем для сотен тысяч людей, увидевших в Сталине большее зло, чем Гитлер».

Вы только вдумайтесь, что говорит этот специалист по проблематике антисталинского протеста в годы Второй мировой войны!

Но как быть, если Власов изменил не государству, а прежде всего своему народу и своему Отечеству?

«На должностях командующих общевойсковыми армиями в Отечественную войну побывали 183 человека, 22 из них погибли, несколько попали в плен, но, кроме Власова, ни один не перешел на службу к немцам, — писал В. Богомолов. — 16 общевойсковых армий попадали в окружение, при этом несколько командующих погибли, трое в последнюю минуту покончили жизнь самоубийством, но ни один не оставил в беде своих подчиненных...»

Всего же за годы Великой Отечественной войны во вражеский плен попало 80 советских генералов и комбригов, а два генерала оставались на временно оккупированной немецкими войсками территории, не вступая в контакт с оккупационными властями.

Из 80 генералов и комбригов, оказавшихся в плену, 23 генерала погибли там же в плену, 12 генералов и комбригов перешли на сторону противника.

Из числа возвратившихся на Родину 26 генералов были восстановлены в правах после проверки. И, несмотря на ошибки совершенно неизбежные при том режиме, тех законах и том менталитете власти и общества, тем не менее именно эти цифры отражают истинное отношение к бывшим военнопленным вообще.

Но дело в том, что К.М. Александров настолько пристрастен и неравнодушен к своему герою, которого он очень хочет оформить в национального, что абсолютно не желает замечать очевидного.

Например, пленение Власова он называет «случайным». Но оно никак не могло быть случайным, хотя бы потому, что сам генерал очень долго бродил в немецком тылу и прекрасно осознал, где он находится. Не мог не понимать Власов и всю перспективность своего дальнейшего «путешествия». Тем более, к своим он возвращаться, видимо, и не собирался.

Еще Александров отмечает, что «в судьбе и в нравственном выборе А.А. Власова решающую роль сыграл субъективный фактор. Не попади он в плен, его карьере надлежало, несомненно, успешно состояться, и мы бы узнали совсем другого генерала. Однако Бог каждому человеку предоставляет свой выбор».

С этим утверждением также трудно согласиться. Все дело в том, что должность командарма Власов исполнял по совместительству. С должности заместителя командующего войсками фронта его никто не снимал. Следовательно, даже не попади он в

плен; Власов вряд ли уже мог рассчитывать на должность выше командующего армией.

А может быть, и командира корпуса. Думаю, что и сам Власов прекрасно понимал, что его карьера закончилась, потому-то и не стал возвращаться к своим. Несмотря на всю трагедию Второй ударной армии, его личная трагедия заключалась в том, что он должен был там что-то изменить. А изменить он уже ничего не мог.

Доказывая недоказуемое достаточно пристрастно (это заметил не только я), Александров допускает немало ошибок, непрофессиональных профессиональному историку. Например, он пишет о тех, кто имел отношение к допросам и приговору Власову: «Кстати, позднее Ульрих, как и Абакумов, тоже был арестован и умер под стражей. В Российской Федерации не реабилитирован».

На всякий случай: Василий Васильевич Ульрих умер от инсульта 7 мая 1951 года в возрасте 62 лет. Похоронен на Новодевичьем кладбище. Последние три года занимал должность начальника Высших академических курсов усовершенствования при Военно-юридической академии.

Не будем судить солдат власовской «армии» по отдельности — среди них оказались не только банальные предатели, но несчастные, морально сломленные люди со сложнейшей личной судьбой. Но сам генерал Власов подлежит суду историческому, ибо взял на себя ответственность за других и предлагал им историческую цель. В истории он останется предателем. Не менее важно дать ответ поклонникам и адвокатам Власова из Русского зарубежья. Они желали победы оккупантам и поражения собственному правительству — точно повторяя подход и мышление В.И. Ленина в 1914-м. Протоиерей Александр Киселев из Русской зарубежной православной церкви, благословлявший этого генерала, в своей апологетической книге «Облик генерала А.А. Власова» не дает какой-либо убедительной аргументации для оправдания предательства. Похоже, священник тоже не различил государство — политический институт — и Отечество, которому угрожало исчезновение.

Военный корреспондент К. Токарев лично присутствовал на допросах Власова в Москве. Позднее он вспоминал: «Сокамерники завистливо удивлялись, как это ему удалось выпросить двойную норму питания.

— Мне голодно, я большой человек, — жаловался он надзирателям.

— Не большой, а прожорливый, — отмахивались они, Их начальник распорядился выдавать двойную пайку — “чтоб не скулил перед судом”.

Однажды Власов спросил у меня:

— Слушайте, какой это приказ Сталина был, что будто бы меня и после войны обязательно найдут и казнят? Вы читали такой?

— Не читал, — отвечал ему, — но слышал.

— Да ведь меня теперь весь мир знает! — восклицал Власов.

Возмездие привело его в камеру смертников, а он на что-то еще надеялся!

— А ведь, возможно, меня не расстреляют. Дадут этак лет двадцать пять — и порядок. Я же спас сотни тысяч русских военнопленных!

Ему напоминали о предательстве. Он возражал:

— Не то говорите, не то... В политике преступление — ерунда, важны результаты. Мой результат — спасение военнопленных от голода и унижения. Так что вспомнят и эту мою заслугу!

Возвращаясь с допросов, Власов злобно ругал своего следователя, которому сам же давал подробные показания, но не доверял его записям и придирчиво вчитывался в протокол, прежде чем подписать.

Однажды вернулся возбужденный и даже довольный.

— Нынче мне повезло, — сказал, подмигнув из-под окуляров. Оказывается, его привели к начальнику следственного управления. У входа на столике — большая пепельница с горкой окурков.

— Я их цоп и за пазуху, — похвалился “освободитель России”. Он рассортировал “бычки” по степени их пригодности и сказал: “Живем!”...

После сорокаминутной беседы Власова с Абакумовым начальник Внутренней тюрьмы полковник Миронов получил указание:

«На имеющуюся у Вас половину продовольственной карточки прошу включить на дополнительное питание арестованного № 31

Начальник следственного отдела ГУК “СМЕРШ”

Генерал-майор Леонов».

Собственно, это и был весь тот торг Власова со следствием, благодаря которому он вполне нормально питался и отвечал на все вопросы следователя. Поэтому применять к Власову какие-либо меры воздействия не пришлось. За «парцайку», за аромат-

ную папиросу, за чай с бутербродами в кабинете следователя Власов весьма охотно рассказывал и теперь был готов продать всех.

О судебном процессе над Власовым К.М. Александров, в частности, пишет: «Одно из серьезных заблуждений, препятствующих объективной оценке Власовского движения 1942—1945 гг., заключается в распространенном представлении о вине А.А. Власова и его поделщиков, якобы доказанной в судебном порядке в соответствии с действовавшим уголовным законодательством РСФСР. В результате московского судебного процесса 30 июля — 1 августа 1946 г. будто бы состоялось признание группы генералов и старших офицеров власовской армии виновными, а вынесение коллективного смертного приговора “обеспечило неотвратимость наказания за совершенные преступления”.

В действительности ни предварительного следствия, ни процедуры судебного разбирательства в общепринятом смысле по делу генерал-лейтенанта А.А. Власова и его поделщиков в 1945—1946 гг. не было. По отношению к участникам Власовского движения в 1945—1950 гг. в рамках фиктивного уголовного законодательства имели место физическая ликвидация или принудительное этапирование в исправительно-трудовые лагеря граждан Советского Союза, выразивших свой протест против репрессивной государственной политики путем участия в боевых действиях на стороне противника, так как никаким другим путем выразить этот протест им не представлялось возможным».

Я не буду излагать свое мнение на этот счет, тем более что, как и у Александрова, у меня нет юридического образования. Восполнить этот пробел я попросил специалиста — военного прокурора судебного отдела Военной прокуратуры Московского военного округа. Вот как прокомментировал приговор от 1 августа 1946 года по делу бывшего генерал-лейтенанта А.А. Власова и других полковник юстиции В.Ф. Алиферовец:

«С точки зрения общепринятой теории права, судебное разбирательство по делу Власова и других бывших советских военачальников, несомненно, проведено с грубейшим нарушением правовых норм, без соблюдения всех необходимых процедур, в т.ч. с игнорированием стадии судебного следствия, без участия защитников и прокурора. В этом смысле процесс над власовцами ничем не отличался от других аналогичных судебных процессов того времени, когда речь шла о привлечении к уголовной ответственности по небезызвестной 58 статье УК РСФСР.

Сегодня, наверно, любому, даже очень далекому от вопросов юриспруденции человеку, известно, что в те годы никакой состоя-

зательности и равенства сторон в судебном уголовном процессе не было, да и не могло быть по определению, в силу существовавшего в стране политического режима. Суд в подобных случаях руководствовался не стремлением к установлению истины, а указаниями лиц высших партийных органов и руководителей репрессивного аппарата. В данном случае, как это усматривается из документов служебной переписки, суд руководствовался указаниями Сталина и Абакумова.

Собственно говоря, приговор по делу был вынесен еще за неделю до начала судебного заседания. Это было сделано 23 июля 1946 года на заседании Политбюро во главе со Сталиным. В его решении были четко назначены и определены как сроки и форма предстоящего процесса, так и мера наказания всем подсудимым.

К слову сказать, советское уголовно-процессуальное законодательство того времени не было ориентировано на правовые системы наиболее развитых, демократических и цивилизованных стран. Поэтому в соответствии с отечественным Уголовно-процессуальным кодексом вполне допустимым являлось то, что суд, например, мог при рассмотрении дел о “контрреволюционных преступлениях” признать доказательствами протоколы допросов лиц, произведенных в ходе предварительного расследования, без их проверки в судебном заседании и даже без их оглашения. Свидетелей, по усмотрению суда, могли вообще не вызывать и не допрашивать. Таков был закон.

Вероятнее всего, что и методы, какими допрашивались обвиняемые по этому делу, были не самыми гуманными. Тем более, если принять во внимание то, что многие из оперуполномоченных и сотрудников следственного отдела ГУКР “СМЕРШ”, принимавших участие в расследовании уголовного дела, впоследствии были досрочно уволены из органов за нарушения социалистической законности, в т.ч. за применение пыток и истязаний, а кое-кто осужден и даже расстрелян во главе с самим министром госбезопасности Абакумовым В.С.

Вместе с тем, бесспорно, что Власов А.А. и его соратники по службе в стане врага заслуженно осуждены по инкриминируемым им статьям Уголовного кодекса. Их вина в совершении предательства и в измене Родине совершенно очевидна и ни у кого не вызывает сомнений. Доказательств тому превеликое множество, хоть они и не были должным образом и в полном объеме исследованы в суде. В связи с этим, назвать процесс над власовцами политическим (а кое-кто сегодня придерживается и такой точки зрения), а приговор в отношении них несправедливым было бы,

по меньшей мере, кощунственным. Они получили то, что заслужили».

Следовательно, даже если суд над Власовым и его поделельниками не признать законным, то не признать его справедливым невозможно.

...«Анализируя Русское освободительное движение, необходимо учитывать, что оно возникло до сдачи Власова в плен (12 июля 1942 года) и с самого начала уже имело довольно широкий характер», — считает А.В. Мартынов. Далее он пишет: «Другой немаловажный вопрос касается реальной силы, боеспособности РОА. Представляется, что немцы имели достаточные основания скептически относиться к своим русским союзникам».

Но, во-первых, невозможно точно оценить соотношение между людьми, вступившими в РОА и другие антибольшевистские формирования по убеждению, и солдатами и офицерами, спасавшимися от голодной смерти в лагере. К числу последних относился генерал Дмитрий Закутный, который, разочаровавшись в Освободительном движении, тем не менее оставался в нем до конца, боясь репрессий со стороны немцев и с грустью говоря о своем будущем после поражения Германии: “У меня на шее веревка болтается”...

Отдельно нужно иметь в виду людей, руководствовавшихся личной мезтью. Это, например, уже упоминавшийся Иван Кононов, потерявший в результате репрессий отца и трех братьев и считавший виновником своих бед «проклятого кровавого горного шакала Джугашвили-Сталина». Были у Власова и те, кто действовал исходя из карьерных соображений, как генерал Сергей Буняченко, говоривший духовнику штаба РОА Александру Киселеву зимой 1945 года: «А что мне будет, если я возьму Киев?»...

Впрочем, и убежденных антикоммунистов было среди власовцев немало. Именно антикоммунизмом можно объяснить тот факт, что в течение недели после публикации Пражского манифеста (18 ноября 1944 года) 60 тысяч человек направили заявления с просьбой принять их в РОА. Естественно, что большинство из них не надеялись на победу Германии. Имела место «вера в то, что союзники, покончив с Гитлером, повернут теперь на Сталина».

Нельзя точно определить среди власовцев не только число убежденных противников советского строя, но и сколько из них искренне верили, что нацизм является благотворительной альтернативой коммунизму, а сколько исповедовали либеральные цен-

ности. Начальник оперативного штаба власовской армии Андрей Нерянин (псевдоним А. Алдан) признает, что «абсолютное большинство бывших военнопленных, вступавших в РОА, чувствовало некий моральный гнет от факта “измены долгу присяги”, надевая форму РОА... у этих людей теплилась надежда на возможность возвращения на родину»...

Один из тех, кто был сначала солдатом, потом военнопленным, потом власовцем и, видимо, избежал наказания, остался на Западе, потом осел в Австралии, в 2001 году оставил свое «солдатское мнение» в Интернете:

«По законам тех времен, мы все (включая генералов) не имели права попадать в плен!

Мы были обязаны или “бросаться на амбразуры”, или застрелиться, сберегая для этого последний патрон. Это легко приказать, но не так просто выполнить! Более миллиона солдат Красной армии оказались в плену вследствие идиотского командования, неразберихи на фронтах или подавляющего преимущества сил противника. Как вы себе представляете этот миллион, один по одному (или всем вместе?) застреливающих себя “последним патроном” (которого иногда просто не было из-за плохого снабжения)?

Да, были люди, которые так и делали в пылу боя. Это делали те, кому грозил неминуемый расстрел по приказу “Верховного” за неисполнение “долга”, или те, кто по обстоятельствам верили, что им несдобровать в условиях плена. Но таких были единицы! Большинство, особенно когда пыл боя утих и надежда остаться живым не пропала, не застреливались, а хватались за эту надежду в ожидании подходящего момента для побега. Потом же, в уединении, с успокоившимися нервами и в ситуации обдумывания отказаться от своей жизни, скажем, очень трудно. Как поступили бы вы, оказавшись в таком положении? Короче: умирать не хочется никому!

Повального желанья воевать со своим народом у нас не было. Были такие, кто хотел отомстить за боль, страдания и унижения, перенесенные на своей же Родине, но и те всеми силами избегали “стрелять в простого солдата” и “приносить горе конкретной матери”. Хотя на Родине это было каждодневным событием по воле наших правителей. Да что таить, даже и сегодня человек ничего не стоит для правительства “Великой Страны”. (И я не намекаю на “заказные убийства”: это в порядке вещей!)

Солдаты генерала А.А. Власова слепо верили в то, что он спасет их от когтей “СМЕРШа” и уведет их под защиту Союзников.

...Та надежда, что “войну можно выиграть по телефону” (а это было в 1942 году), растворилась в воздухе уже после Сталинграда, введения жестокостей “заградотрядов” и открытия Второго фронта. Виноват в этом был Гитлер! Этот болван все еще надеялся на повторение своей “молниеносной войны” 1941 года и был против создания РОА (а тогда, в 42-м, было возможно собрать и вооружить десять—пятнадцать дивизий из военнопленных, которые гибли от голода в лагерях или уже были на учете вермахта как “добровольные помощники” (т.е. коноводы, кучера, водители машин, подносявшие снаряды или контейнеры с едой к передовой линии). Офицеры Дабендорфа объясняли нам, что мы не должны стрелять в своих, нужно только показать свою силу и убедить солдат Красной армии, сомневающихся в правоте большевизма (а их было тогда много), что надо повернуть оружие против правительства, которое закабалило Россию и впутало ее в эту кровавую войну, а потом расправиться с гитлеровской армией, которой никогда не хватит сил захватить нашу Родину и удержать ее в своих руках без согласия на то самого русского народа. Пускай это звучит наивно теперь! Но тогда эта идея была нашей “соломинкой” за которую мы и ухватились. Но было уже поздно! (Гитлер спас большевизм своим запретом на создание РОА в 1942 г.).

Я посетил Россию уже шесть раз. И мне досталось повстречаться с людьми (с орденами на груди), которые были согласны с нашей надеждой и планами освободить Россию от сталинского ига, а потом расправиться и с фашистами.

Но побежденный всегда виноват! Так случилось и с нами, не с “врагами Народа”, а с его сыновьями, от которых правительство этого народа отказалось по приказу Сталина.

Нужно ли еще добавить, что мы не чувствовали себя обязанными, а только отвергнутыми за то, в чем мы не были виноваты!»

В сущности, и Александр Исаевич Солженицын говорил о том же самом: «Если режим безнравствен, то свободен подданный от обязательств перед ним».

Отсюда возникает вопрос: могут ли власовцы, да и сам Власов считаться нравственными людьми? Ведь общество и народ — это вовсе не режим и не Сталин. Да и присяга, как официальное торжественное обещание, есть клятва соблюдать верность прежде всего своему народу, а значит — обществу, а не режиму.

Когда к генералу Деникину обратились за благословением власовской армии, то он воскликнул в гневе: «Я воевал с большевиками, но никогда — с русским народом! Если бы я мог стать ге-

нералом Красной армии, я бы показал немцам!» Для него «сохранение любимого Отечества для будущих поколений было выше желания увидеть при жизни крах ненавистного “режима”». Словом, желание оправдать власовщину есть прежде всего стремление к обесцениванию Великой Победы.

По утверждению психологов, как «само пленение, так и реальная возможность пленения» значительно увеличивают нагрузку на психику и уменьшают стрессоустойчивость военнослужащего. «Хронология двух последних мировых войн и последующих локальных вооруженных конфликтов подтверждает значимость фактора пленения в качестве важного элемента психологического воздействия на противника, — считает В. Малышев. — Накопленный в этот период опыт позволил специалистам сделать вывод о том, что успешным оказывается такое воздействие, которое направлено на наиболее злободневные и значимые элементы обыденного сознания военнослужащего.

Причем сама ситуация пленения (нахождения в плену) в значительной степени соответствует данному правилу. Во-первых, к военнослужащему приходит осознание возможности реального применения к нему издевательств или пыток; во-вторых, полная неопределенность своего будущего; в-третьих, абсолютная зависимость от противника и, наконец, возникающее чувство неполноценности или вины за “неумелое” поведение на поле боя, а также понимание возможного в связи с этим осуждения сослуживцев, избежавших подобной участи. (...)

Опыт войн и вооруженных конфликтов XX века подтверждает, что пропаганда плена выступает в качестве составной и одновременно заключительной фазы психологического воздействия с целью слома морального духа противника и побуждения его к прекращению вооруженного сопротивления. Наибольшую результативность такое воздействие приносит в случае, если были достигнуты положительные результаты на предшествующих этапах психологического противоборства, которые, как правило, осуществлялись по следующим направлениям: дискредитация военного и военно-политического руководства противника; разрушение образа врага; создание позитивного образа и отношения к своей стране и действиям своих войск; активизация стремления к уклонению от участия в боевых действиях, внушение страха и неуверенности перед будущим; демонстрация преимуществ собственного оружия, материально-технического обеспечения и т.д.».

Далее В. Малышев пишет: «В США тема пленных в настоящий момент выступает в качестве одного из культурных лейтмотивов, рассматривающего каждого оказавшегося в руках противника военнослужащего как сражающегося воина. Подобное отношение к военнопленным в США имеет свою предысторию. Во время войны в Корее 1950—1953 годов сдались в плен 7140 американских военнослужащих, что соотносительно с численностью войск США на Корейском полуострове непропорционально велико. Изучение причин такого явления выявило, что значительная часть американцев, подвергшись психологической обработке пропагандистских служб корейской армии, консультантами которых в основном выступали китайские специалисты, были склонны считать своего противника достаточно гуманным и рассматривали плен как способ сохранения собственной жизни. Однако впоследствии они убедились в том, что условия корейского плена оказались чрезвычайно тяжелыми. Из 7140 человек погибли 2702, в основном — от голода, холода, болезней и под пытками. Кроме того, все пленные подверглись усиленной психологической и идеологической обработке. Американский термин “промывание мозгов” появился именно в результате этой войны. В итоге, около 30 человек отказались вернуться в США.

Военно-политическое руководство Соединенных Штатов оперативно среагировало на факты массовой сдачи военнослужащих в плен в Корее, а также на связанную с этим потерю уважения к армии в обществе...

...по инициативе президента США Дуайта Эйзенхауэра в 1955 году был принят “Кодекс поведения” американских солдат, действующий как в мирное, так и в военное время. Согласно этому кодексу, пленные американские военнослужащие могут называть врагу только свое имя, воинское звание, личный номер и дату рождения и не имеют права “делать заявления, нелояльные к США”.

Принятие данного документа, а также продуманная интенсивная программа выработки моральной устойчивости военнослужащих на поле боя и верности присяге, показ всеми видами информации ужасов плена привели к тому, что уже в ходе вьетнамской войны, согласно официальным данным, в плен сдались лишь 589 американцев. В абсолютных величинах это в 12 раз меньше, чем в Корее, хотя война продолжалась в три раза дольше, и через нее прошло более трех миллионов американских солдат. (...)

8 ноября 1985 года в США была учреждена медаль “За достойную службу в плену”, которой награждаются все военнору-

ПЛЕН. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В НЕМЕЦКИХ ЛАГЕРЯХ

жащие и лица вольнонаемного состава армии, плененные во время выполнения боевого задания или при выполнении служебных обязанностей. Для награждения этой медалью способ освобождения из неволи не имеет значения, но если будет доказано, что, находясь в плену, военнослужащий сотрудничал с противником или нарушил “Кодекс поведения”, то он может быть лишен этой награды.

Не без влияния событий второй военной кампании в Ираке президентом США весной 2003 года было объявлено о создании нового государственного праздника — Дня памяти американских военнопленных. Начиная с 2003 года 9 апреля в США становится национальным праздником. Ежегодно в этот день, согласно тексту подписанной президентской прокламации, “страна отдает дань уважения бывшим военнопленным”, а на Белом доме вывешивается специальный флаг, созданный как символ признания заслуг этих военных».

«Только к началу XX века появилось международное законодательство (в частности, Гагская конвенция “О законах и обычаях войны” 1907 года, а также Женевские конвенции 1929 и 1949 годов “Об обращении с военнопленными”), в соответствии с которым военнопленные получили определенные права, а пленившая сторона — определенные обязанности, — заключает В. Малышев. — Вместе с тем, как продемонстрировали войны и военные конфликты последних десятилетий, эта правовая система, ставшая частью военной культуры, даже в Европе зачастую оказывалась недееспособной. В других регионах мира жестокость по отношению к военнопленным все еще остается реалией войны».

ПРИЛОЖЕНИЕ

*Ставка верховного главнокомандующего 12 мая 1941 г.
Совершенно секретно (для высшего командования)*

ЗАМЕТКИ ДЛЯ ДОКЛАДА

I. ОКХ предложило проект...

Директива относительно обращения с ответственными политическими работниками и тому подобными лицами во исполнение задания, данного 31 марта 1941 г.

Этот проект предусматривает следующие моменты:

1. Ответственные политические работники и политические руководители (комиссары) должны устраняться.

2. Поскольку они будут захватываться войсками, решение о том, должны ли они устраняться, принимается офицером, имеющим право накладывать дисциплинарные взыскания. Для решения достаточно установления того, что данное лицо является руководящим политическим работником.

3. Политические руководители в войсках не считаются пленными и должны уничтожаться самое позднее в транзитных лагерях. В тыл не эвакуируются.

4. Технических руководителей хозяйственных учреждений и на производстве следует задерживать только в том случае, если они оказывают сопротивление германским вооруженным силам.

5. Эти мероприятия не должны мешать проведению военных операций. Планомерные операции по розыску и причесыванию проводятся позднее.

6. В тылу войск руководящих политических работников и комиссаров (за исключением политических руководителей в воинских частях) передавать специальным командам (эйнзатцкомандам) полиции безопасности.

II. В отличие от этого, памятка № 3 рейхслейтера Розенберга предусматривает, что следует уничтожать только крупных и высших руководящих работников, так как государственные, коммунальные, хозяйственные руководители нужны для управления оккупированными областями.

III. Поэтому требуется решение фюрера, какие принципы должны быть взяты за основу.

Предложение «Л» для раздела «II»:

1. Руководящие работники, которые будут выступать против наших войск, чего следует ожидать от радикальной части их, попадают под «Декрет об юрисдикции военных трибуналов на территории Барбаросса». Их следует уничтожать, рассматривая как партизан. Подобное же обращение предусматривает Директива о поведении войск в России...

2. Руководящие работники, не проявившие себя враждебно, могут быть пока оставлены. Трудно предполагать, чтобы войска были в состоянии различать служебные звания по отдельным секторам. Только при дальнейшем продвижении по стране можно будет принять решение о том, могут ли оставшиеся руководящие работники быть оставлены на месте или их следует передавать особым командам, поскольку войсковые части сами не в состоянии произвести расследование.

3. С политическими работниками в войсках следует обращаться в соответствии с предложением ОКХ. Они не считаются пленными и должны уничтожаться самое позднее в транзитных лагерях и ни в коем случае не должны отправляться в тыл...

Директива начальника вооружений сухопутных войск и командующего армией резерва начальникам управлений военных округов о расквартировании советских военнопленных. Гор. Берлин 17 октября 1941 г.

На совещании 19 сентября 1941 г. у начальника вооружений сухопутных сил и командующего армией резерва установлено, что путем постройки многоэтажных нар вместо кроватей в типовых бараках имперского трудового фронта можно поместить

150 военнопленных, а в стационарных бараках, построенных согласно типовому чертежу стационарного барака для советских военнопленных, можно постоянно содержать 840 человек.

Кроме того, недавно при осмотре одного из лагерей установлено, что в случае необходимости возможно путем удаления переборок, кроватей или нар разместить в типовых бараках имперского трудового фронта около 300 военнопленных; военнопленные должны при этом лежать на соломенной и тому подобной подстилке на полу.

Таким же образом путем удаления кроватей или нар из стационарных бараков для советских военнопленных, построенных по типовому чертежу, в них можно разместить 1200 военнопленных. В стационарных бараках, построенных по чертежу воинского наставления 38/12, можно таким же образом разместить 900 военнопленных. Изъятие переборок из бараков стационарного типа невозможно.

Подобный способ размещения является временной мерой и не будет применяться постоянно. Его следует предпочитать размещению под открытым небом, в убежищах или в землянках. Этот способ следует применять в случае необходимости, при поступлении большого количества советских военнопленных, пока не будет построено достаточное количество помещений.

По получению подписал — Шульце.

Из срочного письма министерства внутренних дел о погребении трупов советских военнопленных местными властями. Гор. Берлин 27 октября 1941 г.

В случаях, когда военные власти требуют захоронения трупов советских военнопленных, местные власти обязаны производить погребение немедленно после врачебного освидетельствования. Местным властям предоставляется решать, будут ли эти похороны производиться на существующих кладбищах или в других пригодных для этого местах...

Для врачебного освидетельствования необходимо привлечь военных врачей в случае, если это не представляет затруднений. По другим вопросам, если это целесообразно и возможно, следует в целях экономии также обращаться в военные учреждения, например, по поводу перевозки трупов (предоставление автомашин). Для перевозки и погребения гробов не требуется. Тела умерших следует заворачивать в плотную бумагу (по возможности, пропи-

танную маслом, смолой или асфальтом) или какой-либо другой подходящий материал. Перевозку и погребение производить незаметно. При одновременном поступлении многих трупов погребение производить в общей могиле. При этом трупы необходимо укладывать на обычной глубине рядом (но не друг на друга).

На кладбищах следует выбирать отдаленный участок. Украшения могил и совершения похоронных обрядов не допускать. При рытье новых могил следует соблюдать достаточную дистанцию от уже имеющихся...

Расходы должны быть сведены до минимума. Местные власти должны требовать их ежеквартального покрытия военной администрацией, в округе которой производятся погребения...

Из журнала боевых действий 1-й роты 13-го резервного полицейского батальона. Октябрь 1941 г.

Пятница, 3 октября 1941 г. 04 час. 00 мин. Рота выделила экзекуционную команду в составе 2 офицеров и 51 рядового, которая направлялась в лагерь военнопленных в Просткау. Команда прибыла в лагерь в 7 час. 50 мин. Расстрел 141 пленного был закончен в 11 час. 00 мин. В дополнение к этому в лагере военнопленных в Фишборне, у Иоганнисбурга, в 15 час. 30 мин. был расстрелян еще 51 военнопленный. Рота вернулась на квартиры в 19 час. 45 мин.

Четверг, 30 октября 1941 г. Рота выделила экзекуционную команду в составе 1 офицера и 50 рядовых под руководством оберлейтенанта Майера, которая в 7 час. 00 мин. явилась в распоряжение местного гестапо. Экзекуция была проведена в 10 км западнее Белостока, расстреляно 166 пленных. Экзекуция прошла без особых происшествий и была закончена в 9 час. 30 мин.

Из письма Розенберга Кейтелю о жестоком обращении с советскими военнопленными. Гор. Берлин 28 февраля 1942 г.

Имперское министерство по делам оккупированных восточных областей с самого начала своего существования считало, что большое число советских военнопленных является исключительно ценным материалом для пропаганды. Обращение с советскими военнопленными должно по ряду причин отличаться от обращения с военнопленными других государств:

1. Война на Востоке еще не закончена, и от обращения с военнопленными в значительной мере зависит желание сражающихся красноармейцев перейти на нашу сторону.

2. Германская империя имеет в виду оккупировать и в хозяйственном отношении развивать для своих целей по окончании войны большую часть территории бывшего Советского Союза...

3. Германия ведет борьбу против Советского Союза по идейным причинам. Большевизм должен быть свергнут и заменен чем-то лучшим. Поэтому военнопленные должны на собственном опыте убедиться, что национал-социализм хочет и может создать им лучшее будущее. Они должны со временем возвратиться на родину с чувством восхищения и глубокого уважения перед Германией и германскими порядками и таким образом стать пропагандистами в пользу Германии и национал-социализма.

Эта цель не достигнута. Напротив, судьба советских военнопленных в Германии стала трагедией огромного масштаба. Из 3,6 млн военнопленных в настоящее время вполне работоспособны только несколько сот тысяч. Большая часть их умерла от голода и холода. Тысячи погибли от сыпного тифа.

Само собой разумеется, что снабжение такой массы военнопленных продуктами питания наталкивается на большие трудности. Все же при ясном понимании преследуемых германской политикой целей гибели людей в описанном масштабе можно было бы избежать. По имеющимся сведениям, например, на территории Советского Союза местное население вполне готово доставлять военнопленным продукты питания. Некоторые благоразумные начальники лагерей с успехом пользуются этим. В большинстве же случаев начальники лагерей запрещали гражданскому населению доставлять продукты военнопленным и обрекали их на голодную смерть. Это не разрешалось даже при этапировании военнопленных в лагерях. Больше того, во многих случаях, когда военнопленные не могли на марше идти вследствие голода и истощения, они расстреливались на глазах приходившего в ужас гражданского населения, и трупы их оставались брошенными. В многочисленных лагерях вообще не позаботились о постройке помещений для военнопленных. В дождь и снег они находились под открытым небом. Им даже не давали инструмента, чтобы вырыть себе ямы или норы в земле. Систематическая дезинфекция военнопленных и самих лагерей, по-видимому, не производилась. Можно было слышать рассуждения: «Чем больше пленных умрет, тем лучше для нас...»

Приказ верховного главнокомандования вооруженных сил начальникам лагерей о клеймении советских военнопленных. Гор. Берлин 20 июля 1942 г.

1. Советские военнопленные должны быть заклеены особым знаком, не стирающимся в течение длительного времени.

2. Клеймо представляет собою острый, открытый книзу угол примерно в 45 градусов со стороны в 1 см, находящейся на левой ягодице на расстоянии ладони от межъягодичной щели. Оно должно наноситься при помощи имеющихся в каждой части ланцетов. В качестве краски следует употреблять китайскую тушь.

При клеймении придерживаться следующего способа.

Предварительно прокаленным ланцетом, смоченным в китайской туши, производить порез на поверхности натянутой кожи. Глубоких, кровоточащих порезов избегать. Ввиду того что в настоящее время еще нет достаточного практического опыта в отношении долговечности этих клейм, первое время следует проверять их наличие через 14 дней, 4 недели и четверть года и в случае необходимости обновлять...

3. Клеймение не является врачебным мероприятием. Поэтому немецкому санитарному персоналу, в силу недостатка в нем, оно поручаться не должно. Однако против проведения клеймения силами пригодного для этого санитарного персонала из числа советских военнопленных под врачебным наблюдением немцев возражений не имеется. Необходимо немедленно обучить необходимое количество таких вспомогательных сил практическому проведению этого мероприятия согласно настоящей инструкции.

4. В интересах скорейшего проведения клеймения затребовать ланцеты и китайскую тушь на санитарных складах, располагающих ими.

5. Нанесение клейм должно быть произведено:

а) советским военнопленным, которые будут вновь поступать на территорию, подчиненную военному командованию Остланда, Украины и генерал-губернаторства, — при первой дезинсекции, после мытья.

б) всем прочим военнопленным на территории, подчиненной верховному главнокомандованию вооруженными силами, до 30 сентября 1942 г.

Об исполнении донести верховному главнокомандованию вооруженными силами до 15 октября 1942 г.

6. Это мероприятие не должно мешать использованию военнопленных на работах, поэтому клеймение находящихся на ра-

ботах военнопленных должно производиться по возможности в помещениях рабочих команд или при очередной дезинсекции.

7. Первое клеймение военнопленного должно быть немедленно отражено в личной карточке по форме № 1, в графе «Особые приметы». Точно так же должно отмечаться каждое обновление клейма...

Циркуляр Бормана о более суровом обращении с военнопленными. Ставка фюрера 25 ноября 1943 г.

Отдельные управления областей в своих докладах неоднократно указывали на слишком снисходительное обращение охраны с военнопленными. Согласно этим докладам, органы охраны в некоторых местах превратились прямо-таки в покровителей и опекунов военнопленных.

Об этих докладах я сообщил верховному командованию вооруженных сил, указав при этом, что трудящийся немецкий народ абсолютно не понимает, как это в такое время, когда немецкий народ борется на жизнь или смерть, военнопленные — и, значит, наши враги — ведут лучшую жизнь, чем немецкий рабочий. Неотложной обязанностью каждого немца, который имеет дело с военнопленными, является: заставить их вкладывать полностью свои силы в работу.

Начальник по делам военнопленных при верховном командовании вооруженных сил издал теперь для начальников по делам военнопленных в военных округах ясный приказ, который прилагается в копии. Я прошу устно ознакомить с этим приказом всех руководящих работников партии.

Если и в будущем будут поступать жалобы о неуместном обращении с военнопленными, сообщать о них со ссылкой на прилагаемый приказ, в первую очередь — начальникам по делам военнопленных.

Борман.

Памятка-инструкция, предлагаемая командованием германской армии офицерам, воюющим на Восточном фронте. 1943 г.

Что особенно важно уметь в России?

Из заслуживающего внимания опыта одного офицера после боев на Восточном фронте

1. Быть охотником

Немецкий солдат в России не встречает равного себе культурного противника. Большим преимуществом большевика перед нами является его высокоразвитые животные инстинкты и его нечувствительность к плохой погоде и неблагоприятной местности. Кто хочет его победить, должен чувствовать себя в лесу и на болоте, как дома. Надо научиться ориентироваться ночью и в тумане так же хорошо, как и среди белого дня. Надо уметь выслеживать и ползать, как охотник, надо научиться находить себе пристанище в лесу. Поэтому тот, кто хочет воспитать в солдате борца против большевизма, должен отправиться с ним в любой болотистый лес и обучать его там днем и ночью, летом и зимой.

2. Уметь импровизировать

Большевик является мастером личной инициативы, он сбрасывает с парусных самолетов артиллерийские гранаты, он немедленно пускает в ход захваченное трофейное вооружение, снабжает воинские части, наспех составленные из колхозников, арбами и заставляет их находить для себя оружие в лесу. Он переправлялся на плотках через реки за неимением других способов переправы. Он бросает в бой резервы на насоро собранных грузовых машинах. Мы кое-чему у них научились. Летом мы моторизировали наши обозы, осенью мы продвигали их при помощи колонн носильщиков, зимой — на полозьях, весной — арбами.

Из фанерного листа мы строили передвижные зимние убежища. Упряжных лошадей при арбах мы сделали вьючными животными. Когда проездные дороги были в руках противника, мы строили бревенчатые настилы через болота.

3. Быть неутомимо деятельным

Русский сам по себе вовсе не отличается усердием, но система комиссаров не оставляет его в покое и выжимает из него все соки. Не проходит ни одного дня, когда русский не попытался бы продвинуться вперед, как бы он ни был слаб. Каждый день он работает над исправлением своих позиций, строит пути и укрепления там, где в данный момент не ожидается никаких военных действий. В свое время мы натолкнулись на сильные укрепления на востоке от Ленинграда, обращенные на восток. Следовательно,

Советы уже с самого начала войны считались с возможностью окружения этого города и приготовились к нему.

Немецкий солдат при длительной борьбе становится небрежным. Сколько крови можно было бы сохранить, если бы ежедневно работать над улучшением своих позиций. При этом благодаря ежедневной работе можно сделать свое помещение более сухим, удобным, уютным. Насколько можно сэкономить материала, если постоянно заботиться о машине.

Солдат в России должен уяснить себе, что устройство позиций не является признаком трусости перед обстрелом, а его прямой обязанностью.

4. Большевик воюет там, где это возможно, при помощи хитрости и коварства. Гибель подстерегает нас тысячами способами, начиная с русского гражданского населения, которому ни в коем случае нельзя доверять, каким бы безобидным оно ни казалось.

Пленные, в особенности молодое поколение, беззаветно преданы большевикам. Они способны на всякую низость. В бою мины, маскировочная одежда играют большую роль. Только тот, кто привык к неослабному вниманию, может избежать этих опасностей.

5. Уметь бодрствовать

Русский почти всегда нападает ночью, в тумане, и почти всегда ему удается захватить врасплох. На передней линии не остается ничего другого, как бодрствовать ночью и спать днем. При недостаточном наблюдении за местностью даже тыловые части могут поплатиться жизнью за свою небрежность. В России не существует понятий: «передовая линия» и «тыл» в широком смысле этого слова.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. АРХИВНЫЕ ФОНДЫ ДОКУМЕНТОВ (ОПУБЛИКОВАННЫХ И НЕОПУБЛИКОВАННЫХ)

Центральный Государственный архив Октябрьской Революции СССР

Фонд 9501, опись 5, дело 7, л. 22.

Фонд 7021, опись 65, дело 235, л. 42—50.

Фонд 7021, опись 94, дело 460, л. 57—58.

Фонд 7021, опись 102, дело 617, л. 3—4, 29—30.

Фонд 7021, опись 116, протокол 45.

Фонд 7021, опись 148, дело 12, л. 3—9.

Фонд 7021, опись 148, дело 156, л. 4—5.

Фонд 7021, опись 148, дело 186, л. 51 об, 58 об.

Фонд 7021, опись 148, дело 219, л. 4.

Фонд 7021, опись 148, дело 214, л. 74.

Фонд 7021, опись 148, дело 256, л. 196—197, 204—209, 229—233.

Фонд 7445, опись 2, дело 103, л. 137—144.

Фонд 7445, опись 2, дело 126, л. 132—134.

Фонд 7445, опись 2, дело 138, л. 180—182.

Фонд 7445, опись 2, дело 139, л. 97—98.

Фонд 7445, опись 2, дело 140, л. 7—8.

Фонд 7445, опись 2, дело 142, л. 81.

Фонд 7445, опись 2, дело 145, л. 145—146, 165—166.

Архив Президента РФ

Фонд 2, опись 1, дело 188, л. 4—30.

Государственный архив РФ

Фонд 5446, опись 52, дело 6723, л. 34.

Фонд 9408, опись 1, дело 1, л. 31—34.

Фонд 9526, опись 3, дело 53, л. 175.

Фонд 9526, опись 4 а, дело 1, л. 62, 70, 223—226.

Российский Государственный архив социально-политической истории

Фонд 83, опись 1, дело 18, л. 18—19.

Российский государственный военный архив РФ

Фонд 25147, опись 1, дело 77, л. 30—31, 121, 198.

Фонд 2997, опись 1, дело 33, л. 1—3.

Фонд 3096, опись 1, дело 57, л. 413—414.

Фонд 3096, опись 1, дело 69, л. 103.

Фонд 3096, опись 1, дело 83, л. 9, 17.

Фонд 3096, опись 1, дело 92, л. л.8.

Фонд 36862, опись 1, дело 13, л. 27—28, 40, 104.

Фонд 37837, опись 18, дело 823, л. 29—30, 92—93, 98, 101—103.

Учетно-послужная карта из коллекции РГВА.

Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ

Фонд 4, опись 1, дело 498, л. 63—64.

Фонд 14, опись 5, дело 1, л. 228—235.

Центральный архив Министерства обороны РФ

Фонд 7, опись 11250, дело 29, л. 37—38.

Фонд 32, опись 11306, дело 231, л. 354—363.

Фонд 40, опись 11549, дело 265, л. 325—326.

Фонд 236, опись 2727, дело 30, л. 180—182, 184.

Фонд 237, опись 2394, дело 1215, л. 417

Фонд 388, опись 8712, дело 1114, л. 28—30.

Фонд 388, опись 8714, дело 134, л. 177.

Фонд 1543529, опись л/д Власов Андрей Андреевич, л. 1—52.

Учетная карточка награжденного из коллекции ЦАМО.

Учетно-послужная карта из коллекции ЦАМО.

Федеральный архив Германии

RH—23/5—155, RH — 53—23/65; R—41/168; H — 3/729.

2. БИБЛИОГРАФИЯ

- Александров К.М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова. 1944—1945. СПб., 2001.
- Алиев Х.* Ключ к себе. М., 2008.
- Андреева Н.* Генерал Власов и Русское освободительное движение. М., 1993.
- Армстронг Д.* Украинский национализм. М., 2008.
- Бехтерева Н.П.* Магия мозга и лабиринты жизни. — М., СПб., 2007.
- Богомолов В.* Сердца моего боль. Т. 2. М., 2008.
- Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедия. СПб., 1890—1907.
- Бим-Бад Б.М.* Сталин. Исследование жизненного стиля. М., 2002.
- Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 1990.
- Волкогинов Д.* Сталин. Кн. 1, 2. М., 1996.
- Владимиров Ю.В.* Как я был в немецком плену. М., 2007.
- Владимов Г.* Генерал и его армия. М., 1997.
- Гофман И.* Власов против Сталина. М., 2005.
- Гофман И.* Сталинская война на уничтожение. М., 2006.
- Голованов А.Е.* Дальняя бомбардировочная. М., 2005.
- Гилязов И.* Легион «Идель-Урал». Казань, 2005.
- Гриф секретности снят. Статистическое исследование. М., 1993.
- Джанибекаян В.Т.* Провокаторы и охранка. М., 2005.
- Дробязко С.И.* Под знаменами врага. М., 2004.
- Иссерсон Г.С.* Новые формы войны. М., 1940.
- Исаев А.* Котлы 1941-го. М., 2006.
- Илизаров Б.С.* Тайная жизнь Сталина. М., 2002.
- Колесник А.* Мифы и правда о семье Сталина. Харьков, 1991.
- Командармы. Военный биографический словарь. М., 2005.
- Коняев Н.* Два лица генерала Власова. М., 2001.
- Карпов В.* Генералиссимус. Кн. 2. Калининград, 2002.
- Карпов В.* Маршал Жуков. Опала. М., 1994.
- Комментарий к Уголовному кодексу РФ. М., 1996.
- Комкоры. Военный биографический словарь. Т. 1. М., 2006.
- Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4 —11 февраля 1945 г.). Сборник документов. М., 1997.
- Ломагин Н.* Ленинград в блокаде. М., 2005.
- Логинов В.* Тени Сталина. М., 2002.

- Лехович Д.* Белые против красных. М., 1992.
- Млечин Л.* Адольф Гитлер и его русские друзья. М., 2006.
- Мельников Д., Черная Л.* Империя смерти. М., 1987.
- Мурин Ю.Г.* Иосиф Сталин в объятиях семьи. Источник. М., 1993.
- Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг. М., 2002.
- Мерецков К.А.* На службе народу. М., 1983.
- Михалков С., Михалков М.* Два брата — две судьбы. М., 2006.
- Микоян С.* Мы — дети войны. М., 2006.
- Нарочницкая Н.А.* За что и с кем мы воевали. М., 2007.
- Нюрнбергский процесс. Т. 3. М., 1966.
- Оувери Р.* Геринг — «Железный человек». Минск, 2003.
- Островский А.* Кто стоял за спиной Сталина. СПб.—М., 2002.
- Огненная дуга. Курская битва глазами Лубянки. М., 2003.
- Ортенберг Д.* Сталин, Щербаков, Мехлис и другие. М., 1995.
- Офицерский корпус и кадровые органы Вооруженных Сил России. М., 2003.
- Полян П., Поболь Н.* Сквозь две войны, сквозь два Архипелага. М., 2007.
- Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М., 1997.
- Радзинский Э.* Сталин. М., 1997.
- Работа штаба армии: Уч. пособие. М., 1938.
- Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль. М., 2004.
- Рубцов Ю.В.* Штрафники Великой Отечественной войны. М., 2007.
- Романько О.В.* Мусульманские легионы во Второй мировой войне. М., 2004.
- Русский корпус на Балканах 1941—1945 гг. М., 2008.
- Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.
- Соколов Б.* Красный колос. М., 2007.
- Современный толковый словарь русского языка. М., 2004.
- Сафир В.* Первая мировая и Великая Отечественная. М., 2005.
- Смыслов О.С.* Накануне 1941 г. М., 2007.
- Смыслов О.С.* Пятая колонна Гитлера. От Кутепова до Власова. М., 2004.
- Смыслов О.С.* Генерал Абакумов. М., 2005.
- Смыслов О.С.* Василий Сталин. Заложник имени. М., 2003.
- Сухомлинов А.* Василий, сын вождя. М., 2001.

Смирнов Н. Вплоть до высшей меры. М., 1997.

Советская военная энциклопедия. В 8 т. М., 1976—1980 гг.

Сталин И. Сочинения. В 18 т. Тверь, 2006.

Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. В 11 т. М., 1955.

Советский Союз на международных конференциях в период Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Т. 4. М., 1979.

Толстой Н. Жертвы Ялты. Париж, 1988.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.

Фест И. Гитлер. Триумф и падение в бездну. М., 2006.

Чуев С.Г. Спецслужбы III рейха. Кн. 1, 2. СПб., 2003.

Чуев С.Г. Проклятые солдаты. М., 2004.

Чуев Ф. Солдаты империи. М., 1998.

Черушев Н. 1937 год: Элита Красной армии на Голгофе. — М., 2003.

Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 3, 4. Минск — М., 2005.

Шелленберг В. Мемуары. М., 1991.

Штрик-Штрикфельдт. Против Сталина и Гитлера. М., 1993.

Яковлев А. По мощам и елей. М., 1995.

3. ИНТЕРНЕТ

База данных. Современная Россия. Пресса.

История Русского освободительного движения. Ответы на письма.

Мартынов А.В. Генерал Власов по обе стороны мифов.

Народ. Ру. Эта картина врезалась в память на всю жизнь.

Обрынба Н.И. Я помню. Воспоминания пехотинцев.

Пыхалов И. Правда и ложь о советских военнопленных.

Полян П. Советские граждане в рейхе: сколько их было.

Похлебкин В.В. Великий псевдоним.

Шнеер А. Плен.

Яковлев И.К. Мой рок в войне.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА.....	3
СОВЕТСКИЙ «ОПЫТ» ПЛЕНА ДО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	5
КОНВЕНЦИИ И ГЕРМАНСКАЯ ПОЛИТИКА	14
КОЛИЧЕСТВО ОТВЕРЖЕННЫХ	34
ТРАГЕДИЯ 1941 ГОДА	42
ВОЕННОПЛЕННЫЙ СЫН ВОЖДЯ	53
ТОВАРИЩ СТАЛИН: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ	69
КАК ПОПАДАЛИ В ПЛЕН	83
ЛАГЕРЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ (ШТАЛАГИ, ОФЛАГИ, ДУЛАГИ).....	99
ТРАГЕДИЯ ПЛЕНА.....	111
ЭТАПЫ СМЕРТИ	127
ОФИЦЕРЫ В ПЛЕНУ	147
ПСИХОЛОГИЯ ПЛЕНА	162
НА СЛУЖБЕ У ВРАГА	178
ПРЕДАТЕЛЬ ИЛИ ГЕРОЙ?.....	200
ГЕНЕРАЛ ВЛАСОВ (ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ).....	212

ВТОРАЯ УДАРНАЯ И ПЛЕН.....	245
ИЗ ПЛЕНА В ПЛЕН	311
ЯЛТИНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ, СОЮЗНИКИ И ПОСЛЕДНЯЯ ОПЕРАЦИЯ	345
ФИЛЬТРАЦИЯ, РЕПАТРИАЦИЯ, ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ И РЕАБИЛИТАЦИЯ	367
ВЛАСОВЩИНА И МОРАЛЬ.....	417
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	432
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	441

Научно-популярное издание

Вся правда о войне

Смыслов Олег Сергеевич

ПЛЕН

Жизнь и смерть в немецких лагерях

Выпускающий редактор *К.К. Семенов*

Корректор *Р.В. Зайнуллина*

Дизайн обложки *Д.В. Грушин*

Верстка *И.В. Левченко*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 29.10.2013. Формат 84×108 1/32.

Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 14. Тираж 3000 экз. Заказ № 7786.

Отпечатано в ООО «Тульская типография»

300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ВСЯ ПРАВДА О ВОЙНЕ

По подсчетам некоторых немецких историков, во Вторую мировую войну через немецкий плен прошло более пяти миллионов советских солдат, из них более половины погибли. Многие умерли от голода, холода и болезней или были расстреляны, немало погибло от непосильного труда на фабриках, строительстве дорог, заводах, каменоломнях, рудниках и шахтах. Тысячами умирали по прихоти озверевшего от повседневной скуки лагерного начальства или потому, что, в отличие от американских, британских и французских, советские солдаты считались военнопленными самой низшей категории, за гибель которых охрана практически не несла ответственности. Какие условия были приготовлены германским командованием для советских пленных? Как попадали в плен, как погибали или выживали в плену? Кто был виновен в жестоком обращении с военнопленными? Что ожидало вернувшихся из плена солдат на родине? Об этом и многом другом читатели узнают из новой книги О.С. Смыслова.

ISBN 978-5-4444-1599-3

9 785444 415993

